

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1900.

№ 18.

СЕНТЯБРЬ.—КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:

Стр.

- Слово въ день памяти и преставленія св. Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова. О благовоспитанности. *Епископа Сумскаго Имменція* I—VIII
- Религія, ея сущность и происхожденіе. Профессора Харьковскаго Унѣверситета, *Прот. Т. Буткевича* 319—340
- Сектантское движеніе на русокомъ сѣверѣ XIV вѣка по его происхожденію. *Е. Воронцова* 341—370
- Печалованіе древне-русскихъ пастырей за опальныхъ (окончаніе). *А. Волына* 371—394

II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:

- Истинная наука и ложныя притязанія современной учености (продолженіе). *Н. Н. Страхова* 241—264
- Избранные трактаты Плотина (продолженіе). Профессора *Г. В. Малеванскаго*. 265—274

III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе. Высочайшія награды.—Отъ Харьковскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта —Записка о засѣданіяхъ Харьковскаго Миссіонерскаго Совѣта 18—20 августа н. г. съ участіемъ священниковъ изъ зараженныхъ сектантствомъ оленей (продолженіе). В. Давыденко.—Педагогическіе курсы для учителей одноклассныхъ церковно-приходскихъ школъ въ г. Харьковѣ въ 1900 г. (продолженіе).—Епархіальныя извѣщенія.—Объявленіе.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленіе.—Отчетъ Харьковскаго Епархіальнаго Наблюдателя школъ церковно-приходскихъ и грамоты Харьковской епархіи въ учебно-воспитательномъ отношеніи за 1898—1899 г.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., д. № 17.

1900.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный. Въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзоръ замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ, все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе и менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣдѣнія мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти, церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №. Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 рублей, а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗРОЧКА ВЪ УПЛАТѢ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной Семинаріи, при свѣчной лавкѣ Харьковскаго Покровскаго монастыря; въ Харьковской конторѣ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи, контора В. Гиляровскаго, Столѣбниковъ переулокъ, д. Корзинкина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая, домъ № 16. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени».

Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884—1889 годы включительно по уменьшенной цѣнѣ, именно по 7 р. за каждый годъ; по 8 р. за 1890—1892 г., и по 9 р. за 1893—1896 годы.

Лицамъ же, выписывающимъ журналъ за всѣ означенные годы, журналъ можетъ быть уступленъ за 75 р. съ пересылкою.

Кромѣ того, въ Редакціи продаются слѣдующія книги:

1. „Живое Слово“. Сочиненіе преосвященнаго Амвросія. Цѣна 50 к. съ перес.
2. „Древніе и современные софисты“. Сочиненіе Т. Ф. Brentano. Съ французскаго перевелъ Яковъ Новицкій. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.
3. Справедливы ли обвиненія, взводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство?“ Сочиненіе А. Рождествина. Цѣна 60 к. съ пересылкою.
4. Последнее сочиненіе графа Л. Н. Толстого „Царствіе Вожіе внутри васъ“. Критическій разборъ. Цѣна съ пересылкою 60 коп.
5. „Цаиство, какъ причина раздѣленія Церквей, или Римъ въ своихъ сношеніяхъ съ Восточною Церковію“. Докторское сочиненіе о. Владимира Гетте. Переводъ съ французск. К. Истомина. Харьковъ. 1895. Ц. 1 р. съ перес.

πιστει νοοῦμεν.

Върою разумъваемъ.

Евр. XI.

Дозволено цензурою. Харьковъ, 30 Сентября 1900 года.

Цензоръ Протоіерей *Павелъ Солнцевъ.*

С Л О В О

въ день памяти и преставленія св. Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова ¹⁾).

Преосвященнаго Иннокентія, Епископа Сумскаго.

О благовоспитанности.

Прославляемый нынѣ возлюбленный ученикъ Христовъ указалъ намъ два основанія для религіозно-нравственной жизни по Христу. Эти основанія—вѣра во Христа и взаимная наша любовь. Вѣра въ Сына Божія, пришедшаго во плоти, крѣпкая и убѣжденная, какъ исповѣданіе, сильная и несокрушимая, какъ побѣда, побѣдившая міръ, должна одухотворять, по Богослову, всякаго сына свѣта и истины. Она вводитъ такого сына въ общеніе со Христомъ, указываетъ ему истину—въ Немъ Единомъ, соединяетъ съ Нимъ и даетъ совершенную радость (1 Посл. 1 гл. 3, 4 и 9 ст.). Этою живою вѣрою, если не исчерпывается, то устанавливается непосредственное духовное и таинственное общеніе между вѣрующимъ и предметомъ вѣрованія—Сыномъ Божиимъ, пришедшимъ во плоти.

Искупительная жертва Его почитается св. Апостоломъ наивысшимъ выраженіемъ любви. *О семъ познахомъ любовь, яко Онъ по насъ душу свою положи* (III, 16). Отсюда—ясный и правильный выводъ о необходимости взаимной любви между всѣми христіанами. Любовь Божественная, вознесенная ради насъ на крестъ, отданная на пропятіе—есть высшая грань дѣятельной любви, предѣлъ ея. Человѣку до нея никогда не возвыситься своими естественными силами. Ему остается лишь возможный, въ мѣру данныхъ силъ, путь подражанія. Чѣмъ? Взаимной къ ближнему своему любовью.

Возлюбленные, будемъ любить другъ друга (4 гл. 7 ст.). Этотъ завѣтъ св. Апостоль повторяетъ такъ часто, такъ убѣдительно, что понятіе любви въ нашемъ сознаніи невольно со-

¹⁾ Произнесено въ Харьковской Духовной Семинаріи 26 Сентября 1900 г.

единяется съ именемъ св. Іоанна, какъ Апостола и благовѣстника любви. Во взаимной любви вѣрующихъ онъ видитъ причину и источникъ ихъ братскаго по духу Христову единенія и нравственнаго усовершенія каждаго въ отдѣльности. Изъ любви по Апостолу истекають и ею образуются всѣ прочія высшія свойства нравственной природы человѣка, ихъ качество и степень высоты суть показатели степени силы и всеобъемлемости самой любви, какъ исходяща этихъ свойствъ. Изъ любви—стремленіе къ истинѣ и свѣту, изъ нея—соблюденіе заповѣдей, сознаніе грѣховности, необходимость очищенія, возможность сыновняго дерзновенія къ Богу,—отсюда благожелательность къ ближнему, помощь собрату своему, милосердіе о немъ, молитва за него *при грѣхѣхъ не къ смерти* (5 гл. 16 ст.).

Дѣйствительно, любовь, какъ начало источникое, творческое и созидающее, есть единственное и незамѣнимое. Она явилась въ устроеніи жизни первозданнаго человѣка; та же Божественная любовь содѣяла его искупленіе, спасеніе; она—же объединяетъ всѣхъ вѣрующихъ въ царствѣ Христовомъ.—Любовію совершается и ваше воспитаніе, возлюбленные,—это воздѣлываніе изъ васъ не только чадъ церкви, членовъ общества, но и наслѣдниковъ царства Христова. Подъ руководствомъ любящаго сердца матери вы воспріяли первыя впечатлѣнія Божьяго міра; заботливою попечительностью родителей посѣяны въ васъ первыя сѣмена нравственныхъ свойствъ; подъ невидимымъ для васъ дѣйствіемъ любви происходитъ ваше воспитаніе въ школахъ, направляясь не только къ обученію; но и къ достиженію того, *что называется благовоспитанностью въ юношѣ, благонаравіемъ въ немъ.*

Остановимся на этомъ качествѣ нравственнаго воспитанія. Въ старыхъ школахъ благовоспитанность или, что то же, благонаравіе цѣнилось очень высоко. Обыкновенно оно отмѣчалось особенною похвалою и не безъ достаточныхъ причинъ. Въ новой преобразованной школѣ все вниманіе отдано обученію, центръ школьной жизни и дѣятельности уроки, классы, задачи и успѣхи въ наукахъ. Нѣтъ мѣста здѣсь заботамъ о нравственномъ преуспѣяніи юноши, нѣтъ и времени для этихъ попеченій. А между тѣмъ, едва ли нужно доказывать, какъ важно и необходимо съ раннихъ лѣтъ въ юношѣ развивать и направлять весь складъ его нравственной природы въ сторону благовоспитанности и благонаравія.

Что же такое благовоспитанность? Было-бы ошибкою смѣшивать и отождествлять это свойство съ вѣншною выправкою, манерами и пріемами свѣтскаго обращенія. Это свойство внутреннее. Его можно назвать направлениемъ всѣхъ душевныхъ силъ человѣка въ одну опредѣленную сторону благожелательнаго отношенія къ ближнему своему. Это особый отпечатокъ, положенный волею Божіею на всѣхъ стремленіяхъ, помыслахъ и дѣйствіяхъ человѣка съ яснымъ знакомъ на немъ добра ближнему, а не зла ему, любви къ нему, а не ненависти, благожеланія, а не мести. Это особенное качество душевныхъ силъ, отличительная окраска ихъ въ особый тонъ и цвѣтъ неподдѣльнаго благорасположенія къ ближнему, снисходительности къ нему, уваженія къ его достоинству, добраго содѣйствія и помощи ему.—Благовоспитанность направляется къ лучшимъ свойствамъ души человѣческой; облагораживая и возвышая ихъ, она въ то же время мягкою и умѣлою рукою сдерживаетъ и подавляетъ проявленія худшихъ человѣческихъ склонностей. Не мсти, а прощай, не питай ненависти, а храни любовь, не злорадувай въ бѣдѣ, а сострадай—такожь путь этого воспитанія. Его цѣль—возвышеніе, облагороженіе и украшеніе человѣка лучшими сторонами его нравственной природы; его завершеніе, вѣнецъ—крѣпко заложенный въ душу человѣческую краеугольный камень неустаннаго нравственнаго совершенствованія по завѣту Христову.

Въ этой цѣли и направленіи своемъ благодѣаніе тѣсно соприкасается съ нравственнымъ характеромъ человѣка и лучшими движеніями его воли. При постепенномъ образованіи характера и окончательной выработкѣ его, оно имѣетъ очень важное значеніе, если пріобрѣтено съ дѣтскихъ лѣтъ. Какъ струя живой воды, оно вливается въ образующійся характеръ и даетъ ему добрый закалъ, твердость и устойчивость въ честномъ направленіи. Возникающія изъ нравственныхъ побужденій формы нравственнаго долга, права и обязанности, подъ воздѣйствіемъ нажитой благовоспитанности, придаютъ этому характеру крѣпость, непреклонность и силу неизмѣнной обязательности. Онѣ превращаются въ требованія, неисполненіе которыхъ или уклоненіе отъ нихъ для благовоспитаннаго человѣка становится нравственно—невозможнымъ. Что особенно важно въ такомъ развитіи характера подъ вліяніемъ благовоспитанности,—это нравственная цѣнность и высота того

содержанія, которое привходитъ въ формы долга и обязанности. Все честное, высокое, благородное, святое и истинное непременно находятъ здѣсь откликъ, такое или иное обнаруженіе въ обязанностяхъ.—То же слѣдуетъ сказать и относительно воли человѣческой. Если говорить, что для нея нуженъ выборъ мотивовъ, нѣкоторое колебаніе въ сторону тѣхъ или иныхъ изъ нихъ, иногда тяжелое и даже мучительное для человѣческаго сознанія,—то при благонаправномъ направленіи характера эта борьба значительно облегчается: лучшія и болѣе возвышенныя побужденія легко одерживаютъ перевѣсъ надъ злыми, узкими и своекорыстными, воля какъ-бы сама собою направляется въ сторону добра. Вотъ почему при воспитаніи, понимаемомъ въ смыслѣ непосредственнаго воздѣйствія одной воли на другую, необходимо позаботиться, ради направленія силъ воспитанника, чтобы воздѣйствующая и воспитывающая воля руководителя была непременно добрая, благонаправная.

Принятое житейское словоупотребленіе обыкновенно относитъ названное свойство къ числу внѣшнихъ. Оно принимаетъ за благовоспитанность внѣшнюю выправку человѣка, умѣнье его держать себя въ различныхъ случаяхъ и положеніяхъ, а иногда лишь искусно надѣтую личину благовоспитанности. Но изъ указаннаго выше значенія этого свойства въ развитіи душевныхъ силъ человѣка и образованіи его характера ясно само собою, на сколько ошибочно это принятое пониманіе его. Истинная благовоспитанность всегда скрыта внутри человѣка, ея окрашены и оттѣнены всѣ душевныя силы его; между тѣмъ, внѣшняя выправка—плодъ или наслѣдственности, или, что чаще всего, упражненія, привычки къ постоянному обращенію среди людей опредѣленнаго общества. Первая истинный залогъ добраго нрава и такого же характера человѣка; подъ второю можетъ скрываться и часто скрывается грубый эгоистъ, своекорыстный и даже звѣро-нравный. На сколько одна увлекаетъ и прельщаетъ насъ своей искренностью, неподдѣльностью, естественностью, на столько другая возбуждаетъ только наше вниманіе и иногда удивленіе лишь своею ловкостью и находчивостью.—Но было-бы также ошибочно думать, что благовоспитанность и благонаравіе не имѣютъ для себя внѣшняго выраженія: какъ всѣ внутреннія движенія души человѣческой неизмѣнно, по опредѣленнымъ законамъ, проявляются во внѣ и по симъ проявленіямъ познаются,—такъ точно по внѣшнимъ обнаруженіямъ познается и

благонравное направленіе человѣка. Оно отпечатлѣвается въ кротости, скромности, нѣкоторомъ смиреніи, воздержности и осторожности въ словахъ и поступкахъ и другихъ пріятныхъ чертахъ внѣшняго поведенія воспитаннаго человѣка.

Укажемъ нѣкоторыя подробности этого поведенія людей воспитанныхъ въ отношеніи себя самихъ и ближняго своего. Въ большинствѣ они строги и требовательны къ себѣ. Для нихъ жизнь не часы забавы и празднои скуки, а дорогое время дѣла и иногда подвига. Принятая обязанность, возложенный долгъ берутъ у нихъ почти весь день для сосредоточенной и важной работы, оставляя лишь малую часть его для отдыха. Они знаютъ, что принадлежатъ больше другимъ, чѣмъ себѣ и сознательно и убѣжденно отдаютъ свои силы и труды на пользу этихъ другихъ—ближнихъ своихъ. Скромность личныхъ привычекъ и въ то же время какое то изящество ихъ, неприхотливость желаній и требованій, простота окружающей обстановки при изысканности вкуса, умѣренность и воздержанность во всемъ—вотъ главные выраженія ихъ внутренней настроенности. Въ нихъ какъ бы исполняется слово ветхозавѣтнаго мудреца о мужѣ благоразумномъ: *кротостію прослави душу твою и даждь ей честь по достоинству* (кн. Прем. X, 31), или: *Лучше кроткодушенъ со смиреніемъ, нежели иже раздѣляетъ корысти съ досадительми.*—(Кн. Прем. Сол. XV, 19).

Всмотритесь далѣе въ ихъ отношенія и дѣятельность, направленные ко благу ближнихъ,—вдумайтесь въ нихъ,—и васъ поразитъ и плѣнитъ эта выдержанность отношеній, эта безкорыстная готовность на дѣятельность ради ближняго. Но то и другое тѣмъ выше и драгоцѣннѣе, что является естественнымъ, не принужденнымъ, дѣлается не ради тщеславія и молвы людской, а исходитъ изъ разумно направленного воспитаніемъ долга и обязанности. Эти два руководителя нравственной дѣятельности такъ поставлены и такъ вооружены для жизни у людей благонравныхъ, что служеніе благу ближняго есть ихъ восполненіе и удовлетвореніе, а наносимый ему вредъ, незаконное пользованіе имъ становится источникомъ нравственныхъ терзаній. Въ непосредственныхъ отношеніяхъ къ ближнему у нихъ всегда примѣтна внимательность, снисходительность къ недостатку или пороку его, уваженіе къ его заслугѣ или просто человѣческому достоинству, обходительность и ласковость взаимнаго обращенія, простота и вмѣстѣ обдуманность

каждаго слова. Все высокое, благородное, достойное благоговѣнія принимается ими соотвѣтственно внутреннему достоинству, вызывая крупную дань уваженія; человѣкъ благовоспитанный не посмѣется недостатку отца и слабости матери; старческая сѣдина вызоветъ въ немъ почтеніе, а не насмѣшку; къ религіознымъ вѣрованіямъ и обычаямъ онъ отнесется съ уваженіемъ, а не съ глумленіемъ, къ какому бы культу они ни принадлежали; законныя требованія власти будутъ имъ исполнены безъ критики и возраженія. Но никто изъ людей благонравныхъ не дастъ слова осужденія и порицанія нечестному, низкому и позорному дѣлу безъ достаточныхъ основаній. Ему приличнѣе покажется молчаніе, чѣмъ осужденіе явленія, невыяснившагося по своему нравственному смыслу. Хотите-ли видѣть наглядно примѣръ невоспитанности? Припомните невѣжество Хама, насмѣявшагося надъ отцемъ, распущенность еврейскихъ дѣтей, безумно кричавшихъ во слѣдъ Елисею.

Прекрасны наставленія, которыя даетъ Премудрый благовоспитанному юношѣ для предстоящей практической жизни, если онъ хочетъ быть въ ней благоразумнымъ. Приведу нѣкоторыя изъ нихъ, какъ направленіе и норму дѣятельности: *Буди утвержденъ въ разумъ твоемъ, и едино буди слово твое* (кн. Прем. V, 12). *Буди скоръ въ слушаніи твоемъ и съ долготерпѣніемъ отвѣщавай отвѣтъ* (тамъ-же 13 ст.). Или: *Не малодушествуй въ молитвѣ твоей и милостыню творити не презри... не буди велерѣчивъ во множествѣ старецъ... смири душу твою зло ..* (гл. VII, ст. 10, 14, 17). *Не сварися съ человѣкомъ сильнымъ... не безчести человѣка въ старости его... не поручайся выше силы твоея... съ буими не твори совѣта* (тамъ-же VIII, 1, 7, 16, 20).

Нѣтъ нужды доказывать житейскія выгоды благовоспитанности. Сама жизнь подсказываетъ ихъ. Она опытно увѣряетъ, что не всегда въ ней одерживаютъ верхъ разумъ и знаніе,— что воспитанность и честность, ихъ часто замѣняющія, цѣнятся дороже въ жизни, какъ свойства практическія, чаще другихъ потребныя въ человѣческомъ общежитіи. Прекрасно, разумѣется, и возвышенно было-бы сочетаніе въ одномъ человѣкѣ глубокаго ума и честной благовоспитанности, но такіе люди рѣдки, исключительны, они цвѣтъ человѣчества. Въ обычной нормѣ жизни для ея нуждъ и соотношеній часто полезнѣе люди благовоспитанные людей умныхъ, но не благонравныхъ.

Итакъ, если въ зрѣломъ возрастѣ и въ суровой жизни потребна воспитанность, то для юноши она необходима, какъ его первое и главное свойство, какъ твердый залогъ добраго направленія его силъ и способностей. Воздѣлываемая въ немъ еще съ дѣтскихъ лѣтъ, она станетъ въ послѣдствіи украшеніемъ его душевнаго склада, его нравственнымъ обликомъ, всегда обаятельнымъ и пріятнымъ и по сущности своей, и по своимъ проявленіямъ.

Говорить-ли въ частности о томъ, какъ нужна благовоспитанность юношѣ духовной школы, какъ нужна она ему и по характеру преподаваемыхъ наукъ, и по цѣли и задачамъ его образованія, и по той будущности, которую готовитъ оно ему? Какъ много облегчилось-бы наблюденіе въ духовныхъ школахъ, какъ упростился бы строй дисциплины въ нихъ, если бы всѣ юноши этихъ школъ были благовоспитанны: какой благоуханный цвѣтникъ сада Христова представили бы они собою! Какой твердый и надежный по нравственному закалу ростокъ древа Церкви дали бы они!

Незамѣнимую услугу окажетъ приобрѣтенное ими въ школѣ благонаравіе предстоящему имъ пастырству. Ово явится почвою, хорошо удобренною и глубоко воздѣланною для всхода на ней сѣмянъ пастырскихъ свойствъ и добродѣтелей. Въ союзѣ съ нимъ и подъ вліяніемъ воспитанности постепенно, въ пастырскомъ дѣйствованіи, выработается высокій образъ пастыря молитвенника, народолюбца, строгаго къ себѣ и любвеобильнаго къ своей паствѣ. Присущая складу душевныхъ силъ такого пастыря благожелательность замѣнится готовностью, добровольной и радостной, идти на встрѣчу всѣмъ нуждамъ паствы, отдать ей всѣ свои духовные дары. Если дорогъ будетъ для него, какъ для человѣка благовоспитаннаго, нравственный долгъ и обязанности къ ближнимъ, то не въ мѣру выше и святѣе станетъ ему долгъ пастырскій, ибо возгорится онъ у такого пастыря пламенемъ ревности о нравственномъ преуспѣяніи своей паствы. Снѣдаемая этою ревностью, душа его по необходимости сольется личную жизнь пастыря съ жизнью паствы: онъ будетъ радоваться ея радостью и скорбѣть ея печалью; злопостраждетъ о разлѣненіи духовномъ паствы, какъ добрый воинъ Христовъ, но и возликуетъ о ея исправленіи и покаяніи, вѣрѣ и упованіи, ибо для такого пастыря вмѣстѣ съ Апостоломъ нѣтъ *большей радости, какъ видѣть, что духовныя чада его ходятъ во*

истинъ (III Иоан. 1 гл. 3). А тамъ, гдѣ рядомъ съ радостью стоитъ печаль, съ ревностью и попечительностью о благѣ ближнихъ употребленъ трудъ и болѣзнь ради нихъ, тамъ, гдѣ происходитъ совмѣстное внутреннее переживаніе у пастыря съ пасомыми всѣхъ явленій и событій ихъ обоюдной жизни,—тамъ не можетъ не завязаться крѣпкій узелъ взаимной любви. Она непременно воспламенится: совершится невидимо то же явленіе *возмѣтанія*, которое происходитъ при добываніи огня треніемъ сухихъ деревъ другъ о друга, только въ иной, высшей области духа. Этою взаимною любовію между пастыремъ и паствою зацвѣтутъ всѣ ихъ отношенія,—а *любы долготерпитъ... милосердствуетъ... не ищетъ своихъ си... радуется о истинъ... всему вѣру емлетъ... и николиже отпадаетъ* (I Кор. XIII 3—7).

Соберемъ въ одно немногія черты благовоспитаннаго пастыря: онъ кротокъ въ обхожденіи, чистъ и искрененъ сердцемъ въ молитвѣ, воздерженъ въ словѣ, осмотрителенъ въ дѣйствіи, простъ и невзыскателенъ въ привычкахъ. Но онъ глубоко проникнутъ своимъ пастырскимъ достоинствомъ, знаетъ, чѣмъ оно должно быть въ очахъ человѣческихъ и что есть оно въ очахъ Божіихъ, *внимаетъ себѣ* т. е. бережно, осторожно, но и не скрывая, проноситъ предъ міромъ свое пастырство, этотъ святой огонь небесной лампы,—не разливая ея, не умаляя силы огня, а раздувая пламень его ярче и сильнѣе; но онъ, благонравный пастырь,—*любитъ овцы своя, знаетъ ихъ и глашаетъ по имени. И егда своя овцы иждеветъ, предъ ними ходитъ*, (Иоан. зач. 35), ходитъ личнымъ примѣромъ Богобоязненной жизни, усердной молитвы, крѣпкой вѣры, искренняго слова, убѣжденнаго упованія...

Въ день памяти небеснаго покровителя духовной школы, изряднѣйшаго Богослова и тайнозрителя будущихъ судебъ міра будемъ умиленно просить его, дабы въ нашихъ вертоградахъ богословія не изсякала любовь Христова, дабы окрылялъ духъ этой любви и воспитателей и питомцевъ. Пусть совершается подъ покровомъ и воздѣйствіемъ любви и изученіе наукъ и воспитаніе будущихъ служителей вѣры и любви Христовой. Любовію воспитавшись, любовію созрѣвайте въ благонравіи, отъ силы любви мужайте и выходите на ниву Христову проповѣдниками любви Христовой,—и Богъ мира и любви да будетъ съ вами! Аминь.

РЕЛИГІЯ, ЕЯ СУЩНОСТЬ И ПРОИСХОЖДЕНІЕ.¹⁾

Слово „*религія*“ несомнѣнно заимствовано изъ латинскаго языка. Судя по тому, какъ было употребляемо слово *religio* римскими классическими писателями (Цицерономъ, Ливіемъ, Ю. Цезаремъ и др.), мы должны прійти къ заключенію, что оно не всегда имѣло одно и то же значеніе. Во всякомъ случаѣ имъ были обозначаемы: боязнь, богобоязливость, богослуженіе, религія, вѣра, исповѣданіе вѣры; совѣстность, совѣсть,

1) Подъ такимъ заглавіемъ было напечатано въ „Православномъ Обозрѣніи“ за 1870—1871 г.г. прекрасное изслѣдованіе бывшаго профессора Московской Духовной Академіи В. Д. Кудрявцева-Платонова. Затѣмъ послѣ смерти автора оно вторично было напечатано въ полномъ собраніи его сочиненій (см. т. II, вып. I, стр. 88—315). Къ сожалѣнію, для нашего времени этотъ „классическій“ трудъ нашего незабвеннаго наставника уже начинаетъ утрачивать свое значеніе. Послѣ него явились новые взгляды на религію, ея сущность и происхожденіе, которыхъ онъ, конечно, не могъ даже и предвидѣть, но которые въ настоящее время представляютъ общій интересъ и признаются господствующими, напр., взгляды М. Мюллера, Каспари, Шульце, Нитше, Спенсера, Леббока, Тейлора и др. Кромѣ того, взгляды нѣкоторыхъ мыслителей, по нашему мнѣнію, заслуживающіе вниманія не менѣе другихъ и бывшіе несомнѣнно извѣстными В. Д. Кудрявцеву, у него обойдены почему-то совершеннымъ молчаніемъ. Послѣ критики атеистическихъ гипотезъ, онъ излагаетъ ученіе Фейербаха, деистовъ и пантеистовъ, до-кантовскихъ рационалистовъ, затѣмъ Канта, Якоби, Шлейермахера, Гегеля, Фриза, Фихте, Шеллинга, Гербарта, Ульмана, Газе, Мартепзена, Бэна и Шенкеля (последнихъ шести общо и сжато). Но мы не находимъ у него никакого указанія даже на такъ называемую *супранатуралистическую*, гипотезу, предложенную *I. Мюллеромъ* и *Крейцеромъ*, равно какъ и на ученія о религіи Шиллера, Гете, Штрауса, Шопенгауэра, Гартмана, Огюста Конта, Красса, Дауба, Лотце, Тейхмюллера, Дарвина, Спинозы, Карьера, Цфлейдерера, Ричля и др. Сказаннаго, достаточно для того, чтобы показать читателямъ нашимъ, что побудило насъ къ напечатанію настоящаго разсужденія не смотря на существованіе прекраснаго изслѣдованія В. Д. Кудрявцева.

недоумѣніе; вина, грѣхъ; святость; обязанность, должность; точность, рачительность въ наблюденіи, въ исполненіи чего-нибудь; уваженіе, почтеніе; благочестіе, благоговѣніе ¹⁾). Но какое изъ этихъ значеній должно быть признано кореннымъ и первоначальнымъ? Такъ какъ слово *religio* само, безъ сомнѣнія, есть слово производное, то рѣшеніе поставленнаго вопроса находится въ тѣсной связи съ рѣшеніемъ другого вопроса: отъ какого коренного слова произошло слово—*religio*? Было бы большою ошибкою предположеніе, что вопросъ этотъ представляетъ лишь одинъ—чисто филологическій интересъ. Филологическія изслѣдованія новѣйшаго времени, особенно въ области сравнительнаго языковѣдѣнія, ясно показали, что филологія не есть заимкнутая область человѣческаго знанія, сама въ себѣ заключающая свою цѣль, но что она, подобно всѣмъ другимъ наукамъ, занимаетъ видное и почетное мѣсто въ общемъ ходѣ развитія человѣческаго духа. Сравнительное языковѣдѣніе, какъ извѣстно, даже при настоящемъ состояніи своемъ, пришло ко многимъ весьма важнымъ и совершенно неожиданнымъ результатамъ. Оно доказало прежде всего, что отъ изученія народнаго языка уже не труденъ переходъ и къ изученію народной жизни—правовъ, обычаевъ, вѣрованій, преданій. Оно дало понять намъ, что человѣкъ обладаетъ достаточными средствами для того, чтобы переступить порогъ исторіи и изучать вѣрованія и міровоззрѣнія человѣчества въ ту чрезвычайно отдаленную отъ насъ эпоху, которую принято называть доисторическою. Прежде народный языкъ былъ изучаемъ лишь для того, чтобы можно было на немъ правильно говорить; на языкъ смотрѣли только какъ на средство для обмѣна мыслей; теперь намъ указываютъ уже на языкъ, какъ на самый надежный матеріалъ для изученія духовной жизни народовъ. И, дѣйствительно, происхожденіе языка нельзя объяснять чисто механически, случайнымъ соединеніемъ члено-раздѣльныхъ звуковъ. Правда, при настоящемъ, еще несовершенномъ состояніи филологической науки, намъ кажется, что не всѣ слова всегда и точно указываютъ на главный и существенный признакъ того предмета, который они обозначаютъ, что иногда они какъ будто-бы

¹⁾ Срв. Лексиконъ Кронеберга. 1860.

имѣютъ только случайный характеръ и потому сами по себѣ какъ будто-бы мало могутъ содѣйствовать раскрытію существенныхъ признаковъ предмета и уясненію его сущности. На этомъ основаніи въ настоящее время обыкновенно не приписываютъ никакого научнаго значенія такъ называемымъ *вербальнымъ* опредѣленіямъ. Но дѣлать отсюда какія либо обобщенія было бы поспѣшно и опрометчиво. Что языкъ есть результатъ человѣческаго творчества, это признаютъ даже представители новѣйшаго грубо-матеріалистическаго направленія“. „Слово, говоритъ, напр., Фейербахъ, есть абстрактный образъ, воображенная вещь или воображенная мысль. Слово есть дѣло силы воображенія. Способность слова есть талантъ поэтической. Животныя не говорятъ, потому что у нихъ нѣтъ поэзіи. Образованіе языка справедливо считается корнемъ образованія, тамъ, гдѣ слово обработано, и человѣчество образовано“. Обозначая предметъ словомъ, человѣкъ присоединяетъ къ послѣднему и свое пониманіе предмета. Такимъ образомъ отъ степени пониманія или духовнаго развитія человѣка зависитъ не только подборъ словъ, но и самое достоинство языка. Слова, образованныя человекомъ на низшей ступени его духовнаго развитія, конечно, менѣе будутъ соотвѣтствовать обозначаемымъ ими предметамъ, чѣмъ слова цивилизованныхъ народовъ. Такимъ образомъ, едва ли ошибаются тѣ ученые, которые въ словѣ думаютъ находить и современное ему пониманіе предмета.

Нельзя не обратить вниманія на тотъ фактъ, что въ нѣкоторыхъ языкахъ цивилизованныхъ народовъ есть слова, которыя съ такою точностію выражаютъ самую сущность предмета, что выведенное изъ нихъ *вербальное* опредѣленіе часто можетъ удовлетворять всѣмъ законнымъ требованіямъ формальной логики. Какъ скоро такое слово вошло въ народное употребленіе, оно обыкновенно вытѣсняетъ всѣ другія наименованія того же предмета, получаетъ господствующее значеніе и нерѣдко переходитъ даже въ области совершенно чуждыхъ для него языковъ и народовъ.

Въ особенности это нужно сказать о латинскомъ словѣ *religio*. Въ книгахъ св. Писанія какъ Ветхаго, такъ и Новаго Завѣта то, что входитъ въ понятіе религіи, обозначается

различными словами; таковы: „путь Господень“ или „хождение предъ Богомъ“ (Быт. V, 24; VI, 9; Пс. XXIV, 4; XXV, 3; XXVI, 11); „страхъ Господень“ (Исх. I, 17; Пс. 110, 10; Сир. 1, 12, 13; 15; Притч. 1, 7; 9, 10. Иов. 28, 28; Екклес. 12, 13, Ис. 33. 6), „боговѣдѣніе“ или „богопознание“ (Ос. 4, 1; 6, 6); уставъ закона (Числ. 19, 2) „служение Господу“ (Исх. 12, 26) „богослужение“—λατρεία (Иоан. XVI, 2; Рим. 9, 4), „въроисповѣданіе“, „благочестіе“—θρησκεία (Дѣян. 26, 5; Іак. 1, 26, 27), εὐσεβεία (Дѣян. 3, 12. 1 Тим. 3, 16), δεισιδαιμονία (Дѣян. 17, 23) и др. Въ латинскомъ переводѣ Библии Вулгата—эти различныя названія (Исх. 12, 26; Числ. 19, 2; Дѣян. 26, 5; Іак. 1, 26) переданы однимъ и тѣмъ же словомъ—*religio*.

Нельзя не отмѣтить, что въ христіанской церкви христіанскими писателями не было удержано ни одно изъ указанныхъ библейскихъ—ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ—словъ и выраженій, обозначавшихъ обязанности человѣка по отношенію къ Богу, и что вмѣсто нихъ господствующее и исключительное значеніе получило латинское слово *religio*, употреблявшееся римскими язычниками уже задолго до Р. Х. для обозначенія тѣхъ же самыхъ обязанностей человѣка по отношенію къ Богу или богамъ. Кромѣ того нельзя оставить безъ объясненія и того обстоятельства, что слово „религія“ перешло также и во всѣ другіе языки цивилизованныхъ народовъ, даже не имѣвшихъ къ древнимъ римлянамъ никакого непосредственнаго отношенія, такъ что въ настоящее время оно можетъ быть названо единственнымъ терминомъ, точно обозначающимъ понятіе взаимоотношенія между Богомъ и человѣкомъ, потому что всѣ другія названія, какъ, напр., „вѣра“, „въроисповѣданіе“, „откровеніе“, „культъ“, „благочестіе и т. п., только отчасти опредѣляютъ то, что входитъ въ понятіе религіи,—указываютъ только на одну какую либо ея сторону или только на одинъ какой либо ея признакъ.

То обстоятельство, что латинское слово *religio* принято всѣми цивилизованными народами въ ихъ языкъ, европейскіе ученые объясняютъ различно. Такъ, одни указываютъ на Лютера, по примѣру котораго богословы будто-бы стали употреб-

лять это слово; но 1) авторитетъ Лютера слишкомъ ничтоженъ въ глазахъ богослововъ внѣ лютеранства; 2) слово это было употребительнымъ въ богословской литературѣ гораздо раньше Лютера; 3) въ писаніяхъ самаго Лютера оно встрѣчается не особенно часто. По мнѣнію другихъ ученыхъ, всеобщему распространенію слова *religio* содѣйствовало возрожденіе наукъ и искусствъ, соединенное съ увлеченіемъ древними классиками; но едва-ли допустимо, чтобы простое увлеченіе классическими писателями само по себѣ могло быть побужденіемъ для цивилизованныхъ народовъ ввести въ свой языкъ латинское слово „*religio*“, еслибы для этого не было болѣе вѣскихъ основаній. Третьи думаютъ, что латинскій переводъ Библии—Вульгата—далъ поводъ западно-европейскимъ ученымъ къ исключительному употребленію заимствованнаго у него слова *religio*. Наконецъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, причиною всеобщаго распространенія слова *religio* служитъ то, что, по своему первоначальному смыслу, слово это наиболѣе будто бы соотвѣтствуетъ тому понятію, которое оно обозначаетъ.

Какъ бы то ни было, но исключительное употребленіе слова „религія“ во всѣхъ языкахъ цивилизованныхъ народовъ заставляетъ насъ обратить вниманіе на самое это слово. Если оно получило такое господствующее и исключительное значеніе, если всѣ цивилизованные народы нашли его наиболѣе соотвѣтствующимъ для обозначенія взаимоотношенія между Богомъ и человѣкомъ, если христіанскіе писатели ради него пожертвовали библейскими названіями, то естественно предположить, что, быть можетъ, уже въ немъ самомъ заключается ключъ къ уразумѣнію и обозначаемаго имъ понятія, т. е., къ уясненію самой сущности всего того, что входитъ въ понятіе религіи.

Въ виду сказаннаго неудивительно, что мы можемъ назвать длинный рядъ ученыхъ, много работавшихъ надъ тѣмъ, чтобы установить этимологію и первоначальное значеніе слова *religio* ¹⁾. Результаты, къ которымъ пришли эти ученые въ своихъ

¹⁾ Цицеронъ (De nat. deor. II, 28; de invent. II, 22. 53; de leg. II, 11) Сервій Сульпицій, Мазурій Сабинъ, Гелій (Noct. Att. 4, 9), Макробій (Saturn. Conviv. 3, 3), Арнобій (Adv. nation. 4, 30), Лактанцій (Inst. div. 4, 28), Иеро-

изслѣдованіяхъ, могутъ быть выражены въ слѣдующихъ пяти положеніяхъ: 1) одни полагаютъ, что слово *religio* происходитъ отъ *relegere*, что значитъ *назадъ идти, возвращаться, опять, снова читать, перечитывать, обдумывать, передумывать, складывать, собирать, откладывать, созерцать, бояться, быть богобоязливымъ*; 2) другіе производятъ его отъ глагола—*relinquere*, что значитъ *оставлять, покидать, продавать, предоставлять* (судьбѣ, богамъ); 3), по мнѣнію третьихъ, его нужно производить отъ глагола *relegare*, что значитъ—*вязать, связывать, привязывать, укрѣплять, отвязывать, развязывать, причалить, сковывать*; 4), были попытки произвести слово *religio* отъ глагола—*reeligere*—*возсоединять*; наконецъ, 5) въ настоящемъ столѣтіи, на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ сравнительнаго языкознанія, явилось предположеніе, что слово *religio* произошло отъ утраченнаго уже языческими римлянами средняго глагола *ligere*, имѣвшаго одинъ и тотъ же корень съ санскритскимъ—*lok*, греческимъ—*λεῦσταιν*, англійскимъ—*look*, нѣмецкимъ *lügen*, и что этотъ глаголъ будто бы значилъ—*смотреть на что либо съ трепетомъ и любовію*.

Изъ этихъ попытокъ особеннаго вниманія заслуживаетъ первая. Цицеронъ прежде другихъ высказалъ предположеніе, что слово *religio* происходитъ отъ *relegere*. De nat. deor. II, 28, онъ говоритъ: „Почитаніе боговъ есть наилучшее, невин-

нимъ (in Amos. c. 9), Августинъ (De civ. dei 10, 4.; Retract. 1, 13; De vera rel. 55), Исидоръ (Orig. 2, 2), Тома Аквинатъ (Sec. secundae qu. 81. art. 1. concl.), Цвинли (De ver. et fals. rel. op. omn. III, стр. 155), Голманъ (Exam. theol. ed. Teller стр. 32), Данией (isag. chr. стр. 1 и слѣд.), Аммонъ (Summa theol. § 1), Баумартенъ—Крузіусъ (Einleitung стр. 3), Ганъ (Lehrbuch des chr. Glaub. I, стр. 24), Редслобъ (Sprachl. Abhandl. 1841. I), Флеккъ (System der Dogm. 1846. I.), Вейшейдеръ (Inst. theol § 1), Паумосъ (Der Denkgläubige I стр. 50), Бретшнейдеръ (Dogm. 1828. I.), Нитшиъ (Stud. u. Krit. 1828. стр. 527 и сл. въ статьѣ: Ueber den Religionsbegriff der Alten и въ его System стр. 7 и слѣд.) I. Г. Мюллеръ (Ueber Bildung und Begriff des Wortes religio въ Stud. u. Krit. 1835 стр. 121 и сл.), Лане (Dogm. I.), Филиппи (Dogm. I.), Лейденротъ (Neue Jahrb. für Philologie u. Pädagogik, 1834 стр. 455 и сл. срв. его Lexici etymologici specimen 1836. стр. 35), Бреунинъ (Religio nach Ursprung u. Bedeutung 1837), Вальдау (Vierteljahrsschrift für Theologie u. Kirche IV, стр. 259 и сл.), Гильдебрандтъ, Фойтъ, Геттмиеръ, Манси и др. Мюллеръ (Vorlesungen üb. d. Ursprung u. die Entwicklung der Religion 1881. стр. 11—14: Etymologische Bedeutung von Religion) и мн. друг.

нѣйшее, святѣйшее и полнѣйшее, когда мы всегда стремимся къ нимъ съ чистымъ, неповрежденнымъ и непорочнымъ умомъ и голосомъ. Ибо не только философы, но также и предки наши отличали суевѣрiе отъ религiи. Тѣ, которые по цѣлымъ днямъ молились и приносили жертвы, чтобы дѣти ихъ оставались живыми, были названы суевѣрными, каковое названiе впоследствии было расширено. Тѣ же, которые тщательно об-суждали и затѣмъ опять обдумывали (*relegerent*) все относившееся къ почитанiю боговъ, названы религiозными отъ *relegendendo*, какъ избранные (элегантные *elegantes*) отъ *eligendo*, любящiе (*diligentes*), отъ *diligendo*, понимающiе (интеллигентные—*intelligentes*) отъ *intelligendo*. Ибо въ корнѣ всѣхъ этихъ словъ лежитъ одно и то же значенiе *legendi*, какъ и въ *religioso* (религiозномъ)¹⁾. Это мнѣнiе Цицерона о происхожденiи слова *religio* впоследствии раздѣляли *Арнобiй Цвинли, Паулосъ, Бретинейдеръ, Нитциъ, Г. Г. Мюллеръ, Фойгтъ* и др. Такое словопроизводство вполне возможно филологически; какъ и производство слова *eligio* отъ *eligere*. Возраженiя противъ него совершенно ничтожны. 1) Говорятъ, что отглагольныя существительныя, происходящiя отъ глаголовъ третьяго склоненiя, въ латинскомъ языкѣ находятся въ прямой связи съ формою причастiя прошедшаго времени, напр. *lego, lectus, lectio*; поэтому и отъ глагола *relego* могли быть будто-бы произведены только слова *relectio* (какъ *electio* отъ *eligere*) и *religentia* (какъ *diligentia* отъ *diligere*), но не *religio*; это мнѣнiе однако-же совершенно невѣрно: какъ можно доказать множествомъ примѣровъ, отглагольныя существительныя въ латинскомъ языкѣ не всегда происходятъ непременно отъ формы причастiя глаголовъ третьяго склоненiя, а напротивъ очень часто—

1) „Cultus autem deorum est optimus idemque castissimus atque sanctissimus plenissimusque pietatis, ut eos semper pura, integra, incorrupta et mente et voce veneremur. Non enim philosophi solum, verum etiam majores nostri superstitionem a religione separaverunt. Nam qui totos dies precabantur et immolabant, ut sui sibi liberi superstites essent, superstitiosi sunt appellati, quod nomen postea latius patuit. Qui autem omnia, quae ad cultum deorum pertinerent, diligenter retractarent et tanquam *relegerent*, sunt dicti *religiosi* ex *relegendendo*, ut *elegantes* ex *eligendo*, tanquam a *diligendo* *diligentes*, ex *intelligendo* *intelligentes*. His enim in verbis omnibus inest vis *legendi* eadem, quae in *religioso*“.

прямо отъ корня, напр., *regio* (отъ *rego*), *legio* (отъ *lego*), *oblivio* (отъ *obliv-iscor*) и т. п. 2) Невѣрно и то предположеніе, что если бы слово *religio* произошло отъ глагола *relegere*, то оно было бы произносимо не *religio*, а *relegio*. Дѣло въ томъ, что древніе римляне одинаково произносили *relegere* и *religere*¹⁾, какъ и другіе глаголы отъ этого же корня, напр., *intelligo* и *intellego*, *negligo* и *neglego*, *diligo* и *dilego*, и одну форму безразлично ставили вмѣсто другой. Поэтому нѣтъ даже надобности исправлять этимологию Цицерона, подставляя вмѣсто *relegere* глаголь *religere*, такъ какъ для Цицерона эта поправка была бы даже непонятна.

Мнѣніе Цицерона о происхожденіи слова *religiā*, какъ можно думать, было раздѣляемо и его современниками; по крайней мѣрѣ, по свидѣтельству *Геллія*, современникъ Цицерона, *Ниллдіи Фигула* въ своемъ грамматическомъ комментарий сдѣлалъ замѣтку, въ которой доказываетъ, что слова *religens* и *religiosus* по своему значенію безразличны и относятся къ одному и тому же понятію—*religio*; а если такъ, то ясно, что, по мнѣнію Фигула, слово *religio* слѣдуетъ производить, какъ утверждаетъ и Цицеронъ, отъ глагола *relegere* или *religere*.

Трудно указать, кому собственно принадлежитъ второе предположеніе, по которому, какъ мы видѣли, слово *religio* слѣдуетъ будто-бы производить отъ глагола *relinquere*. *Авлій Геллій*²⁾, римскій писатель, жившій въ половинѣ 2-го вѣка по Р. Х., приписываетъ его извѣстному римскому юристу *Мазурию Сабину*, автору сочиненія „*De jure civili*“, жившему въ царствованіе Тиверія; римскій грамматикъ, грекъ, *Макробій*, жившій въ 5-мъ вѣкѣ по Р. Х., напротивъ, виновникомъ его признаетъ³⁾ знаменитаго римскаго оратора и юриста *Сервія*

1) Срв. лат. лексиконъ Кронеберга. М. 1860, стр. 411.

2) *Noctes Atticae*, изд. 1853 г., lib. IV, c. 9. „Masurius Sabinus in commentariis, quos de indigenis composuit, religiosum, inquit, est, quod propter sanctitatem aliquam remotum ac sepositum a nobis est; verbum a *relinquendo* dictum, tamquam caerimoniae a carendo. Secundum hanc Sabini interpretationem templa quidem ac delubra, quia horum cumulus in vituperationem non cadit, ut illorum, quorum laus immodesta est, *religiosa* sunt, quae non vulgo ac temere, sed cum castitate caerimoniaeque edeunda et reverenda et reformidanda sunt magis quam invulganda“.

3) *Saturn. conv. lib. III, c. 3*, изд. 1868 г. „Servius Sulpicius religionem esse

Сулпиція Руфа, который былъ современникомъ Цицерона († 43 г. до Р. Х.). Впрочемъ, кому бы ни принадлежало это предположеніе, раздѣляемое и Макробіемъ, оно не можетъ быть принято, потому что ни одинъ филологъ не можетъ указать основанія для того, чтобы слово *religio* производить отъ совершенно чуждаго ему глагола *relinquere*.

Виновникомъ третьяго предположенія, по которому слово *religio* произошло будто-бы отъ глагола перваго спряженія—*religare*, по справедливости, считается уже христіанскій писатель—апологетъ *Луцій Целій Фирміанъ Лактанцій*: Не соглашаясь съ мнѣніемъ Цицерона, онъ говоритъ¹⁾: „Для чловѣка не остается иной надежды, кромѣ того, чтобы отречься отъ заблужденія и суеты, познать Бога и служить Ему. Самовѣрнѣйшій долгъ нашъ есть слѣдованіе правиламъ правды и догматамъ истинной религіи. Мы произведены на свѣтъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы воздавать подобающую честь Богу, насъ сотворившему. Къ сему мы должны всегда стремиться и прибѣгать и сими узами благочестія *связаны* мы (*religati sumus*) съ Богомъ. Отсюда происходитъ и самое пмя *религія*, а не отъ слова *relegere*, какъ то истолковалъ Цицеронъ. Имя религіи происходитъ отъ узъ, соединяющихъ насъ съ Богомъ: чрезъ благочестіе Онъ привязалъ (*religaverit*) насъ къ Себѣ съ тѣмъ, чтобы мы служили Ему, какъ Господу, и повиновались Ему, какъ Отцу“.

Мнѣніе Лактанція раздѣлялъ бл. *Иеронимъ* (in Amos. c. 9); къ нему же склонился, наконецъ, и *Августинъ* (Retract, 1, 13)²⁾, первоначально (De civ. Dei, 10, 4)³⁾, отдававшій предпочте-

dictam tradidit, quae propter sanctitatem aliquam remota et seposita a nobis sit, quasi a *relinquendo* dicta, ut a *caerimonia*“.

1) Inst. div. 4, 28; срв. Творенія Лактанція, перев. Е. Карнеева, Сиб. 1848, стр. 327 и слѣд.

2) Ita alio loco, ad unum deum tendentes, inquam, et ei uni *religantes* animas nostras, unde *religio* dicta creditur, omni superstitione carcamus. In his verbis ratio, quae reddita est, unde sit dicta religio, plus mihi placuit. Nam non me fugit aliam nominis hujus originem exposuisse Latini sermonis auctores, quod inde sit appellata religio, quod religitur, quod verbum compositum est a legendo, id est eligendo, ut ita Latinum videatur religio sicut eligio“. Срв. De civ. Dei 10, 1.

3) „Hunc eligentes vel potius *religentes*, unde et religio dicta *perhibetur*“. Срв. vera rel. 55: Religet ergo nos religio uni omnipotenti deo.

ніе этимологіи Цицерона. Кромѣ того, изъ средневѣковыхъ богослововъ мнѣніе Лактанція раздѣляли *Исидоръ* и *Томасъ Аквинатъ*, хотя они не возражали и противъ объясненія Цицерона (Срв. *Isid. orig.* 8, 2; у *Томы* *sec. secundae* qu. 81. art. 1. concl.). Въ девятнадцатомъ столѣтіи на сторону Лактанція стали: *Аммонъ* (*Summa theol.* § 1), *Баумартенъ—Крузій* (*Einleitung* стр. 3), *Ганъ* (*Lehrbuch des chr. Gl.* 2 Aufl. I, стр. 24) *Редслобъ* (*Sprachl. Abhandl.* 1841, I), *Флекъ* (*System der Dogm.* 1846 стр. 1) и др.

Противъ производства слова *religio* отъ *religare*, предложеннаго первоначально *Лактанціемъ*, нѣкоторые ученые дѣлаютъ возраженіе подобное тому, какое дѣлается обыкновенно и противъ словопроизводства Цицерона. Существительныя имена, производимыя отъ глаголовъ перваго спряженія, должны буд-то бы находиться въ зависимости отъ формы причастія настоящаго или прошедшаго времени. Напр., *consonare—consonans—consonantia*; *donare—donatus—donatio*; *consolari—consolatus—consolatio*. Но это правило въ дѣйствительности не имѣетъ общаго значенія и допускаетъ множество исключеній. Можно указать немало примѣровъ, когда и существительныя отъ глаголовъ перваго спряженія также производятся не отъ формы причастія, а прямо отъ корня; напр. *opinio* (отъ *opin—or* или *opin—o*), *optio* (отъ *opt—o*), *adoptio* (отъ *adopt—o*), *rebellio* (отъ *—rebell—o*) и др. Очевидно, точно такимъ же образомъ и слово *religio* могло произойти отъ корня глагола—*relig—o*, *religare*. Ясно, что съ этимологической стороны мнѣніе *Лактанція* не можетъ встрѣчать никакихъ серьезныхъ возраженій. Въ *этомъ* отношеніи оно можетъ быть поставлено наравнѣ съ мнѣніемъ Цицерона.

Предположеніе, что слово *religio* произошло отъ слова *re—eligere* принадлежитъ бл. *Августину*. Впрочемъ, научнаго значенія это предположеніе имѣть не можетъ. Хотя глаголь *reeligere* въ латинскомъ языкѣ и возможенъ по своему построению, но въ дѣйствительности онъ не встрѣчается ни у одного изъ древне-римскихъ писателей; кромѣ того, этотъ глаголь самъ является не первоначальнымъ и кореннымъ, а производнымъ и сложнымъ (*reeligere*); наконецъ, и *Августинъ* не при-

даетъ серьезнаго значенія своему мнѣнiю; онъ говоритъ только, что отъ этого глагола—*reeligen*tes,— „кажется, получила названiе и религiя“ (De civ. Dei X, с. 3); какъ извѣстно, Августинъ долго колебался между предположенiями Цицерона и Лактанцiя и свое мнѣнiе высказалъ, повидимому, только случайно.

Пятое предположенiе объ этимологическомъ значенiи слова *religio*, построенное на общихъ началахъ сравнительнаго языковѣдiя и допускающее, что *religio* произошло отъ утраченнаго кореннаго слова *ligere* родственнаго съ санскритскимъ—*lok*, греческимъ—*λέωσσειν* англiйскимъ *look* и т. д., было высказано первоначально Лейденрогомъ и затѣмъ нашло для себя поддержку у Вальдау и Брейнига. Само по себѣ оно, конечно, не представляетъ ничего невѣроятнаго. Очень можетъ быть, что у римлянъ и существовалъ нѣкогда, впослѣдствiи утраченный, глаголъ *ligere*. Но дѣло въ томъ, что Лейденрогъ не можетъ привести никакого фактическаго доказательства для своего предположенiя. Глаголъ *ligere* не встрѣчается ни у кого изъ римскихъ писателей. Не менѣе трудно доказать, что этотъ глаголъ, если онъ, дѣйствительно, существовалъ, имѣлъ значенiе—*свѣтитъ*...

И такъ, изъ пяти предположенiй о происхожденiи слова *religio* наиболѣе вѣроятными и этимологически возможными оказываются предположенiя Цицерона и Лактанцiя. Что же касается выбора между послѣдними, то преимущество, несомнѣнно, должно остаться на сторонѣ Цицерона. Какъ мы видѣли, Цицеронъ съ своимъ мнѣнiемъ не былъ одинокъ; его раздѣляли и современники его, напр., Нигидiй Фигуль. Но что особенно важно, такъ это то, что на предположенiи Лактанцiя, безъ сомнѣнiя, отразилось чисто христіанское понятiе о религiи, какъ о *союзѣ* между Богомъ и человѣкомъ, какого не могли, конечно, имѣть древне-языческіе римляне, давшіе слову *religio* его значенiе. Правда, намъ указываютъ одно выраженiе у Лукреція (De rerum natura I, 930 ¹) и три у Ливiя (2, 32 ²);

¹) „Arctis religionum nodis *exsolvere* pergo“.

²) Et primo agitatum dicitur de consulum caede, ut solverentur sacramento, doctos deinde, *nullam religionem exsolvi*, in sacrum montem secessisse“.

5, 23 ¹⁾ и 9, 8 ²⁾, на основаніи которыхъ слѣдуетъ будто-бы предполагать, что и древне-языческіе римляне понимали религію въ смыслѣ союза между Богомъ и человѣкомъ. Въ этихъ мѣстахъ останавливаются обыкновенно вниманіе на выраженіи „*exsolvere religionem*“. Дѣйствительно, глаголъ *exsolvere* (отъ *ex* и *solvere* = отвязать, развязать, разрѣшать, истолковать, растоплять, расплавлять, распускать, разбивать, разламывать, открывать, отверзать, прогонять, уничтожать, силы лишать, нарушать, преступать, разлучать, платить, уплачивать, заплатить, освобождать) значитъ — развязывать, отвязывать, освобождать, избавлять, выручать, разрывать что либо имѣющее связь. Тѣмъ не менѣе во всѣхъ этихъ мѣстахъ слово *religio* употребляется не въ смыслѣ взаимоотношенія между Богомъ и человѣкомъ, а только въ смыслѣ *совѣсти*, такъ что выраженіе *exsolvere religionem* здѣсь нужно перевести просто: „успокоить совѣсть“ (Срв. Латинскій лексиконъ Кронеберга, м. 1860, стр. 172). Но если бы приведенная ссылка была даже и вѣрна, то не подлежитъ всетаки никакому сомнѣнію, что первоначальнымъ и существеннымъ признакомъ древне-языческаго понятія о религіи былъ *страхъ, опасеніе, боязнь, трепетъ* предъ мстительными и завистливыми богами. „Религія, говоритъ Цицеронъ (*de invent.* 2, 53), заставляетъ бояться и *читать* нѣкое высшее существо, которое называютъ божественнымъ“ ³⁾. И въ другомъ мѣстѣ (2, 22): „религію, состоящую въ *страхѣ* (*in metu*) и почитаніи боговъ, называютъ благочестіемъ“ ⁴⁾. Что въ религіи существенное значеніе древне-языческіе римляне приписывали именно *страху, трепету, боязни*, аккуратности и тщательности исполненія обязанностей по отношенію къ богамъ со стороны человѣка, — доказательство этого, кромѣ Цицерона, можно находить также и у другихъ латинскихъ писателей, напр., у Т. Ливія (22, 42;

1) „Tandem eo decursum est, ut, qui se domumque *religione exsolvere* vellet“...

2) „*Exsolvamur religione* populum, si qua obligavimus, ne quid divini humane obstat, quominus minus justum piunique de integro ineatur bellum“.

3) *Religio est, quae superioris cujusdam naturae, quam divinam vocant, curam caerimoniamque affert*“.

4) „*Religionem eam, quae in metu et caerimonia deorum est, appellant pietatem*“. Срв. также *Cat.* 3, 6; *pro Caecin;* *de div.* 1, 35; *de nat. deor.* 2, 4.

26, 11), Виргилія (Aen. 8, 349), Горація (Sat. 1, 9, 70), Плинія (5, 1) и Варрона (Non с. 4. п. 387). Но что и другіе древне-языческіе народы сущность религіи полагали въ страхѣ предъ божествами и въ почитаніи ихъ,—въ этомъ также не можетъ быть никакого сомнѣнія. „Замѣчательно, пишетъ проф. Н. П. Рождественскій ¹⁾,—что и на греческомъ языкѣ первоначальное понятіе объ этихъ отношеніяхъ (человѣка къ божеству) выражалось словами θεοσεβία, εὐσεβεια, которыя, происходя отъ слова σεβος, также означаютъ страхъ или боязнь чего то недоступнаго. Страхъ этотъ, очевидно, обнималъ все древнее человѣчество, пока христіанство не измѣнило древнихъ представленій о божествѣ и объ отношеніяхъ человѣка къ Богу, поставивъ на мѣсто страха любовь въ основу этихъ отношеній“. Но если сущность религіи древне-языческіе римляне полагали въ страхѣ и боязни, то невозможно даже предполагать, чтобы слово *religio*, какъ думалъ христіанскій апологетъ Лактанцій, произошло отъ глагола *religare* (связывать, соединять), такъ какъ, гдѣ господствуетъ страхъ, тамъ не можетъ быть рѣчи о союзѣ, какъ свободномъ жизнеобщеніи различныхъ разумныхъ существъ между собою. Цицеронъ, безъ сомнѣнія, имѣлъ только языческое понятіе объ отношеніяхъ человѣка къ высочайшему существу и лучше другихъ поэтому понималъ первоначальное и непосредственное значеніе слова *religio*, выражавшаго главнымъ образомъ *страхъ, благоговѣніе* предъ существами или силами таинственными, божественными, а съ другой стороны—тщательное исполненіе обрядовъ внѣшняго богопочитанія. И вотъ новое основаніе, почсму мы должны признать болѣе достовѣрнымъ этимологическое производство слова *religio*, предложенное Цицерономъ, чѣмъ то, которое мы встрѣчаемъ у Лактанція.

Христіанство не уничтожило страха и благоговѣнія, какъ существенныхъ и основныхъ элементовъ религіознаго чувстваванія, которое, какъ сложное явленіе человѣческаго духа, включаетъ въ себя еще и много другихъ основныхъ элементовъ (смирненіе, чувство ничтожества предъ безпредѣльнымъ величіемъ Божиимъ, преданность Богу, чувство зависимости отъ

¹⁾ Христ. Апологетика. Т. I. Слб. 1893. стр. 136.

Высочайшаго Существа, вѣру, надежду, любовь, сознание грѣховности, собственной беспомощности и т. д., и т. д.); христiанство выставило только любовь какъ *главный* и существенный признакъ въ понятiи объ отношенiяхъ человѣка къ Богу. Что же касается страха и благоговѣнiя, естественно вытекающихъ изъ чувства зависимости человѣка отъ абсолютнаго Существа, то они всегда составляли и составляютъ существенную и необходимую принадлежность въ содержанiи какъ естественной, такъ и богооткровенной религiи. „Начало мудрости, говорилъ премудрый Соломонъ (Притч. 1, 7), *страхъ Господень; благоговѣнiе къ Богу*—начало разумѣнiя“. „Страхъ Господень,—учить и другой ветхозавѣтный мудрецъ (Сир. 1, 11 и сл.), слава и честь, и веселiе и вѣнецъ радости. Страхъ Господень усладить сердце и дастъ веселiе и радость, и долгоденствiе. Боящемуся Господа благо будетъ на послѣдокъ и въ день смерти своей онъ получитъ благословенiе. Страхъ Господень—даръ отъ Господа и поставляетъ на стезяхъ любви. Начало премудрости—бояться Бога; полнота премудрости—бояться Господа; вѣнецъ премудрости—страхъ Господень, произражающiй миръ и невредимое здравiе; корень премудрости—бояться Господа; премудрость и знанiе есть страхъ предъ Господомъ, и благоугожденiе Ему—вѣра и кротость. Не будь недовѣрчивымъ къ страху предъ Господомъ“. Такое же ученiе о *страхѣ* какъ существенномъ признакѣ естественнаго религiознаго отношенiя человѣка къ Богу, мы можемъ находить и во многихъ другихъ мѣстахъ ветхозавѣтнаго откровенiя, напр., Іов. 28, 28; Пс. 110, 10; Притч. 9, 10; 10, 27; 14, 27; 15, 33; 19, 23; Екклез. 12, 13. Новозавѣтное откровенiе, полагая въ основу отношенiй человѣка къ Богу любовь, значительно смягчило представленiе о страхѣ, какъ существенномъ признакѣ религiи; въ облагодатствованномъ христiанинѣ страхъ покрывается любовью, переходитъ въ благоговѣнiе и привязанность; христiанинъ не ищетъ болѣе страха предъ Богомъ, какъ существомъ, которое можетъ сдѣлать ему вредъ или зло, но онъ боится стать недостойнымъ любви Божiей. Въ этомъ смыслѣ Новозавѣтное Откровенiе и учитъ, что „далъ намъ Богъ духа не боязни, но силы и любви“ (2 Тим. 1, 7), что мы „не приняли духа раб-

ства, чтобы опять жить въ страхѣ, но приняли духа усыновленія, которымъ взываемъ: Авва, Отче!“ (Рим. 8, 15),—что „въ любви нѣтъ страха“, что „совершенная любовь изгоняетъ страхъ“ и что „боящійся еще несовершенъ въ любви“ (1 Иоан. 4, 18). Такая замѣна страха любовію стала естественною въ христіанствѣ, когда людямъ было открыто, что самъ „Богъ есть любовь“ и что грубый страхъ предъ Нимъ не имѣетъ смысла, который былъ свойственъ язычеству, чуждому истиннаго понятія о Богѣ и не знавшему, что Богъ есть любовь. Тѣмъ не менѣе и въ христіанствѣ страхъ, измѣнившій свой грубый характеръ трепета и боязни предъ всемогущимъ существомъ, мстящимъ и причиняющимъ человѣку зло или вредъ, не былъ однако-же совершенно уничтоженъ какъ необходимый и существенный признакъ естественнаго религіознаго сознанія и религіознаго чувствованія. Вотъ почему и въ Новозавѣтномъ Откровеніи о людяхъ безбожныхъ и развратныхъ говорится словами Псалмопѣвца: „нѣтъ страха Божія предъ глазами ихъ“ (Рим. 3, 18) ¹⁾; о себѣ апостолы говорили: „зная страхъ Господень, мы вразумляемъ людей“ (2 Кор. 5, 11); „мы, пріемля царство непоколебимое, будемъ хранить благодать, которою будемъ служить благоугодно Богу съ благоговѣніемъ и страхомъ“ (Евр. 12, 28); всѣмъ же вообще людямъ Новозавѣтное Откровеніе заповѣдуетъ „бояться Бога“ (1 Петр. 2, 17; Колос. 3, 22; Апок. 14, 7; 15, 4), „совершать святыню въ страхѣ Божіемъ“ (2 Кор. 7, 1), „повиноваться другъ другу въ страхѣ Божіемъ“ (Ефес. 5, 21), „со страхомъ и трепетомъ совершать свое спасеніе“ (Филип. 2, 12), „со страхомъ проводить время странствованія своего“ (1 Петр. 1, 17), „страшиться впасть въ руки Бога живаго“ (Евр. 10, 31).

Если же страхъ въ томъ или другомъ видѣ входитъ въ содержаніе религіознаго сознанія какъ въ язычествѣ, такъ и въ христіанствѣ, то совершенно понятно, почему латинское слово *religio*, заключающее въ себѣ именно понятіе страха предъ Высочайшимъ Существомъ, пользуется распространенностію и принято во всѣ языки какъ цивилизованныхъ, такъ и не цивилизованныхъ народовъ.

¹⁾ Ср. Пс. 35, 2.

Тѣмъ не менѣе, какъ увидимъ ниже, одно чувство страха предъ Божествомъ вовсе не составляетъ сущности того явленія въ жизни человѣчества, которое принято называть религіею; а потому и неудивительно, что многіе современные намъ, даже западно-европейскіе ученые въ послѣднее время все больше и больше утверждаютъ въ мнѣніи, что слово „религія“ далеко не соотвѣтствуетъ тому понятію, которое имъ обозначаютъ, что съ нимъ могло мириться древнее до-христіанское язычество, но какъ терминъ христіанскаго благочестія оно должно быть устранено и замѣнено другимъ, болѣе соотвѣтствующимъ обозначаемому понятію.

Чтобы судить о законности или незаконности такого протеста противъ слова „религія“, намъ слѣдуетъ сначала установить самое понятіе о томъ явленіи, которое называется этимъ словомъ. Только при этомъ условіи мы ясно увидимъ, соотвѣтствуетъ ли этому явленію принятое обозначеніе или нѣтъ. Но тутъ-то именно мы и встрѣчаемся съ весьма серьезнымъ затрудненіемъ. Оказывается, что въ дѣйствительности между учеными мыслителями и богословами не существуетъ согласія даже въ отвѣтъ на вопросъ: что такое религія? Религія есть фактъ универсальный и всеобщій, нѣтъ и не было ни одного народа, который бы въ той или другой формѣ не выражалъ своихъ религіозныхъ вѣрованій и чувствованій, такъ или иначе не старался бы удовлетворить своимъ естественнымъ религіознымъ потребностямъ; опытъ каждаго ученаго непосредственно свидѣтельствуетъ или по крайней мѣрѣ свидѣтельствовалъ ему о томъ, въ чемъ и какъ проявляется религіозное настроеніе. Кто не имѣлъ многочисленныхъ случаевъ для наблюденія и изученія жизни и дѣятельности религіозныхъ людей? Какъ фактъ эмпирической, религія всегда и для каждаго можетъ быть самымъ доступнымъ предметомъ изученія. И при всемъ томъ, когда мы обратимся къ мыслителямъ и богословамъ съ цѣлью найти у нихъ опредѣленіе этого универсальнаго и всѣмъ доступнаго факта, мы встрѣтимъ такое множество самыхъ разнообразныхъ и, къ сожалѣнію, часто непримиримо противорѣчивыхъ, одностороннихъ, запутанныхъ и тенденціозныхъ мнѣній, что разобраться въ нихъ вовсе не легко. Каждый философскій

мыслитель по своему отвѣтитъ намъ на вопросъ: что такое религія? И трудно найти двухъ изъ нихъ, которые не противорѣчили бы другъ другу. То же самое мы встрѣтимъ и среди богослововъ—православныхъ, католическихъ и протестантскихъ.

Нѣтъ никакой возможности (да, пожалуй, и надобности) приводить здѣсь мнѣнія *каждаго* философа и *каждаго* ученаго богослова о томъ, что нужно разумѣть подъ религіею. Это—трудъ чрезвычайный, а главное—безполезный. Для примѣра и доказательства сказаннаго нами выше будетъ вполне достаточно, если мы остановимъ вниманіе читателя только на тѣхъ опредѣленіяхъ понятія о религіи, которыя предложены философами и богословами наиболѣе извѣстными и наиболѣе вліятельными, сочиненія которыхъ пользуются вниманіемъ, а иногда и уваженіемъ мыслящихъ людей.

Православные богословы, какъ извѣстно, въ своемъ значительномъ большинствѣ, обыкновенно опредѣляютъ религію какъ „союзъ Бога съ человѣкомъ“¹⁾. „*Религія*,—говоритъ, напр., Н. П. Рождественскій, по внутреннѣйшему существу своему, *есть духовный союзъ человека съ Богомъ, союзъ богочеловѣчскій, которымъ предполагается: а) возвышеніе человѣка къ Богу и б) нисхожденіе Бога къ человѣку. Въ этомъ состоитъ глубочайшій смыслъ религіи и заключается ея основа*“. Такое опредѣленіе вполне вѣрно и точно по отношенію къ религіи истинной, богооткровенной. Богъ самъ устанавливаетъ завѣтъ, союзъ или договоръ съ Авраамомъ. Христосъ называетъ кровь Свою, пролитую за спасеніе міра,—кровію новаго завѣта; Онъ даетъ Своимъ послѣдователямъ заповѣдь новую и завѣщаетъ имъ царство. Но приведенное опредѣленіе не можетъ быть названо точнымъ, если мы будемъ имѣть въ виду не богооткровенную только религію, а религію вообще, разсматриваемую съ объективной и *субъективной* стороны. Подъ это опредѣленіе во всякомъ случаѣ не можетъ быть подведенъ длинный рядъ такъ называемыхъ естественныхъ или языческихъ религій, потому что язычники лишены познанія истиннаго Бога,—вмѣсто истиннаго Бога они часто почитаютъ бездушную тварь—солнце, луну, звѣзды, рыбу, кость, зубъ буйвола и т. п., а слѣдовательно, ихъ религія ни въ какомъ

1) Срв. Макаріи „Введеніе въ Богосл.“ 1847, стр. 36

случаѣ не можетъ быть названа союзомъ богочеловѣческимъ, заключаемымъ съ цѣлю возвышенія человѣка къ Богу и нисхожденія Бога къ человѣку. Правда, языческія религіи не суть истинныя религіи; онѣ по справедливости называются религіями ложными. Но ложь языческихъ религій не исключаетъ ихъ существованія; язычниковъ, выражающихъ свои религіозныя вѣрованія съ самой грубой и чудовищной формѣ, мы не называемъ однако-же совершенно безрелигіозными. „Аѳиняне!“—говорилъ ап. Павелъ языческимъ грекамъ, „по всему вижу я, что вы какъ бы особенно *набожны*“ (Дѣян. 17, 22); ложною у язычниковъ должна быть признана только объективная сторона религіи, но не субъективная въ смыслѣ присущаго духовной природѣ человѣка влеченія или стремленія къ Божеству. Въ этомъ отношеніи всѣ люди одинаковы и нельзя указать различія между грубымъ язычникомъ и самымъ благочестивымъ христіаниномъ. Союзъ, завѣтъ, договоръ суть понятія, не исключаютія свободы и случайности. Но свободно принимаемою или случайною можетъ быть только внѣшняя или объективная форма религіи. *Можно быть* христіаниномъ и въ частности православнымъ, католикомъ, протестантомъ, сектантомъ всякаго рода, *можно быть* язычникомъ, магометаниномъ, евреемъ; даже болѣе того, по тѣмъ или другимъ побужденіямъ, католикъ *можетъ* оставить свое вѣроисповѣданіе и принять протестантское, протестантъ *можетъ* стать православнымъ и т. п. Но внутренняя или субъективная сторона религіи не допускаетъ ни свободы, ни случайности. Она коренится въ самой духовной природѣ человѣка и потому *каждый* человѣкъ, въ нормальномъ состояніи, *по природѣ, по необходимости, долженъ* быть религіознымъ, какъ по природѣ, по необходимости, онъ *долженъ* обнаруживать свою естественную, природную способность къ истинѣ, къ добру и красотѣ. Поэтому опредѣленіе религіи какъ (истиннаго или ложнаго) союза человѣка съ Богомъ, заключеннаго съ цѣлю возвышенія человѣка къ Богу и нисхожденія Бога къ человѣку, касается собственно только *объективной* (культовой, вѣроисповѣдной) стороны религіи, но не религіи вообще. Извѣстный профессоръ Московской духовной академіи В. Д. *Кудрявцевъ* также не одобрялъ опредѣленія

религіи, принятаго нашими русскими богословами. „У насъ, говоритъ онъ, религія опредѣляется большею частію какъ за-вѣтъ или союзъ между Богомъ и человѣкомъ. Но такое опредѣленіе намъ кажется недовольно общимъ и включающимъ подъ собою *всѣ* религіи, что требуется понятіемъ о религіи *вообще*. Въ религіяхъ языческихъ мы не можемъ допустить *союза* между Богомъ и человѣкомъ, но можемъ однако же допустить нѣкоторое особенное (религіозное) *отношеніе* не только человѣка къ Богу, но и Бога къ человѣку, такъ какъ и въ мірѣ языческомъ Богъ *не несвидѣтельствована Себе остави* (Дѣян. 14, 17), и въ жизни народовъ языческихъ мы можемъ видѣть не только общее промыслительное дѣйствование Божества, но и особенное направленіе хода этой жизни къ достиженію главной цѣли религіи—спасенія человѣка“. Отвергнувъ на этомъ основаніи опредѣленіе религіи, принятое русскими православными богословами, самъ В. Д. Кудрявцевъ предлагаетъ опредѣлять религію какъ *взаимоотношеніе* между Богомъ и человѣкомъ. Насколько можетъ быть принято такое опредѣленіе религіи,—объ этомъ мы скажемъ въ свое время.

У западно-европейскихъ богослововъ и философовъ мы уже не такъ часто встрѣчаемъ опредѣленіе религіи, какъ союза человѣка съ Богомъ. Западно-европейскіе католическіе и протестантскіе богословы и философствующіе мыслители въ опредѣленіи религіи стараются выйти изъ такого признака, который былъ бы свойственъ какъ субъективной, такъ и объективной сторонѣ религіи; но такъ какъ понятіе религіи не исчерпывается только однимъ какимъ либо признакомъ, то и опредѣленія религіи у западно-европейскихъ ученыхъ, въ большинствѣ, являются слишкомъ односторонними, а потому и невѣрными.

По опредѣленію *католическаго* богослова апологета Дрея, религія есть общее и живое настроеніе человѣка, обусловливаемое *богосознаніемъ*. Такимъ образомъ, по опредѣленію Дрея, источникомъ религіи должно быть признано наше *сознаніе*, достигаемое чрезъ различеніе и противоположеніе. Эту мысль съ особенною настойчивостію развивали также Гегель, гегельянцы, и германскіе матеріалисты новѣйшаго времени, дошед-

шіе но этому пути до совершеннаго отрицанія истиннаго значенія религіи. Не всякое богосознаніе порождаетъ религію. Нельзя отказать въ богосознаніи многимъ философскимъ мыслителямъ, которые не только сами не были религіозными, но и враждебно относились къ самому существованію религіи въ родѣ человѣческомъ. Кромѣ того, въ своемъ опредѣленіи Дрей не указываетъ намъ, какимъ образомъ у человѣка, еще не имѣющаго религіи, можетъ появляться богосознаніе. Самъ ли Богъ долженъ быть признанъ виновникомъ его или человѣкъ достигаетъ его какимъ либо инымъ путемъ, напр., неумѣніемъ объяснить многія явленія природы изъ ихъ естественныхъ причинъ, какъ утверждаютъ матеріалисты, и т. п. Поэтому точнѣе, хотя такъ же невѣрно, опредѣляетъ религію другой католическій богословъ—*Берлаге*. Онъ говоритъ, что религія есть всеобщее и всестороннее опредѣленіе и возбужденіе человѣка со стороны вѣчнаго и неизмѣняемаго существа, т. е., Бога. Это опредѣленіе мы называемъ невѣрнымъ и несоотвѣтствующимъ дѣйствительности, потому что съ этой точки зрѣнія религія въ родѣ человѣческомъ представляется чѣмъ-то механически навязаннымъ человѣку отвнѣ, безъ предположенія внутренней и насущной потребности въ ней со стороны духовной природы человѣка. Религія являлась бы только дѣломъ Божества, отношеніемъ лишь Бога къ человѣку, а не наоборотъ, причемъ оставались бы чисто случайными и непонятными какъ цѣль, такъ и характеръ этого возбужденія въ человѣкѣ, причиняемаго Богомъ. Наконецъ, нельзя не имѣть въ виду, что многія естественныя религіи часто принимаютъ ложное, грубое и вообще недостойное Бога направленіе; ясно, что такое направленіе религіознаго возбужденія не можетъ быть приписываемо непосредственно Богу. Опредѣленіе религіи, предложенное католическимъ богословомъ Берлаге, имѣетъ отношеніе лишь только къ тому моменту истинной религіи, который называется Божественнымъ *откровеніемъ*. *Клее* (католическій богословъ) былъ недоволенъ опредѣленіемъ религіи, господствовавшимъ вообще въ католическомъ мірѣ, по которому (опредѣленію) подъ религіею разумѣли просто отношеніе человѣка къ Богу. По его мнѣнію, этимъ опредѣленіемъ игно-

рируется другая не менѣ важная сторона религіи—отноше-
ніе Бога къ человѣку; поэтому онъ возвращается къ отвергну-
тому уже опредѣленію религіи, какъ взаимнаго союза или воз-
соединенія Бога съ тварью, въ частности—съ человѣкомъ. По
его заключенію, религія есть столько же дѣло Божіе, какъ и
человѣческое. Такое опредѣленіе религіи не нашло однако же
для себя многихъ защитниковъ ни между западно-европейски-
ми богословами, ни между философствующими мыслителями.
Что человѣкъ можетъ и долженъ быть *религіознымъ*, это по-
понятно; но можно ли Бога называть *религіознымъ*? Ниже мы
укажемъ на тѣ признаки, которыми характеризуется религія
вообще,—и тогда ясно будетъ, что ни одинъ изъ этихъ суще-
ственныхъ признаковъ религіи не можетъ быть свойственъ Бо-
жеству. *Генлеръ* въ введеніи въ свою Богословскую энцикло-
педію предлагаетъ такое опредѣленіе религіи: „религія есть
обусловленность вещей чрезъ Бога“. Это опредѣленіе, конечно,
не заслуживаетъ того, чтобы на немъ останавливать серьезное
вниманіе. Гораздо выше стоитъ разсужденіе современнаго
Генглеру католическаго же богослова *Л. Шмидта*. Въ своей
диссертациі—„Die Construction des theologischen Beweises“
(1894, стр. 14)—Шмидтъ говоритъ: „Религія есть воссоедине-
ніе человѣка, отпадшаго отъ Бога чрезъ грѣхъ, съ Богомъ.
Такое воссоединеніе можетъ быть достигнуто только чрезъ
взаимныя дѣйствія, съ одной стороны—Бога, съ другой—че-
ловѣка“. Это опредѣленіе въ сущности то же, какого придержи-
ваются почти всѣ наши православные богословы и на ко-
торое мы уже указывали выше. Извѣстный католическій бого-
словъ *Штауденмайеръ*, по приведеннымъ основаніямъ, не удов-
летворился опредѣленіемъ религіи, которое предложили *Клее*,
Генлеръ и *Шмидтъ* и нашелъ наилучшимъ возвратиться къ
старому пониманію религіи какъ живого *союза* между чело-
вѣкомъ и Богомъ вообще. По его опредѣленію, религія есть
сознательное и совершенно свободное отношеніе человѣка къ
Богу и живое общеніе съ Нимъ. Противъ такого опредѣленія
религіи много возражали даже католики, указывая на то, что
въ душѣ человѣческой религія, какъ фактъ, часто обнаружи-
вается раньше, чѣмъ человѣкъ достигаетъ яснаго религіознаго

самосознанія, которымъ онъ уже только какъ бы даетъ отчетъ самому себѣ въ томъ, что происходитъ въ его душѣ. Неудовлетворительнымъ найдено было приведенное опредѣленіе Штауденмайера еще и потому, что имъ не указывается съ точностію, въ чемъ именно состоитъ сущность живого и сознательнаго общенія человѣка съ Богомъ. *Обертюръ* въ своей „Методологіи богословской науки“ нисколько не помогъ уясненію понятія о религіи, повторивъ старое опредѣленіе, по которому подъ религіею разумѣлся вообще „союзъ, объединяющій какъ *творенія* между собою, такъ и Самаго Творца съ ними“. *Бреннеръ* въ своей „Генеральной Догматикѣ“ утверждаетъ, что „религія есть благоговѣйное отношеніе разумнаго творенія къ высочайшему Первосуществу“. *Геттингеръ* въ послѣднее время энергично защищаетъ такое именно опредѣленіе религіи, какое было предложено Бреннеромъ. „Въ обширнѣйшемъ смыслѣ, говоритъ онъ, религія есть отношеніе *тварнаго духа* (?) къ Богу. Она есть изначальное, всеобщее и самое могущественнѣйшее явленіе въ жизни народовъ,—фактъ историческій и психологическій. Но тѣмъ не менѣе религія есть только отношеніе разумнаго творенія къ Богу, а не отношеніе Бога къ разумному творенію. Богъ есть виновникъ и основаніе религіи; но Самъ Богъ не имѣетъ религіи. Поэтому религію нельзя называть „взаимоотношеніемъ“. И въ другомъ мѣстѣ Геттингеръ говоритъ: „Тварный духъ познаетъ и исповѣдуетъ свое отношеніе къ Богу, какъ *жизь* Него сущій и для Него предназначенный. Это-то *свободное* и *сознательное* отношеніе тварнаго духа къ Богу, какъ къ началу и цѣли его бытія, и есть религія“.

Профессоръ Харьковскаго Университета, *Прот. Т. Буткевичъ*.

(Продолженіе будетъ).

Сектантское движеніе на русском сѣверѣ XIV вѣка по его происхожденію.

Наша начальная лѣтопись, не давая точныхъ свѣдѣній о времени появленія славянъ на восточной европейской равнинѣ, ограничивается краткими указаніями на порядокъ расселенія: сначала славяне, покинувъ свои старинныя гнѣзда на Карпатахъ, заняли бассейнъ Днѣпра и его притоковъ, а потомъ поднялись къ сѣверу и заселили окрестность Ильмена и Волхова. Уже давно психологія установила, какъ неоспоримый законъ, вліяніе климатическихъ условій страны на духовную фізіономію ея населенія: сѣверяне крѣпче южанъ духомъ, превосходятъ ихъ въ энергіи, но отличаются преобладаніемъ холодной разсудочности надъ пылкой впечатлительностью,— смѣлый полетъ фантазіи южанина у обитателя сѣвера какъ бы сковывается суровостью окружающей его природы. Всѣ указанныя черты характера сѣверянъ мы встрѣчаемъ у новгородцевъ и псковичей, насельниковъ негостепріимнаго, болотистаго края, гдѣ природа столь уже рѣдко улыбается человѣку, какъ мачиха нелюбимому пасынку. Если южанамъ выпала нелегкая задача охранять свои города и селенія, а равно южный конецъ торговаго пути „изъ варягъ въ греки“ отъ кочевниковъ, бродившихъ по черноморскимъ степямъ, то сѣверяне имѣли историческую миссію, требовавшую еще большей энергіи: они должны были послужить піонерами своей народности и культуры на дикомъ сѣверѣ, а для осуществленія подобнаго грандіознаго плана необходимо было вступить въ

упорную борьбу съ природой. Сказанія о смѣлыхъ предпріятіяхъ „ушкуйниковъ“, немного опoэтизированныхъ новгородцами позднѣйшаго времени, живо рисуютъ намъ всю трудность борьбы съ суровой природой, какъ бы мощно защищавшей рѣдкое до прилива славянской колонизаціи туземное населеніе отъ порабощенія пришельцами, подобно тому, какъ богатырскій эпосъ, зародившійся на югѣ, представляетъ переработку народнымъ творчествомъ военной исторіи Кіевской Руси, слагавшейся изъ ея частыхъ столкновеній съ хищными ордами печенѣговъ и половцевъ. Борьба съ природой окончилась побѣдой колонистовъ: повсюду по рѣкамъ, служившимъ долгое время единственными путями сообщенія на сплошь покрытомъ дремучими лѣсами сѣверѣ, выросли Новгородскіе посѣлки,—началась дѣятельная эксплуатація окрестныхъ естественныхъ богатствъ: дотолѣ безмолвная лѣсная пустыня огласилась визгомъ пилы и стукомъ топора, къ которымъ нерѣдко присоединялся жалобный крикъ смертельно раненаго пушнаго звѣря; стали сновать легкіе „ушкуи“ между Новгородомъ и многочисленными колоніями, число которыхъ увеличивалось съ каждымъ годомъ, по мѣрѣ того какъ предпріимчивость вела славянъ въ глубину еще во многихъ мѣстахъ дѣвственнаго края. Но побѣда обычно надмеваетъ побѣдителя: новгородцы самоувѣренно подняли голову, которая съ этихъ поръ неохотно склонялась подъ ярмо политической власти. Различіе южанъ и сѣверянъ открывается уже въ 10 вѣкѣ при принятіи Русью христіанства: въ Кіевѣ народъ покорно собрался на Днѣпровскомъ берегу для крещенія,—въ Новгородѣ населеніе не желало послѣдовать княжескому приказанію: понадобилась вооруженная сила для подавленія мятежа, какъ выразительно отмѣчаетъ Новгородская лѣтопись: Путята крестилъ мечемъ, а Добрыня огнемъ. Напрасно видятъ нѣкоторые историки поводъ къ указанному возстанію въ процвѣтаніи на сѣверѣ язычества и вліяніи волхвовъ на невѣжественную массу,—Кіевская Русь была не менѣе привязана къ старой вѣрѣ и даже запятнала себя убіеніемъ исповѣдниковъ христіанства, варяга Ѳедора съ сыномъ. Правильнѣе усматривать въ Новгородскомъ мятежѣ политической протестъ, чѣмъ исключительно религіозный и

ставить его въ зависимость отъ особенностей духовнаго склада сѣверянъ. Ходъ дальнѣйшихъ событій содѣйствовалъ обособленію Новгорода изъ семьи областей и княжествъ удѣльнаго періода: княжескія усобицы и отдаленность отъ притягивавшаго вниманіе всѣхъ князей Кіева дали Новгороду возможность развитъ новыя начала политическаго быта—преобразоваться въ городскую республику. Князь въ Новгородѣ, обычно не новгородецъ по рожденію и весьма малая звѣзда на тогдашнемъ политическомъ горизонтѣ по низкому мѣсту, отводимому Новгороду въ лѣстницѣ удѣловъ, былъ не органическимъ членомъ, но механической приставкой къ мѣстному обществу, какъ варяги-конунги, появлявшіеся въ городахъ Приднѣпровья 9 вѣка; власть законодательная сосредоточилась въ рукахъ выборныхъ лицъ Новгородскаго происхожденія, контролировавшихъ и дѣйствія князя, какъ военнаго стража и судьи. Но выдѣляя изъ своей среды извѣстный составъ лицъ для руководства общественной жизнью, новгородцы сохраняли за собой право критически относиться къ проводимымъ ими мѣропріятіямъ и даже прямо отмѣнять ихъ государственные проэктъ на вѣчѣ. Ростъ матеріальнаго благосостоянія Новгорода находился въ тѣсной связи съ развитіемъ обширной внѣшей торговли съ Ганзой и Готландомъ: густой боръ, покрывавшій въ первые вѣка текущаго тысячелѣтія сѣверъ Россіи, представлялъ неистощимый запасъ сырыхъ матеріаловъ для европейской техники, и нѣмецкіе негоціанты и промышленники рано открыли дверь въ сѣверный Новгородскій край, основавъ въ Новгородѣ и Псковѣ свои факторіи.

Хотя мотивомъ для сношеній съ нѣмцами были торговые интересы, но несомнѣнно, что посѣщеніе новгородцами и псковичами Ганзейскихъ вольныхъ городовъ отражалась не на одномъ развитіи экономическаго благосостоянія и успѣхахъ внѣшней гражданственности: культура запада должна была пробуждать духъ критики по отношенію къ отечественнымъ формамъ жизни,—въ сѣверныхъ торговыхъ центрахъ многіе были заражены политическимъ либерализмомъ и религіозной пытливостью, часто ведущей къ ересямъ и расколамъ.

Въ 12 и 13 вѣкахъ, вслѣдствіе татарскихъ погромовъ, за-

мираетъ дотолѣ шумная жизнь нашего юга, и волна колонизаціи разливается по междурѣчью верхней Волги и Оки: сначала небольшой Владиміръ, потомъ еще меньшая Москва становится въ положеніе древняго Кіева, выставляють притязаніе на достоинство центровъ народной жизни. Съ перемѣщеніемъ средоточія политической жизни на сѣверъ начинаютъ возникать у новгородцевъ опасенія на счетъ сохраненія дорогихъ имъ „вольностей“: они ревнивымъ и зложелательнымъ окомъ смотрять на эти городки, не имѣющіе славнаго прошлаго, но открыто заявляющіе свое намѣреніе поглотить автономію удѣловъ. По мѣрѣ политическихъ успѣховъ Московскихъ князей. ихъ территорія все ближе придвигалась къ Новгородскимъ пятинамъ, и столкновение сѣверной республики съ стремленіемъ Москвы въ централизаціи политической жизни являлось неизбежнымъ: мы дѣйствительно видимъ рядъ попытокъ Москвы покончить съ Новгородской вольностью, но эти стремленія сокрушались объ экономическую мощь города и его малодоступность, благодаря лѣснымъ чащамъ и топкимъ болотамъ, мѣшавшимъ стратегическимъ предпріятіямъ; при этомъ обостренныя отношенія къ Литвѣ и частые хищническіе набѣги татаръ отвлекали военныя силы Москвы на западъ и югъ и отсрочивали паденіе сѣвернаго вѣчеваго города. Только по сверженіи татарскаго ига и установленіи затишья на западной границѣ вниманіе Іоанна 3-го устремляется на непокорный Новгородъ, и его свобода отходитъ въ область историческаго прошлаго. Но Московскій вѣнценосецъ торжествовалъ надъ формой Новгородской политической жизни, а не надъ убѣжденіями и понятіями свобододолюбивыхъ сѣверянъ: отнявъ вѣчевой колоколь, уже не одну сотню лѣтъ сзывавшій народъ на совѣщаніе, онъ не могъ, конечно, сразу измѣнить нравственную фізіономію новгородца, передѣлать его въ роялиста изъ республиканца, изгнать сложившіяся вѣками симпатіи. Душевную жизнь не такъ легко преобразовать, какъ покрой платья: душевные навыки не искоренимы ни для какой внѣшней силы, а могутъ погибать лишь естественной смертью, все болѣе и болѣе увядая въ послѣдующихъ поколѣніяхъ.

Нѣчто подобное борьбѣ Новгорода съ Москвой замѣчается

и въ отношеніяхъ Пскова къ своей метрополіи: сначала Псковъ былъ Новгородскимъ пригородомъ и не имѣлъ полной автономіи. Новгородскій посадникъ безцеремонно хозяйничалъ на Псковскомъ вѣчѣ, но вскорѣ подобное политическое положеніе Пскова стало не соотвѣтствовать его успѣхамъ въ ганзейской торговлѣ. Путемъ договоровъ Псковъ отдѣляется отъ Новгорода въ самостоятельное политическое тѣло и становится рядомъ съ нимъ, какъ младшій братъ. Но Псковъ слишкомъ долго питался соками Новгородской общественной жизни, чтобы, отдѣлившись отъ прежней метрополіи, выработать какую-либо особую форму политическаго быта. Псковъ явился Новгородомъ въ миниатюрѣ,—это были двѣ похожихъ другъ на друга капли воды,—одна побольше,—другая поменьше. Новгородъ, вынужденный ростомъ благосостоянія Пскова дать ему относительную свободу, не отказался однако отъ надежды возстановить въ будущемъ прежнюю зависимость пригорода отъ „Господина Великаго Новгорода“ и при всякомъ удобномъ случаѣ старался осуществить свои мечтанія. Могутъ ли отличаться спокойнымъ характеромъ отношенія 2 сосѣдей, изъ которыхъ одинъ постоянно замышляетъ ковы на другаго?—а наши города-братья были именно такими враждующими сосѣдями: къ ревности политической присоединилась и зависть экономическая,—тотъ и другой городъ гостепріимно распахивали свои ворота для иностранныхъ купцовъ, обѣщая полную гарантію для ихъ жизни и собственности, въ обоихъ городахъ формировались торговыя компаніи, строились церкви для освященія возникшихъ предпріятій, при чемъ обширные церковные подвалы наполнялись пушнымъ товаромъ, продуктами привившихся на сѣверѣ лѣснаго пчеловодства (бортничества) и скотоводства (особенно оленеводства), а равно обширнаго лѣснаго хозяйства. Стоявъ прежде враждебно другъ къ другу, какъ два обособившихся политическихъ организма, но еще не утратившихъ воспоминанія о прежнихъ взаимныхъ отношеніяхъ, теперь Новгородъ и Псковъ стали соперничать между собой, какъ два куща, торгующіе рядомъ однимъ и тѣмъ же матеріаломъ. Пословица: „Душа на Волховѣ, сердце на Великой“ какъ бы указываетъ на близкія интимныя отношенія младшаго брата къ старшему

и наоборотъ, но историкъ затруднится подыскать достаточное количество фактовъ для обоснованія мысли, выражаемой пословицей, а обращенія псковичей въ Москву за помощью при нападеніяхъ Ливонскихъ нѣмцевъ прямо противорѣчитъ содержанию пословицы, рисующей какую-то сѣверную идиллію. Можно думать, что пословица явилась въ сравнительно позднее время уже послѣ подчиненія обоихъ городовъ Москвѣ, когда общее несчастье могло вызвать взаимную симпатію у недавнихъ соперниковъ.

Заря христіанства, заблеставшая надъ Кіевской Русью при Владимірѣ и его ближайшихъ преемникахъ, на сѣверѣ едва мерцала и подавлялась мракомъ язычества. Если при внѣшнихъ успѣхахъ миссіонерской дѣятельности первыхъ іерарховъ и князей народъ и на югѣ оставался двоевѣрнымъ, то тѣмъ болѣе такимъ синкретизмомъ старой и новой вѣры долженъ былъ отличаться полудикій сѣверъ: дошедшія до насъ мифологическія сказанія финновъ носятъ ясныя слѣды двоевѣрія,— на финскомъ Олимпѣ помимо языческихъ божествъ, олицетворяющихъ по большей части силы природы, мы встрѣчаемъ и христіанскихъ святыхъ, занимающихъ только болѣе высокія мѣста. Самые праздники, установленные новой вѣрой, слились съ языческими и, конечно, стали неузнаваемыми, какъ это видно изъ обличеній Серапіона Владимірскаго. Если югъ 9, 10 и 11 вѣковъ, поддерживавшій дѣятельныя сношенія съ Византіей, могъ идти впередъ въ культурномъ отношеніи, то этого нельзя сказать о глухомъ сѣверѣ, принимавшемъ лишь косвенное участіе въ общерусскомъ торговомъ движеніи. Къ тому же природа сѣвера даетъ мало времени для размышленія о предметахъ, не соприкасающихся съ практическими нуждами, она всегда не прочь постучать въ дверь мечтателя и вызвать его къ будничной, трудовой дѣятельности. Если у насъ въ то время христіанство понималось по большей части, какъ совокупность обрядовъ, то наружное благочестіе должно было особенно привиться на сѣверѣ, мало склонномъ съ своимъ практицизмомъ къ углубленію въ духовную сторону религіи. Подтвержденіе этой мысли можно находить въ маломъ количествѣ монастырей на сѣверѣ 9, 10 и 11 вѣковъ, тогда какъ

югъ съ ранняго времени началъ ими густо покрываться: сѣверянинъ съ надломленной душевной жизнью несъ свое горе не въ иноческую обитель, но на просторъ родныхъ лѣсовъ, гдѣ формировалъ шайку удалцевъ и съ ними направлялся въ еще мало развѣданныя мѣста искать новаго счастья или заглушить свое нравственное страданіе непосильнымъ физическимъ трудомъ. Первая обитель, возникшая на сѣверѣ, была основана по преданію Антоніемъ Римляниномъ, т. е. иностранцемъ; слѣдующая за ней по времени основанія Хутынская пустынь была долго весьма не богата насельниками. Сѣверъ увлекся работой маммонѣ, церковь не пустила здѣсь глубокихъ корней въ народную жизнь: она оставалась виѣшнимъ институтомъ безъ значительнаго вліянія на убѣжденія и волю массы. Когда новгородецъ въ пылу битвы восклицалъ: „Умремъ за Святую Софію“, онъ разумѣлъ не святую мученицу, ставшую по постросніи Ярославомъ храма ея имени въ Новгородѣ небесной покровительницей христіанскаго общества сѣвера, но отечественный городъ, представленіе о которомъ у него сливалось съ образомъ величественнаго украшающаго городской кремль Софійскаго храма,—этотъ ратный кличъ новгородцевъ выражалъ ихъ патріотизмъ, а не горячую преданность вѣрѣ. Псковичъ, готовый умереть въ бою за Святую Троицу, сражался совсѣмъ не съ врагами православія, но съ братьями по вѣрѣ, защищая привилегіи отечественнаго города, имѣвшаго соборную церковь во имя Святой Троицы.

Духовенство, въ то время еще далекое отъ обособленія въ отдѣльное сословіе, набиралось изъ народной массы, было плотью отъ плоти и костью отъ кости народа, раздѣляло съ нимъ всѣ его недостатки и достоинства. Каково было духовенство нашего сѣвера въ сравнительно уже позднее время, можно видѣть изъ посланія Геннадія Новгородскаго къ митрополиту Симону: „Приведутъ ко мнѣ мужика для посвященія“, пишетъ святитель, „я даю ему читать апостолъ, а онъ и ступить не можетъ, я ему даю псалтирь, а онъ и тутъ едва бредетъ,—велю его учить ектеньямъ, а онъ и къ слову пристать не умѣетъ... Я его прогоню, а на меня за это жалуются. Земля, говорятъ, такова,—не можемъ достать человѣка,

который умѣлъ бы читать". Если приведенное мѣсто говоритъ лишь о необразованности искателей мѣстъ въ клирѣ на сѣверѣ, такъ какъ его члены „элинскихъ борзостей не текоша“, то другія пастырскія посланія 14 вѣка накладываютъ мрачныя краски на картину нравственной жизни священнослужителей: Іерейство держитъ койждо точію временную потребу... чрева ради все творить и глаголетъ... Полонъ міръ поповъ, а на дѣло Божіе рѣдци обрѣтаются... Се бо есть соблазнъ людемъ—рано пьете и ясте и упиваетесь чрезъ законъ, кощуняете злѣ, а иніи срамныя рѣчи глаголютъ... Тогда Господь повелитъ отлучити попы и игумены и діаконы и чернца и черница и речетъ имъ Господь: не бѣхъ ли нареклъ васъ, яко Мои есте ученицы и не бѣхъ ли глаголахъ вамъ: пасите малое Моихъ овецъ стадо, учите люди, созданіе руку Моею?—но вы въ гордости и въ питіи и въ сребролюбіи заблудившеся не научите люди Мои, и овца Моя заблудишася, а вы не упасосте ихъ, а нынѣ отъидите отъ Мене проклятій въ огонь вѣчный (см. у Архангельскаго „Ниль Сорскій“ стр. 187—188).—При такомъ неприглядномъ умственномъ и нравственномъ состояніи духовенства, какое изображаютъ не враги церкви, но стоящіе во главѣ ея святители, просвѣтительное его вліяніе являлось прямо невозможнымъ, и арбуи и волхвы надолго сохранили за собой авторитетъ въ мнимо-христіанскомъ обществѣ.

Организація церковной жизни, какъ показываетъ исторія, обычно зависима отъ мѣстныхъ и временныхъ условій,—подтверженіемъ этого общаго наблюденія можетъ быть и церковное общество на нашемъ сѣверѣ. За исконныя права іерархіи признаются право суда надъ мірянами по преступленіямъ противъ религіи и нравственности и освобожденіе ея отъ юрисдикціи свѣтской власти, кромѣ немногихъ исключительныхъ проступковъ. Церковь, какъ юридическое лицо, могла имѣть недвижимую собственность, освобождавшуюся отъ налоговъ въ пользу правительства. Наши же сѣверныя республики, стремясь подчинить контролю вѣча всѣ стороны народной жизни, смотрѣли враждебно на привилегіи церкви и дѣлали попытки поработить ее государству, разрушить корпоративныя преимущества духовенства и слить его съ земствомъ. По гра-

мотѣ митрополита Θεодосія, данной Новгородскому архіерею Іонѣ, видно, что духовенству грозило вмѣшательство мірской власти въ экономическій бытъ церкви, Московскій святитель пишетъ: въ села, земли и воды церковныя посаднику, тысяцкому и боярамъ Новгорода не вступаться. Въ 1495 году на Псковскомъ вѣчѣ хотѣли священниковъ „избезчестовати кнутомъ“ за нежеланіе съ ихъ стороны нести земскія повинности съ церковныхъ земель. Хотя въ Новгородѣ и Псковѣ не извѣстны открытыя стремленія къ секуляризаціи церковныхъ земель, кромѣ одной неудавшейся попытки, на которую есть намекъ въ грамотѣ митрополита Филиппа I въ Новгородѣ отъ 1467 года, но широкое участіе мірянъ въ церковномъ хозяйствѣ, напоминающее *jus patronatus* юго-западной Литовской церкви, замѣчается вплоть до 17 вѣка, когда въ 1685 году архіерей Маркеллъ жаловался, что въ Псковѣ епископы не имѣютъ власти, но всѣмъ владѣютъ мужики; они располагаютъ церковными имуществами, отчета же не даютъ, архіерея и его чиновниковъ не слушаютъ, и отъ этого церковная казна пропадаетъ съ давнихъ поръ ¹⁾. Не менѣе свидѣтельствъ о стремленіи городскихъ республикъ сѣвера подчинить духовенство суду вѣча. Архіепископъ Новгородскій Іоаннъ писалъ митрополиту Кипріану, что мірская власть вторгается въ область церковной жизни, пытается лишить святителей права суда надъ пастырями и чернецами, даже по антиканоническимъ проступкамъ: міряне хотѣли судить и казнить поповъ *въ церковныхъ вещахъ*. Въ грамотѣ Кипріана отъ 1395 года, адресованной въ Новгородѣ, дается мірянамъ разъясненіе ихъ некомпетентности въ сферѣ чисто-церковныхъ дѣлъ: не годится мірянамъ по па ни судить, ни казнить, ни осуждать его, ни слова на него молвить. Но подобныя внушенія сѣверъ встрѣчалъ, „какъ аспидъ, затыкающій уши отъ здравыхъ словесъ“, и на всемъ протяженіи его самостоятельной политической жизни неоднократно имѣли мѣсто случаи, подобные изверженію Псковскимъ вѣчемъ въ 1341 году изъ пресвитерскаго сана нѣсколькихъ лицъ, обвиненныхъ прихожанами въ томъ, что они, овдовѣвъ, вступили во второй бракъ. Изъ до-

¹⁾ Пшонниковъ. „О культурномъ значеніи Византии“ стр. 388.

шедшихъ до насъ посланій Новгородскаго владыки Семеона въ Снѣтогорскую обитель видно, что міряне вступались и въ монастырскія хозяйственныя дѣла и присвоивали себѣ право надзора за монашеской нравственностью. Когда установились подобныя отношенія мірянъ вѣчевыхъ общинъ къ духовенству и имуществу церкви, за недостаткомъ фактическихъ данныхъ нельзя рѣшить точно, но можно думать, что со времени укорененія на сѣверѣ обычая выбирать архіерея на вѣчевой площади съ 1156 года, когда вѣчемъ былъ избранъ на кафедру игумень Аркадій, и избранный архіерей являлся такимъ же выборнымъ лицомъ какъ и посадникъ или тысяцкій,—ему принадлежало только первенство чести сравнительно съ свѣтскими сановниками, на примѣръ, онъ предсѣдательствовалъ въ совѣтѣ господъ. Частыя распри Новгорода съ Москвой заставляли кандидатовъ на архіерейство по избранію вѣча болѣе или менѣе продолжительное время управлять мѣстною церковью безъ митрополичьяго рукоположенія,—нѣкоторыя лица, вступавшія на основаніи вѣчеваго избранія въ управленіе обширной епархіей, умирали безъ посвященія въ епископскій санъ, пробывъ во главѣ мѣстной церкви не мѣсяцы, но цѣлыя годы. При такихъ лицахъ пресвитерскаго сана или, что случалось рѣже, при простыхъ чернецахъ, становившихся по волѣ вѣча во главѣ церковнаго управленія, порабощеніе церкви государству являлось неизбѣжнымъ: простой чернецъ или клирикъ низшей степени священства, возведенный на постъ правителя церкви многолюднымъ собраніемъ мірскаго общества, не могъ поставить себя и подчиненный ему клиръ на подобающую высоту,—его уступчивость по отношенію къ требованіямъ свѣтскаго общества понятна, такъ какъ онъ былъ, ставленникомъ этого капризнаго, своевольнаго общества, которое могло, особенно до хиротоніи во епископа, снова низвести его въ разрядъ простыхъ безвластныхъ клириковъ. Помимо насильственнаго захвата мірянами широкаго участія въ церковныхъ дѣлахъ, само низшее духовенство, особенно въ Псковѣ, добровольно смѣшивалось съ земствомъ, поступаясь привилегіями своего положенія для пріобрѣтенія поддержки и защиты отъ гнета высшей іерархіи. Священникъ въ старину былъ по отношенію

къ архіерсю то же, что холопъ или наймитъ въ свѣтскомъ обществѣ—онъ былъ тяглымъ попомъ. Можно изумляться находчивости нѣкоторыхъ іерарховъ 14-го и 15-го вѣковъ въ изобрѣтеніи разныхъ пошлинъ и даней: была даже пошлина, взимавшаяся за самое собираніе дани,—„даньская пошлина“. Отношеніе высшаго духовенства къ низшему имѣло по преимуществу финансовый характеръ, и судиться у епископа при многочисленномъ штатѣ тіуновъ и вирниковъ при каждой каѳедрѣ бѣдному священнику было часто не подъ силу,—онъ инстинктивно искалъ помощи у сильныхъ и вліятельныхъ мірянъ, хотя подобнымъ искательствомъ и ронялъ достоинство своего сана. Изъ грамоты митрополита Теодосія къ Новгородскому владыкѣ Іонѣ видно стремленіе низшаго духовенства игнорировать святительскій судъ. „Аще который игумень или попъ или чернецъ иметъ отыматися мірскими властелины отъ святителя, такового божественныя и священныя правила извергають и отлучають, а кто за нихъ иметъ вступатися, того не благословляють“. При протестѣ противъ владычнаго суда въ Псковѣ духовенство идетъ охотно за вѣчемъ, такъ какъ на него ложилась тяжесть поборовъ при посѣщеніи Новгородскимъ владыкой Пскова для отправленія суда. Послѣ всего вышесказаннаго не покажется страннымъ, что Псковскіе священники, плательщики поплѣшной и другихъ болѣе замысловатыхъ податей, были склонны мѣнять зависимость отъ архіерея на подчиненіе вѣчу и на основаніи запрещенія со стороны послѣдняго отказывались служить съ владыкой, пріѣзжавшимъ изъ Новгорода; либерализмомъ наравнѣ съ мужьями были заражены и Псковскія попадьи, которыя не пекли просфоръ для архіерейской службы ¹⁾. Псковскій священникъ, какъ и мірянинъ неохотно отправлялись на владычный судъ въ Новгородъ, потому что тотъ и другой знали, что алчные тіуны Софійскаго подворья очистятъ ихъ карманы. Псковское вѣче добилось отъ Новгородскаго владыки нѣкоторыхъ финансовыхъ льготъ для городского населенія, а именно, чтобы посѣщеніе владыкой Пскова было не чаще, какъ чрезъ 3 года (слѣдуетъ замѣтить, что при каждомъ прибытіи архіерея

¹⁾ Иконниковъ. „О культурномъ вліянн Византія“ стр. 387.

въ Псковъ ему уплачивалась значительная дань натурою, именованная „подъѣздомъ“), для отправленія же церковнаго судопроизводства въ Псковъ назначался замѣститель владыки, каковымъ могло быть только лицо Псковскаго происхожденія. Духовенство весьма сочувствовало борьбѣ вѣча съ владыкой и воспользовалось добытыми имъ правами: перестало путешествовать въ Новгородъ и всѣ свои тяжбы рѣшало въ Псковѣ, что избавляло не только отъ путевыхъ издержекъ, но и отъ софіанъ, присасывавшихся къ кошелькамъ тяжущихся, какъ голодныя піявки. Новгородскій владыка назначилъ своимъ намѣстникомъ въ Псковъ лицо свѣтское, вѣроятно предполагая, что духовенство не захочетъ судиться у мірянина, и послѣдній будетъ имѣть разбирательство только церковныхъ дѣлъ свѣтскаго общества; въ этомъ случаѣ владыка, исполнивъ требованіе вѣча и тѣмъ предотвративъ возможность отпаденія Пскова въ церковномъ отношеніи отъ Новгорода, сохранилъ бы личную юрисдикцію надъ Псковскимъ клиромъ, но дѣйствительность не оправдала чаяній владыки: духовенство предпочло судъ не хиротонисованнаго лица суду святительскому, и на дорогѣ въ судную палату Софійскаго подворья совсѣмъ не появлялись псковичи.

Послѣ обозрѣнія характерныхъ чертъ въ церковномъ бытѣ сѣвера, обратимся къ отношеніямъ Новгорода къ Москвѣ по церковнымъ дѣламъ. Въ интересѣ выясненія этихъ отношеній не слѣдуетъ забывать уже указанныхъ особенностей политической жизни сѣверо-русскихъ республикъ: Новгородскіе архіереи и клиръ были людьми мѣстнаго происхожденія, они раздѣляли всѣ убѣжденія свѣтскаго общества своей родины, касающіяся сферы политическихъ отношеній. Горячая любовь къ независимости, глубокое уваженіе къ порядкамъ мѣстнаго политическаго строя, въ патріотическомъ самообольщеніи принимавшагося за наилучшій въ мірѣ, нерасположенность къ склонной до территоріальныхъ пріобрѣтеній Москвѣ—вотъ та нравственная атмосфера, какою дышало духовенство сѣвера вмѣстѣ съ народомъ, изъ среды котораго и избиралось. Солидарность интересовъ мірянъ и духовенства ясно себя обнаруживаетъ при всѣхъ политическихъ столкновеніяхъ Новгорода

съ Москвой,—разрыву политическому всегда сопутствуетъ разрывъ церковный: митрополита перестаютъ почитать, избранный при наличности политической распри кандидатъ на архіерейство проживаетъ въ Новгородѣ и править церковью безъ хитроніи, оспаривается компетентность митрополичьяго суда, какъ апелляціонной инстанціи въ отношеніи мѣстнаго церковнаго суда и т. д. Но и во времена политическаго затишья нерѣдко разгоралась непріязнь между Новгородомъ и Москвой на почвѣ чисто церковныхъ отношеній; обычнымъ поводомъ къ столкновеніямъ подобнаго рода былъ мѣсячный судъ митрополита. Митрополитъ или посѣщаль Новгородъ для рѣшенія мѣстныхъ судебныхъ процессовъ, требовавшихъ авторитетнаго сужденія высшей іерархической власти Русской церкви, каковою *de facto* былъ Московскій святитель, совершенно затѣняя юридическаго главу, „патріарха Царегородскаго“,—или, что случалось гораздо чаще, посылалъ сюда своихъ довѣренныхъ лицъ и чрезъ нихъ чинилъ церковную расправу (митрополичьи посланцы жилали въ Новгородѣ по мѣсяцу,—отсюда названіе суда мѣсячнымъ), соединенную съ сборомъ судебныхъ пошлинъ. Новгородскіе владыки отчасти по свойственному новгородцамъ свободолобію, отчасти по экономическимъ соображеніямъ стремились ограничить отношеніе Новгородской церкви къ Московской митрополіи только отправленіемъ новоизбранныхъ архіереевъ на посвященіе въ Москву. Лелѣя этотъ планъ реформы церковныхъ отношеній, они очевидно руководствовались тогдашнимъ отношеніемъ Русской митрополіи къ Цареградской патріархіи: митрополитъ былъ только посвящаемъ въ Византіи, но потомъ являлся въ предѣлахъ своей епархіи независимымъ правителемъ, хотя *de jure* Русская церковь занимала скромное мѣсто въ ряду болѣе древнихъ митрополій Цареградскаго патріархата. Такъ примирялась юридическая зависимость съ практической автокефальностью, чего желали и Новгородскіе архіерен. Исторія намъ сохранила нѣсколько случаевъ крайняго обостренія церковной распри между Новгородомъ и Москвой, ставшей со второй половины 14 вѣка почти постояннымъ явленіемъ церковной жизни; въ этомъ и слѣдующемъ столѣтіи Москва быстро

усиливается, и децентрализація народной жизни удѣльнаго времени начинаетъ отходить въ область прошлаго. Въ виду этого Новгородъ, стоявшій на стражѣ своей независимости, смотрѣлъ слишкомъ подозрительно на всѣ распоряженія митрополита, бывшаго близкимъ лицомъ къ Московскому сильному государю, и достаточно было малѣйшей неосторожности со стороны Московскаго святителя, чтобы вызвать на нѣкоторое время почти церковный расколъ на сѣверѣ. Новгородъ смутно предчувствовалъ, что его паденіе—только вопросъ времени, но, какъ затравленный звѣрь оборачивается къ преслѣдователямъ и скрежещетъ зубами въ бессильной ярости, такъ и Новгородъ старался запугать Москву и тѣмъ отсрочить свою политическую агонію. Въ 1353 году Новгородскій владыка Моисей жаловался патриарху Филофею на поборы со стороны митрополита Θεогноста и по этому поводу просилъ его уничтожить зависимость Новгородской церкви отъ гнетущей ее Московской митрополіи, но Филофей, какъ искусный византиецъ—дипломатъ, рѣшился и волковъ накормить и овецъ сохранить: онъ составилъ льстивое посланіе къ Новгородскому владыкѣ, въ которомъ давалъ ему право носить крестчатыя ризы въ отличіе отъ прочихъ русскихъ архіереевъ, но просьбы Новгорода не исполнилъ, такъ какъ боялся раздражить зарождавшійся „новый Римъ“. Такая двусмысленность въ поведеніи патриарха не укрылась отъ проникательныхъ сѣверянъ, и они при столкновеніи съ митрополитомъ Кипріаномъ изъ-за мѣсячнаго суда угрожали патриарху Антонію, что примутъ католицизмъ, если онъ не согласится признать ихъ церковь независимой отъ Москвы. Было ли это заявленіе просто угрозой или выраженіемъ дѣйствительнаго намѣренія порвать союзъ съ греческой церковью и вообще съ православнымъ востокомъ и подъ гнетомъ политическихъ тяжелыхъ обстоятельствъ заключить унію съ Римомъ,—рѣшить точно невозможно, но болѣе основаній склониться къ признанію простаго запугиванія, такъ какъ сѣверъ при широкой терпимости къ инославію всетаки былъ далекъ отъ индифферентизма въ области вѣроисповѣдныхъ отличій, и несмотря на поддержку, оказанную Цереградскимъ патриаршимъ соборомъ Кипріану, новгородцы

никакихъ сношеній съ Ватиканомъ не предпринимали. Уклончивое поведеніе Филофея и Антонія въ разгаръ церковной борьбы между Новгородомъ и Москвой создало нерасположеніе сѣверянъ къ Византійской патріархіи, что и не замедлило открыться въ дальнѣйшемъ ходѣ церковно-историческихъ событій.

Отношенія Пскова къ Москвѣ носятъ совсѣмъ иной характеръ: съ какою горячностью Новгородъ стремился оторваться отъ Москвы, съ такою Псковъ желалъ съ ней сблизиться,—разность въ отношеніи двухъ сѣверныхъ братьевъ—соперниковъ къ Москвѣ обуславливалась зависимостью Пскова отъ Новгородской церкви, что давало себя непріятно чувствовать въ разгаръ политической вражды. Псковъ не имѣлъ архіерейской кафедры, какъ бывшій пригородъ, и пытался исходатайствовать для себя у Московскаго митрополита назначеніе отдѣльнаго духовнаго главы. Псковичи не пропускали случая засвидѣтельствовать уваженіе тѣмъ Московскимъ іерархамъ, которыхъ не признавали въ Новгородѣ, чтобы снискать у нихъ покровительство сиротствующей Псковской церкви. Такъ въ 1395 году, во время отверженія Новгородомъ митрополита Кипріяна, изъ Пскова отравились къ нему для рукоположенія кандидаты на священство по мѣстному избранію. Хотя Московскіе святители смотрѣли часто благосклоннымъ взоромъ на Псковъ, но по обстоятельствамъ времени подражали въ образѣ дѣйствія патріархамъ: они боялись оскорбить Новгородъ дарованіемъ Пскову отдѣльнаго епархіальнаго управленія и тѣмъ порвать и безъ того шаткія церковныя связи между нимъ и Москвой. Посланный въ 1331 году изъ Пскова въ Москву инокъ Арсеній для хиротоніи во епископа не былъ посвященъ Θεогностомъ,—такъ первая рѣшительная попытка Пскова освободиться въ церковномъ отношеніи при Московскомъ содѣйствіи отъ Новгорода не удалась, не имѣли успѣха и слѣдовавшія за ней; лишь на короткое время Псковъ получилъ отъ митрополита Исидора право сноситься по церковнымъ дѣламъ непосредственно съ Москвой чрезъ особаго поставляемаго митрополитомъ архимандрита, но это нововведеніе, освободившее Псковскую церковь отъ суроваго гнета Новгородскаго владыки, просуществовало весьма недолго,

и съ паденіемъ Исидора церковная жизнь Пскова приняла преж-
нее теченіе. Попытка Пскова устроить независимое отъ Новгоро-
да церковное управленіе чрезъ коллегію пресвитеровъ вызвала
неодобреніе митрополичьей кафедрѣ, и подъ давленіемъ со сто-
роны Москвы при горячемъ участіи принципиальнаго врага
всякихъ церковныхъ новшествъ въ Псковѣ, Новгородскаго вла-
дыки, затѣя рушилась. Изъ сказаннаго о Псковской церковной
жизни ясно, что существуетъ глубокое сходство между цер-
ковными отношеніями Новгорода къ Москвѣ и таковыми Пско-
ва къ Новгороду. Церковная распря между сѣверными респуб-
ликами также идетъ почти непрерывно, причемъ дѣло дохо-
дитъ по временамъ и до полного прекращенія общенія. Въ
1337 году Новгородскій владыка Василій проклялъ Псковъ за
непокорность, такъ что періодъ съ 1337 до 1352 года, когда
наступило примиреніе, былъ временемъ акефальнаго состоянія
Псковской церкви. Послѣ всего сказаннаго о церковной жизни
въ сѣверныхъ вѣчевыхъ общинахъ можно уяснить себѣ тѣ
стороны стригольнической ереси, которыя представляютъ отра-
женіе вѣденной сѣверомъ борьбы съ іерархическими лицами,
а равно условій общественнаго быта, постепенно нивеллиро-
вавшихъ духовенство и мірянъ въ общеземскую демократію.

Мы имѣемъ рядъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ о появленіи
стригольнической ереси, но извѣстно, что лѣтописцы совсѣмъ
не заботились о томъ, что теперь разумѣютъ подъ прагматиз-
момъ, а потому мы находимъ въ ихъ трудахъ только сухую
лаконическую замѣтку, констатирующую фактъ появленія
ереси и совершенно чуждую претензіи выяснить ея происхо-
жденіе. Но и въ сообщеніи фактическихъ данныхъ лѣтописцы
разногласятъ: Супрасльская лѣтопись именуетъ ересіарха Карпа
діакономъ, Софійскій временникъ—простцемъ, т. е. міряниномъ.
Нѣкоторые примиряютъ это противорѣчіе на основаніи гра-
моты, приписываемой патриарху Антонію, гдѣ Карпъ названъ
діакономъ, отлученнымъ отъ церкви,—отсюда, говорятъ, слѣ-
дуетъ, что Супрасльская лѣтопись называетъ Карпа по его
прежнему сану, а Софійская—по его состоянію послѣ отлу-
ченія. Костомаровъ отвергаетъ эту попытку примиренія
лѣтописныхъ извѣстій о личности Карпа указаніемъ на то,

что мѣсто посланія Антонія „соблазнитесь отъ діакона Карпа, отлученнаго отъ церкви, стригольника“, имѣеть въ виду не одного Карпа, но и двухъ его сообщниковъ: растригу Никиту и нѣкоего анонима, утопленныхъ вмѣстѣ съ нимъ за ересеученіе въ Волховѣ, какъ повѣствуетъ лѣтопись Софійская: „того же лѣта (1375) побиша стригольниковъ еретиковъ, діакона Никиту и Карпа простеца и третьяго человекъ съ ними, свергоша ихъ съ мосту развратниковъ святой вѣры“. Замѣчаніе Костомарова не лишено натяжки,—во всякомъ случаѣ несомнѣнно, кто бы ни былъ Карпъ, что онъ вель пропаганду ереси въ Новгородѣ съ двумя товарищами, и что пропагандисты погибли въ волнахъ Волхова, брошенные туда народной толпой. Этотъ фактъ какъ бы свидѣтельствуеть противъ сказаннаго ранѣе о слабости религіозныхъ интересовъ въ сѣверныхъ городахъ, ихъ широкой терпимости къ разнымъ религіознымъ убѣжденіямъ, но это противорѣчіе легко устранится, если дадимъ всему происшедшему политическую окраску: сущностью стригольнической ереси былъ протестъ противъ іерархіи, но, какъ извѣстно, единственнымъ остаткомъ древней гегемоніи Новгорода, оспариваемой уже давно Псковомъ, была подчиненность горделиваго пригорода Новгородской каедрѣ. Благодаря проповѣди Карпа, Никиты и подобныхъ имъ, по возрѣнію на современный церковный строй либераловъ, грозилъ рушиться и этотъ послѣдній уцѣлѣвшій слѣдъ бывшей политической зависимости Пскова отъ Новгорода. Новгородцы казнили ересіарховъ, не какъ соблазнителей, губящихъ „крестьянскія“ души, но какъ политическихъ враговъ своего отечества, хотя лѣтонисецъ по своему религіозному міросозерцанію и влагаетъ въ уста народа, совершавшаго расправу, Евангельское изреченіе. „Аще кто соблазнитъ единого отъ малыхъ сихъ, лучше есть ему, да обѣсится камень жерновый на выи его, и потопленъ будетъ въ пучинѣ морской“. За политическую основу всего происшествія говоритъ краснорѣчиво то обстоятельство, что вскорѣ послѣ казни псковичей—ересіарховъ ихъ лжеученіе стало быстро распространяться въ Новгородѣ,—значить тенденціямъ ереси новгородцы сочувствовали, но имъ были ненавистны пропагандисты, какъ лица, пришедшія изъ Пскова, уже многократно колотившаго своего сосѣда либеральными вы-

ходками. Мало вѣроятнымъ представляется объясненіе внезапно развившейся въ Новгородѣ склонности къ псковской ереси изъ глубокаго впечатлѣнія, произведеннаго на массу утопленіемъ 3 ересіарховъ, которыхъ, какъ скончавшихся за свои религіозныя убѣжденія насильственною смертію, будто-бы могли считать за мучениковъ. Въ этомъ объясненіи много поэзіи, но мало исторической правды: еретиковъ казнила не Новгородская церковная власть, ограничившаяся по лѣтописи только анаематствованіемъ, но городское населеніе. Нѣтъ основаній уподоблять новгородцевъ капризнымъ дѣтямъ, которыя, сломавъ игрушку, сейчасъ же оплакиваютъ свой намѣренный поступокъ. Сѣверяне совсѣмъ не отличаются сентиментальностью свойственной изнѣженнымъ обитателямъ юга, и при трезвости духовной жизни новгородцевъ врядъ ли могли дѣйствовать на нихъ возбуждающимъ образомъ легендарныя рассказы объ явленіяхъ новыхъ мучениковъ, еслибы таковыя и создала досужая фантазія немногихъ празднующихъ въ сѣверномъ муравейникѣ.

Ознакомленіе съ крупнѣйшими явленіями отечественной церковной жизни конца 14 вѣка проливаетъ много свѣта на происхожденіе стригольнической ереси и позволяетъ ориентироваться въ разнообразныхъ мнѣніяхъ на этотъ счетъ ученыхъ.

Въ 1354 году св. Алексій получилъ посвященіе въ Византіи въ митрополита Русской церкви, но князь Литовскій Ольгердъ подарками склонилъ патріарха поставить его кандидата Романа митрополитомъ областей съ православнымъ населеніемъ, подчиненныхъ Литвѣ. Успѣхъ ходатайства Ольгерда побудилъ Польскаго короля Казимира требовать поставленія особаго митрополита для Галиціи—такъ единая Русская митрополія дробилась, и правители ея обособившихся неполнѣ частей черѣдко приходили въ столкновеніе другъ съ другомъ. По смерти св. Алексія, предназначенный Московскимъ государемъ къ замѣщенію вакантной святительской катедры его, духовникъ Михайль (по-народному Митяй) отправился въ Византію на посвященіе, но на пути скончался; одно изъ лицъ, его сопровождавшихъ, архимандритъ Пименъ сдѣлалъ подлогъ на княжеской грамотѣ: вписалъ свое имя вмѣсто вычищеннаго

имени Михаила, — трудно допустить, чтобы патриархъ не открылъ наглаго преступленія Пимена, — а потому могла разойтись молва, что червонцы честолюбиваго архимандрита сдѣлали патриарха какъ-бы незрячимъ. Нѣтъ надобности умножать факты, свидѣтельствующіе о практикованіи симоніи въ Византіи: приведенныхъ достаточно, чтобы оправдать протестъ противъ этого зла, послышавшійся съ русскаго сѣвера, но особенности мѣстной церковной жизни превратили его въ антиерархическое движеніе съ уклоненіями отъ православной догматики: потокъ мало по мало подмываетъ твердую почву, и когда его разрушительная работа близится къ концу, достаточно малѣйшаго сотрясенія почвы, чтобы образовалась зіяющая пропасть. Къ постепенно накоплавшейся непріязни сѣверянъ къ Московской кеедрѣ, преслѣдовавшей исключительно ультраэгоистическія стремленія въ отношеніи къ вѣчевымъ общинамъ, присоединилось презрѣніе къ самой Цареградской патриархіи, пятнавшей себя явной симоніей. Въ разговорѣ одного стригольника, впрочемъ относящемся къ концу 15 вѣка, съ Новгородскимъ владыкой Геннадіемъ ясно опредѣляется историческая почва, на которой прозябла стригольническая ересь. Геннадій укорялъ стригольника, что онъ не только самъ не приобщается св. таинъ, но и другихъ научаетъ тому же нечестію. „Да у кого приобщаться то?“ возражаетъ стригольникъ. „Вѣдь всѣ попы, и владыки и митрополиты по мздѣ поставлены“. Какъ и митрополитъ? изумляется Геннадій. Стригольникъ поясняетъ: „Прежде митрополиты ходили въ Царьградъ къ патриарху за посвященіемъ и деньги ему давали, а теперь митрополиты даютъ боярамъ посулы, а владыки митрополиту даютъ деньги“. Эта краткая бесѣда Новгородскаго святителя съ еретикомъ даетъ *non multa sed multum* о возникновеніи стригольническаго заблужденія: нужно искать корни лжеученія въ прошломъ соціально-экономическаго и церковно-политическаго быта сѣверныхъ городскихъ республикъ. Протестъ Карпа и Никиты противъ симоніи только одинъ изъ эпизодовъ въ длинномъ рядѣ столкновеній низшей ісрахи и мірскаго общества съ высшими церковно-правительственными лицами. Наисущественный пунктъ Псковской ереси — протестъ

противъ іерархіи. При чтеніи пастырскихъ посланій, трактующихъ объ ереси, о которыхъ будетъ рѣчь далѣе, бросается въ глаза двойное основаніе для указаннаго протеста: симонія епископовъ и безнравственность клира. Въ посланіи Нила въ первыхъ же строкахъ содержится заявленіе еретикамъ, что симоніи совсѣмъ не одобряетъ вселенская церковь (нѣсть убо се, нѣсть соборныя церкви), сопричисляя ставящихъ на мздѣ къ злѣйшимъ еретикамъ, подобнымъ Симону волхву и духоборцу Македонію. Нилъ указываетъ еретикамъ нормальной путь къ пресѣченію подобнаго зла: на епископа, ставящаго на мздѣ, нужно жаловаться митрополиту, а если онъ не послушаетъ, самому патріарху. Какъ на главное препятствіе для присоединенія еретиковъ къ римско-католической церкви патріархъ, очевидно, пользуясь „argumentum ad hominem“, указываетъ на практикуемую этой церковью симонію. Посланіе, приписываемое Антонію, также начинается укоромъ еретикамъ, что они не приступаютъ къ таинствамъ покаянія и причащенія, ссылаясь на то, что священники поставлены на мздѣ. Митрополитъ Фотій, находя невозможнымъ отрицать фактъ поставленія на мздѣ, ищетъ для него кановической санкціи въ новеллахъ Исаака Комнина, съ которыми были согласны патріархи Михаилъ и Николай. На обличеніе еретиками клира въ безнравственности есть указанія во всѣхъ посланіяхъ, относящихся до ереси: по посланію Нила однимъ изъ поводовъ къ отдѣленію отъ церкви еретики выставляли желаніе „хранить Писаніе и священные кононы“, слѣдовательно, они признавали, что духовенство ихъ не хранитъ. По посланію, приписываемому Антонію, видно, что стригольники отлучали себя отъ причащенія на основаніи беспорядочной жизни іереевъ,—изъ контекста открывается, что священники обвинялись въ корыстолюбіи (взимаютъ приносы за живыя и за мертвыя), въ чувственности (пьютъ и ѣдятъ съ пьяницами), въ сонливой бездѣятельности (сравненіе поповъ съ трутнями, конечно, на основаніи безмятежной жизни духовенства въ противоположность энергичной подвижной жизни мірянъ торговыхъ центровъ—трудолюбивыхъ пчель). Авторъ посланія не рѣшается опровергать нареканія еретиковъ на жизнь клира,

но признаетъ несомнѣстимость съ званіемъ мірянина права обличать духовенство: овцѣ не пасти пастуха, ногѣ не быть головой. Если попы и—трутни, то всетаки нужно слушать ихъ наставленія, хотя и не поступать по ихъ дѣламъ, руководясь сказаннымъ Господомъ о фарисеяхъ: „Что они вамъ говорятъ, то исполняйте, но по ихъ дѣламъ не поступайте“. Нужно имѣть христіанскую любовь, предотвращающую злоязычіе и осужденіе ближняго, и заботиться прежде вынуть бревно изъ своего глаза. Въ посланіи Фотія отъ 1416 года прямо допускается, что нѣкоторые имѣли поводъ „хульнѣйшая глаголати на епископа или на священника“ и ради этого избѣгали пріобщаться изъ ихъ рукъ. Два разсмотрѣнныхъ повода къ протесту противъ іерархіи коренились въ условія мѣста и времени появленія ересіи: Софійское подворье, о которомъ уже была рѣчь ранѣе по поводу церковнаго суда, было весьма не безгрѣшнымъ по части симоніи: за поборы при поставленіи софіанъ ненавидѣла Псковская низшая іерархія, такъ какъ многіе кандидаты на священство должны были прибѣгать къ займу у будущихъ богатыхъ прихожанъ, чтобы уплатить „благословенную кунницу“, коковое имя носила ставленная пошлина, сохраняя его изъ того времени, когда еще денежными знаками на сѣверѣ были шкурки куніцъ. Преосвященный Макарій высказываетъ предположеніе, что поводомъ къ Псковскому антицерковному движенію, инициаторами котораго выступали діаконъ Карпъ и Никита, было ихъ недовольство по личнымъ счетамъ Новгородскимъ владыкой, которому они не могли по стѣсненнымъ обстоятельствамъ уплатить ставленной пошлины, чтобы получить рукоположеніе въ пресвитерскій санъ. Конечно, нѣкоторые церковные историки считаютъ даже источникомъ аріанства личную вражду Александрійскаго пресвитера Арія къ мѣстному епископу Александру, но во всякомъ случаѣ у Преосвященнаго Макарія высказывается только предположеніе, не имѣющее за себя фактическихъ данныхъ. Нерасположеніе къ поставленію на мздѣ замѣчалось и въ другихъ мѣстахъ Россіи 14 вѣка. Вотъ, напримѣръ, что писалъ инокъ Акипдинъ въ 1312 году Тверскому князю Михаилу: „Азъ понужденъ возвѣстити тебѣ писаніемъ, видя ересь растущу и множащуся,

безстуднѣ и непокровенными усты износиму, наченшуюся обычаемъ богоненавистнымъ отъ старѣйшихъ святитель нашихъ и до меньшихъ—непродаемую благодать Святаго Духа въ куплю вводити“. Акидинъ просить князя запретить симонію іерархамъ: повелѣно тебѣ, господине княже, не молчати о томъ святителемъ своимъ. Мы знаемъ, что Михаилъ, невольный митрополитомъ Петромъ за предпочтеніе, оказанное имъ Москвѣ предъ Тверью, собралъ соборъ противъ святителя, на которомъ мотивомъ къ обвиненію его выставялась симонія, при чемъ указывалось на постановленія Владимірскаго собора 1274 года, не одобрявшаго пошлины съ лицъ приѣмлющихъ хиротонію. Приведенные факты констатируютъ существованіе симоніи на Руси, авторитетнымъ свидѣтельствомъ о которой являются не показанія отдѣльныхъ лицъ, которыя можно считать пристрастными, но соборные акты. Тяжесть симоніи нерѣдко ложилась и на мірское общество, вызывая съ давнихъ поръ глухой рапортъ: избранные приходами кандидаты на священство часто по бѣдности не могли уплатить ставленной пошлины, которую по необходимости вносили кругъ избравшихъ ихъ лицъ мірскаго состоянія. Въ Псковѣ симонія весьма давала себя чувствовать: митрополитъ раскладывалъ свой убытокъ при поставленіи въ Византіи на епархіальныхъ владыкъ, особенно много онъ требовалъ съ архіерея Новгорода, стоявшаго во главѣ церкви богатѣйшаго города, Новгородскій владыка возмѣщалъ вымогательство митрополичьей каедръ на Псковскихъ ставленникахъ, за которыхъ часто „volens nolens“ расплачивался избравшій ихъ міръ. Пастырскія увѣщанія къ стригольникамъ не столько намѣчали путь къ уврачеванію этой язвы церковной жизни, сколько стремились облагодобразить ее: Нилъ завелъ пространное разсужденія объ „всторахъ и проторахъ“ при посвященіи, т. е. тратѣ хиротонисуемыхъ лицъ на освѣщеніе церкви, путевыя издержки архіерея, послѣ—богослужебную трапезу и т. п., затушевывая существовавшую таксу за посвященіе, о которой откровенно говоритъ митрополитъ Фотій, впрочемъ избрѣтая для нея каноническую санкцію, какъ указывалась выше. Патріархъ желалъ ослабить энергію протеста указаніемъ, что далеко не

всѣ іерархи заражены симоніей, что она—временное и поправимое зло, наказуемое наравнѣ съ еретичествомъ, но его наставленія, выходящія въ данномъ случаѣ изъ очага церковной заразы, не могли дѣйствовать успокоительно на возбужденную часть сѣверно-русскаго общества, какъ вода, исходящая изъ загрязненнаго источника, не можетъ дать чистаго, пріятнаго питья. Мало убѣдительности должны были имѣть для стригольниковъ, людей книжныхъ, и доказательства необходимости „исторъ и проторъ“ при поставленіи, которыми искусно замаскировывалась симонія, заимствуемая „отъ Писанія“. Господь принялъ трапезу отъ Марѳы и Маттея мытаря, но не въ качествѣ уплаты за преподаніе благодатныхъ даровъ; апостоль Павелъ, заповѣдовавъ служителямъ Божиимъ питаться отъ алтаря, совсѣмъ не имѣлъ въ виду мздоимства при поставленіи въ священный санъ, какое явилось вопреки яснымъ каноническимъ опредѣленіямъ соборовъ сначала въ Византіи, а по ея примѣру и въ Россіи. Хотя Господь позволялъ ученикамъ принимать приношенія, которыя откладывались въ ковчежець, носимый Іудею, но болѣе чѣмъ нелѣпой являлась бы мысль, что Богочеловѣкъ требовалъ такихъ приношеній отъ слушателей Его наставленій и облагодѣтельствованныхъ Его чудесами, не ограничиваясь добровольными дарами; а между тѣмъ иные іерархи того времени желали не только „ѣсть молоко отъ стада или плоды отъ виноградника“, что разрѣшалъ и Апостоль служителямъ Божиимъ, но и получать то и другое въ опредѣленномъ количествѣ, что видно изъ посланія Фотія, гдѣ приводится традиціонная такса ставленной пошрины: 1 златница за поставленіе въ чтеца, 3 златницы за посвященіе во діакона или пресвитера,—такъ соразмѣрялось, сколько пожать тѣлеснаго за сообщеніе духовнаго, прямо противъ духа Евангелія. Резюмируя сказанное, мы придемъ къ выводу, что поставленіе во священный санъ на мздѣ—неоспоримый фактъ русскаго церковной жизни 14 вѣка, а не рѣдкое исключеніе, какимъ пытаются изобразить дѣло патріаршія грамоты. Касательно увѣщаній Цареградской патріархіи нужно замѣтить, что послѣ вопіющей симоніи при поставленіи Романа или Пимена, сѣверъ долженъ былъ лишь

изумляться изворотливости ея правителей, сваливавшихъ вину въ появленіи ереси на козни лукаваго бѣса съ патетической, но притворной ламентацией.

Въ связи съ симоніей стояли и другія аномаліи русской церковной жизни, напримѣръ, растлѣніе нравовъ низшаго духовенства. Недовольство поведеніемъ духовенства было явленіемъ не мѣстнымъ, но скорѣй временнымъ: оно было знаменіемъ эпохи пробужденія русской религіозной мысли, когда съ каждымъ годомъ увеличивалось количество лицъ, неодобрительно относившихся къ обрядовому благочестію. Эти лица, критиковавшія современность, считали, какъ въ послѣдствіи Посошковъ, что преобладаніе въ русскомъ христіанскомъ обществѣ наружнаго благочестія имѣетъ источникомъ нравственныя несовершенства клира, апатично исполняющаго возложенную на него обязанность учительства, а примѣромъ своей жизни разрушающаго и тѣ добрыя сѣмена моральнаго возрожденія, какія западаютъ въ души мірянъ, присутствующихъ при Богослуженіи. Смѣлые порицатели фари́сейскаго благочестія, правившагося къ русскимъ людямъ, говаривали: „Сколько ни молись святымъ, если добра не дѣлаешь,—не помогутъ: сбудетъ съ тобой пословица: „одинъ строитъ, другой разоряетъ“; лучше миловать домочадцевъ, чѣмъ разсыпать милостыню, собранную томленіемъ другихъ; церкви украшать никому не воспрещается, но нужно помнить, что за притѣсненіе убогихъ—огненная мука“. Если критики такъ относились къ благочестивымъ по внѣшности поступкамъ мірскаго общества, то каковъ же былъ ихъ взглядъ на грубые пороки въ средѣ духовенства? Впрочемъ не одни стригольники и примыкавшій къ ихъ воззрѣніямъ на нравственную жизнь духовенства кружокъ сѣверныхъ книжныхъ людей—ригористовъ, но и сами святители 14 и 15 вѣковъ многократно обличали клиръ въ чувственности и корыстолюбіи. Митрополитъ Петръ въ одной изъ грамотъ къ духовенству пишетъ: „Многажды писахъ вамъ, священникомъ и мнихомъ, како пребываете, вы же аки аспиди затыкающе уши своя не слышите“. Одно поученіе духовенству, относящееся по палеографическимъ изысканіямъ къ 14 вѣку и принадлежащее неизвѣстному іерарху, наставляетъ священ-

ника: „удалися отъ пьянства—серафимъ бо еси плотяной и служиши бо тѣлу Христову, не лѣпо ти есть упиватися, ни любодѣянiю прилежати“.... Митрополитъ Фотiй писалъ Псковскому духовенству: „Священнической и иноческой чинъ, обрѣтаются въ васъ нѣкоторыя, иже живутъ на людское соблаженiе.... имя Божiе въ вашемъ небреженiи хулится, и не разумѣваете пространно, что суть храмы Божiи“. Митрополитъ Iона писалъ Вятскому клиру: „Молю васъ, священники и диаконы, обзрѣти себе всяко и содрогнувшись яко отъ сна воспрянути и отъ безчиннаго пьянства себе воздержати“. Нравственная жизнь духовенства обратила на себя особое вниманiе русскихъ сѣверянъ 14 вѣка, такъ какъ въ это время подъ цивилизующимъ влiянемъ запада, проводницей котораго была ганзейская торговля, развивалось желанiе уяснить предметъ вѣры, значенiе различныхъ церковныхъ институтовъ. Это общественное настроенiе авторъ „Просвѣтителя“, оглядываясь въ недавнее прошлое, мѣтко обозначилъ въ немногихъ словахъ: „въ домѣхъ и на путѣхъ и на торжищахъ вси сопмятся, иноци и мiрстiи о вѣрѣ пытаются“. Стригольники были изъ числа „пытающихъ о вѣрѣ“, они были людьми книжными, а подъ книжностью старинная Русь разумѣла начитанность въ Библии и святоотеческихъ творенiяхъ. Неудивительно, если поставляя современную жизнь клира предъ ученiемъ Слова Божiя о пастве, книжные люди не оставались удовлетворенными, а при отличающей сѣверъ энергiи не задумывались преобразовывать впадшую во многiе соблазны мѣстную церковь. Но критика Псковскихъ „философовъ“ простерлась черезчуръ далеко, благодаря самому духовенству. На основанiи освобожденiя отъ государственнаго тягла въ случаѣ принятiя священства, много лицъ низшихъ податныхъ классовъ, особенно такъ называемые Псковскiе своеземцы, домогались избранiя въ пошны, не имѣя никакого призванiя къ служенiю церкви и по невѣжеству не сообразуясь съ требованiями новаго состоянiя. Желанiе имѣть болѣе ставленной, пошлыны понуждало Новгородскаго владыку назначать по нѣскольку священниковъ въ одинъ приходъ, такъ что творился „поповскiй мятежъ“: низшая iерархiя подражала высшей во взаимной борьбѣ священ-

никовъ изъ-за финансовыхъ преимуществъ. На сколько умножался контингентъ духовенства на сѣверѣ, благодаря симоніи Софійскаго подворья, видно изъ того, что въ 14 и 15 вѣкахъ на 15—20 дворовъ приходилось по 2 священника съ причтами. Но часто послѣ избавленія отъ земскаго тягла священникъ изъ крестьянъ разочаровывался, видя, что лишь замѣнилъ зависимость отъ государственныхъ вирниковъ на таковую отъ епископскихъ; такія лица, принимавшія священство изъ эгоистическихъ соображеній, нерѣдко покидали мало доходные приходы, уходя для болѣе легкаго прокормленія даже въ воровскія ватаги, грабившія купеческіе караваны; и были столь грозными, что нѣмецкіе гости обычно договаривались съ новгородцами относительно конвоированія ихъ транспортовъ, чтобы имъ доѣхать „безъ пакости“. При поимкахъ священниковъ съ поличнымъ авторитетъ іерархіи на сѣверѣ крайне унижался: вотъ факты, подтверждающіе сказанное, служа иллюстраціей беспорядочной церковной жизни вѣчевыхъ общинъ: Въ 1468 году Псковское вѣче самовольно объявило лишенными сана мѣстныхъ вдовыхъ священниковъ за открытый конкубинатъ; въ 1495 году то же вѣче подвергло поповъ публичному позору, продержавъ ихъ на виду у всѣхъ въ одной исподней одеждѣ. Такъ создавалось и росло неуваженіе къ духовному сану, что отражалось въ неприличномъ стояніи мірянъ въ церкви и въ присвоеніи ими себѣ права участвовать въ Богослуженіи. На то и другое есть указаніе въ грамотахъ Геннадія къ митрополиту Симону: „Мнози въ церковь Божию входяще не яко скверну грѣховную омыють, но большее себѣ осужденіе исходатайствуютъ... Беззаконіе по всей землѣ ведется: мужики озорные на крылосѣ поють и паремью и апостоль на амвонѣ чтуть, да еще и въ олтарь ходятъ“. Геннадій здѣсь изображаетъ отраженія на мѣстной церковной дисциплинѣ того долгаго историческаго процесса, который мало по малу подготовилъ униженіе іерархическихъ началъ церковной жизни, выводя дѣла чисто церковныя на ту же шумливую улицу, гдѣ разбирались купеческія тяжбы, обвиненія въ душегубствѣ, поджогѣ и т. п. Псковскіе либералы 14 вѣка сначала ограничивались обличеніемъ существующихъ церковныхъ нестроеній, но недовольство современностью церковнаго строя

увлекло ихъ слишкомъ далеко къ отрицанію главныхъ догматовъ христіанства, и ихъ первоначальный протестъ противъ современной іерархіи обратило въ отпаденіе отъ вселенской церкви. Теперь обратимся къ генезису заблужденій стригольниковъ, но прежде разбора ихъ лжеученія, сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній объ источникахъ, изъ которыхъ обычно почерпаются свѣдѣнія объ ереси. Въ Acta patriarchatus Constantinopolitani есть грамота Нила, патріаршествовавшего съ 1379—до 1388 года, отправленная къ новгородцамъ, но въ славянскомъ переводѣ почему-то надписывается „къ псковичамъ“. Около 1382 года съ этой грамотой отъ патріарха прибылъ въ Новгородъ Суздальскій архіерей Діонисій, хлопотавшій въ Византіи о назначеніи на Московскую кафедру, въ виду отверженія митрополита Кипріана Московскимъ государемъ за недостатокъ патриотизма. Преосвященный Филаретъ считаетъ, что Діонисій Суздальскій былъ авторомъ посланія, но если вопросъ объ авторствѣ Діонисія не можетъ быть разрѣшенъ съ ясностью, то всетаки должно думать, что патріархъ, мало знакомый съ русской церковной жизнью, писалъ по указаніямъ русскаго архіерея, прибывшаго по своему дѣлу въ Византію, противъ явившейся на сѣверѣ ереси. (Мнѣніе, что Новгородъ и Псковъ sua sponte писали патріарху о появленіи среди населенія еретиковъ, признается многими за необоснованное,— Ниль и его предшественникъ Филофей могли знать объ ереси лишь по слухамъ, благодаря частымъ сношеніямъ въ это время Руси съ Византіей по замѣщенію митрополичьей кафедры). Діонисій, имѣя отъ патріарха порученіе озаботиться объ исторженіи плевелъ нечестія изъ церковной нивы русскаго сѣвера, ревностно принялся за дѣло, но ученіе стригольниковъ уже пустило слишкомъ глубокіе корни въ народѣ, чтобы исчезнуть отъ преслѣдованія, организованнаго Діонисіемъ. Въ 1394 году новый Цареградскій патріархъ Антоній, на этотъ разъ на основаніи донесенія нѣсколькихъ сѣверныхъ консерваторовъ, послалъ, въ приходившее въ религіозное броженіе общество вѣчевыхъ городовъ, Виолеемскаго епископа Михапла съ грамотой, дошедшей до насъ лишь въ славянскомъ текстѣ. Преосвященный Филаретъ Черниговскій предполагаетъ, что это по-

сланіе, отличающееся помимо богословской эрудиціи обиліемъ свѣдѣній о Псковской ереси, написано ученикомъ Пр. Сергія, Аѳанасіемъ, жившимъ съ 1392 года въ Византіи. Это предположеніе устраняетъ поиски греческаго оригинала и просто изъясняетъ, почему эта грамота отсутствуетъ въ Acta patriarchatus. Но старанія патріарховъ не погасили разгоравшагося антицерковнаго движенія, долго таившагося въ глухомъ ропотѣ массы и получившаго какъ бы санкцію отъ ненормальныхъ явленій сѣверо-русской церковной жизни. Изъ 15 вѣка до насъ дошли касающіяся ереси стригольниковъ три грамоты митрополита Фотія: одна отъ 1416 и другая отъ 1427 года; обѣ послѣднія грамоты слѣдовали въ непродолжительномъ времени одна за другой: первая писана въ іюнѣ, а вторая въ сентябрѣ. Хотя по одной грамотѣ изъ числа указанныхъ видно, что псковичи наказали многихъ стригольниковъ смертною казною (въ духѣ помѣщенной, какъ прибавленіе къ „Русской Правдѣ“, эклоги Исаврійскихъ императоровъ, предписывавшихъ тѣлесное увѣчье и даже лишеніе жизни за впаденіе въ ереси), но смерть сообщниковъ по религиознымъ убѣжденіямъ очевидно была отнесена многими къ непохвальному рвенію правящаго класса Пскова, не остановившагося и предъ человѣческими жертвами ради стремленія угодить Москвѣ и при ея поддержкѣ успѣшнѣе оборонять свою независимость отъ Новгорода. Никогда со времени возникновенія открытаго антицерковнаго движенія на сѣверѣ (1371) до архіепископства Геннадія (1485) не имѣла мѣста въ вѣчевыхъ городахъ религиозная борьба со стригольнической ересью, такъ какъ протесту противъ іерархіи тайно сочувствовало все церковное общество по тѣсной связи, устанавливаемой обстоятельствами времени между антицерковнымъ движеніемъ и политической борьбой за независимость. Если мы встрѣчаемъ историческія показанія о казняхъ, совершенныхъ надъ еретиками, или о пожизненномъ заточеніи ихъ, то во всѣхъ этихъ случаяхъ еретичество являлось внѣшнимъ предлогомъ къ обвиненію, за которымъ скрывались разные политическіе виды. При такомъ индифферентизмѣ сѣвера 14 вѣка по отношенію къ мѣстному еретичествоу и при исключительно политической ок-

раскѣ немногихъ бывшихъ на стригольниковъ гоненій, наконецъ при скрытомъ расположеніи многихъ къ нѣкоторымъ пунктамъ ересеученія, неудивительно, что архіепископъ Геннадій, прибывъ въ Новгородъ, былъ пораженъ обиліемъ заблужденій въ клирѣ и мірскомъ обществѣ. Грамоты Геннадія къ Московскимъ митрополитамъ содержатъ много характерныхъ чертъ той эпохи, когда подъ слоемъ возсіявшаго на Руси обрядоваго благочестія начинало повсюду возникать и быстро развиваться религіозное броженіе, поддерживаемое и усиливаемое мѣстными и временными условіями церковной жизни. Кромѣ перечисленныхъ первоисточниковъ для изученія стригольнической ереси, нѣкоторыя свѣдѣнія о ней даются въ „Просвѣтителѣ“ Іосифа Волоколамскаго и „Показаніи истины“ Зиновія Отенскаго: первое изъ указанныхъ сочиненій собственно полемизируетъ съ жидовствующими, а второе съ Матвѣемъ Бакшинымъ и Θεодосіемъ Косымъ, которыхъ лжеученіе сближалось и, можетъ быть, даже стояло въ генетической связи съ западнымъ соцініанствомъ, но всѣ эти ереси связывались съ стригольнической общностью происхожденія: онѣ были порожденіемъ недовольства церковнымъ строемъ, переходившаго подъ тлетворными вѣяніями, заносившимися къ намъ съ запада, гдѣ тогда было крайнее разложеніе церковной дисциплины и жизни, — въ склонность къ раціонализму. Объ указанныхъ источникахъ для начертанія догматики стригольниковъ нужно сдѣлать то общее замѣчаніе, что они болѣе наполнены риторическими воззваніями и прочувствованными наставленіями, чѣмъ точными и обстоятельными указаніями на ученіе еретиковъ; а поэтому, какъ происхожденіе ереси, такъ и содержаніе наиболѣе важныхъ сторонъ ея догматики остаются какъ бы подъ туманной завѣсой, что даетъ просторъ всевозможнымъ гипотезамъ, пытающимся установить какъ генезисъ стригольничества, такъ и его догматику. Можно сказать, что мысль изслѣдователей бродила по всей западной Европѣ, отыскивая сокровенные корни Псковскаго лжеученія на чужбинѣ: одни изъ историковъ считаютъ, что стригольничество — отрасль прозябшаго въ Македоніи и Болгаріи богомилства, другіе указываютъ на павли-

кіанъ, какъ на насадителей ереси; иные останавливаются на германскихъ флагеллантахъ. Изъ предыдущаго изложенія церковныхъ нестроеній сѣвера можетъ возникнуть вопросъ, безцѣльны ли всѣ эти работы по выясненію чужеземныхъ ересей для установленія ихъ переноса на сѣверъ нашего отечества? Повидимому, стригольническая ересь—чистый продуктъ мѣстныхъ и временныхъ условій, однако, изложеніе догматики стригольниковъ открываетъ возможность, хотя и не необходимость дальнѣйшихъ изысканій, а потому обратимся къ ученію стригольниковъ.

Е. Воронцовъ.

(Продолженіе будетъ).

Печалованіе древне-русскихъ пастырей за опальныхъ.

(ОЧЕРКЪ ИЗЪ ИСТОРИИ ДРЕВНЕ-РУССКАГО ПАСТЫРСТВА).

(Окончаніе.*).

2. Приемы печалованія.

а. Приемы печалованія въ отношеніи къ опальнымъ.

Идя съ помощію ко всѣмъ гонимымъ, древне-русскіе пастыри подавали ее имъ съ разсужденіемъ, заботясь о томъ, чтобы они употребили ее во благо себѣ и безъ вреда другимъ. Отсюда, тамъ, гдѣ печалованіе за опальныхъ само въ себѣ заключало достаточное ручательство благотворнаго на нихъ дѣйствія, пастыри не сопровождали его такими или иными предосторожностями,—таковымъ было всегда тайное и иногда гласное печалованіе; тамъ-же, гдѣ оно не было само по себѣ такой благотворной силой, они предваряли или сопровождали его особенными предосторожностями, возстановлявшими его моральное дѣйствіе,—такимъ было большею частью гласное печалованіе за опальныхъ.

Тайное, безъ вѣдома опальныхъ, заступничество за нихъ не представляетъ надобности въ нарочитомъ ихъ испытаніи, для обезпеченія безвреднаго употребленія ими подаваемой печаловникомъ милости. Оно само въ себѣ заключаетъ достаточное ручательство благотворнаго дѣйствія на опальнаго: подавляетъ его пріятной неожиданностью желаннаго облегченія или избавленія отъ трудности или безвыходности положенія, вдохновляетъ сердце благодарною любовію къ Богу и ниспослан-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1900 г., № 17.

ному Имъ благодѣтелю, словомъ: образуетъ такое настроеніе, при которомъ не долго уживаются въ душѣ обиженного чувство обиды и желаніе мести обидчику. Такъ, безъ наложенія нарочитаго испытанія на опальныхъ въ ихъ благоповеденіи, по снятіи опалы, тайнымъ печалованіемъ печалуются, напр., митрополитъ Михаилъ (XII в.) за Суздальскаго князя Юрія, когда племянникъ его, князь Новгородскій Всеволодъ, готовилъ ему разореніе войною и приступалъ уже къ исполненію своего безчеловѣчнаго предпріятія ¹⁾; такъ же печалуются преп. Серапіонъ (въ 1493 г.) за трехъ боярынь, въ невинности которыхъ былъ увѣренъ,—когда в. кн. Иванъ издалъ уже приказъ о сожженіи ихъ, по обвиненію въ волшебствѣ ²⁾;—митрополитъ Іоасафъ (1 полов. XVI в.) за семейство удѣльнаго князя Андрея Ивановича и потомъ за сына его—кн. Димитрія, первое освобождая изъ темницы, а второго отъ оковъ, въ которыхъ онъ сидѣлъ около 50 лѣтъ ³⁾. Также печалуются за опальныхъ митрополиты—Никифоръ I (нач. XII в.), Кириллъ II (конца XIII в.), еп. Симеонъ Тверской (1271—1284 гг.), преп. Кириллъ Бѣлозерскій и др. въ своихъ пастырскихъ посланіяхъ къ князьямъ, тиунамъ и другимъ силвнымъ земли, угнетавшимъ слабыхъ, беззащитныхъ людей ⁴⁾. Во всѣхъ этихъ и другихъ случаяхъ тайное печалованіе пастырей было дѣломъ милости къ опальнымъ, которая подается во имя Божіе, не взирая на ихъ достоинство или недостоинство.

Иное дѣло—печалованіе гласное—на глазахъ опальныхъ и ихъ обидчиковъ, среди разгара опалы. Тутъ требовалась отъ печаловника особенная осмотрительность: при защитѣ опальнаго на глазахъ виновника опалы, и „невинность“ могла заплыть гнѣвомъ и желаніемъ отмстить свою обиду, и „виновность“—вообразить себя не настолько неправою, чтобы уступать,—и печалованіе вмѣсто умиротворенія могло грозить новымъ раздоромъ. Древне-русскіе пастыри устраняли эту возможную опасность гласнаго печалованія тѣмъ, что всегда свѣ-

1) Полн. Собр. Русск. Лѣт., т. 1, стр. 132.

2) Ibidem, т. 3, стр. 444, 246; т. IV, стр. 136.

3) П. Яковскій, 178.

4) П. Яковскій, 86, 92—94, 96—97, 134—135.

рялись съ характеромъ душевнаго настроенія опальныхъ: на столько-ли они покорны волѣ Провидѣнія, на столько ли почувствовали тягость своего положенія и собственное безсиліе выйти изъ него, на столько-ли раскаялись въ своей винѣ, если такая была за ними,—чтобы принять помощь пастыря съ благодарностью и не обратить свое избавленіе отъ опалы въ орудіе мести ея виновнику. Только этой предусмотрительностью пастырей объясняется то явленіе, что, безъ наложенія какого-либо испытанія, устраняющаго для опальныхъ злоупотребленіе своимъ освобожденіемъ отъ опалы, пастыри открыто печалуются за нихъ лишь тамъ, гдѣ обыкновенное человѣческое ходатайство не могло уже имѣть мѣста для нихъ, гдѣ страхъ опалы приводилъ всѣхъ въ безмолвное отчаяніе, и ни откуда не дерзалъ возвыситься голосъ состраданія, гдѣ на лицо были сокрушеніе духа смиреннаго опалою, и плачь о винѣ, ее вызвавшей... Въ такихъ случаяхъ печалованіе за опальныхъ было для нихъ небесной милостью, и потому не сопровождалось со стороны пастырей какой-либо видимой предосторожностью, обезпечивавшею его благотворное дѣйствіе на опальныхъ. Безъ такихъ предосторожностей пастыри печалуются, прежде всего, за опальныхъ *невинныхъ*.

Изъ многихъ примѣровъ такого рода печалованій укажемъ печалованіе преп. Θεодосія за обиженную въ судѣ вдову, которая, бывъ лишена своего имущества и отчаявшись найти себѣ заступничество среди судей, прибѣгла за помощію къ преподобному ¹⁾; укажемъ на печалованіе митрополита Михаила (XII в.) за князя Кіевскаго Вячеслава и Кіевлянъ, подвергшихся опалѣ и разоренію, безъ всякой вины съ своей стороны, отъ захватливаго князя Черниговскаго Всеволода ²⁾. Сюда-же относятся печалованія владыкъ Новгородскихъ—Василія (1333 г.) за невинныхъ бояръ, подвергшихся мести разъяренной черни, заподозрившей ихъ въ убійствѣ одного богатаго и своевольнаго новгородца ³⁾, и за архимандрита Есипа, укрытаго въ храмѣ отъ озлобленной на него черни ⁴⁾; влад. Симеона, пе-

1) Цоя. Собр. Русск. Лѣт., т. I, стр. 79.

2) Ibidem, т. II, стр. 134.

3) Ibidem, т. III, стр. 81—82.

4) П. Янковскій, 109.

чаловавшагося 1418 г. за невинныхъ бояръ, подпавшихъ произволу и жестокости народной толпы ¹⁾ и пр. т. п. Точно такъ же, т. е. безъ предварительныхъ предосторожностей, печалуются митрополитъ Даниилъ за Бѣльскихъ предъ угнетавшею ихъ партіею Шуйскихъ, когда эти послѣдніе заточили Бѣльскихъ въ темницу ²⁾. Невинность боярина Бѣльскаго, его высокое умственное и нравственное развитіе, располагають къ печалованію за него и преемника Даниила—митрополита Юасафа. Но не только по любви къ этому боярину печаловался за него митрополитъ, но и по любви къ смятенной Россіи, для успокоенія которой отъ грабежей и населій онъ сколько же хлопоталъ, освобождая Бѣльскаго изъ темницы и вводя его въ Верховный Совѣтъ, сколько и для его личного успокоенія ³⁾. Просматривая факты печалованія за опальныхъ, подвергшихся опалѣ по своей винѣ, видимъ, что и здѣсь пастыри только тогда рѣшались открыто заступаться за нихъ, безъ наложенія на нихъ какого либи испытанія въ достойномъ употребленіи ими освобожденія отъ опалы, когда ихъ страданіе, соединенное съ раскаяніемъ, являлось и выкупомъ ихъ вины и ручательствомъ ихъ исправленія. Такъ, митрополитъ Климентъ (1146 г.) укрываетъ въ храмѣ в. кн. Кіевскаго Игоря, пытаясь спасти его жизнь отъ преслѣдованія Кіевлянъ, которое обрушилось на него за то, что не исполнилъ онъ своего обѣщанія, даннаго при вступленіи на великокняжескій столъ, смѣнить грабителей—судей и теперь тяжкимъ страданіемъ выкупилъ свой грѣхъ ⁴⁾. Митрополитъ Никифоръ (XII же в.) рѣшается печаловаться за Романа Волынскаго предъ его тестемъ Рюрикомъ Кіевскимъ, послѣ неудачной борьбы его съ нимъ, въ которой Романъ позналъ свое безсиліе, и этою неудачею искупилъ измѣну своему обѣщанію мира ⁵⁾. Митрополитъ Кирилль I (въ 1230 г.) путешествуетъ во Владиміръ съ печалованіемъ предъ вел. кн. Георгіемъ за Черниговскаго кн. Михаила, уstraшеннаго намѣреніемъ Георгія наказать его войною за измѣну въ крестномъ цѣлованіи брату его, кн. Ярославу, по дѣлу о Новгородѣ ⁶⁾. Игумень

¹⁾ Ibidem, 112—113.

²⁾ Ibidem, 176.

³⁾ Ibidem, 177.

⁴⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт., т. II, стр. 145.

⁵⁾ Ibidem.

⁶⁾ Ibidem, т. I, стр. 191.

Григорій въ (1127 г.) съ соборомъ пастырей рѣшается печаловаться за кн. Всеволода, изгнавшаго изъ Чернигова кн. Ярослава, послѣ того, когда онъ смирился предъ изгнаннымъ и его защитникомъ в. кн. Мстиславомъ и просилъ у нихъ пощады себѣ ¹⁾). Митрополитъ Геронтій выступаетъ (въ 1479 г.) печаловникомъ предъ Іоанномъ III за братьевъ князей Андрея Углицкаго и Бориса Волоцкаго, послѣ того, когда они покались предъ царемъ въ своей винѣ (сношеніяхъ съ Казимиромъ) и просили себѣ прощенія у него ²⁾). Вина опальныхъ не служила пастырямъ препятствіемъ для гласнаго печалованія о снятіи съ нихъ опалы безъ принятія какихъ либо особенныхъ мѣръ предосторожности противъ злоупотребленія ими своимъ освобожденіемъ—особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда она—эта вина переносилась съ личностей на ихъ семьи и подданныхъ, подвергая и ихъ страшной опалѣ. Тогда страданіе невинныхъ волей—неволей смиряло сердце виновника—отца, мужа, брата, князя,—всѣхъ повергало въ уныніе, у всѣхъ исторгало мольбы о пощадѣ. Какъ велико было и невыразимо страданіе въ этихъ случаяхъ виновныхъ и невинныхъ опальныхъ, можно видѣть, напр., на стрѣльцахъ, своею непокорностью и своеволіемъ вызвавшихъ однажды сильную опалу царя Θεодора Алексѣевича. Стрѣльцы были прощены царемъ, по ходатайству патріарха Іоакима, но должны были выдать виновниковъ возмущенія. Такихъ оказалось не менѣе 2700 человекъ. „Они выступили изъ рядовъ, исповѣдались, причастились, простились съ семействами своими и, надѣвъ петли на шею, взявъ съ собою плахи и топоры, отправились въ Троицкій монастырь, гдѣ жилъ тогда царь. Печальна была эта длинная процессія осужденныхъ, провожаемая плачущими женами и дѣтьми... Войдя въ монастырскую ограду, они трижды поклонились предъ царскимъ дворцомъ, сложили свои плахи и униженно склонили на нихъ свои головы. Семейства этихъ несчастныхъ, ни на минуту отъ нихъ не отставшія, тѣсняясь вокругъ стражи, простирали руки къ окнамъ царскихъ покоевъ, умоляя о пощадѣ“ ³⁾). Избавленіе такихъ опальныхъ отъ опалы пастырскимъ печалованіемъ было во

¹⁾ Ibidem, стр. 130.

²⁾ П. Янковскій, 104—105.

³⁾ П. Янковскій, 220—221.

истину дарованіемъ имъ жизни, непосланиемъ свѣтлыхъ радостныхъ дней. И это едва-ли еще примѣръ самой бѣдственной опалы, бывшей предметомъ пастырскаго печалованія. Какимъ бѣдствіямъ подвергались русскіе люди во время опричнины, разражавшейся чаще, быть можетъ, надъ невинными, чѣмъ виновными! Сколько слезъ отеръ въ то время съ лица земли Русской св. Филиппъ, мощный печальникъ за опальныхъ отъ опричнины! Вообще о древне-русскихъ пастыряхъ можно сказать, что они не оставались молчаливыми зрителями тяжкихъ страданій опальныхъ и спѣшили къ нимъ съ помощію. Тяжело, напр., поплатились князья Ростовскіе и Рязанскіе, за нарушение клятвы (1174 г.) преемникамъ в. кн. Андрея—Михаилу и Всеволоду; они взяты были кн. Всеволодомъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ своими женами и въ оковахъ привезены были во Владиміръ для ослѣпленія или казни или выдачи владимірцамъ; но тутъ явился для нихъ защитникъ въ лицѣ Рязанскаго епископа Порфирія, который и печаловался предъ вел. княземъ о снятіи съ опальныхъ князей опалы.¹⁾ Другой рязанскій епископъ Арсеній печаловался предъ тѣмъ же княземъ о снятіи опалы съ князей Рязанскихъ, измѣною Всеволоду подвергшихъ разоренію отъ него городъ Пронскъ и осадѣ —Рязань.²⁾ Митрополитъ Филиппъ I-й³⁾ и Новгородскіе владыки неоднократно печаловались за Новгородъ, часто подвергавшійся опалѣ великихъ князей по винѣ нѣкоторыхъ своихъ вольныхъ гражданъ. Предъ в. кн. Василиемъ Ивановичемъ печаловался еп. Варсонофій Смоленскій за Смоленскъ, кровію многихъ искупившій измѣну (1514 г.) нѣкоторыхъ в. князю;⁴⁾ предъ нимъ же печаловался еп. Филофей Псковскій за Псковъ, послѣ взятія и опустошенія города княземъ⁵⁾ и пр. Во всѣхъ такихъ случаяхъ снятіе опалы съ опальныхъ встрѣчалось ими, какъ небесная милость,—вдохновляло ихъ вѣрою въ бодрствующій надъ ними Промыслъ, заставляло ихъ благословлять Промыслителя и печаловника и этимъ подавляло, по крайней мѣрѣ, на первое время всякую охоту употреблять во

¹⁾ П. Янковскій, 94.

²⁾ Ibidem, 96.

³⁾ Ibidem, 103—104.

⁴⁾ Ibidem, 198—199.

⁵⁾ Ibidem, 201—202.

зло свое избавленіе. Что это дѣйствительно такъ и было, можно привести въ доказательство слѣдующее свидѣтельство. Указанный нами выше князь Михаилъ, за котораго печаловался предъ в. кн. Георгіемъ митрополитъ Кириллъ I, по свидѣтельству лѣтописца Владимірскаго, былъ „не правъ въ крестномъ цѣлованіи предъ Ярославомъ“, и тѣмъ не менѣе печалованіе за него, исходатайствовавшее ему прощеніе, было встрѣчено общею радостью: „и бысть радость великая“—свидѣтельствуется тотъ же лѣтописецъ ¹⁾).

Но печалованіе безъ нарочитаго испытанія благонадежности опальныхъ не простиралось на всѣхъ ихъ,—и это говоритъ только о томъ, что оно употреблялось пастырями сознательно, а не случайно. Предъ нами цѣлый рядъ такого рода гласныхъ печалованій, которыя пастыри предваряютъ или сопровождаютъ наложеніемъ на опальныхъ какого-либо испытанія, обезпечившаго его благотворное дѣйствіе на нихъ, или, по крайней мѣрѣ, устранявшаго злоупотребленіе имъ. Такого рода печалованіе простиралось, прежде всего, на опальныхъ, пользовавшихся особенно высокимъ внѣшнимъ положеніемъ, каковы, напр., князья, родственники царей, воеводы,—словомъ—лица, державшія въ своихъ рукахъ управленіе, власть. Опала на правителей обыкновенно порождалась бунтомъ противъ нихъ. Иногда возмущеніе противъ нихъ принимало такіе ужасающіе размѣры, что печалованіе совершенно парализовалась имъ, становилось предъ нимъ совершенно невозможнымъ. Въ такомъ положеніи былъ, напр. князь Новгородскій Ярославъ (1270 г.), когда возмутились противъ него Новгородцы и отказались признавать его своимъ княземъ ²⁾; или великій князь Василій Васильевичъ съ семействомъ предъ притязательнымъ и вѣроломнымъ Шемякою, ослѣпившимъ великаго князя и заключившимъ его вмѣстѣ съ сыновьями въ темницу ³⁾. Въ такомъ-же положеніи очутился Василій Ивановичъ Шуйскій (1607 г.) предъ заговорщиками, неотступно требовавшими отъ патр. Гермогена провозгласить лишеніе Шуйскаго престола ⁴⁾. Въ положеніи опальнаго былъ и извѣстный Новгородскій воевода кн. Хилковъ предъ взбунтовав-

1) Полное Собр. Русск. Лѣтоп., т. I, стр. 191.

2) II. Яковскій, 92.

3) Ibidem, 102.

4) Ibidem, 204—210.

шимися (1648 г.) противъ него крамольщиками. Признавая своей священной обязанностію защищать авторитетъ власти отъ всякихъ на него посягательствъ, древне-русскіе пастыри всегда являлись дѣятельными и самоотверженными заступниками опальныхъ правителей предъ мятежниками. Но спасая ихъ отъ опалы своимъ печалованіемъ и возвращая ихъ къ власти, пастыри въ то же время дѣлали все возможное отъ себя, чтобы они не обращали свое торжество надъ врагами въ орудіе мести имъ, которая снова могла раздражать смиренныхъ враговъ и, во всякомъ случаѣ, колебать строй общественной жизни. Поэтому то, печалуясь за опальную власть, пастыри, при самомъ печалованіи, стараются взять подъ свое руководство поведеніе ея, по снятіи опалы. Такъ, митрополитъ Кирилль II, печалуясь за Ярослава предъ возмущенными противъ него Новгородцами, ручается имъ въ томъ, что „князь Ярославъ сдѣлаетъ все, „чего они пожелаютъ“; ¹⁾ митр. Іона (съ соборомъ пастырей) обѣщаетъ Шемякѣ ходатайство предъ великимъ княземъ о прощеніи его—лишь бы онъ оставилъ свои притязанія на велико-княжескій столъ; ²⁾ патр. Гермогенъ обѣщаетъ бунтовщикамъ прощеніе отъ Шуйскаго, если они раскаются ³⁾; митроп. Никонъ руководитъ властію въ расправѣ ея съ усмирными крамольщиками. Правда и милость къ виновникамъ опалы, охрана общественнаго спокойствія—были началомъ и концомъ всѣхъ руководственныхъ указаній, которыми пастыри опредѣляли поведеніе освобожденной отъ опалы власти. Такимъ образомъ, печалованіе даже за опальныхъ правителей не было для древне-русскихъ пастырей формальнымъ отбываніемъ повинности; и здѣсь оно принимало духовно-пастырскій характеръ. Нигдѣ, быть можетъ, пастыри не стремились такъ сильно проявить свою попечительность относительно употребленія во благо избавленія отъ опалы, какъ именно здѣсь—по отношенію къ опальнымъ правителямъ,—въ виду исключительнаго положенія ихъ въ обществѣ и значенія для послѣдняго ихъ дѣйствій. Другой вопросъ, насколько пастырямъ это удавалось, насколько возвращенная отъ опалы къ силѣ власть

¹⁾ П. Яковскій, 92.

²⁾ Ibidem, 102—104.

³⁾ Ibidem, 209—210.

была послушна пастырскимъ внушеніямъ. Для насъ важно именно то, что печалованія существовали.

Если снятіе опалы древне-русскіе пастыри обставляли предохранительными мѣрами противъ возможнаго употребленія его ими во вредъ себѣ и другимъ, по отношенію къ опальнымъ правителямъ, то тѣмъ свободнѣе и шире прилагали они эти мѣры, при открытомъ освобожденіи отъ опалы людей подчиненныхъ,—конечно тамъ, гдѣ это было нужно. А эти мѣры оказывались нужными, какъ увидимъ, по отношенію къ тѣмъ изъ среды подчиненныхъ опальныхъ, которые, въ моментъ освобожденія отъ опалы, не представлялись пастырямъ вполне подготовленными для принятія печалованія безъ особеннаго испытанія ихъ раскаянія и благонадежности. Таковы были, прежде всего, опальные, которые подверглись опалѣ за вину и заявили свое раскаяніе въ ней, но не успѣли первую искупить, а второе засвидѣтельствовать страданіемъ. Такъ, Варлаамъ Хутынской спасаетъ отъ смерти приговореннаго къ ней преступника съ тѣмъ, чтобы онъ загладилъ свою вину въ Хутынѣ ¹⁾. Св. Іаковъ Ростовскій избавляетъ отъ смерти осужденную преступницу, придавшую къ ногамъ святителя съ мольбою о помилованіи,—назначая ей мѣсто покаянія ²⁾. Архіепископъ Маркеллъ (конц. XVI в.) и патр. Іоакимъ спасаютъ жизнь двумъ женщинамъ, за убійство закопаннымъ живыми въ землю—по законамъ тогдашняго времени; но, сохранивъ несчастнымъ жизнь, они отправляютъ ихъ въ монастырь на покаяніе ³⁾. Древне-русскіе пастыри не рѣшались отпечаловать опалу безъ какихъ либо предохранительныхъ мѣръ особенно тѣмъ изъ опальныхъ, внѣшне—видное положеніе которыхъ представляло соблазнъ для злоупотребленія своимъ избавленіемъ отъ опалы. Фактовъ, подтверждающихъ нашу мысль, немало. Митрополитъ Никифоръ (съ духовенствомъ) печалуетъ (въ 1101 г.) предъ кн. Святополкомъ за племянника его, кн. Ярослава, лишеннаго имъ свободы, предварительно взявши съ послѣдняго клятву при гробѣ Бориса и Глѣба въ томъ, что онъ не будетъ болѣе посягать на дядинны волости и станетъ жить спокойно

¹⁾ П. Янковскій, 98—99.

²⁾ Ibidem, 133.

³⁾ Ibidem, 203—209; 261—262.

въ Кіевѣ ¹⁾. Митрополитъ Іона съ соборомъ пастырей снимаетъ съ Шемяки велико-княжескую опалу, наказывая его обличеніемъ и церковнымъ отлученіемъ ²⁾. Митрополитъ Даніиль (въ 1528 г.) печалуется предъ вел. кн. Василиемъ Ив. за двухъ воеводъ Бѣльскаго и Воротынскаго, провинившихся въ отъѣздѣ отъ князя, подѣ условіемъ не отъѣзжать впередъ къ другимъ государямъ ³⁾. Опальныхъ инославныхъ пастыри берутъ отъ опалы, при условіи ихъ перехода въ православіе, уговаривая при этомъ не принимать православной вѣры по одной только нуждѣ ⁴⁾. Достоинно вниманія, что опальныхъ тяжко виновныхъ (въ крамолѣ, измѣнѣ) древне-русскіе пастыри брали отъ казни, подѣ условіемъ постриженія ихъ въ монашество. Подѣ такимъ условіемъ спасъ жизнь боярамъ Патрикѣевымъ митрополитъ Геронтій ⁵⁾. Но едва-ли не всего чаще, для обезпеченія благотворнаго дѣйствія своему печалованію за опальныхъ, пастыри брали съ нихъ обязательства, что они не злоупотребятъ своимъ избавленіемъ отъ опалы, не погрѣшатъ той виной, за которую навлекли на себя опалу князя, не отъѣдутъ отъ него къ другому государю, не измѣнятъ ему въ своей вѣрности ⁶⁾ и пр. Эти обязательства, давшія основаніе для „поручительныхъ грамотъ“ за опальныхъ, служатъ, конечно, выраженіемъ самаго близкаго вліянія, подѣ которымъ держали пастыри опальныхъ. Иногда обязательства эти не исполнялись опальными; напр., кн. Ѳеодоръ Мих. Мстиславскій нарушилъ данное митрополиту Даніилу обѣщаніе— не имѣть сношеній съ польскимъ королемъ; между тѣмъ какъ подѣ условіемъ этого обѣщанія онъ получилъ, по ходатайству митрополита, убѣжище въ Россіи отъ преслѣдованій его въ Литвѣ и Польшѣ за Православную вѣру. Однако митрополитъ Даніиль снова ходатайствуетъ предъ в. кн. Василиемъ Иванов. о принятіи Мстиславскаго подѣ свое покровительство, не помня прежняго нарушенія имъ своего обѣщанія, но видя раскаяніе

¹⁾ Полное собр. Русск. Лѣт., т. I, стр. 119.

²⁾ П. Яковскій, 101—103.

⁴⁾ Ibidem., 171, 173, 181.

³⁾ Ibidem, 174—175.

⁵⁾ Ibidem, 107—108.

⁶⁾ Такія обязательства съ опальныхъ брали митр. Геронтій, Даніиль, Макарій и мн. др. печаловники.

его, скрѣпленное новымъ обязательствомъ ¹⁾). Отсюда видно, что вообще то обязательство, даваемое опальнымъ, было въ сознании пастырей довольно сильнымъ ручательствомъ его нравственнаго исправленія.

На такихъ условіяхъ печаловались древне-русскіе пастыри о снятіи съ опальныхъ опалы. Тамъ, гдѣ не было на лицо этихъ условій, или гдѣ невозможно было по чему-либо отпечаловать свободу опальному, тамъ пастыри, во имя началъ чисто человѣческихъ, ходатайствовали по крайней мѣрѣ о смягченіи для него горькой его участи. Такъ, митрополитъ Геронтій своимъ печалованіемъ предъ Іоанномъ III смягчилъ наказаніе боярину Мунтѣ, за клевету на князя приговоренному было къ торговой казни и отрѣзанію языка ²⁾). Митрополитъ Макарій печалованіемъ предъ Іоанномъ IV смягчилъ наказаніе кн. Лобанову Ростовскому, осужденному было за слово и дѣло на смертную казнь и въ замѣнъ ея сосланному на Бѣлоозеро въ заключеніе ³⁾) и пр. Печалованіе такого рода, хотя бы производилось и открыто для опальнаго, ничего другого не могло вызывать въ немъ, кромѣ благодарности къ Богу и печаловнику, Богомъ ниспосланному, за оказанную милость.

Наконецъ, тамъ, гдѣ печалованіе древне-русскихъ пастырей за опальныхъ не имѣло никакого успѣха или было совершенно невозможно, они не оставляли опальныхъ духовною помощію, ободряли ихъ къ терпѣливому перенесенію страданій, внушали вѣру въ Провидѣніе, все устрояющее на пользу человѣка, внушали покорность власти, утѣшали наградами вѣчности. „Дѣти!—утѣшаетъ, напр., митр. Филиппъ II опальныхъ вельможъ. Господь милостивъ! Онъ не посылаетъ искушеній болѣе, чѣмъ можемъ понести; надобно быть и соблазнамъ. Горе тому, къ кому соблазнъ приходитъ. Все это, избранники Божіи, случилось по грѣхамъ нашимъ, для исправленія нашего; да и счастье обѣщано намъ не на землѣ, а на небѣ“ ⁴⁾). Протопопъ Сильвестръ въ письмѣ къ воеводѣ и намѣстнику Казанскому, подвергшемуся опалѣ Грознаго, такъ утѣшаетъ его: „Вся скорбная не безъ Божія промысла бываютъ: ино за грѣхи, ино за прело-

1) П. Янковскій, 175.

2) Ibidem, 107.

3) Ibidem, 180.

4) П. Янковскій, 191.

женіе правды, ино въ отмщеніе за зло кому либо; отъ сихъ скорбей никто же минеть... Ты о семъ не скруподушествуй, не враждуй на нанесшихъ тебѣ скорби, не суди царя: не безъ ума мечъ носить, отмститель есть злое творящему... Аще же безъ вины страждеша, терпи и радуйся, яко уготовано таковымъ царствіе Божіе" ¹⁾). Іосифъ Волоколамскій кратко, но убѣдительно, внушаетъ опальному князю Юрію покориться власти брата в. князя: „Преклони главу предъ Помазанникомъ Божіимъ и не противорѣчь брату—князю“ ²⁾). Патріархъ Никонъ, въ бытность Новгородскимъ митрополитомъ, посѣщаетъ заключенныхъ въ темницѣ, разрѣшаетъ отъ узъ достойныхъ помилованія и всѣхъ ободряетъ добрымъ, ласковымъ словомъ. Свою духовную помощь опальнымъ древне-русскіе пастыри сопровождаютъ молитвою объ ея дѣйствительности, а равно и о душевномъ благополучіи страдальцевъ. Такъ молится объ опальномъ князѣ Изяславѣ, изгнанномъ изъ Кіева, преп. Θεодосій, поминая его на молитвахъ въ храмѣ, какъ стольнаго князя ³⁾). Такъ молится объ извѣстномъ намъ воеводѣ протопопѣ Сильвестрѣ ⁴⁾). Эта незримая для опальныхъ молитва за нихъ пастырей не есть-ли самое прекрасное выраженіе пастырской любви къ нимъ, которою было проникнуто и все вообще печалованіе?...

6. Приемы печалованія въ отношеніи къ виновникамъ опалы.

Обратимся къ раскрытію тѣхъ приемовъ, которыми руководились древне-русскіе пастыри, для достиженія цѣлей печалованія по отношенію къ виновникамъ опалы. Какъ, какими средствами они смягчали разгнѣванное ихъ сердце, растворяя его милосердіемъ къ опальнымъ, любовію къ нимъ и вообще къ людямъ?

Первымъ изъ такихъ средствъ была молитва объ умилоствленіи сердца виновника опалы къ ея жертвѣ. Пастыри выступали на защиту опальныхъ, призвавъ Бога въ помощники себѣ. Блаженный Серапіонъ (1493 г.) идетъ къ великому князю Ивану печаловаться за невинно-осужденныхъ на смерть боярынъ послѣ усердной молитвы ко св. Троицѣ ⁵⁾). Іосифъ Во-

1) Ibidem, 199—200.

3) Ibidem, 84.

2) Ibidem, 200.

4) Ibidem, 199.

5) Полн. Собр. Русск. Лѣт. т. III, стр. 444, 246; IV, стр. 136.

локоламскій и самъ молится и своихъ сотрудниковъ по печалованію за кн. Юрія заставляетъ молиться о томъ, чтобы Богъ преложилъ гнѣвъ Василя Ивановича къ брату—Юрію, на милость къ нему ¹⁾). Митрополитъ Филиппъ I, выступая съ печалованіемъ предъ в. кн. Иваномъ III за прогнѣвившихъ его Новгородцевъ, обращается съ молитвою къ Богу и Его Пречистой Матери, дабы Они умилоствовали сердце князя къ опальнымъ ²⁾). Никонъ ввѣряетъ себя Богу, выходя съ печалованіемъ за кн. Хилкова предъ разъяренной на него толпой Новгородцевъ. Молитвой предваряли и сопровождали, нѣтъ сомнѣнія, свои печалованія и всѣ вообще пастыри—печаловники.

Ввѣривъ исходъ своего печалованія Божественному Провидѣнію, ободренные молитвой, пастыри или лично идутъ съ печалованіемъ за опальныхъ къ ихъ обидчикамъ, или пишутъ послѣднимъ посланія,—и самое главное, чѣмъ они заняты прежде всего, это стараніемъ найти доступъ къ разгнѣванному, мятежному сердцу виновника опалы, расположить его къ выслушанію ходатайства. Имѣя въ виду, какъ чувствительны бываютъ обидчики къ противодѣйствию ихъ обидѣ, какъ склонны они подозрѣвать въ немъ безцеремонное вторженіе въ неприкосновенное для постороннихъ „святое святыхъ“ ихъ сердца и совѣсти, а равно и поступковъ,—какъ легко они могутъ, давъ усилиться въ душѣ этому подозрѣнію, отвергнуться отъ всякихъ наставленій, не выслушавъ ихъ,—древне-русскіе пастыри устраняли такое препятствіе своему печалованію тѣмъ, что старались явить въ немъ свое пастырское достоинство, которое бы сразу давало понять и почувствовать виновнику опалы, что предъ нимъ печалуется пастырь совершенно чуждый какихъ-либо земныхъ своекорыстныхъ интересовъ, проповѣдникъ не своей и не человѣческой вообще, но Божіей воли, самимъ Богомъ поставленный насаждать доброе въ душѣ его, искореняя въ ней возникающее зло. Внушеніе такого расположенія къ себѣ посредствовалось не столько словомъ пастырей, сколько одушевлявшимъ это слово чувствомъ ихъ пастырской любви, болѣзную обь омраченіи души виновника опалы местию къ опальному; отсюда, оно не всегда посредствовалось словеснымъ заявленіемъ пастырей о своемъ долгѣ,

¹⁾ П. Янковскій, 200.

²⁾ Ibidem, 103—104.

но всегда выражалось самымъ тономъ, характеромъ печалованія. Такой или иной тонъ, т. е. тонъ ли кроткаго, тихаго, ласковаго увѣщанія къ согрѣшившему опалой брату, или тонъ строгаго, взыскательнаго къ его винѣ внушенія, — печалованіе принимало въ зависимости отъ общаго характера душевнаго настроенія виновника опалы и отъ степени его ожесточенія въ преслѣдованіи опальнаго, въ минуту печалованія за него. Отсюда, первой заботой древне-русскихъ пастырей было придать такой тонъ своему печалованію, который бы соотвѣтствовалъ общему душевному настроенію виновника опалы, такъ чтобы онъ съ перваго слова могъ узнать голосъ своего пастыря и обратить, если не сердце, то хотя слухъ къ его наставленіямъ. Что же касается словеснаго заявленія пастырей предъ виновникомъ опалы о своемъ пастырскомъ долгѣ печалованія, то оно было только подтвержденіемъ и яснѣйшимъ выраженіемъ приданнаго ими печалованію тона, почему и выражалось оно или кротко, или настойчиво и внушительно. Само же по себѣ, оторванное отъ того или иного тона печалованія, это заявленіе было бы пустымъ звукомъ, не производящимъ никакого впечатлѣнія на виновниковъ опалы.

Когда же древне-русскіе пастыри находили нужнымъ придавать своему печалованію за опальныхъ характеръ преимущественно увѣщательный, когда — обличительный?

Въ духѣ кроткой, тихой, ласковой любви пастыри печаловались за опальныхъ предъ людьми, отъ природы мягкими, неспособными къ продолжительному, упорному гнѣву, тѣмъ болѣе предъ людьми, наложившими опалу не по склонности къ разнаго рода жестокостямъ, а по винѣ самыхъ опальныхъ. Въ такихъ людяхъ всего скорѣе могло найти отзвукъ увѣщаніе кроткой любви, болѣе или менѣе сродной ихъ духовной природѣ. Кириллъ Бѣлозерскій, въ посланіи своемъ къ в. князю Василию, съ кротостію увѣщаетъ его окончить „великое несогласіе съ своими сродниками“ — князьями Суздальскими: „Ради Бога, будь внимателенъ къ себѣ и ко всему княженію... Осмотрись, государь... Бога ради, государь, покажи къ нимъ любовь и состраданіе“... Все это такія выраженія, въ которыхъ слышно кроткое обращеніе инока къ мягкому по душѣ человѣку. Дѣйствительно, такимъ и былъ кн. Василій: свое смиреніе онъ не разъ заявилъ

преподобному просьбами его молитвъ о себѣ ¹⁾). Когда пастырямъ приходилось выступать печаловниками за опальныхъ предъ толпой бунтовщиковъ, они тоже находили въ этихъ случаяхъ болѣе умѣстнымъ кроткое увѣщаніе, чѣмъ строгое обличеніе. Митрополитъ Климентъ ²⁾, владыка Новгородскій Алексій ³⁾, патр. Гермогенъ ⁴⁾, Никонъ ⁵⁾, печалуясь предъ бунтовщиками, державшими въ опалѣ или своихъ князей, или своихъ согражданъ (новгородцевъ), вzywали къ нимъ въ тихой формѣ: „не творите грѣха, дѣти“... (Климентъ); „Дѣти, не довлѣйте себѣ брани“... (Алексій)... Не сосутайтесь, дѣти, на бой, примиритесь“ (онъ-же)! „Любезныя дѣти, зачѣмъ пришли ко мнѣ съ оружіемъ“—кротко увѣщаетъ Никонъ крамольщиковъ, разразившихся опалою на воеводу Хилкова, котораго Никонъ скрылъ въ своемъ домѣ. „Я всегда былъ съ вами, и теперь не скрываюсь. Я пастырь вамъ, и готовъ положить за васъ душу свою“. Или вотъ какъ печалуется патр. Гермогенъ предъ бунтовщиками требовавшими у него провозгласить лишеніе Шуйскаго престола: „Бывшіе православныя христіане всякаго чина, возраста и сана, теперь же не вѣдаемъ, какъ васъ называть! Не достаетъ мнѣ словъ, болитъ душа и болитъ сердце, всѣ внутренности мои расторгаются и всѣ составы мои содрогаются, плачу и съ рыданіемъ вопію: помилуйте, помилуйте свои души и души своихъ родителей, вразумитесь и возвратитесь“ ⁶⁾. Въ такихъ случаяхъ печалованія древне-русскіе пастыри, придавая ему спокойный, кроткій тонъ, руководились, быть можетъ, тѣмъ соображеніемъ, что тихое, ласковое обращеніе, по крайней противоположности своей бурному настроенію бунтовщиковъ, всего скорѣе могло произвести на нихъ впечатлѣніе и смягчить ихъ расходившіяся страсти,—тѣмъ болѣе, что многія изъ нихъ не сознательно производили опалу, а по увлеченію примѣромъ ея зачинщиковъ, и, слѣдовательно, не могли быть упорными въ своей мести. Придавая строгій или мягкій характеръ своему печалованію, пастыри обращали вниманіе на побужденія, какія могли имѣть къ опалѣ ея виновники. Вина опальныхъ, за которую они и попадали гнѣву со стороны своихъ преслѣдователей, конечно,

¹⁾ П. Янковскій, 134—135.

²⁾ Въ 1146 г.

³⁾ Въ 1359 г.

⁴⁾ Въ 1607 г.

⁵⁾ Въ 1648 г.

⁶⁾ П. Янковскій, 88—89; 111; 209—210; 215.

давала послѣднимъ нѣкоторое оправданіе своего мщенія. Ошибкой было бы, разумѣется, со стороны пастырей вразумлять ихъ строгимъ внушеніемъ; ихъ скорѣе могло склонить къ умиротворенію тихое увѣщаніе. Поэтому то, всѣ Новгородскіе владыки, печалуясь предъ Московскими князьями за опальныхъ, вслѣдствіе своего непослушанія имъ согражданъ, укрощаютъ гнѣвъ князей не обличеніемъ, а увѣщаніемъ; часто со слезами владыки упрашиваютъ ихъ прекратить свою опалу; „помилуй, пощади, отложи нелюбье свое на вольныхъ мужей“... обыкновенно взываютъ они ¹⁾).

Въ духѣ строгаго внушенія, обличенія или ревности, древне-русскіе пастыри печаловались за опальныхъ предъ людьми, отъ природы упрямыми, упорными въ своей мести къ опальнымъ, тѣмъ болѣе предъ людьми, производившими опалу по склонности къ разнаго рода жестокостямъ. Такихъ виновниковъ опалы всего скорѣе могла вразумлять ревность, потому что она есть „ревность огня, поаясти хотящаго сопротивныя“ (Евр. 7, 27). Поэтому, князьямъ, намѣстникамъ и судьямъ, прославившимся своей жестокостью къ подчиненнымъ, митрополитъ Кирилль II (1 пол. XIII в.) и еп. Симеонъ (2 полов. того же вѣка) пишутъ печаловническія посланія грознаго характера. „Внимайте, князья и судьи, да не будете чадами гнѣва“, начинается свое посланіе митр. Кирилль ²⁾). Говорю вамъ, князьямъ и намѣстникамъ—властно открываетъ свои обличенія ихъ еп. Симеонъ ³⁾). Жестокій и вѣроломный Димитрій Шемяка выслушиваетъ грозное обличеніе своей жестокости отъ митрополита Іоны съ соборомъ пастырей и отъ инока Григорія (1434 г.). Первый грозитъ ему церковнымъ отлученіемъ за жестокою опалу его на в. князя Василія Васильевича, имъ ослѣпленнаго и вмѣстѣ съ семействомъ заключеннаго въ темницу ⁴⁾). Второй такъ обличаетъ его за безпощадное опустошеніе имъ Вологодской страны: „Князь Димитрій! ты творишь дѣла язычника, ступай въ страну язычниковъ“ ⁵⁾). Мнѣня многіе другіе примѣры, припомнимъ безтрепетное обличеніе св. Филиппомъ Грознаго, производившаго ужасную опалу своей причиной: печалованіе его есть священная борь-

¹⁾ П. Янковскій, 109—130.

²⁾ Ibidem, 93.

³⁾ Ibidem, 97.

⁴⁾ П. Янковскій, 101—102.

⁵⁾ Ibidem, 133—134.

ба ревнителя долга печалованія съ упорнымъ его отрицателемъ, требовавшимъ отъ святителя молчанія. „Только молчи, одно тебѣ говорю: молчи, отецъ святой; молчи и благослови насъ“—требовалъ Грозный. „Наше молчаніе грѣхъ на душу твою налагаетъ и смерть наноситъ—твердо отвѣчалъ св. Филиппъ... „Я пастырь стада Христова“, говорилъ святитель, отвѣчая на новое возраженіе царя: „какое дѣло тебѣ до нашихъ царскихъ совѣтовъ ¹⁾?... На сколько заботились древне-русскіе пастыри о соотвѣтствіи характера печалованія душевному настроенію виновника опалы, видно изъ такого, напр., факта. Определеніе характера печалованія предъ Грознымъ за опальныхъ отъ его опричниковъ произвело разногласіе среди епископовъ: одни стояли за увѣщаніе его въ духѣ кротости, другіе вполнѣ правильно и въ полномъ соотвѣтствіи съ упорствомъ царя предпочитали вразумлять его въ духѣ ревности ²⁾. Къ послѣднимъ принадлежалъ и св. Филиппъ, своимъ ревностнымъ печалованіемъ дѣйствительно сокрушившій опричнину и тѣмъ оказавшій незабвенную услугу отечеству.

Иногда упорство и ожесточеніе виновниковъ опалы въ преслѣдованіи опальныхъ было такъ значительно по своей интенсивности, что древне-русскіе пастыри не надѣялись пріостановить ихъ гнѣвъ единоличнымъ печалованіемъ, а между тѣмъ сознавали всю нужду прекратить опалу, производившую большую смуту въ обществѣ. Тогда для приданія особеннаго авторитета своему печалованію, пастыри производили его соборомъ. Первый примѣръ соборнаго печалованія исторія указываетъ въ 1097 году, когда в. кн. Святополкъ, по наговору изгоя Давида Игоревича, заподозрилъ кн. Теробовльскаго Василька Ростиславовича въ замыслѣ погубить ихъ и, побуждаемый жаждою мщенія, схватилъ его и заключилъ въ оковы. Опала страшная: она лишала княжество главы; гнѣвъ виновника опалы яростный... Тогда монахи и игумены поспѣшили къ в. князю и убѣждали его пощадить Василька и не нарушать обѣта братской любви ³⁾. Точно также Іона митрополитъ созываетъ соборъ пастырей для болѣе авторитетнаго отраженія притязаній Димитрія Шемяки на великокняжескій столъ.

1) Соловьевъ, ист. VI, 223. Ср. П. Янковскаго, 189—190.

2) П. Янковскій, 187.

3) Ibidem. 85.

Мы не будемъ приводить всѣхъ случаевъ соборнаго печалованія. Скажемъ только, что, въ началѣ будучи явленіемъ исключительнымъ, потомъ оно повторялось довольно часто. Объясняется это возросшими трудностями печалованія, вслѣдствіе развитія государственной власти и ея попытокъ ограничить пастьрское право печалованія,—трудностями, которымъ пастьри подчасъ не въ силахъ были противостать единолично. Соборное печалованіе производилось иногда письменно ¹⁾, а иногда оно принимало торжественно величественный, хотя и печальный, характеръ. Таково было, напр., печалованіе Новгородскихъ пастьрей, во главѣ съ еп. Симеономъ, предъ мятежниками, произведшими (1418 г.) сильную опалу на многихъ согражданъ. Владыка Симеонъ созвалъ священниковъ, чтобы совершить съ ними крестный ходъ на мѣсто междоусобнаго побоища. Явившись среди разъяренной массы народа съ крестомъ, владыка благословилъ имъ на всѣ стороны, а священники уговаривали всѣхъ идти съ миромъ въ свои дома ²⁾. Подобный же характеръ имѣло печалованіе Никона за воеводу Хилкова, предъ возмущенными противъ него крамольщиками.

Ревностно преслѣдуя цѣль печалованія—нравственное исправленіе виновника опалы—древне-русскіе пастьри не упускали благопріятныхъ минутъ для ея достиженія. Такими минутами было время покаянія и богомоленій согрѣшившихъ опалою, когда они, благодаря болѣе или менѣе ясному и спокойному состоянію своего духа, становились способнѣе для обсужденія совершенныхъ дѣяній и воспріимчивѣе для пастьрскаго вразумленія. Соотвѣтственно тихому въ это время состоянію души виновниковъ опалы, и печалованія предъ ними пастьрей за опальныхъ принимали особенно кроткій характеръ. Такимъ характеромъ и отличаются, напр., печаловническое посланіе („О постѣ и воздержаніи чувствъ“) митрополита Никифора I-го (XI в.) къ Владиміру Мономаху и печалованіе игумена Порфирія Сергіевскаго (XVI в.) предъ в. кн. Московскимъ Василиемъ, принесенное послѣднему, когда онъ пріѣхалъ на богомолье въ Троицкій монастырь. Съ какою кротостію пастьри печаловались въ такое время предъ князьями, видимъ изъ самыхъ печалованій. Поучивъ Владиміра Мономаха „помыслить

¹⁾ Напр., при патр. Іоакимѣ. См. *ibidem*, 211—212.

²⁾ *Ibidem*, 113.

объ изгнанныхъ имъ и осужденныхъ“, митрополитъ Никифоръ говоритъ: „Не печалься же, князь мой, о словѣ семъ... Мы осмѣлились говорить о семъ потому, что Уставъ церковный и правило велятъ говорить въ такое время (Великій постъ) полезное князьямъ. Знаемъ, что и сами мы грѣшники, покрытые струпями: истекая гноемъ, начинаемъ лѣчить другихъ; но во всемъ этомъ нѣтъ вреда. Если мы и таковы, но слово Божіе, въ насъ дѣйствующее, здраво и цѣло, и оно учитъ и исцѣляетъ. Разумѣй, князь мой, что болѣзную о тебѣ, и какъ тѣлесные врачи, если любятъ больного, заботясь о немъ, допытываются до самаго корня недуга, такъ и я творю съ тобою“¹⁾. Такъ нѣжно, отечески—нѣжно, поучалъ Мономаха митрополитъ Никифоръ, сообразуясь съ покаяннымъ настроеніемъ князя. Въ такомъ же духѣ печаловался за опальнаго князя игуменъ Порфирій предъ княземъ Василиемъ. По выраженію Курбскаго, онъ „тихо“ молилъ молившагося князя: „Сиде, рече, пріѣхалъ еси ко храму безначальныя Троицы отъ Трисіяннаго Божества милости грѣховъ своихъ просити, самъ буди милосердъ надъ гонимыми отъ тебе безъ правды; аще же, яко глаголеши, срамотяще насъ аки бы повинны были тебѣ и согрѣшили предъ тобою, остави имъ долги малыхъ динарій, по Христову словеси, якоже и самъ отъ него желаешь прощенія многихъ талантовъ“²⁾.

Затронувъ сердечныя струны виновниковъ опалы самымъ тономъ своего печалованія или возбудивъ, имъ по крайней мѣрѣ, вниманіе къ послѣднему, древне-русскіе пастыри употребляли всѣ возможные доводы Слова Божія и разума для того, чтобы укротить ихъ гнѣвъ, пробудить въ нихъ чувство сострадательной любви и милосердія къ опальнымъ и уваженія къ общечеловѣческимъ ихъ правамъ. Когда ожесточеніе преслѣдователей проявлялось слишкомъ сильно, первымъ средствомъ пастырей для укрощенія его были, повидимому, изображеніе предъ виновниками опалы несчастнаго, безотраднaго положенія ея жертвъ, которое способно было возбудить состраданіе къ нимъ въ самомъ черствомъ чловѣкѣ. Такъ поступаетъ, напр., еп. Варсонофій, печалуясь предъ в. княземъ Василиемъ Ивановичемъ за Смоленскъ. „Государь князь великій, убѣждаетъ онъ князя, много крови христіанской пролилось, земля

1) П. Янковскій, 86.

2) П. Янковскій, 203.

пуста, твоя отчина, не губи города, но возьми его съ милостью“¹⁾). Къ такому средству прибѣгали въ подобныхъ означенному обстоятельствахъ всѣ вообще печаловники. Изображеніемъ страданій опальныхъ, какъ средствомъ для укрощенія гнѣва виновниковъ опалы, часто пользовались новгородскіе владыки въ своихъ печалованіяхъ за согражданъ предъ Московскими князьями, часто налагавшими на нихъ опалу за непослушаніе себѣ. Имъ же воспользовался, напр., и инокъ Григорій въ своемъ печалованіи за Вологодскую страну предъ Димитріемъ Шемякою, безпощадно ее опустошавшимъ: „Христіанскія вдовы и сироты, говорилъ инокъ жестокому князю, вопіють противъ тебя предъ Богомъ; сколько людей гибнутъ отъ тебя голодомъ и стужею“!...²⁾).—Рядомъ съ этимъ средствомъ, древне-русскіе пастыри довольно часто употребляли другое: внушали виновникамъ опалы, какой страшный грѣхъ—кровопролитіе. Въ тѣхъ случаяхъ, когда опала происходила вслѣдствіе нарушенія клятвы и имѣла, повидимому, оправданіе себѣ, пастыри становились между ея виновниками и жертвами и говорили имъ; „Примиритесь! Легче грѣхъ—преступить клятву, нежели проливать кровь христіанскую“³⁾). Такъ внушая уваженіе къ человѣческой жизни, которое должно было удерживать виновниковъ опалы отъ кровопролитія, пастыри старались внушить послѣднимъ уваженіе и къ другимъ правамъ ближнихъ. Они настойчиво говорили обидчикамъ, что опальные—ихъ братья, что они, какъ и всѣ, имѣютъ право на любовь къ себѣ, на милосердіе. Для пробужденія братской любви къ опальнымъ, пастыри, прежде всего, напоминали заповѣдь Божію о любви, милосердіи, всепрощеніи⁴⁾), доказывали необходимость ея исполненія принадлежностью къ церкви Христовой, такъ что „кто не любитъ брата, тотъ не Божій“⁵⁾—говорили они; указывали на ея принадлежность даже язычникамъ: „Въ самыхъ иновѣрныхъ языческихъ странахъ, говорилъ Грозному св. Филиппъ, есть законы и правда, есть милосердіе къ людямъ, а въ Россіи нѣтъ ихъ“⁶⁾),—вслѣдствіе этого „довлѣтъ брани, говорилъ другой печалов-

1) Ibidem, 198.

2) П. Янковскій, 133—134.

3) Ibidem, 98.

4) Напр., митроп. Филиппъ I-й въ печалованіи за новгородцевъ предъ кн. Иваномъ III; Филиппъ II-й—предъ Грознымъ и др. Ibidem, 104, 191—192 и др.

5) Филиппъ II. Ibidem, 192.

6) Ibidem, 191.

никъ, значить довлѣть похвалы поганымъ“. 1) Для пробужденія той-же любви въ виновникахъ опалы къ опальнымъ, пастыри изображаютъ ея величіе и красоту, ея превосходство предъ всѣми добродѣтелями, указываютъ на то уваженіе, которымъ окружается любящій человекъ здѣсь на землѣ, на ту славу, которую доставляетъ она человеку на небѣ, на ту гибель, которую готовитъ себѣ ея гонитель. „Никакая власть, говоритъ Кириллъ Бѣлозерскій въ своемъ печаловническомъ посланіи къ в. князю Василию за утѣсненныхъ имъ суздальскихъ князей, никакая власть—ни царская, ни княжеская—не можетъ избавить насъ отъ нелицепріятнаго суда Божія; а если будешь любить ближняго, какъ себя, если утѣшишь души скорбныя и огорченныя, этимъ много поможешь себѣ, Государь, на страшномъ и праведномъ судѣ Христовомъ. Ап. Павелъ, ученикъ Христовъ, пишетъ: „аще имамъ вѣру горы представляти и аще имамъ раздати все имѣніе свое, любви же не имамъ, ничтоже пользы ми есть“. Люби же братію твою и всѣхъ христіанъ; твоя вѣра къ Богу и милостыни нищимъ угодны будутъ Господу“ 2). „Престань, Государь, отъ нечестивыхъ дѣяній—говорилъ святитель Филиппъ II-й Грозному; вспомни прежде бывшихъ царей: кои, творившіе добро, ублажаемы по смерти, а злое содержавшіе царство свое и послѣ не съ благословеніями помипаются. Потщись же и ты подражать благимъ нравамъ, ибо свѣтлостію сана не умаляется смерть, во все вонзающая не сокрушимые зубы. Итакъ, прежде ея пришествія, принеси плоды добродѣтели и собери себѣ сокровище на небесѣхъ, ибо все, собранное въ мірѣ семъ, останется на землѣ, и каждый воздастъ слово о житіи своемъ“.—Ты высокъ на тронѣ, но есть Всевышній судія нашъ и твой. Какъ предстанешь на судѣ Его, обогранный кровію невинныхъ, оглушаемый воплемъ ихъ муки. Ибо сами камни вопіютъ подъ ногами твоими о мести“ 3).

Исчерпывая всѣ средства для устраненія опалы, древнерусскіе пастыри пробуждали въ ея виновникахъ сознаніе великой важности общественныхъ обязанностей и указывали весь вредъ, какой приноситъ обществу опала и всякая вооб-

1) Влadyка Новгородскій Алексѣй. *Ibidem*, 111.

2) П. Янковскій, 134—135.

3) *Ibidem*, 196.

ще вражда. Поставленные Богомъ руководить людьми, правители должны помнить высоту и важность своего положенія и удерживаться отъ проявленія всякой неправды, имѣя въ виду, съ одной стороны, всю отвѣтственность за нее предъ Богомъ; кому много дано, съ того много и спросится, а съ другой— весь вредъ, который она приноситъ обществу,—тотъ беспорядокъ, который въ немъ производитъ. „Какъ на кораблѣ, если ошибется наемный гребецъ, вредъ отъ того бываетъ неважный; если же ошибется кармчій, то губить весь корабль: такъ бываетъ и съ князьями. Если согрѣшитъ бояринъ, наноситъ пакость себѣ, а не всѣмъ; но если согрѣшитъ самъ князь, причиняетъ вредъ всѣмъ, подчиненнымъ ему“ ¹⁾.

Для того, чтобы во что бы то ни стало укротить гнѣвъ виновниковъ опалы, пастыри мѣняють самый тонъ печалованія, переходя съ увѣщанія на обличеніе и наоборотъ, или усиливая обличеніе. Поступаютъ они такъ или иначе, смотря по тому, показываетъ ли виновникъ опалы какое либо раскаяніе или остается въ прежнемъ упорствѣ и ожесточеніи. Преподобный Θεодосій, напр., замѣняетъ увѣщаніемъ свое обличеніе Святослава Черниговскаго, державшаго въ опалѣ кн. Изяслава, когда Святославъ показалъ признаки раскаянія ²⁾. Святитель Филиппъ, наоборотъ, сознательно усиливаетъ свое обличеніе Грознаго, соотвѣтственно возраставшему упорству послѣдняго. Вообще пастыри не щадятъ силъ своихъ въ стремленіи прекратить опалу, смягчить гнѣвъ ея виновниковъ и облегчить тяжелую участь ея жертвъ. Они даютъ за опальныхъ поручительныя грамоты, предоставляютъ имъ убѣжища въ храмахъ ³⁾, принимаютъ на себя ихъ вины ⁴⁾, печалуются за нихъ больные, отправляясь при этомъ для печалованія въ далекое путешествіе ⁵⁾, принимаютъ отъ виновниковъ опалы муки ⁶⁾ и однако не перестаютъ печаловаться; терпятъ ради печалованія заключеніе въ темницахъ, ⁷⁾

¹⁾ Кириллъ Бѣлозерскій въ посланіи къ в. кн. Василию. См. П. Яковскаго, 134—135. Ср. поученіе митр. Кирилла II къ князьямъ. См. *Ibidem*, 93.

²⁾ *Ibidem*, 83.

³⁾ Напр., митроп. Климентъ. *Ibidem*, 89.

⁴⁾ Напр., влад. Новгородскій Θεофилъ. См. у П. Яковскаго, 131.

⁵⁾ Напр., Іосифъ Волоколамскій. *Ibidem*, 200.

⁶⁾ Напр., патр. Никояъ.

⁷⁾ Напр., митроп. Іоасафъ, влад. Новгор. Θεофилъ и мн. др.

ради него даже отказываются отъ своего великаго и священнаго сана ¹⁾. Самоотверженіе печаловниковъ такъ удивительно, что является вопросъ, не было ли оно фанатичнымъ? Но вопросъ падаетъ самъ собою, если мы приведемъ на память слѣдующее заявленіе св. Филиппа о своихъ дѣйствіяхъ: „Напрасны и страданія Спасителя и Его заповѣди, данныя намъ, если я буду молчать... Когда наступило время подвига, не долженъ я ослабѣвать“... ²⁾ Св. Филиппъ оставилъ митрополию послѣ того, когда убѣдился, что онъ сдѣлалъ всё, что могъ для защиты опальныхъ и потрясеннаго опричниной народа, и что больше ничего ему не остается, какъ оставить митрополию, ради вящей пользы церкви. Это сознаніе онъ выразилъ въ слѣдующемъ обращеніи къ народу: „О чада! Скорбно разлученіе съ вами, но я радуюсь, что всё это приобрѣлъ ради Церкви... Всё, что могъ, сдѣлалъ я, Если бы не для любви къ вамъ, и одного дня не оставался бы на каѳедрѣ. Уповайте на Бога, терпите!“ ³⁾

Да, еслибы не было въ древне-русскихъ пастыряхъ любви Христовой,—скажемъ въ заключеніе настоящаго очерка,—русскіе люди, въ старину такъ много страдавшіе благодаря грубости своихъ нравовъ, не нашли бы въ нихъ заступниковъ, печаловниковъ о себѣ и, несомнѣнно, страдали бы и еще больше и еще дольше,—и Русь, раздѣлаемая междоусобною враждой, смутами и крамолами, гораздо позднѣе, быть можетъ, достигла бы общественно-государственнаго благоустройства. Въ печаловнической дѣятельности древне-русскаго духовенства нужно видѣть, такимъ образомъ, великую заслугу его русскому народу. Эта дѣятельность древне-русскихъ пастырей, въ значительной степени способствовавшая благоустройству русскаго общества, сама, однако, вытекала не изъ политическихъ и соціальныхъ идеаловъ, которые въ полнотѣ и опредѣленности того очертанія, какое они имѣли въ сознаніи русскихъ князей, предносились развѣ только весьма немногимъ печаловникамъ. Въ своихъ печалованіяхъ пастыри прилагали великія старанія къ тому, чтобы умиротворить враждовавшіе элементы русскаго общества, заботились, какъ сами они говорили, „о покоѣ пра-

1) Митроп. Варлаамъ и св. Филиппъ.

2) Ibidem, 190—192.

3) Ibidem, 195.

вославаго царства“,—и на эту заботливость ихъ вдохновляла, ею руководила ихъ любовь къ своей паствѣ, болѣвшая о недугахъ ея. Любовь эта всеобъемлюща: въ комъ она есть, тому внушить она простирать руку помощи всякому страдальцу, кто бы онъ ни былъ—князь или рабъ, и простирать прежде, чѣмъ рука самаго страдальца прострется за помощію; тому внушить она,—„всѣхъ милуя, всѣхъ изыскуя, пріемля вѣхъ, утѣшая всѣхъ“,—съ особою заботливостію пещись о благополучіи правителей, тщательно охраняя ихъ авторитетъ отъ какихъ либо посягательствъ на него и не только охраняя, но и всемѣрно содѣйствуя расширенію его добраго вліянія. Это потому такъ, что Слово Божіе, изъ котораго любящій пастырь Христовъ „богато“ почерпаетъ уроки жизни и поведенія, научаетъ его видѣть въ правителяхъ слугъ Божіихъ, охранителей общественной нравственности и порядка, а въ противленіи имъ—противленіе Божію установленію, колебаніе строя и самой общественной жизни (Рим. 13 гл.; Тим. 2, 1—3). Являясь и въ своемъ основаніи и въ своихъ проявленіяхъ дѣломъ сострадательной любви, печалованіе древнерусскихъ пастырей за опальныхъ есть историческое осуществленіе пастырскихъ завѣтовъ, данныхъ Пастыреначальникомъ Христомъ продолжателямъ Его дѣла: „исцѣлять сокрушенныхъ сердцемъ, отпустить измученныхъ на свободу“ (Лк. 4, 18),—такое притомъ осуществленіе, въ которомъ примѣтно отразилось проникновеніе пастырей духомъ апостольской ревности о спасеніи Богомъ врученныхъ ихъ попеченію духовныхъ чадъ (2 Тим. 4, 2—5). Вотъ съ какою подлинно прекрасною стороною пастырскаго служенія знакомитъ насъ сѣдая древность.

А. Волгинъ.

Истинная наука и ложныя притязанія современной учености.

(Продолженіе *).

III.

Интересъ и значеніе всякаго познанія держатся на томъ убѣжденіи, что чрезъ познаніе человѣкъ можетъ постигать порядокъ вещей, какъ онъ реально существуетъ. Признаніе реальной дѣйствительности, независимой отъ познающаго ума, есть основа всякаго познанія. Въ простомъ естественномъ міровоззрѣніи умъ непосредственно отождествляетъ образуемыя имъ представленія съ самою реальною дѣйствительностію и безотчетно принимаетъ ихъ за неоспоримо истинныя. Но коль скоро умъ возвышается до критическаго отношенія къ своимъ познаніямъ, онъ убѣждается, что образуемыя имъ представленія о вещахъ не то же, что самыя вещи, что въ представленія входитъ много такого, чего самимъ вещамъ не принадлежитъ, и что вещи существуютъ не совсѣмъ такъ, какъ онѣ представляются. Анализирующій умъ убѣждается, что въ познаніи дѣйствуютъ два противостоящія другъ другу начала: во 1) нѣкоторая реальная дѣйствительность, которая навязывается уму, какъ нѣчто совсѣмъ независящее отъ его самодѣятельности, и во 2) самъ познающій умъ съ различными формами его самодѣятельности; первое обыкновенно называется *объектомъ* познанія, второе—*субъектомъ*. Различеніе и противопоставленіе въ познаніи этихъ двухъ сторонъ составляетъ необходимое

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“, за 1900 г. № 17.

предположеніе всякаго научнаго знанія. Всякое такое знаніе, по самому существу своему, стремится къ возможно вѣрному умственному воспроизведенію познаваемаго предмета, *объекта*, т. е. стремится достигнуть объективности. Поэтому объективность составляетъ не только одно изъ преимуществъ, но, можно сказать, и высшую цѣль научнаго знанія.

Въ какой мѣрѣ достижима эта цѣль для человѣческаго знанія? Не подлежитъ сомнѣнію, что субъектъ и объектъ, дѣйствующія въ познаніи, насколько именно они дѣйствуютъ здѣсь, суть начала только соотносительныя, проявляющіяся только въ отношеніи другъ къ другу, и противопоставленіе въ познаніи субъективной и объективной сторонъ неизбѣжно всегда есть только относительное. Это значитъ, что никакой объектъ въ познаніи не можетъ быть данъ такъ, какъ онъ существуетъ самобытно; самъ по себѣ, безъ отношенія къ субъекту, но какъ субъектъ въ познаніи проявляется лишь по отношенію къ какому нибудь объекту, такъ и всякій объектъ дается только въ отношеніи къ субъекту. Этотъ принципъ соотносительности объекта съ субъектомъ есть основной принципъ познавательной дѣятельности, и его можно прослѣдить во всѣхъ моментахъ научнаго познанія. Всякое научное познаніе преслѣдуетъ три общія цѣли: изслѣдовать тѣ или другія *явленія*, опредѣлить ихъ *сущность* и указать управляющіе ими *законы*; явленіе, сущность и законъ—это тѣ основныя понятія, около которыхъ вращается все научное познаніе. Исходной точкой этого познанія служитъ опытъ, область котораго составляютъ открывающіяся здѣсь явленія,—факты опыта суть явленія. Не подлежитъ сомнѣнію, что ни въ какомъ явленіи не дается познанію объектъ такъ, какъ онъ существуетъ самъ по себѣ. Всякія явленія суть не что иное, какъ дѣйствія какихъ-то вещей на наше сознаніе, воспринимаемыя нами прежде всего въ нашихъ ощущеніяхъ. Все, что мы можемъ знать о явленіяхъ, сводится къ показанію ощущеній. Но качества ощущеній не суть какія либо дѣйствительныя свойства той самой реальности, которая въ актѣ ощущенія затрогиваетъ наше сознаніе. Теперь признается уже неоспоримымъ, что цвѣта и звуки не суть реальныя свойства, принадлежащія вещамъ самимъ по себѣ,

что вещи сами по себѣ ни теплы, ни холодны, не имѣютъ ни запаховъ, ни вкусовъ и т. д. Словомъ ни объ одномъ ощущеніи мы не можемъ сказать, чтобы въ содержаніи его давалось намъ что либо *чисто*—объективное; думать иначе значило бы допустить ту невозможность, что въ ощущеніи мы можемъ выступить изъ ощущенія и познать что либо помимо его. Правда, между ощущеніями допускается то различіе, что тогда какъ качества однихъ изъ нихъ прямо признаются несоотвѣтствующими подлиннымъ реальнымъ свойствамъ самихъ вещей (какъ цвѣта, звуки) и поэтому они называются субъективными, за качествами другихъ ощущеній признается ихъ дѣйствительное сходство съ тѣмъ, что есть въ самихъ вещахъ, каковы ощущенія: протяженія, фигуры, движенія, и потому послѣднимъ ощущеніямъ приписывается объективный характеръ. Но нетрудно видѣть, что если и можно признавать за этими ощущеніями объективный характеръ, то не въ томъ смыслѣ, чтобы они подлинно выражали ту самую реальность, какова она есть сама по себѣ, а только въ томъ смыслѣ, что эти ощущенія оказываются для насъ болѣе способными служить представителями независимой отъ насъ реальности. Показанія нашихъ ощущеній мы провѣряемъ и исправляемъ одни другими. И большее довѣріе мы оказываемъ тѣмъ показаніямъ нашихъ ощущеній, которыя выдерживаютъ эту провѣрку и не поддаются какимъ либо исправленіямъ. Показаніе напр. нашего слуха о существованіи внѣ насъ звуковъ прямо признается несогласнымъ съ тѣмъ, что есть на самомъ дѣлѣ, потому что то, что слухъ воспринимаетъ какъ звукъ, въ другихъ нашихъ ощущеніяхъ дается какъ нѣчто иное,—въ зрительныхъ и осязательныхъ ощущеніяхъ это дается какъ колебаніе, вообще движеніе, и потому звукъ считается субъективнымъ качествомъ ощущенія, а движеніе объективнымъ свойствомъ вещей. Вообще изъ всѣхъ показаній различныхъ нашихъ чувствъ показанія зрѣнія и осязанія (въ соединеніи съ мускульнымъ чувствомъ), относящіяся къ пространственной сторонѣ внѣшней реальности, отличаются своимъ наибольшимъ постоянствомъ, даютъ возможность вносить въ нихъ измѣреніе и вычисленіе, и потому они болѣе и объективируются нами,

потому образуемая изъ показаній этихъ чувствъ воспріятія и представленія мы прямо называемъ вещами, а то, что входитъ въ содержаніе этихъ воспріятій и представленій,—свойствами вещей. Вотъ почему для научнаго воззрѣнія, которое стремится освободиться отъ всего субъективнаго, объективный міръ есть лишь тотъ, который можно мыслить въ количественныхъ—пространственныхъ и временныхъ условіяхъ, открывающихся изъ воспріятій зрѣнія и осязанія,—міръ, который состоитъ изъ вещественности, силы и движенія, но не изъ звуковъ, цвѣтовъ, запаховъ и т. д. Но изъ предъидущаго ясно, что и въ томъ, что для научнаго воззрѣнія представляется объективнымъ, не дается сама безотносительная реальность. Вѣдь и самое, напр., движеніе, которое наукой считается объективной причиной звуковъ, цвѣтовъ, есть не что иное, какъ представленіе, образуемое изъ пространственныхъ и временныхъ отношеній нашихъ ощущеній. Думать, что движеніе доступно познанію само по себѣ, значить думать, что можно знать о немъ помимо чувственныхъ ощущеній, но это, очевидно, невозможно.

Къ существу научнаго познанія относится то, что оно не ограничивается одною видимостію явленій, но доходитъ до постиженія самой сущности ихъ. Спрашивается, по отношенію къ міру опыта что такое вообще эта сущность, постигаемая наукой? Нетрудно видѣть, что то, что въ мірѣ опыта признается сущностію, есть не что иное, какъ то или другое общее понятіе, которое, какъ всякія такія понятія, образуется логическимъ путемъ сравненія, отвлеченія и обобщенія, и которое можетъ имѣть только относительное значеніе. Въ мірѣ опыта существуетъ безконечное множество предметовъ, и каждый предметъ въ силу своего отношенія ко всякимъ другимъ предметамъ имѣетъ безконечное множество свойствъ. Ясно, что умъ не можетъ мысленно обнять даже одинъ предметъ со всѣмъ безконечнымъ множествомъ его свойствъ, тѣмъ менѣе онъ можетъ обнять многіе предметы со всѣми ихъ свойствами. Чтобы разобратъся во всемъ разнообразіи предметовъ съ ихъ разнообразными отношеніями и свойствами, умъ вынуждается останавливаться не на всѣхъ ихъ свойствахъ, а

только на тѣхъ, которыя являются въ нихъ постоянными и сходными, которыя потому признаются въ нихъ существенными, и только на основѣ этого постоянства и сходства онъ получаетъ возможность постигать предметы, т. е. образуетъ то понятіе о нихъ, которое обозначается словомъ сущность. Но что въ предметахъ должно быть признано за постоянное и сходное и слѣд. за существенное, это всегда можетъ быть опредѣлено только относительно и условно. Даже по отношенію къ одной и той же группѣ предметовъ это опредѣляется неодинаково, слѣд. понятіе о сущности ихъ измѣняется, смотря по тому, съ какой точки умъ разсматриваетъ эти предметы. Образуемая умомъ понятія о вещахъ подобны видамъ съ вершины горы; опредѣленный видъ открывается только тогда, когда наблюдатель займетъ одну опредѣленную точку, и если измѣняется эта точка, то измѣняются и виды. Вотъ почему происходитъ, что одно и то же какое нибудь явленіе одной наукой признается за существенное, а для другой представляется несущественнымъ. Понятіе о сущности, затѣмъ, измѣняется въ зависимости и отъ того, меньшее или большее количество предметовъ обнимается мыслию. Чѣмъ меньше мыслится предметовъ, тѣмъ больше открывается въ нихъ общихъ свойствъ, изъ которыхъ и слагается понятіе объ ихъ сущности; чѣмъ больше берется предметовъ, тѣмъ больше уменьшается количество общихъ ихъ свойствъ и понятіе объ ихъ сущности ставится все менѣе содержательнымъ, такъ что когда умъ обнимаетъ мыслию наибольшее количество предметовъ, онъ наиболѣе оставляетъ почву дѣйствительности, наиболѣе отвлекается отъ истинной природы вещей и переходитъ къ такимъ понятіемъ, которыя являются наименѣе уловимыми и содержательными. Изъ этого становится ясно, что по отношенію къ міру опыта понятія о сущности, какъ умственные отвлеченія и обобщенія, имѣющія только относительное значеніе, хотя и не могутъ быть названы чисто субъективными, такъ какъ въ нихъ умъ руководится самою натурою вещей, однако не выражаютъ собою какихъ либо дѣйствительныхъ объектовъ,—то, что зовется сущностями, не есть что либо существующее въ самой природѣ; это есть толь-

ко умственные взгляды, но которыя умъ образуетъ необходимо, потому что только такимъ путемъ онъ можетъ разбираться во всемъ разнообразіи вещей.

Стремясь изслѣдовать явленія, опредѣлить ихъ сущность, наука конечною задачей своей имѣетъ указать тѣ законы, которыя дѣйствуютъ въ явленіяхъ. Постигая законы феноменальнаго міра, какъ далеко можетъ проникать наука въ міръ объективнаго бытія? Не подлежитъ сомнѣнію, что исходною точкой въ наукѣ для понятія о законахъ явленій служитъ фактъ постоянства и однообразія послѣднихъ, открывающійся въ наблюденіи. Въ наблюденіи тѣ или другія опредѣленныя явленія даются при извѣстныхъ постоянныхъ и однообразныхъ условіяхъ, въ постоянныхъ и однообразныхъ соотношеніяхъ съ нѣкоторыми другими явленіями; это однообразіе и постоянство въ соотношеніяхъ явленій порождаетъ мысль, что въ явленіяхъ дѣйствуетъ нѣкоторое общее начало, и это общее начало, которое *предполагается* въ тѣхъ или иныхъ постоянныхъ и однообразныхъ соотношеніяхъ явленій, и называется закономъ. Такъ какъ законъ составляетъ не самое постоянство и однообразіе, наблюдаемое въ извѣстныхъ соотношеніяхъ явленій, а собственно то предположеніе, къ какому приходитъ умъ относительно нѣ котораго общаго начала, обуславливающего это постоянство и однообразіе, то всякій законъ не прямо выводится изъ явленій, а, можно сказать, что, открывая въ природѣ законъ, умъ въ извѣстномъ смыслѣ самъ влагаетъ его въ природу. Законъ, собственно говоря, существуетъ для ума, посредствомъ закона умъ объясняетъ явленія, и только то онъ признаетъ закономъ, что можетъ дѣлать общей посылкой и вмѣстѣ закономъ для своихъ выводовъ и заключеній относительно извѣстнаго рода явленій. Такимъ образомъ ясно, что хотя въ законѣ, безъ сомнѣнія, есть и объективная сторона, которую составляетъ тотъ или другой подмѣченный фактъ постоянства и однообразія явленій, но то значеніе, которое придается этому факту, какъ именно закону для выводовъ и заключеній, составляетъ субъективную сторону. Значитъ, и постигая законы природы, человѣческое познаніе не проникаетъ въ міръ чисто объективнаго бытія,—и на то, что въ наукѣ.

выдается за законы природы, неизбѣжно кладется своеобразный отпечатокъ самодѣятельности ума.

Итакъ, во всѣхъ моментахъ научно-познавательной дѣятельности неизбѣжно проходить указанный выше принципъ соотносительности объекта съ субъектомъ, не существуетъ предмета познанія, который бы носилъ исключительно объективный характеръ, ни въ одномъ моментѣ познанія познающій умъ не проникаетъ и, по неустранимымъ условіямъ познанія, не можетъ проникнуть въ міръ чисто объективнаго бытія, постигнуть объекты подлинно такъ, какъ они существуютъ самобытно, сами по себѣ; это такъ же невозможно для познанія, какъ невозможно для человѣка сдѣлать прыжокъ дальше самого себя. Поэтому, признавая, что объективность составляетъ, несомнѣнно, не только преимущество, но и высшую цѣль научнаго познанія, эту объективность мы должны понимать только въ относительномъ смыслѣ, именно—въ смыслѣ выработки такого возрѣнія на вещи, которое можно считать лишь болѣе соответствующимъ тому, какъ онѣ существуютъ сами по себѣ, т. е., которое болѣе оправдывается и путемъ опытной провѣрки, и путемъ логической дѣятельности ума, логическими выводами и заключеніями, дѣлаемыми на основаніи данныхъ опыта. Каждый шагъ развитія познанія, въ смыслѣ достиженія объективности его, состоитъ всегда только въ исправленіи указаннымъ путемъ какой нибудь прежней болѣе субъективной, болѣе ограниченной точки зрѣнія на вещи. Такого рода исправленіе, напр., представляетъ собою міровая система Коперника, открывшая ошибочность обычнаго субъективнаго взгляда на движенія небесныхъ тѣлъ, того взгляда, на которомъ держалась Птоломеева система, и установившая новый взглядъ, который теперь уже всѣми признается объективно достовѣрнымъ, потому что онъ болѣе оправдывается и опытной провѣркой, и логическими соображеніями. Но вѣдь и Коперникова система, за которой признается несомнѣнная объективная достовѣрность, въ отношеніи устройства неба не выражаетъ собою подлинной дѣйствительности, какова она есть сама по себѣ; въ концѣ

всего и эта система есть только, хотя и наиболѣе достовѣрное, но лишь предположеніе, умственное построеніе.

Какъ мы видѣли, въ научномъ познаніи проходить вообще, какъ основная потребность его, стремленіе сводить разнообразіе предметовъ и явленій къ единству одного понятія, будетъ ли то понятіе сущности или понятіе закона. Это стремленіе нельзя не признать совершенно законнымъ,—оно даетъ возможность познающему уму лучшимъ образомъ ориентироваться въ мірѣ феноменальнаго бытія. Но указанное стремленіе можно признать законнымъ только при томъ условіи, если образуемымъ понятіямъ, къ которымъ познающій умъ сводитъ разнообразіе предметовъ и явленій, придается лишь то значеніе, какое они имѣютъ, какъ необходимыя въ познаніи феноменальнаго міра умственные построенія, и не придается имъ большаго значенія,—если они не принимаются за самыя объективныя реальности. Между тѣмъ нужно сказать, что научная мысль очень нерѣдко и впадаетъ именно въ эту погрѣшность и тѣмъ самымъ нарушаетъ границы законно принадлежащихъ ей правъ и полномочій; эту погрѣшность, какую мы можемъ находить у многихъ представителей современной научной мысли, можно назвать объективированіемъ и олицетвореніемъ абстрактныхъ понятій. Разсмотримъ эту погрѣшность ближе.

Такъ какъ представленія, свойственныя простому естественному міровоззрѣнію, во многихъ случаяхъ, несомнѣнно, бываютъ неточны, явно субъективны, потому что образуются въ зависимости отъ субъективныхъ показаній чувствъ, то наука, стремясь къ объективности познанія, естественно должна была стремиться къ созданію такихъ понятій о дѣйствительности, которыя были бы наиболѣе очищены отъ всего субъективнаго. Но, стремясь къ этому, представители научной мысли нытались и пытаются создать такія понятія, которыя должны представлять собою нѣчто уже совсѣмъ независимое отъ человѣческихъ ощущеній, нѣчто такъ сказать внѣ—человѣческое, *само въ себѣ* точное и достовѣрное. Въ попыткахъ дойти до этого самого въ себѣ точнаго и достовѣрнаго устраняютъ въ воззрѣніи на дѣйствительность все, что можетъ напоминать собою что нибудь человѣческое; удаляясь такимъ образомъ все больше и больше отъ той дѣйстви-

тельной и живой природы, которая представляется непосредственному человѣческому воззрѣнію, останавливаются, наконецъ, на какихъ нибудь самыхъ простѣйшихъ понятіяхъ, которыя даютъ возможность свести къ нимъ наибольшее число явленій, и эти понятія, которыя въ сущности являются только самыми послѣдними умственными отвлеченіями и представляютъ собою только жалкіе остовы природы, принимаютъ за самыя *реальныя сущности, за реальныя начала*, посредствомъ которыхъ и думаютъ объяснить живую дѣйствительную природу. Это объективированіе понятій и олицетвореніе отвлеченностей справедливо можетъ быть названо не иначе, какъ своего рода научнымъ фетишизмомъ; объективируемая и олицетворяемая понятія—это своего рода фетиши, въ которыхъ серьезно вѣрятъ, которымъ серьезно поклоняются, и которыхъ довольно много появилось теперь въ области научной мысли.

Однимъ изъ этихъ фетишей и притомъ наиболѣе чтимыхъ со стороны представителей современной учености является понятіе атома. Ничего нельзя сказать противъ принимаемаго во всѣхъ естественныхъ наукахъ понятія атома, пока атомы принимаются просто какъ лишь предположенія, какъ умопредставляемые величины, облегчающія для мышленія вычисленія различныхъ соотношеній и дѣйствій тѣлъ и происходящихъ изъ этого различныхъ свойствъ вещества. Понятіе атома, несомнѣнно, логическаго происхожденія, методъ его полученія есть методъ логическаго отвлеченія, постепеннаго отбрасыванія въ познаваемыхъ предметахъ всѣхъ такихъ свойствъ, которыми они отличаются между собою, и оставленія только того, что въ нихъ есть общаго; принимая въ соображеніе только это общее, мышленіе и создаетъ на мѣсто дѣйствительныхъ тѣлъ съ ихъ разнообразными ощущаемыми свойствами идеальное или абстрактное тѣло, атомъ, которое и замѣняетъ для мышленія дѣйствительныя тѣла во всѣхъ вычисленіяхъ и расчетахъ. На логическую природу понятія атома всего лучше указываетъ то, что къ сущности его приурочиваются главнымъ образомъ признаки отрицательные: атомъ недѣлимъ, несжимаемъ, неизмѣненъ, не имѣетъ цвѣта, запаха, жизни и т. д., словомъ онъ есть то, чего нельзя найти нигдѣ во всей без-

предѣльной вселенной. И вотъ эту-то идеальную или абстрактную сущность, которая притомъ различными представителями научнаго знанія мыслится очень различнымъ образомъ,—то напр. какъ пассивное вещество съ одной силой сопротивленія, то какъ невещественная точка приложенія силы и т. д.,—этотъ-то чисто призрачный остовъ живой природы принимаютъ не только за нѣчто реальное, но за первоначальную основу и абсолютную сущность всякой реальности. Не есть ли это воззрѣніе самый грубый фетишизмъ, и не лежитъ ли въ основѣ его великое недоумѣніе! Потому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, если поклонники атома оказываются по истинѣ въ трагическомъ положеніи: сами создавши себѣ въ понятіи атома фетиша, они вотъ уже сколько времени усердно, но бесплодно бьются надъ рѣшеніемъ вопроса, какъ изъ атома объяснить міръ живой дѣйствительности; атомъ не имѣетъ жизни, не имѣетъ сознанія, а въ дѣйствительности есть и жизнь, и сознаніе,—какъ объяснить это? Бьются, бьются надъ этимъ вопросомъ, и онъ всетаки остается непостижимымъ,—непостижимымъ потому именно, что созданіемъ понятія объ атомѣ, какъ самосущей реальности, сами же создаютъ для себя эту непостижимость.

Другимъ не менѣе яркимъ примѣромъ того, что мы называли фетишизмомъ въ области современной учености, можетъ служить принимаемый теперь очень многими учеными за основной и всеобъемлющій законъ, которымъ думаютъ объяснить все, провозглашенный Спенсеромъ законъ *развитія* (эволюціи), примѣняемый теперь къ объясненію и всей солнечной системы, и нашей планеты, и организмовъ, и человѣческой жизни относительно всего ея общественнаго, умственнаго и нравственнаго прогресса. Что такое этотъ законъ въ своей дѣйствительной сущности? Ничѣмъ инымъ нельзя признать его, какъ лишь логическимъ обобщеніемъ, общимъ понятіемъ, построеннымъ на основаніи однѣхъ аналогій, и притомъ—аналогій не всегда строгихъ и глубокихъ, а большею частію только приблизительныхъ и поверхностныхъ. Даже и въ смыслѣ простаго логическаго обобщенія, законъ развитія нельзя признать строго состоятельнымъ. Въ строгомъ смыслѣ понятіе развитія

приложимо только къ органической природѣ, въ неорганическомъ мірѣ есть измѣненія, но ихъ развитіемъ нельзя назвать и развѣ только съ большою натяжкою можно уподобить ему. Напр., есть ли, въ самомъ дѣлѣ, какое либо дѣйствительное сходство между развитіемъ живого организма, въ которомъ ростъ отдѣльныхъ органовъ идетъ нераздѣльно съ ростомъ цѣлаго, и тѣмъ сосредоточеніемъ и расчлененіемъ туманной массы, изъ котораго, по принимаемой Спенсеромъ Канта-Лапласовской теоріи, произошла солнечная система? Не говоря уже о сущности этихъ процессовъ, даже и по внѣшнему своему виду они представляются совершенно различными: ростъ организма обуславливается питаніемъ, т. е., принятіемъ *отвнѣ* извѣстнаго матеріала и переработкой его, тогда какъ постепенное образованіе планетной системы, по указанной теоріи, состоитъ только во *внутреннемъ* расчлененіи первоначально существовавшего газообразнаго шара. Если развитіе понимать даже въ томъ широкомъ и неопредѣленномъ смыслѣ, какъ это понимаетъ Спенсеръ, т. е. какъ переходъ отъ однороднаго и непостояннаго состоянія въ разнородное и постоянное, то и тогда за этимъ понятіемъ нельзя признать того всеобъемлющаго значенія, какое придаетъ ему Спенсеръ съ своими послѣдователями. Съ одной стороны, относительно указаннаго пониманія развитія нужно сказать, что нельзя признать вѣрнымъ, чтобы однородное состояніе всегда необходимо было и непостояннымъ, потому что, напротивъ, все совершающееся по механическимъ причинамъ должно быть тѣмъ постояннѣе, чѣмъ однороднѣе; съ другой стороны, даже и въ органической природѣ нельзя признать всеобщей склонности къ развитію, какъ неуклонному переходу отъ однороднаго къ разнородному: здѣсь тѣ же самыя причины, которыя въ однихъ случаяхъ обуславливаютъ развитіе организаціи, въ другихъ случаяхъ обуславливаютъ ея попятный шагъ, упрощеніе, или по крайней мѣрѣ обезпечиваютъ ея устойчивость. И вотъ это-то шаткое понятіе развитія, которое даже какъ простое обобщеніе фактовъ не можетъ быть признано состоятельнымъ, возводятъ теперь въ верховный законъ, въ которомъ думаютъ найти последнее и окончательное объясненіе всего. Въ сущности своей

законъ развитія есть только далеко проведенная абстракція, простая схематическая формула, обнимающая самое поверхностное сходство между различными естественными процессами, и очевидно, что за этимъ закономъ нельзя признавать никакого самостоятельнаго реальнаго существованія, еще менѣе можно принимать его за верховное начало, объясняющее и обуславливающее какія либо дѣйствительныя явленія. И развѣ, въ самомъ дѣлѣ, этотъ законъ объясняетъ хоть какое нибудь явленіе? Въ самомъ лучшемъ случаѣ онъ только *выражаетъ* то, что уже есть, не больше этого, т. е., по этому закону самый тотъ процессъ, который слѣдовало бы объяснить, и выдается за послѣднюю причину его. Такимъ образомъ нельзя не согласиться, что эволюціонный законъ дѣйствительно представляетъ собою не больше, какъ только одинъ изъ примѣровъ той погрѣшности научной мысли, которую мы назвали объективированіемъ понятій или олицетвореніемъ отвлеченностей, что вообще мы отнесли къ фетишизму въ области современной учености.

Нѣтъ надобности умножать число примѣровъ. И приведенныхъ достаточно для того, чтобы видѣть, что не все, что теперь выдается за положительныя пріобрѣтенія науки въ смыслѣ пониманія устройства міра и окружающей жизни, можно до вѣрчиво принимать за чистое зерно строгой научной истины. Теперь появилось уже очень много различныхъ научныхъ теорій, претендующихъ быть вѣрными истолковательницами объективной дѣйствительности, и такія теоріи продолжаютъ появляться, можно сказать, съ каждымъ днемъ. Всмотриваясь въ нихъ внимательно, нельзя не увидѣть, что, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ, онѣ нисколько не приводятъ насъ къ постиженію истинной дѣйствительности, а лишь удаляютъ отъ окружающаго насъ великаго міра дѣйствительности, на мѣсто него воздвигаютъ чисто призрачныя храмы, построенныя изъ разныхъ схематическихъ формулъ и всякихъ умственныхъ отвлеченностей; на мѣсто живой дѣйствительности, какъ она является предъ нашими глазами, онѣ ставятъ простыя логическія обобщенія, какія нибудь простѣйшія понятія, и хотятъ заставить насъ вѣрить, что сама живая дѣйствительность не

есть что либо достовѣрное, а достовѣрнымъ нужно признать только вотъ эти понятія. Намъ хочется понять смыслъ нравственной жизни человѣка, смыслъ тѣхъ великихъ подвиговъ человѣческой добродѣтели, предъ которыми мы не можемъ не преклоняться съ благоговѣніемъ; современная научная теорія нравственности насъ учитъ, что нравственная жизнь человѣческая въ сущности ничего великаго и высокаго не представляетъ въ себѣ, вся она сводится просто только къ принципу полезности и унаслѣдованныхъ привычекъ. Мы вѣровали и на самыхъ фактахъ жизни находили подтвержденіе своему вѣрованію, что общественная жизнь людей управляется великой идеей справедливости, возвышенными чувствами состраданія, привязанности, благожелательности; современная политико-экономическая теорія говоритъ, что вся эта жизнь сводится только къ принципу личнаго интереса. Мы поражаемся богатствомъ, разнообразіемъ, красою и совершенствомъ формъ организаціи, какія представляются намъ въ растительномъ и въ особенности въ животномъ мірѣ; все это намъ хотятъ теперь объяснить только изъ понятій химическаго сродства, протоплазмы, взаимодействія клѣточекъ. Весь внѣшній міръ въ его цѣлости, взятый во всей его величественной красотѣ, которая во всѣ времена производила на человѣка неотразимое впечатлѣніе, объясняютъ намъ теперь изъ простого движенія атомовъ, и въ концѣ всего все сводятъ къ одной механикѣ и въ ней находятъ самое достовѣрное, что только человѣкъ можетъ познать.

При такой склонности представителей современной учености—всякія скороспѣлыя обобщенія выдавать за непреложные объективные законы и за самое достовѣрное въ человѣческомъ познаніи, за послѣднее и окончательное объясненіе окружающей насъ живой дѣйствительности,—въ сущности ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, если эта ученость такъ часто теперь становится въ рѣшительный антагонизмъ съ простымъ человѣческимъ здравомысліемъ, если приходитъ къ испроверженію самыхъ основныхъ убѣжденій общечеловѣческаго сознанія. Очевидно, что эта ученость, хотя и говоритъ постоянно отъ имени науки, на самомъ дѣлѣ совсѣмъ чужда истиннаго, строгаго

научнаго духа, потому что проявляетъ стремленіе подняться выше предѣловъ доступнаго человѣческому разуму знанія; за ней скрывается великое недоумѣніе и еще большее самомнѣніе, и нужно очень остерегаться принимать голосъ этой учености за голосъ самой науки. Истинная наука хорошо сознаетъ предѣлы доступнаго человѣку знанія,—она сознаетъ, что, несмотря на всѣ ея успѣхи въ изслѣдованіи естественныхъ законовъ, многое остается за предѣлами ея познанія, что „первый принципъ, двигательная сила, живительное свойство, дѣйствующія причины тѣхъ послѣдовательныхъ явленій, которыя мы называемъ естественными законами, ускользаютъ отъ всѣхъ усилій ея изслѣдованія“ (Лекки. Исторія возникновенія и развитія раціонализма въ Европѣ, т. I, с. 230). Лучшие представители науки, первоклассные авторитеты ея были люди, хорошо сознававшіе эти предѣлы науки.

IV.

Не подлежащимъ сомнѣнію свойствомъ научнаго знанія признается его точность. Очень многіе раздѣляютъ то убѣжденіе, что теперь наука достигла такой точности, что ея истины должны быть признаваемы за непогрѣшимыя, непреложныя и въ этомъ смыслѣ должны считаться вѣчными. Основательно ли и справедливо ли такое убѣжденіе? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, нужно разсмотрѣть, что разумѣютъ подъ точностью науки.

Точное знаніе обыкновенно обозначается теперь именемъ положительнаго знанія; но что такое положительность въ знаніи, это понимаютъ не одинаково. По взгляду однихъ, подъ положительностью знанія нужно разумѣть обоснованіе его на строгихъ математическихъ исчисленіяхъ, и положительными науками нужно признавать тѣ, которыя основываются на приѣмахъ исчисленія и измѣренія, въ которыхъ вообще примѣняется математическій методъ. Въ основаніи этого взгляда лежитъ то убѣжденіе, что изъ всѣхъ наукъ математика самая строгая и точная наука, и только примѣненіе ея метода можетъ сообщить всякому знанію характеръ строгой положительности. Оставляя пока въ сторонѣ вопросъ о томъ, можно ли сводить положительность знанія къ примѣненію въ немъ математическаго ме-

тогда, пріемовъ исчисления и измѣренія, прежде всего естественно спросить, можно ли признавать за началами и положеніями математики безусловную силу достовѣрности, какую обыкновенно приписываютъ имъ? Строгое критическое отношеніе къ тому математическому ученію, которое принимается теперь, показало, что и математическія аксіомы не исключаютъ возможности сомнѣнія относительно безусловнаго значенія ихъ, что онѣ держатся только на нѣкоторыхъ предположеніяхъ, которыя нельзя считать единственными мыслимыми предположеніями. Напр., нашъ знаменитый математикъ Лобачевскій подвергъ сомнѣнію безусловность самой основной аксіомы обыкновенной, т. е. такъ называемой Эвклидовой геометріи, — что сумма всѣхъ угловъ треугольника равна двумъ прямымъ угламъ, т. е. 180° , — и сдѣлалъ опытъ построенія новой геометріи на основаніи предположенія, что сумма угловъ треугольника больше 180° . Исслѣдованія Лобачевскаго дополнены были новыми исслѣдованіями другихъ выдающихся ученыхъ, и такіе изъ нихъ, какъ Риманъ и Гельмгольцъ, пришли къ тому, что признали принимаемое обыкновенною геометріею представленіе о пространствѣ съ тремя измѣреніями только однимъ частнымъ случаемъ пространственныхъ отношеній вообще, и предполагали существованіе такихъ величинъ, которыя имѣютъ не только три измѣренія, но и четыре, пять и больше измѣреній. Конечно, это предположеніе не согласно съ естественнымъ, обыкновеннымъ возрѣніемъ на пространство, но дѣло въ томъ, что оно мыслимо; и если мыслимо и возможно построеніе новой системы геометріи на началахъ, отступающихъ отъ началъ обыкновенной — Эвклидовой геометріи, то не значитъ ли это, что обыкновенное математическое ученіе относительно пространственныхъ и количественныхъ отношеній не имѣетъ безусловной обязательной силы.

Но если за положеніями математики и признать ту непреклонность, какую обыкновенно приписываютъ имъ, все-таки и въ такомъ случаѣ положительность знанія нельзя сводить къ примѣненію въ немъ началъ и пріемовъ математики. Это потому, во-первыхъ, что есть науки, въ которыхъ пріемы математическаго измѣренія не находятъ приложенія и которыя,

тѣмъ не менѣе, отличаются такою неоспоримостью своихъ истинъ, что должны быть признаны самыми положительными, такова, напр., логика. Во-вторыхъ, въ приложеніи къ другимъ наукамъ математика можетъ служить только *средствомъ* или способомъ достиженія въ нихъ точности, положительности, но служить *средствомъ* достиженія точности, конечно, не то же, что сообщать самую точности. Математика въ сущности своей есть наука формальная и сама по себѣ безъ опытнаго матеріала не можетъ привести къ познанію чего либо изъ относящагося къ міру живой дѣйствительности; она можетъ содѣйствовать только болѣе точной формулировкѣ соотношеній между тѣми или другими явленіями, но не можетъ освободить науки, изучающія эти явленія, отъ различныхъ возрѣній, имѣющихъ только гипотетическій характеръ.

Въ виду этого началомъ, опредѣляющимъ положительность знанія, теперь большею частію признается опытъ, положительнымъ знаніемъ считается то, содержаніе котораго сводится къ опытнымъ даннымъ, которое имѣетъ дѣло съ фактами наблюденія и ихъ обобщеніями, составляющими такъ назыв. эмпирическіе законы. Говорятъ, что ничего нѣтъ болѣе очевиднаго и неоспоримаго, чѣмъ то, что сводится къ фактамъ опыта. Конечно, то, что есть фактъ, то неоспоримо и того вельзя не признавать. Но вопросъ, насъ интересующій, заключается въ томъ, достигаетъ ли и можетъ ли достигать наука въ какой либо области опыта такой строгой точности, которая сообщала бы какимъ-либо научнымъ даннымъ безусловную силу и требовала безусловнаго признанія ихъ? На этотъ вопросъ мы должны отвѣтить не иначе, какъ отрицательно.

Не подлежитъ сомнѣнію, прежде всего, что область опыта имѣетъ свои предѣлы, которые переступить невозможно. Какъ бы ни совершенствовались всѣ техническія средства наблюденія, но до безусловной зоркости оно никогда не можетъ быть доведено; всѣ усовершенствованія телескоповъ и микроскоповъ могутъ только расширить до извѣстной степени предѣлы наблюденія, но совсѣмъ устранить ихъ не могутъ. Поэтому для науки всегда должно остаться недоступнымъ точное познаніе, съ одной стороны, всего того, что удалено отъ насъ необъят-

нымъ пространствомъ и требуетъ приложенія самаго громаднаго масштаба, и, съ другой стороны, того, что представляетъ собою самыя минимальныя величины и требуетъ самаго минимальнаго масштаба. Правда, дѣйствительное состояніе наукъ, повидимому, представляетъ дѣло какъ разъ наоборотъ: самыми точными науками, повидимому, являются теперь, съ одной стороны, астрономія, изучающая то, что болѣе всего отъ насъ отдалено и по самой своей отдаленности труднѣе наблюдается, и, съ другой стороны, химія и физика, имѣющія дѣло съ минимальными величинами, которыя по самой своей минимальности также болѣе трудно наблюдаются. Но приписываемая этимъ наукамъ несокрушимая точность, несомнѣнно, есть только кажущаяся, а не дѣйствительная. Эти науки представляются точными только потому, что относительно изучаемыхъ ими явленій человекъ меньше всего знаетъ. Астрономическія явленія по самой громадности своей доступны наблюденію только въ незначительной своей части, и наука можетъ знать о нихъ только немногія подробности. По мѣткому замѣчанію извѣстнаго современнаго намъ ученаго Э. Карпентера, „прикрѣпленные къ песчинкѣ въ пространствѣ, ограниченные въ своихъ наблюденіяхъ такими періодами времени, которые по отношенію къ величавымъ движеніямъ свѣтилъ являются лишь безконечно-малыми мгновеніями, мы находимся, такъ сказать, въ положеніи крота, наблюдающаго движеніе цоѣздовъ по желѣзнодорожному пути. Такъ же, какъ видящій малую дугу очень большаго круга ошибочно принимаетъ ее за прямую, такъ и мы довольствуемся дешевыми астрономическими выводами и рѣшеніями, которыя дальнѣйшія изслѣдованія заставятъ насъ признать ложными“. Точно также и самыя минимальныя явленія, изучаемыя физикой и химіей, по своей именно минимальности не могутъ быть доступны наблюденію во всѣхъ своихъ подробностяхъ, и относительно ихъ этимъ наукамъ приходится довольствоваться только немногими общими заключеніями. Правда, эти заключенія пока отличаются своею точностію. Химія, напр., можетъ точно располагать въ желаемомъ порядкѣ извѣстныя ей явленія и отсюда получать точно-опредѣленные напередъ рассчитанныя результаты; но это бываетъ

возможно только по отношенію къ немногочисленнымъ извѣстнымъ явленіямъ и именно вслѣдствіе самой немногочисленности ихъ, и несомнѣнно, что какъ только кругъ явленій, подлежащихъ химіи, расширится и способы ихъ изслѣдованія улучшатся, тѣ обобщенія, которыя теперь держатся въ химіи, должны пасть, или подвергнуться измѣненію.

Но не только по отношенію къ кругу явленій, которыя или слишкомъ громадны, или слишкомъ минимальны, и вслѣдствіе того мало доступны наблюденію, а и по отношенію къ обширному кругу такихъ явленій, которыя, повидимому, вполне доступны наблюденію, наука не можетъ достигнуть до строгой точности изслѣдованія и изученія ихъ,—это вслѣдствіе чрезвычайной запутанности условій, среди которыхъ явленія обыкновенно даются наблюденію. Запутанность условій отдѣльныхъ явленій въ большинствѣ случаевъ такъ велика, что совсѣмъ распутать ее нѣтъ никакой возможности. Каждое явленіе въ природѣ, можно сказать, имѣетъ отношеніе ко всякимъ другимъ явленіямъ и, вслѣдствіе этого, явленія часто бываютъ такъ затемнены, что прежде чѣмъ повясть одно явленіе, необходимо имѣть нѣкоторое понятіе обо всѣхъ. Контъ совершенно вѣрно говоритъ: „чтобы дойти до повиманія явленій, совершающихся на земной поверхности, необходимо предварительно ознакомиться съ положеніемъ, которое занимаетъ наша земля въ солнечной системѣ, съ движеніями, видомъ, размѣрами и равновѣсіемъ массы земного шара, какъ члена планетной системы“. Къ этому необходимо только сдѣлать такое дополненіе: а чтобы ознакомиться съ положеніемъ, занимаемымъ нашей землей въ солнечной системѣ, и т. д., необходимо изучить много явленій, происходящихъ на самой земной поверхности. Самый ничтожный какой-нибудь фактъ невозможно вполне объяснить, не затронувъ множества другихъ фактовъ, съ которыми онъ непременно окажется такъ или иначе связаннымъ. „Черепица падаетъ съ крыши. При изслѣдованіи окажется, что черепица была сброшена съ крыши ураганомъ; теченіе воздуха есть дѣйствіе различнаго нагрѣванія различныхъ частей земной поверхности; эта причина есть въ свою очередь дѣйствіе прежнихъ обстоятельствъ, облачности, осадковъ, морскихъ теченій, формы зем-

ной поверхности, ея движенія и т. д. до безконечности... (Паульсенъ. Введеніе въ философію).

Съ одной стороны—потому, что наблюденіе имѣетъ предѣлъ, который переступить невозможно, и съ другой—потому, что и въ области доступной наблюденію явленія даются при чрезвычайной запутанности условій, ни о какомъ порядкѣ явленій наука не можетъ достигнуть безусловно точнаго познанія, и мнѣніе, раздѣляемое теперь очень многими, что законы науки суть непреложныя, вѣчныя истины, нужно отнести къ числу простыхъ недоразумѣній.

Чтобы убѣдиться въ этомъ, мы возьмемъ для примѣра нѣкоторые изъ такихъ научныхъ законовъ, которые признаются теперь наиболѣе твердо установленными. „Наиболѣе строгій математическій характеръ признается теперь за формулой закона тяготѣнія. По этой формулѣ, сила тяжести прямо пропорціональна массѣ и обратно пропорціональна квадрату разстоянія. Если масса увеличится вдвое, говоритъ формула, вдвое увеличится притяженіе и т. д.; но чѣмъ въ механикѣ измѣряется масса? Силою притяженія, вѣсомъ. Постараемся понять это. Кусокъ желѣза того же объема, какъ и вода, вѣситъ и притягиваетъ почти въ восемь разъ сильнѣе, чѣмъ вода. Какой смыслъ соединяется съ утвержденіемъ, что онъ имѣетъ массу въ восемь разъ большую, чѣмъ вода въ томъ же объемѣ? Намъ скажутъ, что есть нѣкоторые первоатомы или нѣкоторая перво-матерія, изъ которыхъ образованы и вода и желѣзо, что каждый первоатомъ обладаетъ равною силою притяженія и что въ желѣзѣ въ извѣстномъ объемѣ содержится этихъ первоатомовъ больше, чѣмъ въ водѣ, или что перво-матерія сгущена въ желѣзѣ въ восемь разъ сильнѣе, чѣмъ въ водѣ. Но такое разсужденіе вызываетъ сильныя возраженія. Во 1-хъ, оно стоитъ въ противорѣчьи съ фактами теплоемкости. Согласно теоріи простыхъ первоатомовъ или единой перво-матеріи слѣдовало бы, что количество тепла нужное для нагрѣванія тѣла должно быть прямо пропорціонально его вѣсу, и чтобы нагрѣть одинъ кубическій сантиметръ желѣза, нужно бы въ восемь разъ болѣе тепла, чѣмъ для того, чтобы нагрѣть одинъ кубическій сантиметръ воды; на самомъ дѣлѣ оказывается, что для нагрѣванія

железа нужно тепла почти въ семьдесятъ разъ меньше, чѣмъ для нагрѣванія воды. Во 2-хъ, факты, представляемые спектральнымъ анализомъ, открываютъ намъ, что при температурахъ въ тысячу градусовъ на небесныхъ тѣлахъ существуютъ тѣ же элементы, что и на землѣ. Если бы предположеніе о первоатомахъ или первоматеріи было справедливо, то они разложились бы на простѣйшіе. Но если мы откинемъ теорію первоатомовъ или первоматеріи, то ученіе о равенствѣ равнопритягивающихъ массъ въ законѣ Ньютона явится совершенно непонятнымъ. Въ условной и ограниченной формѣ это ученіе понятно, и практически и научно полезно, но какъ выраженіе міровой истины, оно не имѣетъ никакого значенія. Обратимся къ другому положенію закона: притяженіе обратно пропорціонально квадрату разстоянія. Допустимъ, что сила притяженія частицы a на разстояніи равномъ единицѣ равна u ; при прикосновеніи притягиваемаго тѣла къ притягивающей частицѣ, когда разстояніе будетъ равно нулю, чему будетъ равна сила притяженія a ? И соображеніе, и вычисленіе ($\frac{7}{0} = \infty$) отвѣтятъ намъ, что безконечности. Но еслибы это было такъ, міръ давно бы сплюснулся въ неимѣющій измѣреній атомъ. Этотъ печальныйъ результатъ не постигъ вселенную, очевидно, потому, что въ законѣ Ньютона нужно внести какую то поправку, какія-то дополненія, что справедливый для большихъ массъ и большихъ разстояній онъ не выражаетъ собою абсолютной законосообразности явленій во вселенной. Онъ не согласуется съ фактами притяженія въ величинахъ крайне малыхъ ¹⁾ и можетъ быть,—этого мы еще не знаемъ съ несомнѣнностью,—въ величинахъ крайне большихъ. Не обнимаетъ онъ собою частныхъ видовъ притяженія—электромагнитныхъ, химическаго сродства. (Религія и наука, С. С. Глаголева. Богосл. Вѣстн., 1900 г. Янв.).

Возьмемъ еще для примѣра законъ Бойля (Маріотта) о сжимаемости газовъ. Этотъ законъ гласитъ, что при постоянной температурѣ объемъ даннаго количества газа обратно пропор-

¹⁾ Предположеніе, что для самыхъ малыхъ молекулярныхъ разстояній сила притяженія обратно пропорціональна пятой степени разстояній, признается болѣе точнымъ (Карпентеръ).

ціоналенъ давленію на него. Относительно этого закона думали, что онъ въ точности соотвѣтствуетъ фактамъ. Однако болѣе обширныя и тщательныя изслѣдованія показали, что законъ Бойля вѣренъ при столькихъ ограниченіяхъ, что его слѣдуетъ признавать только какъ удобную фикцію. Оказывается, что воздухъ довольно хорошо подчиняется этому предполагаемому закону, но далеко не вполнѣ точно, а лишь въ очень тѣсныхъ предѣлахъ давленія, другіе же газы, какъ напр. водородъ и углекислота, значительно отступаютъ отъ него,—одни болѣе, другіе менѣе, причемъ одни газы отступаютъ въ одну сторону, другіе—въ другую. Ученые, между прочимъ, нашли, что чѣмъ ближе газъ къ переходу въ жидкое состояніе, тѣмъ онъ болѣе отстываетъ отъ указаннаго закона, и поэтому они пришли къ заключенію, что законъ Бойля вѣренъ только для совершенныхъ газовъ. Это понятіе о совершенныхъ газахъ, конечно, повлекло за собой предположеніе, что газы по мѣрѣ удаленія ихъ отъ своей точки кипѣнія достигаютъ наконецъ постояннаго и устойчиваго состоянія, когда ихъ свойства уже не измѣняются, по крайней мѣрѣ на очень долгое время; предполагалось, что въ такомъ состояніи газы должны точно подчиняться закону Бойля. Однако съ тѣхъ поръ было открыто ультра-газообразное состояніе вещества, и теперь во всѣхъ отношеніяхъ выяснилось, что вещество отъ жидкаго состоянія до ультра-газообразнаго измѣняется непрерывно, постепенно переходя отъ различныхъ видоизмѣненій уплотненности и жидкаго состоянія чрезъ различныя ступени совершенной и несовершенной газообразности до послѣдней ступени разрѣженности четвертаго состоянія тѣлъ. Но тогда къ какой же ступени газообразнаго состоянія приложимъ законъ Бойля? Очевидно, что во всей своей точности онъ приложимъ только къ одной ступени всей этой длинной восходящей лѣстницы—къ одной предполагаемой метафизической точкѣ ея, и онъ не точенъ въ приложеніи ко всякой другой ступени. Но въ природѣ ни одинъ газъ не можетъ оставаться и не можетъ быть удержанъ какъ разъ на одной ступени этой лѣстницы безчисленныхъ его измѣненій; слѣд. все, что мы можемъ сказать о законѣ Бойля, это то, что изъ безчисленныхъ различныхъ состояній, въ которыхъ могутъ находиться газы,

и изъ всѣхъ безчисленныхъ различныхъ законовъ давленія, которымъ они слѣд. подчиняются, мы теоретически можемъ найти только одно состояніе газовъ, которому соответствуетъ законъ сжимаемости газовъ, называемый закономъ Бойля, и что еслибы даже мы могли удержать газъ въ этомъ состояніи (чего мы не можемъ), законъ Бойля былъ бы дѣйствительно вѣревъ только для этого состоянія (Э. Карпентеръ, Современная наука).

Что мы видимъ на примѣрахъ двухъ указанныхъ научныхъ законовъ, то самое представляютъ въ себѣ всѣ законы: всѣ они не выражаютъ собою чего либо абсолютно всеобщаго и абсолютно необходимаго; всѣ они представляютъ такія обобщенія, которыя точно соответствуютъ только самой ограниченной области наблюденій и являются вѣрными только подъ извѣстными ограничительными условіями. Что при помощи научныхъ законовъ получается возможность предвидѣть и предсказывать явленія, это еще не доказываетъ строгой истинности и точности этихъ законовъ. По замѣчанію Дж. Ст. Милля, успѣхъ извѣстнаго предсказанія можетъ доказывать не то, что истинна та теорія, на которой основывалось это предсказаніе, а только то, что данная теорія годилась для этого предсказанія. Въ исторіи науки извѣстны случаи, что при помощи различныхъ теорій получалась возможность дѣлать относительно однихъ и тѣхъ же явленій одинаково точныя предсказанія. Съ Кеплера, напр., принималось за законъ, что путь луны есть эллипсисъ, и законъ этотъ считался твердо установленнымъ, потому что онъ оправдывался точнымъ предсказаніемъ нѣкоторыхъ явленій, какъ напр. затменій. Но астрономъ Тихо-Браге, утверждая, что небесныя тѣла движутся не по эллипсисамъ, а по эпицикламъ, предсказывалъ затменія такъ же хорошо, какъ и астрономы, державшіеся теоріи эллипсисовъ. Затѣмъ оставлена была и теорія эллипсисовъ и пришли къ предположенію, что путь луны есть безконечная кривая, подобная эллипсису въ каждой своей точкѣ; предполагалось, что такая кривая находится на нѣкоторомъ опредѣленномъ среднемъ разстояніи отъ земли, никогда не возвращается опять на себя и не образуетъ никакой замкнутой фигуры. Наконецъ, изслѣдованія Георг. Дарвина разрушили и

и это представленіе—объ опредѣленномъ среднемъ разстояніи и ввели представленіе о постоянно расширяющейся спирали. Какъ видимъ, эти четыре теоріи рѣзко отличаются одна отъ другой, и однако по любой изъ нихъ затменія можно вычислить почти одинаково хорошо. Не показываетъ ли это, что научныя теоріи и законы суть только приближенія къ истинѣ, но не сама истина, всѣ они хорошо истолковываютъ явленія только въ очень узкихъ предѣлахъ наблюденій и не могутъ быть принимаемы за безусловную истину.

Этимъ заключеніемъ, къ которому, какъ очевидно, необходимо нужно придти относительно точности научнаго званія, не унижается ли достоинство науки? Мы думаемъ, что нисколько. Во 1-хъ, слѣдуетъ замѣтить, что хотя научныя законы и теоріи и не представляютъ собою непреложныхъ истинъ, но они всетаки являются въ извѣстной степени приближеніемъ къ истинѣ и, несомнѣнно, имѣютъ очень высокую практическую цѣнность, потому что даютъ человѣку возможность ориентироваться среди необъятнаго міра вещей и явленій, покорять своей власти силы природы и такимъ образомъ расширять свое могущество надъ ней. И не подлежитъ сомнѣнію, что наука до сихъ поръ сдѣлала въ этомъ направленіи очень много, разсѣявъ множество суевѣрій, очистивъ путь къ болѣе здоровому міровоззрѣнію и такимъ образомъ поставивъ человѣка въ болѣе правильное и болѣе господственное отношеніе къ окружающему міру. Во 2-хъ, надобно въ особенности имѣть въ виду, что истинное достоинство истинной науки можетъ заключаться, безъ сомнѣнія, не въ преувеличенномъ миѣніи о ней, а только въ истинности ея самосознанія. Въ исторіи развитія европейской науки первое и самое яркое выраженіе истиннаго научнаго самосознанія представляетъ собою, безспорно, Сократъ. На много возвышаясь надъ современниками своею мудростію и больше, чѣмъ кто либо изъ современниковъ, обладая истинными знаніями, Сократъ при всемъ томъ какъ нельзя лучше сознавалъ всю ограниченность и даже ничтожность человѣческихъ познаній вообще и своихъ собственныхъ въ особенности. И главную свою заслугу онъ видѣлъ именно въ томъ, что онъ сознавалъ свое незнаніе, потому что, по его справедливому убѣжденію, ничто такъ не можетъ вредить истинному знанію, какъ мнимое, кажущееся

знаніе, и самое позорное невѣжество, сказалъ онъ,—думать, что знаешь то, чего не знаешь. Эту неудовлетворенность имѣющимъ званіемъ, это сократовское сознаніе своего незнанія нужно признать самой главной отличительной чертой всякаго истиннаго представителя истинной науки, потому что только это самосознаніе способно предохранить отъ поверхностности и, по самой сущности человѣческой природы, углубить научные интересы. Напротивъ, отсутствіе этого самосознанія, горделивое самомнѣніе относительно своихъ знаній, которое такъ нерѣдко мы можемъ встрѣчать у представителей современной учености, должно прямо свидѣтельствовать о томъ, что они не обладаютъ истинно научнымъ духомъ.

Точность научнаго самосознанія, а не что либо другое, должна быть признана и самымъ вѣрнымъ мѣриломъ точности и положительности всякой науки. Въ этомъ смыслѣ точность можетъ принадлежать не только тѣмъ наукамъ, которыя имѣютъ дѣло съ внѣшнимъ изслѣдованіемъ природы и пользуются приемами исчисленія и измѣренія, но одинаково и тѣмъ наукамъ, которыя имѣютъ дѣло съ внутреннимъ изслѣдованіемъ, съ познаніемъ человѣка, его исторіи, его духовныхъ произведеній и т. п. Совершенно справедливо говоритъ Дюрингъ: „истинная точность, т. е. отчетливость въ болѣе общемъ смыслѣ слова, должна быть доступна для насъ вездѣ, гдѣ мы только захотимъ рѣшиться добросовѣстно различать то, что знаемъ, отъ того, чего не знаемъ, и при этомъ вѣрно установить и указать, какъ именно и откуда мы что знаемъ“. Понимая точность знанія въ этомъ смыслѣ, который, какъ очевидно, нужно признать единственно правильнымъ, нужно слѣд. признать совсѣмъ невѣрнымъ мнѣніе, раздѣляемое очень многими представителями современной учености, будто область точнаго знанія ограничивается только областію внѣшняго опыта и внѣшняго изслѣдованія; и науки социальныя, историческія, психологическія, философскія, богословскія—въ отношеніи точности—могутъ ничѣмъ не уступать такимъ наукамъ, какъ астроніомія, или физика, или химія.

Н. Н. Страховъ.

(Продолженіе будетъ).

ИЗБРАННЫЕ ТРАКТАТЫ ПЛОТИНА.

(Переводъ съ греческаго языка подъ редакціей профессора
Г. В. Малеванскаго).

(Продолженіе *).

К Н И Г А 8-я.

О волѣ и свободѣ Первоединого (περί τοῦ εἰουσίου καὶ θελήματος τοῦ Ἐνός).

Вопросъ о свободѣ человѣческихъ дѣйствій. Воля наша въ такой мѣрѣ свободна, въ какой, слѣдуя лишь внушеніямъ здраваго и праваго разума, отдается всецѣло исканію истиннаго блага, и, напротивъ, въ той мѣрѣ не свободна, въ какой отвлекается и отстраняется отъ этого естественнаго ей исканія или чѣмъ либо внѣшнимъ, или собственными влеченіямъ, желаніями, страстями. Поэтому, свобода полная, совершенная и постоянная принадлежитъ лишь тѣмъ вѣчнымъ существамъ, которымъ ничто не препятствуетъ быть постоянно обращенными къ благу и имѣть постоянное въ немъ участіе.

Первоединый же есть сама абсолютная свобода, или сама абсолютно-независимая воля во 1-хъ потому, что будучи высочайшимъ благомъ, Онъ есть всегда именно то, чего Онъ могъ бы хотѣть, и хочетъ только того, что Онъ самъ есть, почему и пребываетъ въ себѣ самомъ неизмѣнно,—во 2-хъ потому, что Онъ есть существо всемогущее, верховное начало всего прочаго, ни отъ чего кромѣ себя и своей воли не зависящее, въ 3-хъ потому, что Онъ есть существо абсолютно-необходимое не въ томъ смыслѣ, что зависитъ отъ какой либо необходимости, а въ томъ, что, напротивъ, самъ для всего прочаго составляетъ необходимость и непреложный законъ, какъ предметъ стремленія и любви для всего существующаго, въ 4-хъ потому, что будучи вездѣсущимъ, Онъ однакожъ въ самомъ себѣ всецѣло пребываетъ и слѣдовательно ничѣмъ отиѣ не ограничивается и не обуславливается и наконецъ въ 5-хъ потому, что будучи для всего прочаго верховною причиною—всѣхъ причинъ причиною, Онъ для себя самъ есть своя причина—существо самосущее и, значитъ, ни отъ чего независящее.

Умѣстно ли и относительно боговъ задаваться вопросомъ о томъ, что лежитъ въ ихъ волѣ, и что нѣтъ, или же этотъ вопросъ естественно возникаетъ лишь относительно людей, въ виду слабости, шаткости, ограниченности ихъ силъ, между тѣмъ какъ относительно боговъ сразу слѣдуетъ согласиться, что, такъ какъ они всемогущи, то все лежитъ въ ихъ волѣ и власти? А быть

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“, за 1899 г. № 15.

можетъ какъ безпредѣльное всемогущество (*δύναμις πάσα*), такъ и абсолютная, ничѣмъ не ограниченная воля принадлежитъ только Первоединому, между тѣмъ какъ и могущество и воля другихъ (божествъ) имѣютъ для себя лишь опредѣленныя, не во всѣхъ случаяхъ одинаковыя сферы? Въ такомъ разѣ намъ придется осмѣлиться изслѣдовать, какой характеръ и объемъ имѣетъ особо воля существъ перваго порядка (божествъ, ноуменовъ) и особо воля верховнаго надъ всѣми Божества (*τὸ ἄνω ὑπὲρ πάντα*), не смотря на то, что мы обыкновенно (не только о семъ послѣднемъ, но и о тѣхъ первыхъ) говоримъ, что они все могутъ (*πάντα δύνασθαι*). При этомъ считаемъ нужнымъ оговориться, что тутъ подъ словомъ могутъ или мощь, вовсе не слѣдуетъ разумѣть простую возможность, потенціальность въ отличіе и особо отъ энергіи, или актуальности, какъ чего-то (по отношенію къ потенціальности) только ожидаемаго, будущаго.

Однако, эти вопросы пока отложимъ, и сперва, какъ и слѣдуетъ, спросимъ: мы-то сами обладаемъ ли свободною волей, или какъ велико то, что въ нашей власти и волѣ (*τὸ ἐφ' ἡμῖν εἶναι*). А еще прежде слѣдуетъ выяснитъ, какой собственно смыслъ имѣетъ выраженіе „*въ нашей волѣ*“, то есть, дать понятіе о властности, или о свободѣ воли, ибо только послѣ этого можно будетъ рѣшить, примѣнимо ли это понятіе къ божествамъ, въ особенности же къ Богу (высочайшему), или нѣтъ, и если—да, то въ какой степени примѣнимо (послѣ его) и къ существамъ перваго порядка (ноуменамъ) и къ существамъ другихъ порядковъ.

Итакъ, что собственно разумѣемъ мы, говоря „*въ нашей волѣ*“, а еще прежде почему, въ какихъ именно случаяхъ задаемъ мы себѣ вопросъ „*въ нашей ли волѣ*“ (нѣчто было и есть)? Полагаемъ, что это бываетъ тогда, когда гнетомыя случайно-стями судьбы, разнаго рода необходимостію, или волнуемые порывами страстей, врывающихся въ душу, мы чувствуемъ, что все это господствуетъ надъ нами, а мы рабствуемъ и направляемъ каждый шагъ свой туда, куда указываютъ эти повелители;—вотъ тутъ-то и закрадывается въ насъ сомнѣніе, что пожалуй тутъ мы сами совсѣмъ ничто, что тутъ ничто не въ нашей волѣ. Это значитъ, что мы считаемъ лишь то лежащимъ въ нашей волѣ, что дѣлаемъ мы, не вынуждаемые ни судьбою,

ни необходимостію, ни силою страстей, что дѣлаемъ совершенно добровольно, по своимъ собственнымъ желаніямъ, безъ всякихъ препятствій имъ со стороны. На этомъ основаніи можно установить такое положеніе: „въ нашей волѣ“ все то, что подчиняется нашей волѣ, что бываетъ, или не бываетъ, смотря по тому, желаемъ ли мы того или другого, ибо, въ самомъ дѣлѣ, мы называемъ добровольнымъ (ἐκούσιον) то, что дѣлаемъ безъ всякаго (отвнѣ) принужденія и съ полнымъ сознаниемъ (поступка), а лежащимъ въ нашей волѣ все то, что мы властны сдѣлать (или не сдѣлать). Эти два момента по большей части сопутствуютъ другъ другу, но они по существу свосму различны и фактически иногда бываютъ въ разладѣ между собою, какъ напр. если вполнѣ въ чьей либо власти и волѣ убить человека, и онъ убиваетъ человека, не зная, что это его отецъ, то тутъ свобода дѣйствія стоитъ въ разладѣ съ добровольностію, или желаемостію. Для того, чтобы дѣйствіе было добровольнымъ, требуется сознание его во всемъ его составѣ, а не въ нѣкоторыхъ только его частяхъ. И почему это, когда кто убиваетъ друга, не зная, что это другъ, называютъ это убійство невольнымъ, а когда кто совершаетъ дѣйствіе, не зная, что оно запрещено, то такое дѣйствіе не признаютъ невольнымъ?! Если это потому, что совершившій оное долженъ былъ знать (что оно запрещено), то вѣдь онъ или могъ и того не знать, что ему слѣдовало это узнать, или что-либо могло помѣшать ему (это узнать), и, значитъ, дѣйствіе его есть все таки невольное.

2. А теперь требуется изслѣдовать, чему собственно принадлежитъ свобода,—желаніямъ ли нашимъ и порывамъ, каковы напр. гнѣвъ, страстная похоть и т. п., или разуму, который каждое желаніе взвѣшиваетъ и рѣшаетъ, что лучше, выполнить ли его, или отстранить? Еслибы мы согласились, что даже гнѣвъ и похоть зависятъ отъ нашей воли, то должны были бы признать свободными и животныхъ, и дѣтей, и преступленныхъ, и сумасшедшихъ, и потерявшихъ смыслъ или отъ какого-либо снадобья, или отъ собственныхъ произвольныхъ фантазій и иллюзій. Если же свобода принадлежитъ только разуму въ соединеніи съ желаніемъ, то спрашивается,—разуму ли какому бы то ни было, даже и помраченному или же только разуму здравому и правому въ соединеніи съ желаніемъ неизвращеннымъ? Потому, что касается этого соединенія разума

съ желаніемъ, то тутъ необходимо знать, что и чѣмъ приводится въ движеніе, разумъ ли желаніемъ или желаніе разумомъ, потому что если согласиться даже—что всѣ желанія естественны, какъ вытекающія изъ самой природы нашей, то все же они (въ разсматриваемомъ отношеніи) различны, ибо что касается тѣхъ изъ нихъ, корень которыхъ лежитъ въ животной, тѣлесной части (нашей природы), то несомнѣнно, что душа имъ слѣдуетъ, вынуждаемая необходимостію природы; но если взять даже желанія самой души, то и тутъ многое, кажущееся и считаемое свободнымъ, не оказывается на самомъ дѣлѣ таковымъ. Правда, что даже проявленію страстей предшествуетъ иногда нѣкоторое голое, смутное размышленіе, но когда или какая нибудь фантазія засядетъ прочно въ душѣ, или желаніе повлечетъ ее, какъ нѣкая неотвратимая необходимость, то какъ мы тутъ можемъ быть властными (въ своихъ дѣйствіяхъ) ?! Вообще, развѣ возможна свобода тамъ, гдѣ насъ нѣчто влечетъ къ себѣ?! Вѣдь, та сторона, которая, чувствуя какую либо нужду, потребность, необходимо желаетъ восполненія ея; вовсе не властна надъ тѣмъ, что ее влечетъ (какъ обѣщающее удовлетворить потребность) къ себѣ. А если такъ, то развѣ можетъ быть свободнымъ то, что стоитъ въ зависимости отъ того другого, въ которомъ оно имѣетъ свое начало, отъ котораго возникаетъ, которымъ во всѣхъ отношеніяхъ детерминируется, съ которымъ сообразуетъ свою жизнь, отъ котораго самую форму свою имѣетъ?! Въ такомъ разѣ даже бездушныя вещи пришлось бы считать свободными, потому что напр. и огонь дѣйствуетъ сообразно съ тѣмъ, какимъ онъ сталъ и есть по природѣ. Скажутъ,—тутъ разница большая, состоящая въ томъ, что живыя существа, имѣющія душу, не только дѣйствуетъ такъ или иначе, но и сознаютъ это, знаютъ, что дѣлаютъ. Конечно, такъ; но спрашивается, развѣ сознаніе, ощущеніе само по себѣ можетъ требовать имъ что либо для того, чтобъ они были свободными, развѣ ощущеніе, ограничивающееся чувственнымъ воспріятіемъ вещей, можетъ дѣлать властнымъ надъ чѣмъ нибудь ощущающаго ?! Пусть они обладаютъ даже знаніемъ (того, что дѣлаютъ), но если это знаніе только сопровождаетъ ихъ дѣйствія (а не предшествуетъ имъ), то и въ такомъ разѣ ихъ дѣйствія возбуждаются и направляются чѣмъ то другимъ (отличнымъ отъ знанія). Наконецъ, если допустить, что помимо и независимо

отъ желанія самъ разумъ съ своимъ знаніемъ является движущимъ и руководящимъ началомъ дѣйствій, тогда спрашивается, куда же—на что онъ въ такомъ случаѣ направляется, гдѣ и какъ онъ это дѣлаетъ? Такъ ли, что онъ самъ изъ себя порождаетъ какое либо особаго свойства желаніе, или такъ, что только укрощаетъ желанія, послѣ и вслѣдствіе чего мы только и бываемъ свободными (въ своихъ дѣйствіяхъ)? Но и въ такомъ разѣ свобода будетъ принадлежать не самому дѣйствию, а разуму, потому что всякій праксисъ, какъ такой, если онъ даже управляется разумомъ, представляетъ всегда нѣчто такое сложное, смѣшанное, въ которомъ свобода не выступаетъ во всей своей чистотѣ.

3. Все это нужно разсмотрѣть прежде, чемъ поведемъ рѣчь о богахъ. Итакъ, изъ сказаннаго слѣдуетъ, что свобода принадлежитъ волѣ, насколько воля совпадаетъ съ разумомъ.—съ разумомъ, прибавимъ, правымъ, т. е., обладающимъ правильнымъ знаніемъ, потому что тотъ не есть еще безспорно свободный, отъ себя самаго только зависящій (*αὐτεξούσιος*), кто не знаетъ, почему именно хорошо, право то или иное его намѣреніе, рѣшеніе, дѣйствіе и кого наталкиваетъ дѣлать должное или простая случайность, или воображеніе, потому что и воображеніе не зависитъ отъ нашей воли и дѣйствованіе подъ вліяніемъ его развѣ можетъ быть свободнымъ, самопроизвольнымъ? Я разумѣю тутъ главнымъ образомъ то воображеніе, которое возбуждается къ дѣятельности разными состояніями тѣла, и которое иные образы производитъ, когда наприм. тѣло истощено отъ недостатка пищи и питья, и совсѣмъ иные, когда оно пресыщено или когда находится въ страстномъ возбужденіи. Кто дѣйствуетъ подъ вліяніемъ такихъ образовъ, особенности которыхъ зависятъ отъ обращающихся въ тѣлѣ влагъ и соковъ, имѣющихъ различныя качества, того мы не считаемъ свободнымъ, самопроизвольнымъ дѣятелемъ, и если люди порочные, распущенные, многое дѣлаютъ по внушенію этихъ образовъ, то мы ихъ дѣйствій такого рода не признаемъ ни свободными, ни даже добровольными. Свободнымъ мы признаемъ только того, кто, освободясь отъ тѣлесныхъ страстей, ничѣмъ инымъ не управляется, кромѣ ума; свободу мы усвоаемъ только началу наиболѣе благородному—энергіи ума, а затѣмъ въ полномъ смыслѣ свободными считаемъ только тѣ рѣшенія, и

не невольными только тѣ желанія, которыя изъ ума истекаютъ. Вотъ такого рода свободу мы, пожалуй, можемъ усвоить и богамъ, такъ какъ они живутъ согласно съ умомъ и пожеланіямъ сообразующимся съ умомъ.

4. Тутъ могутъ спросить насъ,—какъ же это можетъ быть свободнымъ дѣйствіе, вытекающее изъ желанія, когда желаніе всегда есть выраженіе какой либо потребности и потому направлено всегда на то, что вѣ его самого? Потому что, вѣдь, желаемое влечетъ къ себѣ (желающаго), будь это благо (или что другое). Возможенъ и такой вопросъ: самъ умъ свободенъ ли, дѣйствуетъ ли по своей волѣ, когда онъ осуществляетъ лишь ту энергію, которая заключается въ его природѣ и всегда сообразно съ своею природою, а дѣйствовать какъ либо иначе не властенъ, не можетъ? Потомъ,—можетъ ли имѣть мѣсто свободная воля тамъ, гдѣ не совершаются никакія дѣйствія? Да и тамъ, гдѣ дѣйствія совершаются,—какъ быть имъ независимыми ни отъ чего внѣшняго, когда они совершаются всегда не попусту же (а съ какою нибудь цѣлію)?—Что касается прежде всего сомнѣнія, можетъ ли быть свободнымъ существо, если оно повинуется своей природѣ, то мы въ свою очередь спросимъ: развѣ можно за одно это считать существо рабствующимъ, когда оно ничѣмъ (отвѣ) не вынуждается слѣдовать чему либо другому? Развѣ существо, стремящееся къ благу, находится подъ давленіемъ необходимости, когда это его стремленіе вытекаетъ изъ его собственнаго желанія и изъ увѣренности, что предметъ его желанія есть благо? Напротивъ, невольнымъ бываетъ его удаленіе отъ блага, вынужденнымъ бываетъ его стремленіе къ тому, что не есть его благо, и быть въ рабствѣ не иное что значитъ, какъ лишиться возможности преслѣдовать свое благо вслѣдствіе подчиненія какой-нибудь большей силѣ, отдаляющей отъ блага. Поэтому, если рабствованіе считается за нѣчто позорное, то это вовсе не въ томъ случаѣ, когда кто-либо не позволяетъ себѣ дѣлать зло, а въ томъ, когда кто-либо, имѣя стремленіе къ своему собственному благу, бываетъ вынужденъ дѣйствовать къ пользу кого-нибудь или чего-нибудь другого. Притомъ-же, когда говорится о существѣ, что оно повинуется своей природѣ, то *eo ipso* въ немъ различаются двѣ стороны—повелѣвающая и повинующаяся: но если существо таково, что природа его есть совершенно простая, энергія его одна—единственная и

актуальность его ничѣмъ не отлична отъ потенціальности, то почему ему не быть свободнымъ, какъ и отчего оно можетъ быть не свободнымъ? Вѣдь, о такомъ существѣ нельзя даже сказать, что оно дѣйствуетъ сообразно съ природою, потому что въ немъ дѣятельность не отлична отъ сущности, потому что для него существовать значитъ то же, что дѣйствовать (и наоборотъ), и если оно дѣйствуетъ не ради чего-либо другого и не въ зависимости ни отъ чего другого, то какъ не быть ему свободнымъ? Относительно такого существа даже выраженіе „*оно само отъ себя и ради себя*“ (επ' αὐτῷ — есть и дѣйствуетъ) слишкомъ слабо, — нужно бы что-нибудь сильнѣе; но оно все таки даетъ понять по крайней мѣрѣ, что ничто другое не властвуетъ ни надъ дѣятельностію того существа, ни надъ его сущностію и бытіемъ, потому что оно само есть (для себя) — начало. Правда, что умъ имѣетъ и другое начало, но имѣетъ его не внѣ себя (а въ себѣ самомъ), насколько это его начало лежитъ въ благѣ; а если такъ, если онъ имѣетъ въ этомъ началѣ (свое) благо, то уже тѣмъ болѣе имѣетъ независимость и свободу, ибо обыкновенно та и другая желается и ищется не ради чего либо другого, а только ради блага. Это значитъ, что чѣмъ больше умъ сообразуетъ свою энергію съ благомъ, тѣмъ больше утверждаетъ свою собственную свободу, ибо (въ такомъ разѣ) онъ уже самъ обладаетъ тѣмъ, что не самому себѣ изъ себя же направляясь, въ себѣ самомъ пребываетъ (то есть, благомъ) ¹⁾, обладаетъ именно потому, что на него (направляетъ свою энергію). Конечно для ума лучше пребывать (такимъ же образомъ) въ самомъ себѣ, слѣдуя этому (началу — благу).

5. Спрашивается теперь, свобода и самопроизвольность принадлежатъ ли только уму, занятому чистымъ мышленіемъ, или также и душѣ, притомъ какъ тогда, когда она въ своей дѣятельности совпадаетъ съ умомъ, такъ и тогда, когда она осуществляетъ ее практически въ добродѣтели? — Что касается этой послѣдней — практической дѣятельности, то и ее пожалуй можно признать свободною, но только не въ ея фактическомъ выполненіи, ибо мы не властны надъ поводами или условіями къ выполненію. Что человекъ воленъ избирать доброе, прекрасное, и все дѣлать (для достиженія его), — это конечно правда, — но

¹⁾ Такъ опредѣляется Высочайшее благо въ слѣдующей 9-й книгѣ, да и во многихъ другихъ мѣстахъ.

какъ именно мы на это вольны, какъ все это въ нашей волѣ и власти? Вѣдь, всегда это такъ, какъ напр. въ нашей волѣ быть храбрыми во время войны. Конечно это въ нашей волѣ, но когда войны нѣтъ, развѣ эта наша воля проявится фактически дѣйствіями, имѣющими характеръ храбрости? Подобнымъ образомъ и всѣ другія фактическія проявленія добродѣтели зависятъ отъ такихъ, или иныхъ обстоятельствъ, поводовъ, заставляющихъ поступать такъ или иначе, если бы добродѣтель обладала способностію рѣшать, что для нея лучше, лучше ли, чтобъ были войны и она могла бы показать себя какъ храбрость, лучше ли, чтобъ были преступленія, правонарушенія и она могла бы установить справедливые законы и правомѣрный порядокъ, лучше ли, чтобъ была бѣдность и она могла бы проявить себя, какъ щедрость, или же для нея лучше оставаться въ покоѣ, такъ какъ все вокругъ нея находится въ добромъ порядкѣ, развѣ не предпочла бы она оставаться въ покоѣ отъ всѣхъ сихъ и подобныхъ дѣлъ, зная, что въ услугахъ ея никто не нуждается, подобно такому врачу, какъ Гиппократъ, который больше всего желалъ, чтобы въ его искусствѣ никто не нуждался?!

А если такъ, если добродѣтель, проявляясь фактически, всегда вынуждается (обстоятельствами) къ такимъ или инымъ дѣйствіямъ, то какъ можетъ принадлежать ей свобода во всей чистотѣ и полнотѣ? Не ясно ли, что всѣ такого рода дѣйствія вынуждаются необходимостію, и что свобода тутъ принадлежитъ только желанію воли и рѣшенію ума, предваряющимъ эти дѣйствія?! Коль скоро же мы нашли, что свобода имѣетъ мѣсто только въ моментѣ, предшествующемъ совершенію дѣйствія, то вмѣстѣ съ тѣмъ должны признать, что свобода и самопроизвольность добродѣтели лежитъ внѣ ея праксиса.

А что сказать о той добродѣтели, которая простирается на внутреннее состояніе и расположеніе (самаго субъекта) и которая состоитъ въ умѣреніи и упорядоченіи страстей и желаній, отъ которыхъ душа бываетъ въ ненормальномъ состояніи? Въ какомъ смыслѣ говорится, что тутъ отъ насъ зависитъ быть хорошими, и что добродѣтель ничему неподвластна (*ἀδέσποτος*)? Конечно, — въ томъ смыслѣ, что тутъ все зависитъ отъ нашей воли, отъ нашего хотѣнія и рѣшенія, и что добродѣтель, появляясь въ душѣ, даетъ ей свободу и независимость,

освобождая ее отъ того рабства (страстямъ), въ которомъ она предъ тѣмъ находилась. А если такъ, если и тутъ добродѣтель является, какъ своего рода умъ или какъ такое расположеніе души, въ которомъ она какъ бы интеллектуируется—превращается въ умъ, то опять выходитъ, что свобода имѣетъ мѣсто не въ самомъ праксисѣ (добродѣтели), а въ умѣ, который не участвуетъ въ праксисѣ.

6. Выше мы однако свободу усвоили волѣ и установили, что въ нашей власти лишь то, что дѣлается по желанію нашей воли, —прибавивъ, или не дѣлается. Поэтому, если все, сейчасъ сказанное нами, правильно, то согласно съ этимъ вышеустановленнымъ положеніемъ мы должны признать, что добродѣтель и умъ сами властны надъ собою, или что имъ принадлежитъ свобода и независимость. Они ни отъ чего не зависимы, ничему не подвластны потому, что не только умъ пребываетъ въ самомъ себѣ, но и добродѣтель предпочитаетъ оставаться сама въ покоѣ и только бдитъ надъ душею, чтобъ она была хорошею, и въ какой мѣрѣ въ этомъ усиѣваетъ, въ такой и сама свободна и душу дѣлаетъ свободною. Когда же помимо ея воли возникаютъ и даютъ себя чувствовать страсти, или требуются необходимыя дѣйствія, она надъ ними наблюдаетъ и ими управляетъ, сохраняя однако свою независимость и свободу тѣмъ, что и тутъ она сосредоточивается въ самой себѣ, ибо она вовсе не озабочена чѣмъ-либо внѣшнимъ, какъ напр. тѣмъ, чтобы спасти отъ какой либо опасности;—напротивъ, она не только не считаетъ нужнымъ объ этомъ заботиться, но иногда прямо требуетъ (отъ человѣка) пожертвовать жизнию, дѣтьми, отечествомъ, такъ какъ цѣль, которую она преслѣдуетъ, есть достиженіе прекраснаго, а вовсе не сохраненіе существованія того, что ниже ея. Изъ этого слѣдуетъ, что свобода и самопроизвольность нашего дѣйствованія заключается не въ самыхъ поступкахъ, и не въ отношеніяхъ ко всему тому, что внѣ насъ, а въ нѣкоей чисто - внутренней дѣятельности—въ энергіи ума и въ теоріи самой добродѣтели. Такую добродѣтель слѣдуетъ считать своего рода умомъ, и не должно ставить ее въ одинъ рядъ съ влеченіями и страстями, подчиненіемъ и ограниченіемъ которыхъ завяты разумъ, потому что они, какъ справедливо говоритъ (Платонъ) ¹⁾, стоятъ въ непосредствен-

¹⁾ Между прочимъ въ Тимей.

ной близости и связи съ тѣломъ и приводятся въ норму лишь постепенно посредствомъ упражненія и привычки. Говоря прямо и ясно,—свободно въ насъ собственно только нѣкое невещественное (ἄσλον) начало, на которое сводится и наша свобода и сама властная надъ собою воля, насколько она въ самой себѣ сосредоточена, потому что какъ только она желаетъ и требуетъ чего-либо, что внѣ ея,—тотчасъ вступаетъ въ силу необходимость. Что происходитъ изъ этой воли, что осуществляется ею самою, то только и есть въ нашей полной власти; чего она хочетъ и что она безъ всякаго препятствія производить, дѣйствуя вовнутрь себя, или вовнѣ,—это и есть прежде и ближе всего то, что вполне отъ насъ зависитъ. По этому, умъ теоретическій, умъ первый тѣмъ болѣе независимъ ни отъ чего и свободенъ, потому что въ дѣятельности своей онъ не зависитъ ни отъ кого и ни отъ чего другого—и обращенъ ею только на самого себя, такъ что дѣятельность его есть онъ же самъ, а кромѣ того потому, что, поживая на благѣ и вслѣдствіе этого ни въ чемъ не нуждаясь, будучи вседовольнъ, живетъ такою жизнью, какая для него желательна¹⁾. Воля (въ немъ) есть вѣдь тоже, что мышленіе, ибо она подъ тѣмъ лишь условіемъ и называется волей, если она сообразна съ умомъ, если хотѣнія ея совпадаютъ съ опредѣленіями ума,—какъ это есть и на самомъ дѣлѣ, потому что если воля, какъ воля, хочетъ блага, то для ума мыслить въ истинномъ смыслѣ слова значитъ пребывать въ благѣ. Это значитъ, что умъ обладаетъ уже тѣмъ, чего воля еще только хочетъ, и само собою понятно, что когда она достигаетъ, чего хочетъ—то eo ipso становится мышленіемъ. Поэтому, если мы усвоаемъ свободу даже волѣ, какъ хотѣнію блага, то какъ можетъ не имѣть свободы умъ, который всецѣло утверждаетъ на томъ, чего воля только хочетъ?! Не согласиться съ этимъ можно развѣ только, имѣя въ виду усвоить уму еще что-нибудь большее, чѣмъ независимость и свобода.

Профессоръ Г. В. Малеванскій.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Тутъ та же мысль, что и въ концѣ § 4-го.

ЛИСТОКЪ

для

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

30 Сентября № 18. 1900 года.

Содержаніе. Высочайшія награды.—Отъ Харьковскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта.—Записка о засѣданіяхъ Харьковскаго Миссіонерскаго Совѣта 18—20 августа и. г. съ участіемъ священниковъ изъ зараженныхъ сектантствомъ селеній (продолженіе).—Педагогическіе курсы для учителей одноклассныхъ церковно-приходскихъ школъ въ г. Харьковѣ въ 1900 г. (продолженіе).—Епархіальныя извѣщенія.—Объявленіе.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленіе.

Высочайшія награды.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Синодальнаго Оберъ-Прокурора, согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода, Всемилостивѣйше соизволь, въ 12 день минувшаго августа, на сопріясленіе за 50-тилѣтнюю службу заштатнаго священника Екатерининской церкви въ слободѣ Протопоповѣ, Изюмскаго уѣзда, состоящаго законоучителемъ Протопоповской народной школы, Петра *Щербини* къ ордену *св. Владиміра 4-й степени*; діакона Георгіевской церкви въ слободѣ Барвенковой, того же уѣзда, Павла *Федоровскаго* къ ордену *св. Анны 3 степени*.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Синодальнаго Оберъ-Прокурора, согласно опредѣленіямъ Святѣйшаго Синода, Всемилостивѣйше соизволь, въ 12-й день минувшаго августа, на награжденіе, за 50-лѣтнюю службу, золотою медалію съ надписью «за усердіе», для пошенія на шеѣ на Аннинской лентѣ, псаломщика Рождество-Богородичной церкви, въ слободѣ Шулькинной, Старобѣльскаго уѣзда, Василя *Борогаева*.

Отъ Харьковскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта.

Вышла въ свѣтъ брошюра, Преосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго:

„Наставленіе дѣтямъ, учащимся въ сельскихъ школахъ, о кроткомъ и жалостливомъ обращеніи съ животными“.

Цѣна 3 коп. за экземпляръ.

Съ требованіями обращаться въ Харьковскій Епархіальный Училищный Совѣтъ. При требованіи не менѣе 10 экз. за пересылку не прилагается.

Записка о засѣданіяхъ Харьковскаго Миссіонерскаго Совѣта:
18—20 августа п. г. съ участіемъ священниковъ изъ зара-
женныхъ сектантствомъ селеній.

(Продолженіе *).

Чѣмъ же объясняется существованіе столь безнравственной сек-
ты и какимъ образомъ благочестивые люди испускаютъ постепен-
но въ нравственную бездну хлыстовщины. О. Буткевичемъ въ
отвѣтъ на этотъ вопросъ было предложено вниманію собранія
весьма интересное и для науки сектовѣдѣнія новое психологическое
объясненіе по сему предмету преосвящ. Антонія ректора Казан-
ской Духовной Академіи.

Въ основаніи хлыстовщины лежитъ такъ называемая прелесть
или духовное обольщеніе. Это самообольщеніе возникаетъ изъ
слѣдующаго рода ошибки, описанной еще древними отшельни-
ками въ ихъ твореніяхъ. Каждымъ сильнымъ религіознымъ
чувствомъ вызывается въ человѣкѣ извѣстное тѣлесное ощу-
щеніе. При самоличномъ прохожденіи молитвеннаго подвига
людьми неопытными, это самое тѣлесное ощущеніе (напр. зами-
раніе сердца, опущеніе крови внизъ, остановка дыханія) вызывается
часто физическимъ напряженіемъ и принимается за рели-
гіознаго чувства. Это уже весьма опасная ступень прелести. Даль-
нѣйшее ея развитіе заключается въ томъ, что такіе самочинные
подвижники начинаютъ считать свое тѣло посредникомъ для бла-
годатныхъ воздѣйствій Св. Духа и каждое свое тѣлесное ощу-
щеніе во время молитвы готовы признавать Его голосомъ. При
такомъ искусственномъ возбужденіи нервовъ, конечно, просыпают-
ся ощущенія половыя, которыя сначала тоже совершенно искренно
считаются вдовновеніемъ. Такъ возникаетъ свальный грѣхъ. На пер-
выхъ порахъ онъ является непроизвольнымъ почти результатомъ лож-
но направленаго молитвеннаго подвига. Затѣмъ положеніе дѣлъ
измѣняется. „Всякое растеніе, которое не насадилъ Отецъ Небесный,
искоренится“. Религіозное одушевленіе всякой секты скоро исто-
щается, развратъ превращается изъ послѣдствія въ цѣль радѣній,
и затѣмъ становится въ рукахъ вожаковъ приманкой для совраще-
нія неофитовъ и для удержанія въ цѣляхъ секты ея прежнихъ
послѣдователей, а также и наилучшимъ средствомъ для усиленія
ихъ совѣсти. Такова исторія, по мнѣнію преосв. Антонія, почти
всѣхъ, а можетъ быть и всѣхъ хлыстовскихъ обществъ.

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» за 1900 г. № 17.

Въ соотвѣтствіи этой внутренней постепенности при совращеніи въ секту в внѣшнія мѣры, какъ показалъ епархіальный миссіонеръ Д. И. Боголюбовъ в свящ. с. Мурафы, отличаются тою же послѣдовательностью. Члены хлыстовской общины не составляютъ равно-правныхъ и одинаковыхъ по достоинству лицъ. По силѣ вѣры и убѣжденій они раздѣляются на нѣсколько разрядовъ. Къ первому разряду принадлежатъ неофиты, еще только совращаемые въ секту и не вполне увѣровавшіе: это тѣ люди, которые привлечены сюда религиозными чувствами видѣть живого Бога в жилище Св. Духа. Имъ не открываются сразу сокровенныя тайны секты и не вводятъ ихъ во внутреннія отдѣленія избы, гдѣ совершается свальный грѣхъ; они остаются въ прихожей комнатѣ, гдѣ съ ними секто-вожди пьютъ чай и ведутъ благочестивые разговоры, читаютъ, молятся и поютъ религиозные гимны. Послѣ неоднократныхъ такихъ посѣщеній, когда замѣчено, что образъ благочестія общины сдѣлался любезнымъ вновь оглашаемому, они вводятъ его въ слѣдующее отдѣленіе, гдѣ выступаютъ богородицы и христы, предсказываютъ будущее и пророчествуютъ, якобы по наптію Св. Духа; нерѣдко предсказанія эти касаются самаго новичка, что для послѣдняго бываетъ особенно убѣдительнымъ. Далѣе вновь принимаемому въ общину сообщается и то, что ему открытъ лишь край завѣсы, а главнѣйшая сторона внутренней жизни общины отъ него сокрыта. Чувство таинственнаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и религиозное напряженіе во вновь обращаемомъ растетъ, онъ нравственно подготовленъ окончательно слиться съ людьми Божиими съ сознаниемъ, что имъ руководитъ и направляетъ Духъ Святой. Понятно отсюда, что самые благочестивые люди не только не возмущаются, когда въ первый разъ видятъ свальный грѣхъ, но и сами принимаютъ участіе въ немъ. Свальный грѣхъ дѣлается въ ихъ глазахъ не грѣхомъ и развратомъ, а аскетизмомъ и лучшимъ средствомъ принять въ себя Св. Духа. Понятно также и то обаяніе, какое производятъ радѣнія на новичка; опытъ показываетъ, что разъ побывавшій на нихъ, уже не возвращается оттуда, дѣлаясь самымъ рьянымъ поборникомъ хлыстовщины до конца своей жизни.

Что касается внѣшняго культа хлыстовъ, то у основателя секты нѣтъ никакихъ установленій касательно какихъ-либо обрядовъ и послѣдніе вообще устанавливаются по желанію самихъ хлыстовъ. Наиболѣе замѣчательные обряды у хлыстовъ—пріемъ въ секту, причащеніе и обрядъ богомоленія или радѣнія.

Пріемъ въ секту замѣняетъ собою крещеніе и называется пере-

рожденіемъ. Этотъ обрядъ состоитъ изъ обѣтовъ твердо хранить сектантскую клятву, никому не объявлять и оказывать послушаніе хлыстовскому пророку. Этотъ обрядъ обыкновенно совершается въ собраніи, гдѣ всѣ присутствующіе держатъ въ рукахъ зажженные свѣчи и поютъ: елицы въ Христа креститесь, во Христа облекостесь. Затѣмъ вступающій въ секту даетъ обѣтъ исполнять хлыстовскія заповѣди—не жить съ женою, не жениться, не пить хмѣльнаго и проч. Въ иныхъ мѣстахъ этотъ обрядъ приѣма въ секту разнообразится до безконечности: иногда бываетъ, на примѣръ, осѣненіе присоединяемаго горящей свѣчей, что означаетъ крещеніе Духомъ Св. и огнемъ. Иногда обрядъ присоединенія къ сектѣ принимаетъ грязную форму: хлыстовская богородица ложится на полу въ широкой рубахѣ, а вступающій въ секту ползетъ подъ ея рубахой съ головы до ногъ, что называется перерожденіемъ ветхаго человѣка въ новаго.—Причащеніе у хлыстовъ совершается среди нѣннѣ разныхъ приличествующихъ случаю нѣсеней и знаменуетъ собою простую братскую трапезу, на которой предлагаются куски бѣлаго хлѣба и вода.—Богомоленія или радѣнія у хлыстовъ заключаютъ въ себѣ нѣннѣ нѣсеней, пляски или куренія и пророчества. Цѣль богомоленій—умерщвленіе плоти и полученіе Св. Духа. Въ богомоленіяхъ наиболѣе несимпатичнымъ обрядомъ являются бессмысленныя пляски или куренія, когда участвующіе скачутъ и прыгаютъ до потери сознанія, и послѣ этого являются участниками гнусныхъ дѣйствій свальнаго грѣха. Эти безтолковыя круженія бываютъ: одиночныя, круговыя, крестныя, въ схватку, корабельныя, и всѣ они одинаково сопровождаются бичеваніемъ другъ друга со словами: „хлыщю, хлыщю, Христа щю“, а оканчиваются гнусными дѣйствіями и пророчествами старшихъ хлыстовъ, вѣщающихъ судьбу хлыстовскаго общества и отдѣльныхъ лицъ.

VII.

По вопросу объ ученіи хлыстовъ установилось мнѣніе, что хлыстовство есть секта тайная и потому нельзя установить точно формулированную систему вѣроученія или нравоученія хлыстовъ: всякіе религіозные бредни и грубое шарлатанство на почвѣ религіи—это первая наиболѣе открытая сторона лжеученія хлыстовъ; всякія же частности вѣро и нраво-ученія и самой жизни сектантовъ по общепринятому мнѣнію, повторяемъ, окружены таинственностью религіознаго психоза.

По ученію хлыстовъ Православная Церковь спасти человѣка не

можетъ: попь къ царствію небесному не приведетъ, говорятъ обыкновенно хлысты. Церковь православная есть Церковь виѣшняя, плотская, не имѣющая дарованій Св. Духа, между тѣмъ какъ церковь людей Божіихъ (хлыстовъ) есть Церковь духовная, имѣющая чрезвычайныя дарованія: даръ пророчества, сказанія языковъ и пр. Таинства Православной Церкви имѣютъ значеніе только прообразовательное; какъ и прообразы ветхозавѣтные, они указываютъ на таинства духовной церкви людей Божіихъ. Православные священники, по словамъ хлыстовъ, это—еретики, идолопоклонники, черные вороны, фарисеи и злые волки, которые ведутъ народъ къ гибели, потому что удерживаютъ его отъ вступленія въ секту. Впрочемъ современные хлысты отнимаютъ у таинствъ Церкви Православной прообразовательное значеніе и открыто богохульствуютъ надъ всѣми таинствами Православной Церкви, а въ особенности надъ таинствомъ Св. Причащенія, называя его упоеніемъ виномъ въ немъ же есть блудъ.

Нравоученіе хлыстовъ также весьма скудно и обманчиво. Основатель хлыстовства проповѣдывалъ вообще аскетизмъ и воздержаніе. И послѣдователи этой секты не пьютъ вина, не ѣдятъ мяса, не участвуютъ въ народныхъ увеселеніяхъ, а супруги, вступающіе въ секту, оставляютъ брачное сожителство. Но за этимъ мнимымъ воздержаніемъ, какъ уже замѣтили, у хлыстовъ часто слѣдуютъ грязныя сцены грубаго разврата. И поэтому аскетическія проповѣди хлыстовъ о постѣ, молитвѣ, трудѣ и взаимной любви къ человѣку—не только не достигаютъ цѣли, но и прямо разрушаютъ основы семейной и общественной жизни.

VIII.

Руководителемъ совѣщательнаго собранія духовенства по вопросу о скопчествѣ, какъ замѣчено выше, былъ свящ. о. Н. Н. Любарскій. Вотъ общій итогъ сужденій по сему предмету.

Скопчество существуетъ съ глубокой древностію. О немъ упоминаетъ еще пророкъ Моисей: у кого раздавлены ятра или отрѣзанъ дѣтородный членъ, тотъ не можетъ войти въ общество Господне (Второз. 23, 1). На востокѣ скопчество существовало у египтянъ, ассиріянъ, вавилонянъ и грековъ. Въ древности скопцовъ называли *евнухами*, что въ переводѣ на русскій языкъ означаетъ хранителей гаремовъ. Въ Византійской имперіи иногда подвергали оскотченію членовъ низверженной царской фамиліи, чтобы лишить эту фамилію возможности продолженія рода. Въ Италіи

оскопляли дѣтей, чтобы развить у нихъ чистый, пріятный и сильный голосъ. Въ христіанской церкви добровольные оскопленные допускались церковію даже до іерархическихъ степеней: таковыми были на примѣръ Кіевскіе митрополиты II вѣка Іоаннъ 2-й и Ефремъ. Скопчество, появившееся у насъ въ Россіи во 2-й половинѣ 18 вѣка, имѣетъ совершенно иное значеніе. Оно явилось здѣсь религіозной еретической сектой, проникнутой противогосударственными и противообщественными стремленіями. Скопчество это выродилось изъ такъ называемой хлыстовщины. Секта эта относится наукою въ разрядъ *тайныхъ мистическихъ* сектъ, п. ч. послѣдователи ея, скрывая отъ непосвященныхъ въ секту свое ученіе, всячески *таятся* въ своей принадлежности къ сектантству и стараются показаться ревностными исполнителями обрядовой стороны православной церкви, хотя и не вѣруютъ въ силу и спасительное значеніе православныхъ таинствъ и обрядовъ. Церковію и правительствомъ секта эта признается безусловно вредною. По существу своего вѣро и право-ученія она должна быть отнесена скорѣе къ *язычеству*, чѣмъ къ христіанству.

Начало скопчеству въ Россіи положилъ вѣкто Кондратій Селивановъ, по однимъ свѣдѣніямъ крестьянинъ Орловской губ., а по другимъ—бывшій поручикъ Петербургскаго пѣхотнаго полка. Известно, что 5 заповѣдію основателя хлыстовщины Давиды Филиппова запрещалось творить плотскій грѣхъ; во 2-й же половинѣ прошлаго вѣка въ обществѣ хлыстовъ былъ крайній упадокъ нравственности: вмѣсто цѣломудрія въ хлыстовщинѣ царилъ грубый развратъ. Кондратій Селивановъ, доискиваясь причины нравственнаго разложенія хлыстовства, пришелъ къ заключенію, что корень этого зла заключается въ *плотскихъ пожеланіяхъ*. Не будь плотскихъ пожеланій, не было бы и разврата; человекъ сдѣлался бы безстрастнымъ, подобнымъ ангелу. Припомнились при этомъ слова изъ Евангелія: „если же правый глазъ твой соблазняетъ тебя; вырви его и брось отъ себя“, ибо лучше для тебя, чтобы погябъ одинъ изъ членовъ твоихъ, а не все тѣло твое было ввержено въ геену (Матѣ. 5, 29). *Есть скопцы, которые изъ чрева матернаго родились такъ: и есть скопцы, которые оскоплены отъ людей; и есть скопцы, которые сдѣлали сами себя скопцами для царства небеснаго. Кто можетъ вмѣстить, да вмѣститъ* (Матѣ. 19, 12). И вотъ Селивановъ, оскопившись самъ, начинаетъ проповѣдывать, что единственное средство освободиться отъ нравственнаго зла заключается въ оскопленіи,

убыленіи или въ кровавомъ крещеніи. Будучи хорошо знакомъ съ тогдашнимъ настроеніемъ умовъ хлыстовъ, Селивановъ для большаго успѣха своей проповѣди воспользовался существовавшимъ между хлыстами ожиданіемъ явленія Христа въ лицѣ императора Петра III и присвоилъ себѣ имя ожидаемаго Государя. Селивановъ очень часто посѣщалъ радѣльниыя собранія корабля хлыстовской богородицы Акулины Ивановны въ Орловской губ., которая и признала его своимъ сыномъ, т. е. и Сыномъ Божиимъ и ожидаемымъ хлыстами Христомъ-Государемъ Петромъ Ѳедоровичемъ. Проповѣдуя ревностно свое ученіе объ оскотленіи между хлыстами, Селивановъ нашелъ себѣ ревностнаго помощника въ крестьянинѣ Александрѣ Ивановичѣ *Шиловъ*.

Въ 1772 году на Селиванова сдѣланъ былъ доносъ о его проповѣди въ деревнѣ Богдановкѣ, Пульской г., гдѣ были оскотлены 13 человекъ; назначено формальное слѣдствіе. Селивановъ бѣжалъ; послѣ многихъ опасныхъ приключеній во время укрывательства отъ розысковъ начальства, Селивановъ, во время своей проповѣди по Моршанскому уѣзду, Тамбовской губ., въ 1775 году былъ пойманъ, высѣченъ кнутомъ и сосланъ въ каторжную работу въ Нерчинскъ. Но до Нерчинска онъ почему то не дошелъ и остался жить въ Иркутскѣ. Другихъ совратителей (Шилова, Попова, Ретивого) наказали батогами и сослали въ Ригу. Но скопчество начало распространяться и на мѣстахъ ссылки въ Сибири и Остзейскомъ краѣ.—Въ 1795 году Селивановъ успѣлъ бѣжать изъ Сибири, поселился въ Москвѣ, гдѣ и прослылъ между своими послѣдователями за царя Петра Ѳедоровича.—Московскій скопецъ Колесниковъ, пользовавшійся довѣріемъ двора, представилъ Государю Павлу Петровичу и доложилъ ему, что отецъ Государя, Императоръ Петръ III живъ и что онъ, Колесниковъ, видѣлъ его лично. Въ 1797 г. Селивановъ былъ представленъ Государю. По рассказамъ скопцовъ, Государь спросилъ Селиванова: „почему ты называешься моимъ отцомъ?“ Селивановъ отвѣтилъ: „я грѣху не отецъ; прійми мою чистоту (оскопись) и я тебѣ буду отцомъ“. Въ Петербургѣ потомъ Селивановъ попалъ въ домъ умалишенныхъ, а Шиловъ съ другими скопцами, приведенными въ Петербургъ, былъ отправленъ въ Шлюссельбургскую крѣпость, гдѣ онъ въ 1800 году и умеръ. Могила Шилова, почитаемаго за святого, была мѣстомъ, куда скопцы стекались для поклоненія. Въ особыхъ отверстіяхъ въ памятникѣ на могилѣ Шилова скопцы освящали сухарьки, которыми и причащались.

Съ восшествіемъ на престолъ Александра I, наступилъ періодъ процвѣтанія скопчества, такъ какъ мистическія идеи въ это время были въ большомъ ходу. Въ 1801 г. Императоръ повелѣлъ Калужскихъ скопцовъ оставить свободными и выпустить изъ Шлюсбургской крѣпости сосновскихъ скопцовъ. Въ 1802 г. по высочайшему повелѣнію Селивановъ былъ переведенъ изъ дома умышленныхъ въ богадѣльню, а затѣмъ помѣщенъ въ домъ Петербургскихъ купцовъ Ненастьевыхъ, Костровитскихъ и Солодовниковыхъ. Эти дома, въ которыхъ проживалъ Селивановъ, сдѣлались для скопцовъ „Сіонской горницей“, а Петербургъ— „Новымъ Іерусалимомъ“, „Горнимъ Сіономъ“. Сюда стекались скопцы со всѣхъ концовъ Россіи для принятія „убѣленія“—оскопленія отъ самого живого бога.

Наконецъ въ 1818 г. правительство обратило серьезное вниманіе на скопчество. Петербургскій генераль-губернаторъ Милорадовичъ, узнавши, что двое изъ его двоюродныхъ племянниковъ посѣщаютъ скопческія собранія и даже согласились принять „убѣленіе“, сообщилъ о скопцахъ оберъ-прокурору Св. Синода Голицыну и просилъ его довести это до свѣдѣнія Императора. Началось слѣдствіе, послѣ котораго въ 1820 г. Селивановъ былъ отправленъ въ заточеніе въ Суздальскій Спасо-Евѣиміевъ монастырь, гдѣ впрочемъ онъ жилъ свободно и принималъ приходящихъ къ нему на поклоненіе скопцовъ. Умеръ Селивановъ въ 1832 году. Но скопцы думаютъ, что лжеискупитель, т. е. Селивановъ, живъ, и скрывается въ Сибири до тѣхъ поръ, пока число скопцовъ достигнетъ 144,000, т. е. такого числа, какое указано въ Откровеніи—число дѣвственниковъ у престола Божія, прославляющихъ своими пѣснями Господа (Апокал. 14, 1—5). Поэтому каждый изъ скопцовъ считаетъ своею священною обязанностію увеличивать число оскопленныхъ, чтобы скорѣе наступило новое славное явленіе лжеискупителя и торжество скопчества на землѣ.

Изъ исторіи скопчества извѣстно, что еще при жизни Селиванова († 1832 г.) секта эта была распространена въ губерніяхъ: Орловской, Тульской, Тамбовской, въ С.-Петербургѣ, Остзейскомъ краѣ и Сибири. Въ настоящее время, какъ видно изъ докладовъ, сдѣланныхъ на 3-мъ Всероссійскомъ Миссіонерскомъ съѣздѣ въ г. Казани въ 1897 г., секта эта кромѣ вышеуказанныхъ пунктовъ существуетъ въ губерніяхъ Самарской, Ставропольской, въ Закавказьѣ, преимущественно въ г. Баку.

Въ Харьковской губерніи секта скопчества также существуетъ,

хотя къ сожалѣнію мы располагаемъ самыми скудными свѣдѣніями объ этомъ. Въ Епархіальномъ Совѣтѣ имѣется только два доклада, изъ которыхъ можно извлечь краткія свѣдѣнія о существованіи скопческой секты въ 2-хъ приходахъ Купянскаго прихода: въ Тополяхъ и Ново-Георгіевскѣ (Крамарской). Вотъ что на основаніи ихъ можно вкратцѣ сказать о скопчествѣ.

Въ приходѣ Александрo-Невской церкви сл. Тополей въ истекшемъ году числилось 2 скопца. Когда впервые появилась здѣсь секта, опредѣленно сказать трудно; но есть основаніе предполагать, что основательницей этой секты въ началѣ 60-хъ годовъ была солдатка, нынѣ умершая, Ирина Смятская, которая ознакомилась съ нею въ сосѣднемъ хуторѣ Бологовкѣ прихода с. Отраднаго, гдѣ секта эта появилась гораздо раньше отъ извѣстныхъ въ этой мѣстности сектантовъ Мальцевыхъ. Секта эта впервые была опредѣлена свящ. А. Анисимовымъ, который по поводу ея появленія въ приходѣ напечаталъ 2 письма въ „Духовн. Дневн.“ за 1864 годъ; онъ назвалъ сектантовъ шалапутами. Черезъ 2 года выяснилось, что сектанты топольскіе были скопцами. Въ 1866 сектанты подпали подъ судъ, на которомъ вполне обнаружилось сектанство во всемъ неприглядномъ его видѣ. Черезъ 3 года, т. е. въ 1869 году, въ томъ же приходѣ оказался еще одинъ скопецъ—Никифоръ Водолапникъ; его судили и сослали въ Сибирь на поселеніе. Въ настоящее время въ с. Тополяхъ числятся 2 явныхъ скопца.

Въ приходѣ Ново-Георгіевскомъ, по донесенію прот. о. В. Попова, числилось въ 1860 году 2 скопца—крестьянинъ Евдокимъ Насѣдкинъ и Никаноръ Ѳомиинъ. За пронаганду своего лжеученія оба эти скопца были сосланы въ Сибирь на поселеніе административнымъ порядкомъ.

Въ 1878 г. отъ сл. Араповки причисленъ былъ къ Ново-Георгіевскому приходу х. Ильинка; въ числѣ жителей означеннаго хутора было нѣсколько—шалапутовъ и 1 скопецъ—Аванасій Тяньковъ, который, какъ доноситъ прот. Поповъ, и по настоящее время поддерживаетъ въ нѣкоторыхъ семействахъ шалапутство.

В. Давиденко.

(Продолженіе будетъ).

Педагогическіе курсы для учителей одноклассныхъ церковно-приходскихъ школъ въ г. Харьковѣ въ 1900 г.

(Продолженіе *).

Приступая на слѣдующій день послѣ открытія къ занятіямъ на курсахъ, Епархіальный Наблюдатель В. О. Давыденко обратился къ слушателямъ курсовъ съ слѣдующими предварительными словами: Вчерашній день былъ для насъ, слушатели, торжественнымъ и незабвеннымъ праздничнымъ днемъ. Два Архипастыря удостоили насъ своимъ высокимъ вниманіемъ и цѣлый сонмъ городского и иногородняго духовенства приняли участіе въ общей съ нами молитвѣ. О чемъ говоритъ намъ все это, какъ не о важности дѣла, къ которому мы приступаемъ и о серьезности задачъ, какія возложены на насъ въ предстоящихъ занятіяхъ. И дѣйствительно, печать и общество, лица, издали наблюдающія за развитіемъ церковно-школьнаго дѣла и непосредственно руководящія имъ, всѣ поняли и увидѣли, что мѣры предпринятыя Св. Синодомъ для поднятія образовательнаго уровня учителей, въ видѣ повсемѣстнаго учрежденія курсовъ, не только вполне достигаютъ своей цѣли, но являются сильнѣйшимъ двигателемъ, обеспечивающимъ успѣхъ школьнаго дѣла при его настоящихъ условіяхъ.

Въ то время когда мы приступаемъ къ своимъ занятіямъ, одновременно съ нами въ 20 городахъ Россійской Имперіи тысячи молодыхъ людей со всѣмъ усердіемъ берутся за тотъ же трудъ. Ободримся, призовемъ на помощь всѣ наши силы, будемъ соревновать въ трудѣ нашимъ товарищамъ, срокъ кратокъ и нужно дорожить всякою минутою.

Нѣтъ нужды доказывать вамъ глубокое образовательное значеніе курсовъ.

Принадлежа къ составу причта, значительная часть учителей церковныхъ школъ призвана къ учительству неожиданно, случайно и, такъ сказать, поневолѣ безъ правильной и систематической подготовки. Для такихъ учителей курсы являются почти единственнымъ средствомъ восполненія ихъ педагогическаго образованія. Прослушавъ методическія бесѣды по пред-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“, за 1900 г. № 17.

метамъ школьнаго курса и увидѣвъ на практикѣ въ подвижной образцовой школѣ примѣненіе главнѣйшихъ основъ правильного обученія, учителя начинаютъ дѣйствовать въ своей педагогической практикѣ увѣреннѣе, прямѣе и цѣлесообразнѣе. Учительскіе курсы многихъ неопытныхъ учителей избавятъ отъ необходимости измышлять свои способы и приемы обученія, нерѣдко отжившіе или уже давно открытые и практикующіеся. Здѣсь, на курсахъ, вы легко можете повѣрять результаты своей учительской практики путемъ взаимныхъ бѣсѣдъ съ преподавателями и разбора пробныхъ уроковъ даваемыхъ самими курсистами.

Но не однимъ неопытнымъ учителямъ курсы приносятъ громадную пользу. Курсы имѣютъ неоспоримое значеніе и для остальныхъ изъ васъ, богатыхъ опытомъ, не скудныхъ образованіемъ и даже получившихъ спеціальную педагогическую подготовку. По самому характеру своему педагогика и дидактика такія науки, которыя никогда не имѣютъ своего послѣдняго слова и въ примѣненіи къ жизни и практикѣ обученія находятся въ постоянномъ развитіи и усовершенствованіи. Самый опытный учитель, если онъ не слѣдитъ за развитіемъ дидактической науки, съ каждымъ днемъ, можно сказать, отстаетъ отъ современныхъ ему методовъ обученія и воспитанія.

Тѣмъ большее значеніе учительскіе курсы должны имѣть и дѣйствительно имѣютъ въ нравственно-воспитательномъ отношеніи. Живя въ глуши деревень, учителя, какъ лица, стоящія выше своей среды, весьма нерѣдко испытываютъ недостатокъ духовно-нравственнаго удовлетворенія; опытъ показываетъ, что натуры болѣе слабыя даже окончательно засасываются этою средою, дѣлаясь неспособными къ дальнѣйшему саморазвитію. Жизнь въ городѣ, въ кружкѣ своихъ товарищей, въ постоянномъ общеніи съ руководителями и преподавателями курсовъ, постоянныя образовательныя экскурсіи и прогулки, естественно должны ихъ оживить, ободрить и возбудить потребность высшихъ духовныхъ интересовъ. Излишне говорить о томъ, что постоянный взаимообмѣнъ чувствами и мыслями, результатами учительской практики и воспоминаніями прежней и настоящей жизни въ приходѣ, долженъ вызвать интересъ къ

самому учительству и побудить ихъ сознательно отнестись къ своей личной жизни и дѣятельности въ приходѣ.

Успѣхъ курсовъ зависитъ отъ васъ, слушатели, отъ вашего вниманія, вашей любознательности. Не забывайте, что для каждаго изъ васъ это, быть можетъ, единственный въ жизни случай для пополненія своихъ педагогическихъ позваній. Я выражаю полную надежду, что вы отнесетесь къ занятіямъ вполнѣ добросовѣстно.

Привлеченіе на курсы свѣдущихъ въ педагогическомъ дѣлѣ лицъ всегда представлялось дѣломъ первостепенной важности. Въ этомъ отношеніи учительскіе курсы настоящаго года находились въ благопріятныхъ условіяхъ. Въ составъ преподавателей вошли не только лица, получившіе высшее или спеціальное образованіе и знакомые съ характеромъ и духомъ церковно-приходскихъ школъ, но, что всего важнѣе, нѣсколько лѣтъ сряду руководившія дѣломъ обученія на курсахъ. Это обстоятельство имѣетъ весьма важное значеніе въ смыслѣ разрѣшенія тѣхъ или иныхъ назрѣвшихъ вопросовъ и удовлетвореніи дѣйствительныхъ запросовъ, предъявляемыхъ учителями.

Для руководства учебными занятіями были приглашены на курсы слѣдующія лица:

- 1) По Закову Божию—законоучитель 3 Харьковской мужской гимназіи, кандидатъ богословія, священникъ о. Петръ Өомиль.
- 2) По Церковному пѣнію въ старшей группѣ преподаватель пѣнія въ Харьковскомъ Институтѣ благородныхъ дѣвицъ и регентъ архіерейскаго хора М. С. Ведринскій.
- 3) По Церковному пѣнію въ младшей группѣ учитель пѣнія при Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ свящ. Іоаннъ Цетровскій, получившій право учителя при С.-Петербургской придворной пѣвческой капеллѣ.
- 4) По дидактикѣ и методикѣ обученія чтенію, письму и языку церковно-славянскому преподаваніе велъ Харьковскій епархіальный наблюдатель В. Ө. Давыденко.
- 5) По методикѣ обученія счисленію преподаватель математики при Харьковской духовной семинаріи И. В. Кудревичъ, руководившій преподаваніемъ сего предмета въ педагогическихъ классахъ Харьковской женской гимназіи.

Кромѣ обязательныхъ предметовъ курсовыхъ занятій, по предложенію Его Превосходительства Г. Наблюдателя церковныхъ школъ въ Имперіи В. И. Шемякина, въ числѣ необязательныхъ предметовъ на курсахъ было введено преподаваніе пчеловодства, игра на скрипкѣ и обученіе переплетному ремеслу. Бесѣды по пчеловодству принялъ на себя Проф. Харьковскаго университета прот. Т. И. Буткевичъ. Игрѣ на скрипкѣ обучалъ преподаватель церковнаго пѣнія въ старшей группѣ М. С. Ведринскій. Переплетное же мастерство было изучаемо подѣ руководствомъ переплетчика Сергѣя Шепелева.

Сверхъ того по предложенію руководителей курсовъ Епархіальный миссіонеръ, кандидатъ богословія, Д. И. Боголюбовъ принялъ на себя чтеніе основныхъ положеній о миссіонерскомъ значеніи церковно-приходской школы.

Для практическихъ занятій при курсахъ была организована образцовая одноклассная церковно-приходская школа изъ трехъ отдѣленій въ количествѣ 30 учащихся и былъ приглашенъ для дачи образцовыхъ уроковъ діаконъ Захарій Кандыба. Въ составъ учащихся двухъ старшихъ отдѣленій вошли ученики образцовой церковно-приходской школы при Епархіальномъ Жепскомъ Училищѣ; для младшей же группы былъ сдѣланъ приемъ учениковъ, вездѣ не учившихся. Занятія въ школѣ шли регулярно и ежедневно; въ тѣ дни, когда школа не нужна была для образцовыхъ занятій, учащіеся подѣ руководствомъ очередныхъ учителей изъ курсистовъ занимались съ ними въ отдѣльной комнатѣ повтореніемъ пройденнаго, пѣніемъ и играми. Такимъ образомъ дѣти, будучи пріучены къ правильному посѣщенію школы и твердо сохраняя преподаанныя имъ знанія, представляли собою вполне нормальную школу, въ которой удобно было показывать послѣдовательный ходъ обученія грамотѣ въ продолженіи 5—недѣльнаго срока.

Согласно „Правиламъ объ устройствѣ педагогическихъ курсовъ“, занятія на курсахъ состояли: а) въ ознакомленіи слушателей съ лучшими способами обученія предметамъ начальной школы; б) въ сообщеніи общихъ педагогическихъ правилъ относительно устройства, порядка и распредѣленія занятій въ школѣ, классной дисциплины и т. д.; в) въ указаніи и разбо-

рѣ лучшихъ учебниковъ и подробномъ ознакомленіи съ программами церковныхъ школъ; е) въ образцовыхъ урокахъ въ присутствіи всѣхъ слушателей во временно устроенной начальной школѣ и д) въ разборѣ пробныхъ уроковъ, данныхъ самими слушателями курсовъ.

Уже на основаніи распредѣленія учебныхъ занятій на курсахъ легко видѣть, въ чемъ состоитъ ихъ характерная особенность и на что было обращено главнѣйшее вниманіе. Кромѣ церковнаго пѣнія, на занятія съ которымъ было посвящено около половины всѣхъ учебныхъ часовъ, главнѣйшее мѣсто было отведено практическимъ занятіямъ во временной начальной школѣ по предметамъ школьнаго обученія: имъ была посвящена четверть всѣхъ учебныхъ часовъ. Отводя столько времени для практическихъ занятій, преподаватели курсовъ имѣли въ виду весьма важное значеніе ихъ для всѣхъ вообще учителей и въ частности для начинающихъ. Никакая рѣчь или лекція не въ состояніи имѣть тѣхъ благотворныхъ послѣдствій какими сопровождается данный хорошо образцовый урокъ. Здѣсь учителя путемъ подражанія усвоятъ не только планъ и методъ преподаванія, но всѣ мельчайшіе приемы, которыхъ нельзя изложить въ видѣ отвлеченныхъ правилъ и наставленій. Не меньше значенія, какъ показываетъ наблюденіе, имѣли и пробные уроки самихъ учителей въ связи съ критическимъ разборомъ ихъ подъ руководствомъ преподавателей. Здѣсь, при внимательномъ наблюденіи надъ собой и своими товарищами, курсисты могли легко замѣтить какъ свои достоинства, такъ и свои недостатки и выработать сознательное отношеніе къ тѣмъ или инымъ педагогическимъ приемамъ. Матеріаль для пробныхъ уроковъ и образцовыхъ былъ избираемъ не случайно, а систематически и методически въ соотвѣтствіи намѣченному ходу учебныхъ занятій по тому или другому предмету, послѣ предварительнаго совмѣстнаго обсужденія съ преподавателями курсовъ. Обсудивъ основательно предлагаемый для урока матеріаль, учителя обыкновенно составляли планъ урока, а иногда и подробный конспектъ, въ которомъ послѣдовательно излагался предполагаемый ходъ занятій.

Въ связи съ практическими занятіями и въ зависимости отъ

нихъ располагались и чтенія теоретическія. Не имѣя характера лекцій и отвлеченныхъ чтеній, они предлагались слушателямъ въ видѣ бесѣдъ по поводу данныхъ образцовыхъ и пробныхъ уроковъ или же предшествовали этимъ урокамъ, а иногда имѣли характеръ доступныхъ, живыхъ и наглядныхъ чтеній. Чтобы закрѣпить въ памяти слушателей ходъ учебныхъ занятій на курсахъ, матеріаль, предложенный имъ въ видѣ образцовыхъ и пробныхъ уроковъ и въ чтеніяхъ теоретическихъ по нѣкоторымъ предметамъ, былъ выдаваемъ имъ въ формѣ конспекта для ихъ руководства во время самостоятельныхъ занятій въ школѣ. Въ виду того, что нѣкоторые вопросы, касающіеся практики обученія, могли быть не поняты слушателями или же не выяснены, курсистамъ было предложено обратиться съ письменными заявленіями по разнымъ предметамъ обученія, на которые они желали бы получить разъясненія. Эти вопросы во время бесѣдъ и при разборѣ пробныхъ уроковъ и были предметомъ общаго разсужденія. Такова общая постановка учебнаго дѣла на курсахъ. Но такъ какъ преподаваніе каждаго предмета въ зависимости отъ его содержанія и взглядовъ преподавателей имѣетъ свои особенности, то весьма интересно представить общую характеристику каждаго изъ преподаваемыхъ на курсахъ предметовъ, тѣмъ болѣе, что дидактическіе и методическіе приемы преподаванія по Закону Божію и другимъ предметамъ могутъ служить къ руководству и другимъ, не бывшимъ на курсахъ, законоучителямъ и учителямъ.

Имѣя въ виду выраженное Преосвященнымъ Иннокентіемъ желаніе, дабы идеи о воспитательномъ значеніи церковно-приходской школы и ея истинно-народномъ значеніи были внушены слушателямъ курсовъ съ надлежащею ясностью, о. законоучитель Петръ Өоминъ въ своей вступительной бесѣдѣ обстоятельно раскрылъ и уяснилъ означенную идею.

Прежде всего о. лекторъ Закона Божія въ своихъ вступительныхъ лекціяхъ воздалъ должную дань трудамъ и усердію гг. учителей церковныхъ школъ и внушилъ имъ бодро и со всею энергіею трудиться и впредь на этомъ поприщѣ, не смущаясь возможными неблагоприятными условіями своей дѣятельности. Съ особеннымъ вниманіемъ лекторъ остановился на часто высказы-

ваемомъ мнѣніи, что церковная школа—учрежденіе новое, неизвѣстное древности, учрежденіе въ интересахъ духовенства. Такъ какъ подобное заблужденіе наиболѣе можетъ охлаждать и ослаблять ревность дѣятелей этой школы, то о. лекторъ пространно выяснилъ курсистамъ древнѣйшее происхожденіе этой школы и ея исторію и характеръ.

Церковно-школьное учительство вытекаетъ изъ заповѣди Господа: „шедше *научите* вся языки, крестяще ихъ“... Учительство одна изъ вѣрнѣйшихъ и важнѣйшихъ обязанностей папства, и въ церкви—это существеннѣйшая сторона дѣятельности ея. Отсюда возникли такъ называемыя оглашенія и огласительныя школы, которыя въ древне христіанской церкви имѣли такое важное значеніе. Въ этихъ школахъ сообщалось богооткровенное ученіе вѣры и благочестія и велось это дѣло въ духѣ евангельскомъ подъ руководствомъ церкви. Съ основаніемъ нашей русской церкви такія церковныя школы учреждаются всюду при храмахъ для христіанскаго просвѣщенія русскаго народа. Великими и незабвенными дѣятелями въ этомъ смыслѣ были св. митрополитъ Михайлъ и равноапостольный князь Владиміръ. Ихъ заботами и трудами въ самомъ началѣ христіанскаго бытія нашего народа устрояется школа истинно-церковная, истинно-христіанскаго духа. На всѣ грядущія времена они въ основу русской церковной школы полагаютъ чистыя и благотворнѣйшія евангельскія начала. Св. Михайлъ призывалъ къ себѣ учителей новооснованныхъ школъ и внушалъ имъ и завѣщалъ всѣмъ будущимъ дѣятелямъ школы мудрыя христіанскія педагогическія правила: „*правъ и благочиннъ учити юныя дѣти, якоже словесемъ книжнаго разума, такожде и благонравію, и въ правдѣ и въ любви, и зачалу премудрости, страху Божію, чистотѣ и смиренномудрію; учити же ихъ не яростію, ни жестокостію, ни мѣвомъ, но радостовиднымъ страхомъ и любовнымъ обычаемъ, и сладкимъ проученіемъ, и ласковымъ разсужденіемъ противу коегождо силы, и съ ослабленіемъ, да не унываютъ, наипаче всегда прилагати имъ ученіе отъ Закона Господня на пользу души же и тѣла; отъ безумныхъ же и неподобныхъ словесъ всячески отклонятися*“. Въ этихъ словахъ св. Михаила заклю-

чено все существенное, въ чемъ и какъ должно наставлять дѣтей церковной школы. Послѣдующіе князья и митрополиты были усерднѣйшими поборниками и ревнителями церковно-народнаго просвѣщенія въ этихъ школахъ, и это святое дѣло ширилось и развивалось больше и больше. Въ эту эпоху наше школьное просвѣщеніе даже стало опережать христіанскій Западъ; у насъ благодаря стараніямъ благочестивыхъ и просвѣщенныхъ княгинь при монастыряхъ учреждаются церковныя школы женскія, и это тогда, когда въ Западной Европѣ объ образованіи женщинъ еще и не помышляли. Эта первоначальная школа наша носила характеръ общеобразовательный и общесословный, это была единая школа всего народа, находилась въ вѣдѣніи церкви и всецѣло была проникнута духомъ благочестія и церковности. На началахъ, завѣщенныхъ св. Михаиломъ, она существуетъ и въ дальнѣйшую эпоху монгольскую, когда рядомъ съ нею является уже и школа грамоты, и послѣ—монгольскую. Только подъ вліяніемъ польскаго латинства съ XVI в. въ нее проникаютъ, хотя отчасти только, чуждые элементы вмѣстѣ съ суровостію воспитанія „жезломъ и розгою“, но все же она продолжаетъ оставаться церковною школою всѣхъ сословій, всего народа русскаго. Въ XVIII в., со временъ Петра Великаго, подъ вліяніями западно-европейскими возникаютъ у насъ новыя школы, свѣтскія, съ характеромъ особеннымъ, несвойственнымъ нашей исконно-древней школѣ; въ новыхъ школахъ воспитываются высшія сословія, а школа древняя церковная остается простому народу и, лишенная поддержки и общенароднаго значенія, упадаетъ. Съ пробужденіемъ національнаго самосознанія въ половинѣ нашего XIX вѣка совершается поворотъ у насъ къ родной старинѣ,—къ древнимъ исконнымъ началамъ. Такое направленіе достигаетъ особеннаго напряженія съ воцареніемъ Императора Александра III. При этомъ-то приснопамятномъ Государѣ и при его высококомъ сочувствіи возрождается у насъ (1884 г.) эта древняя, церковная школа. При могущественномъ содѣйствіи власти гражданской, церковной и общества она становится народною школою, очищается отъ несвойственныхъ ей чуждыхъ наслоеній и по духу своему возвращается теперь къ

чистому образу русской школы начальной эпохи свв. Михаила и князя Владимира.

Сжатый и ярко выпуклый обзоръ предмета по вопросу о значеніи церковно-приходской школы, обнимая собою всё эпохи ея существованія и развитія, и всё данныя, идущія въ подтвержденіе высказанныхъ имъ положеній на основаніи Слова Божія, свято-отеческихъ твореній, церковно-исторической литературы, исторіи гражданской и русской, наковедь соображеній разума, далъ слушателямъ самое обстоятельное знакомство съ историческимъ значеніемъ исконной русской школы. Какъ часто въ послѣднее время приходится слышать духовенству упрекъ въ клерикализмъ, стремленіе чрезъ посредство школы взять въ свои руки народъ. Бесѣда о. законоучителя проливаетъ яркій свѣтъ на то, что церковная школа неразлучна съ церковью съ самыхъ первыхъ временъ христіанства, что христіанство само въ себѣ есть прежде всего учительство и инымъ быть не можетъ. Если нынѣ духовенство взялось за школы и воспитаніе народа, то оно въ данномъ случаѣ лишь только исполняетъ свой прямой долгъ,—долгъ пастырства и учительства, по завѣту своего Божественнаго Учителя и Пастыря Иисуса Христа.

Выяснивши исконно-православный и исконно-русскій характеръ этой школы о. лекторъ затѣмъ подробно обрисовалъ ея церковность какъ по назначенію воспитывать дѣтей въ духѣ вѣры и Церкви православной, такъ и по строю ея жизни и порядковъ. Здѣсь было обращено особенное вниманіе на отношеніе къ школѣ ея руководителя, пастыря—законоучителя.

В. Давыденко.

(Продолженіе будетъ).

Епархіальныя извѣщенія.

Священникъ церкви сл. Волчанскихъ хуторовъ, Волчанскаго уѣзда, Алексѣй *Давидовскій*, за усердную службу, награжденъ скуфьею.

— Священникъ церкви м. Трехъизбянска, Старобѣльскаго уѣзда, Сергій *Стеллеицкій*, переведенъ на мѣсто, по прошенію, къ церкви сл. Александровки, того же уѣзда.

— Окончившій курсъ Духовной Семинаріи Никифоръ *Оржельскій* опредѣленъ на священническое мѣсто при церкви сл. Трехъизбыска.

— Священникъ Іоанна Милостиваго церкви сл. Рубцовой, Изюмскаго уѣзда, Павелъ *Титовъ* 19 Сентября н. г. уволенъ за штатъ, согласно его прошенію, а на его мѣсто опредѣленъ священникъ Іоанно-Предтеченской церкви с. Пашковки, того же уѣзда, Алексій *Поповъ*.

— Студентъ Харьковской Духовной Семинаріи Веніаминъ *Богдановъ* опредѣленъ на священническое мѣсто къ Архангело-Михайловской церкви, с. Приволья, Изюмскаго уѣзда.

— Уволенный изъ 4 класса духовной Семинаріи Михайлъ *Жуковскій* опредѣленъ псаломщикомъ къ церкви сл. Моисеевки, Старобѣльскаго уѣзда.

— Сынъ священника Василій *Василевскій* опредѣленъ испр. должность псаломщика при церкви м. Половинкиной, того же уѣзда.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е.

При Люботинской церковно-приходской школѣ Валковскаго уѣзда состоятъ свободнымъ мѣсто учителя или учительницы этой школы. Учительское жалованье 150 р., квартира при школѣ и отопленіе. Желаящіе занять это мѣсто благоволятъ обратиться съ прошеніемъ въ Валковское Отдѣленіе Харьковскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Посѣщеніе Харьковской Духовной Семинаріи Товарищемъ Оберъ-Прокурора Св. Синода Сенаторомъ В. К. Саблеромъ.—Двухсотлѣтіе Черниговской Духовной Семинаріи.—Матеріальное обезпеченіе учащихся въ церковно-приходскихъ школахъ.—Заботы духовенства о религіозно-нравственномъ просвѣщеніи пасомыхъ.

Въ пятницу, 22 сентября н. г., въ 3 ч. пополудни, прибылъ въ Харьковскую Духовную Семинарію Товарищъ Оберъ-Прокурора Св. Синода Тайный Совѣтникъ Сенаторъ В. К. Саблеръ. Въ сопровожденіи О. Ректора и г. Инспектора Семинаріи Его Превосходительство позволялъ подробно осматривать семинарскую церковь, классныя, занятныя и спальныя помѣщенія, столовую, больницу и образцовую школу. Въ пятомъ часу Его Превосходительство отбылъ на вокзалъ для дальнѣйшаго слѣдованія въ Крымъ.

— «Черн. Еп. Вѣд.» отмѣчаютъ предстоящую двухсотлѣтнюю годовщину существованія черниговской духовной семинаріи. Въ этомъ отношеніи послѣдняя является первой между всѣми другими по

своему старшинству, являясь какъ бы родоначальницей всѣхъ остальныхъ семинарій. Въ то время, когда въ другихъ епархіяхъ, по почину и распоряженію высшей духовной власти, стали появляться только зачатки школьнаго дѣла, въ Черниговѣ, безъ всякаго внѣшняго побужденія, благодаря единственно усердію и просвѣщенному вниманію мѣстныхъ духовныхъ дѣятелей, возросла правильно организованная школа, въ которой юношество уже изучало науки сдѣлавшіяся отличительными семинарскими науками на протяжении цѣлаго столѣтняго періода духовныхъ школъ. Это было въ 1700 г., когда приснопамятный для черниговской епархіи архипастырь Іоаннъ Максимовичъ, имя котораго должно быть отмѣчено золотыми буквами на страницахъ исторіи черниговской семинаріи, положилъ въ Черниговѣ начало коллегіуму, который восторженные современники скоро сталъ называть то черниговскимъ Олимпомъ, то лицеемъ и вертоградомъ Паллады, то черниговскими Афинами. Озабочиваясь составленіемъ исторіи семинаріи за весь двухсотлѣтній періодъ ея жизни, правленіе семинаріи обращается съ призывомъ ко всѣмъ бывшимъ питомцамъ ея, у которыхъ сохраняются отъ прежняго времени какія нибудь рукописи, имѣющія отношенія къ ея исторіи, напр., лекціи или записки прежнихъ профессоровъ и наставниковъ (особенно важны курсы лекцій прошлаго вѣка, когда еще почти не было печатныхъ руководствъ, а все преподаваніе велось по запискамъ), затѣмъ, ученическія работы, въ родѣ прежнихъ экзерцицій и окупацій, сочиненія, задачи, дневники, разныя замѣтки и т. п., прислать таковыя въ семинарію. Кромѣ всего этого рукописнаго матеріала могли сохраниться въ преданіи и памяти рассказы о какихъ-либо выдающихся событіяхъ прошлой семинарской жизни. Все это, собранное вмѣстѣ, могло бы пролить свѣтъ на многое неясное въ исторіи семинаріи и, кромѣ того, это собраніе памятниковъ семинарской старины могло бы къ юбилею лечь въ основаніе особаго рукописнаго отдѣла семинарской фундаментальной бібліотеки, который со временемъ могъ бы пополниться и сдѣлался бы достойнымъ приношеніемъ со стороны воспитанниковъ дорогой имъ семинаріи. Правленіе надѣется, что на этотъ призывъ отзовутся всѣ, имѣющіе у себя что нибудь достойное вниманія и касающееся черниговской семинаріи или просто могущіе подѣлиться своими воспоминаніями прошлаго. По ходатайству правленія, преосвященный Антоній, епископъ черниговскій и вѣжинскій, вошелъ въ Св. Синодъ съ особымъ представленіемъ о празднованіи предстоящаго юбилея и Св. Синодъ удов-

летворилъ это ходатайство, разрѣшивъ празднованіе въ одинъ изъ ближайшихъ годовъ за настоящимъ, по перестройкѣ и капитальномъ ремонтѣ семинарскихъ зданій. Къ этому времени предполагается и составленіе очерка исторіи семинаріи.

— Священникъ о. Іоаннъ Горожанскій на страницахъ «Псковск. Еп. Вѣд.» предлагаетъ слѣдующія мѣры къ обезпеченію матеріальнаго положенія учителей нашихъ церковно-приходскихъ школъ. Слѣдуетъ, говоритъ онъ, побольше обращать вниманіе на учащихся въ церковныхъ школахъ и особенно на тѣхъ изъ нихъ, которые, ведя усердно ввѣренное имъ дѣло, имѣютъ за собой преимущество лѣтъ службы, а для этого награждать ихъ не одними только нравственными наградами, что несомнѣнно имѣетъ свое великое значеніе, но главнымъ образомъ и матеріально, черезъ прибавку имъ 3—5 руб. въ мѣсяць за 5—10-лѣтіе въ сравненіи съ другими, прослужившими меньшее число лѣтъ. Это дало бы ветеранамъ—учителямъ заслуженный избытокъ отъ 30—40 руб. въ годъ. Духовенство само должно поступиться кое чѣмъ изъ своихъ матеріальныхъ средствъ впредь до взысканія другихъ болѣе прочныхъ источниковъ благоустройства школъ, а именно слѣдовало-бы установить незначительный денежный ежегодный сборъ въ размѣрѣ отъ 1—3 руб. въ годъ со священниковъ и діаконѳовъ со псаломщиками, пропорціонально получаемому ими содержанію, или $\frac{1}{100}$ сборъ съ доходовъ денежныхъ, арендныхъ или земельныхъ выгодъ, что въ общемъ дало бы значительную сумму въ 500—600 руб. въ годъ, каковыя могли бы быть раздаваемы лучшимъ учителямъ и учительницамъ къ празднику Пасхи вмѣсто краснаго яйца, или же собираемы на учрежденіе капитала учительскаго фонда въ епархіи. Желательно было бы завести на церковной землѣ, если при школѣ не имѣется другой, школьныя запашки въ 1—2 десятины, съ тѣмъ, чтобы ихъ бесплатно обрабатывали крестьяне съ помощью болѣе взрослыхъ учениковъ, дохода отсюда при хорошей обработкѣ ежегодно можно бы было получать отъ 40—80 руб. и предоставлять ихъ въ пользу тѣхъ же учителей.—Всѣ эти средства, рекомендуемыя о. Горожанскимъ, являются наиболѣе удобными для примѣненія передъ всѣми пзвѣстными до сихъ поръ. Въ самомъ дѣлѣ, кто же изъ духовенства поспеуится дать рубль или два въ годъ въ пользу учителей, тѣмъ болѣе, что большая часть изъ нихъ плоть отъ плоти нашей, — дѣти самага-же духовенства, и при томъ нерѣдко самыя нуждающіяся. «Моск. Цер. Вѣд.»

— Общеизвѣстная истина, что для успѣха пастырскаго служенія

необходимо священнику приобрѣсть вліяніе на прихожанъ и хорошо знать свою паству. Какимъ образомъ священникъ можетъ всего вѣрнѣе узнать свою паству и приобрѣсть на нее свое пастырское вліяніе,—это видно изъ нагляднаго примѣра, изложеннаго въ журналѣ «Народное Образъ». Двадцать лѣтъ тому назадъ, священникъ Владимір. епархіи о. Алекс. Бобровъ, ревнуя о духовномъ просвѣщеніи своихъ прихожанъ, съ разрѣшенія своего архіерея, открылъ у себя въ селѣ складъ духовно-нравственныхъ книгъ, съ тѣмъ, чтобы продавать изъ него книги желающимъ безъ всякаго барыша. Для продажи книгъ онъ приспособилъ одну изъ угловыхъ башенъ церковной ограды, выходящую прямо на базарную площадь. Размѣстивши здѣсь книги по полкамъ, въ одинъ базарный день о. Алексѣй открылъ торговлю. Неловко чувствовалъ онъ себя вначалѣ въ роли продавца. Стѣснялись и покупатели-крестьяне. Однако это первое и очень естественное смущеніе съ обѣихъ сторонъ скоро прошло. „Видите, въ чемъ дѣло“, разъяснилъ этотъ священникъ своимъ мужичкамъ: „у насъ теперь съ года на годъ все больше и больше становится грамотныхъ. Куда ни посмотришь—повсюду открываются по селамъ школы, а кто мало-мальски заохотится здѣсь грамотой, тому уже скучно безъ книжки,—непремѣнно хочется что нибудь прочитать. У много нашлась бы, можетъ быть, и лишняя копѣйка въ карманѣ для покупки доброй книжки, а гдѣ же онъ ее найдетъ? Правда вонъ тамъ, на рынкѣ, и много продаютъ всякихъ книгъ наши офени-визниковцы, да вы же сами знаете, какой это товаръ,—ужь отъ нихъ ума не наберешься“. Мужички слушали съ какимъ-то особеннымъ вниманіемъ своего батюшку, а между тѣмъ толпа около книжной лавки съ каждой минутой росла и росла. Одинъ изъ присутствующихъ попросилъ показать ему Евангеліе. О. Алексѣй показалъ Евангеліе на русскомъ языкѣ, въ роскошномъ переплетѣ съ золотымъ тисненіемъ, стоящее всего десять коп. Велико было удивленіе крестьянъ, когда они узнали, что книга, „которую въ деревни-то читаютъ и въ которой все житіе Христово и чудеса, которыя Онъ творилъ, описаны“, стоитъ такъ дешево,—всего 10 к. И тутъ же нашлось нѣсколько десятковъ желающихъ приобрѣсть Евангеліе. Не мало куплено и другихъ книгъ. Такой успѣхъ чрезвычайно ободрилъ о. Алексѣя, и въ слѣдующій разъ онъ уже сѣлъ за прилавокъ, не чувствуя ни малѣйшей неловкости. „Спасибо, батюшка“, говорили о. Алексѣю крестьяне: „ужь больно хороши твои книжки; и чтанье въ нихъ просто, и на сердцѣ ложится. И что за диковинка:

съ виду книжечка въ руки нече взять, а сколько въ ней добренькаго... нѣтъ ли еще какихъ новенькихъ? Тѣмъ базаромъ я купилъ у тебя про матерно слово—ну ужъ книжка! Какъ это тутъ представленія разныя были отроку предъ смертью за самое то слово—страсть! А мы почестъ ни во что это ставимъ,—привыкли да и привыкли, какъ словно такъ и надо; нѣтъ, теперь и больно думать“. И подобнымъ разговорамъ не было конца. Каждый хотѣлъ поскорѣе высказать, что имъ вычитано и какъ онъ понялъ прочитанное. Священникъ объяснялъ простодушнымъ мужичкамъ непонятное въ книгахъ и не могъ не замѣтить, какъ они довѣрчиво и охотно внимають его словамъ... Чѣмъ время шло дальше, тѣмъ покупателей становилось больше и больше у о. Алексѣя. вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря постояннымъ его бесѣдамъ съ крестьянами при покупкѣ книгъ, быстро росли и укрѣплялись его духовная связь съ пасомыми и его вліяніе на нихъ. Пастырь съ каждымъ днемъ все больше и больше узнавалъ своихъ прихожанъ, съ каждымъ новымъ разомъ пріобрѣталъ ихъ большее довѣріе и расположеніе, а чрезъ то успливалъ и свое пастырское вліяніе на нихъ. Самъ о. Алексѣй придавалъ этимъ бесѣдамъ при продажѣ книгъ громадное значеніе, едвали даже не большее, чѣмъ самой продажѣ. Потому онъ всегда и старался вызывать своихъ покупателей на разговоры. Такое занятіе, какъ продажа духовно-нравственныхъ книгъ въ рукахъ священника,—это такое могучее средство узнать простой народъ со всѣмъ міромъ его идей, что трудно заранѣе представить. Изложенный примѣръ пастырской ревности къ просвѣщенію народа, конечно, не единственный. И тѣ, кто имѣетъ возможность близко стоять къ духовенству, всегда найдутъ среди него не мало лицъ, проникнутыхъ возвышенными началами той религіи, ближайшими служителями которой они являются,—лицъ объятыхъ самой горячей любовію съ своей паствѣ и желаніемъ отдать ей свои силы. «Мог. Еп. Вѣд.»

О ВЪ Я В Л Е Н І Е .

ОТЪ ЧЕРНОГОРСКАГО КОМИТЕТА.

Состоящій подъ августѣйшимъ покровительствомъ *Ея Высочества, княгини Черногорской Милены* центральный комитетъ по сооружеію больницы для умалишенныхъ въ Черногоріи симъ объявляетъ, что на общемъ своемъ собраніи онъ единогласно избралъ своимъ уполномо-

нымъ г. секретаря Іерусалимскаго патріархаго, въ Москвѣ, что близъ Арбатскихъ воротъ, подворья, *Андрея Ивановича Дросси*, пользующагося у комитета истиннымъ уваженіемъ и полнымъ довѣріемъ, уполномочивая его принимать всѣ добровольныя пожертвованія и отсылать таковыя непосредственно центральному комитету.

Членъ центрального комитета *сердаръ Раде Пламенацъ*.

Отъ уполномоченнаго Черногорскаго комитета.

Сооруженіе больницы-приюта для умалишенныхъ и снабженіе ея всѣмъ необходимымъ для важнаго ея назначенія представляетъ для маленькой Черногоріи расходъ, который доблестный народъ можетъ произвести лишь съ большимъ для себя обремененіемъ.

Имѣя счастье пользоваться неослабнымъ Державнымъ покровительствомъ Могущественнаго Русскаго Монарха, единовѣрный намъ геройскій черногорскій народъ съ надеждою устремляетъ свои взоры на многомилліонный братолюбивый великій народъ русскій, ожидая отъ него помощи тому челолюбивому дѣлу, совершенію коего является предметомъ горячаго желанія славныхъ подданныхъ доблестнѣйшаго князя Черной горы Николая I.

Родной намъ по вѣрѣ и близкій по крови черногорскій народъ не долженъ обмануться въ своихъ ожиданіяхъ, ибо его интересы были всегда дороги Россіи, его нужды всегда близки ея сердцу. Маленькое геройское княжество—родное дѣтище великой матери славянскихъ народовъ, отъ которой оно въ правѣ ожидать братской помощи, какъ отъ могущественнѣйшей своей защитницы и покровительницы.

Обращаясь съ воззваніемъ къ чувству милосердія добрыхъ русскихъ людей, черногорскій народъ прежде всего встрѣтилъ сочувственный откликъ въ любвеобильномъ Сердцѣ Великодушнаго и Благочестивѣйшаго Державнаго Вождя Россіи, благоволившаго Всемилостивѣйше разрѣшить 17 іюня прошлаго года по всеподданнѣйшему докладу г. министра внутреннихъ дѣлъ, сборъ въ предѣлахъ Имперіи добровольныхъ пожертвованій на постройку больницы для умалишенныхъ въ Черногоріи. Великодушно разрѣшая своимъ подданнымъ жертвовать на челолюбивое и богоугодное дѣло, Государь Императоръ молчаливо выражаетъ Монаршее Свое желаніе, чтобы Его народъ помогъ своей лептой братьямъ-черногорцамъ довершить принятый ими на себя трудъ.

Да откликнутся же добрыя сердца благотворителей Св. Руси на призывъ Своего Царя и да увидятъ еще разъ славный черногорскій народъ, что русскіе никогда не оставляютъ въ нуждѣ меньшихъ своихъ братьевъ и что за Царемъ идетъ всегда и вся Россія!

Адресъ для посылки пожертвованій: Москва, Арбатъ, Іерусалимское подворье, Андрею Ивановичу Дросси.

О Т Ч Е Т Ъ

Харьковскаго Епархіального Наблюдателя школь церковно-приходскихъ и грамоты Харьковской епархіи въ учебно-воспитательномъ отношеніи за 1898—1899 годъ.

1.

Поѣздки Епархіального Наблюдателя для осмотра церковныхъ школь и ревизіи Уѣздныхъ Отдѣленій и распоряженія Епархіального Училищнаго Совѣта по отчетамъ о сихъ поѣздкахъ. Какія изъ предположеній Епархіального Наблюдателя къ улучшенію церковно-школьнаго дѣла въ епархіи не были приняты или одобрены Епархіальнымъ Училищнымъ Совѣтомъ и по какимъ основаніямъ.

Въ отчетномъ учебномъ году Епархіальнымъ Наблюдателемъ было осмотрѣно 127 церковно-приходскихъ школь и школь грамоты Ахтырскаго, Богодуховскаго, Зміевскаго, Изюмскаго, Купянскаго, Старобѣльскаго, Сумскаго и Харьковскаго уѣздовъ.

Кромѣ этого имъ была произведена ревизія дѣлопроизводства уѣздныхъ отдѣленій: Ахтырскаго, Богодуховскаго, Валковскаго, Волчанскаго, Зміевскаго, Изюмскаго, Купянскаго, Лебединскаго, Старобѣльскаго, Сумскаго и Харьковскаго.

При осмотрѣ церковныхъ школь г. Харькова Епархіальный Наблюдатель сопровождалъ Его Превосходительство Г. Наблюдателя школь церковно-приходскихъ и грамоты Вѣдомства Православнаго Исповѣданія, Василя Ивановича Шемякина; при чемъ во время обзорѣнія школь и послѣ ознакомленія съ

состояніемъ церковныхъ школъ въ епархіи на основаніи представленныхъ Г. Наблюдателю отчетовъ имъ были преподаны Епархіальному Наблюдателю руководственныя указанія на предметъ дальвѣйшей дѣятельности по наблюденію за школами, а именно:

а) о постановкѣ преподаванія въ церковныхъ школахъ предметовъ учебной программы курса второклассныхъ одноклассныхъ церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты;

б) о церковномъ пѣніи, способахъ наибольшаго развитія его и лучшей постановкѣ его преподаванія;

в) о развитіи женскаго образованія и руководѣльныхъ занятій для дѣвочекъ;

г) о мѣрахъ и средствахъ къ поднятію педагогической подготовки учащихся;

д) о постановкѣ воспитанія въ церковныхъ школахъ;

е) о необходимости открытія и распространенія образовательныхъ и воспитательныхъ учрежденій для школьнаго и послѣ школьнаго образованія, въ видѣ библіотекъ, воскресныхъ чтеній и воскресныхъ школъ;

ж) о взаимныхъ отношеніяхъ различныхъ образовательныхъ вѣдомствъ и о единеніи въ духѣ и направленіи народнаго образованія въ школахъ церковныхъ и земскихъ и др.

Руководственныя указанія Г. Наблюдателя церковныхъ школъ въ Имперіи Епархіальнымъ и уѣздными наблюдателями были приняты къ свѣдѣнію и въ потребныхъ случаяхъ къ руководству.

По поводу своихъ поѣздокъ и по всѣмъ вообще вопросамъ, касающимся благоустройства церковныхъ школъ въ учебно-воспитательномъ и матеріальномъ отношеніяхъ Епархіальнымъ Наблюдателемъ въ наиболѣе важныхъ случаяхъ было докладываемо Высокопреосвященному Амвросію, Архіепископу Харьковскому и Ахтырскому и Епархіальному Училищному Совѣту.

Изъ докладовъ въ Епархіальный Училищный Совѣтъ, имѣвшихъ наиболѣе важное значеніе для школьнаго дѣла, упоминаемъ:

1. Докладъ наблюдателя объ учрежденіи при церковныхъ школахъ епархіи народныхъ библіотекъ читаленъ и вмѣстѣ съ

тѣмъ составленныя наблюдателемъ, по порученію Совѣта, Правила на устройство народныхъ библіотекъ духовнаго вѣдомства слѣдующаго содержанія:

1) Народныя библіотеки могутъ быть учреждаемы при церквахъ, монастыряхъ, церковно-приходскихъ школахъ и школахъ грамоты, при духовныхъ училищахъ и другихъ духовно-учебныхъ и благотворительныхъ учрежденіяхъ духовнаго вѣдомства.

Примѣчаніе. Народная библіотека можетъ быть соединена съ читальней, предоставляя посѣпителямъ чтеніе книгъ въ ея помѣщеніи, или ограничиться только выдачею книгъ для чтенія на дому.

2. Непосредственное и отвѣтственное завѣдываніе народными библіотеками во всѣхъ отношеніяхъ, на какія бы средства они не были учреждены, возлагается на приходскихъ священниковъ или тѣхъ лицъ, которыя въ исключительныхъ случаяхъ будутъ для сего назначены Епархіальнымъ Архіереемъ.

3. Епархіальный Училищный Совѣтъ, по обсужденіи условій открытія народныхъ библіотекъ, представляетъ свои соображенія по сему предмету на Архiepаштырское благоусмотрѣніе Его Высокопреосвященства.

4. Приходскіе священники, желающіе открыть народную библіотеку, испрашиваютъ надлежащаго на то разрѣшенія въ Епархіальномъ Училищномъ Совѣтѣ чрезъ уѣздное отдѣленіе; при чемъ представляютъ: а) проектъ мѣстныхъ правилъ, опредѣляющихъ назначеніе читальни и условія пользованія ею; б) указаніе, гдѣ именно будетъ помѣщаться библіотека и на какія средства она учреждается; в) чѣмъ обезпечивается дальнѣйшее ея существованіе; г) кто приглашается въ помощь священнику въ качествѣ библіотекаря и д) каталогъ для библіотеки.

Примѣчаніе. Члены причта не могутъ отказываться отъ приглашенія священника принять участіе въ трудахъ по наблюденію за библіотекою.

5. Къ обязанностямъ завѣдующаго библіотекою отпослается:

а) изысканіе средствъ для пополненія библіотеки; б) приобрѣтеніе книгъ и всѣхъ необходимыхъ для библіотеки принадлежностей; в) отвѣтственность за порядокъ библіотеки и за цѣлость ея имущества; г) изъятіе книгъ и другихъ вещей, утраченныхъ или пришедшихъ въ негодное состояніе, д) строгое наблюденіе за тѣмъ, чтобы не были въ обращеніи никакія другія книги и поврежденныя изданія, кромѣ записанныхъ въ каталогъ библіотеки; е) наблюденіе, чтобы читальня не служила мѣстомъ совѣщаній и другихъ собраній, чуждыхъ назначенію ея.

6. Къ обязанностямъ библіотекаря относится: а) составленіе и содержаніе въ исправности матеріальной книги; б) составленіе систематическаго каталога; в) храненіе имущества библіотеки и г) выдача книгъ посѣтителемъ и пріемъ книгъ возвращаемыхъ.

7. До изданія каталога народныхъ библіотекъ народныя библіотеки могутъ имѣть у себя слѣдующія книги: а) книги, указанныя духовнымъ вѣдомствомъ для употребленія въ церковно-приходскихъ школахъ и допущенныя въ церковныя библіотки; б) всѣ книги и журналы, издаваемые съ разрѣшенія духовной цензуры и вообще духовнаго начальства, за исключеніемъ тѣхъ, которыя будутъ признаны духовнымъ вѣдомствомъ непригодными для народныхъ бесплатныхъ читаленъ; в) книги, кои будутъ одобрены Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія въ каталогахъ книгъ для употребленія въ ученическихъ библіотекахъ низшихъ учебныхъ заведеній вѣдомства сего министерства; д) книги, издаваемые правительствомъ и е) изъ свѣтскихъ газетъ и журналовъ тѣ, кои будутъ указаны Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія по соглашенію съ Оберъ-Прокуроромъ Святейшаго Синода.

Примѣчаніе. Наблюдающій за читальнею долженъ слѣдить, чтобы при выборѣ книгъ для библіотеки принимались въ соображеніе какъ средства ея, такъ и образовательныя и воспитательныя потребности населенія, образъ жизни, занятія и избѣгать односторонняго подбора книгъ въ ущербъ книгамъ религіозно-нравственнаго, патріотическаго и вообще назидательнаго содержанія.

2. Согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода отъ 28 октября—4 ноября 1898 года за № 4221 и Высочайшему Повелѣнію (№ 4 Церковныхъ Вѣдомостей 23 января 1899 года) въ отчетномъ году формально былъ установленъ въ одноклассныхъ церковно-приходскихъ школахъ трехгодичный курсъ обученія, вмѣсто двухгодичнаго.

Вслѣдствіе этого наблюдателемъ былъ сдѣланъ докладъ о необходимости замѣнить прежнее росписаніе уроковъ для одноклассныхъ церковно-приходскихъ школъ, какъ не соответствующее тремъ годамъ обученія и распредѣленію учебныхъ занятій между тремя группами новымъ.

Росписаніе уроковъ для одноклассныхъ церковно-приходскихъ школъ Харьковской епархіи.

Д н и.	Отдѣ- ленія.	1.	2.
Понедѣльникъ.	1	Законъ Божій.	Самостоятельная работа по счисленію.
	2	Законъ Божій.	Самостоятельная работа по счисленію.
	3	Законъ Божій.	Счисленіе.
Вторникъ.	1	Законъ Божій.	Счисленіе.
	2	Законъ Божій.	Счисленіе.
Среда.	3	Законъ Божій.	Самостоятельная работа по счисленію.
	1	Счисленіе.	Законъ Божій.
	2	Самостоятельная работа по счисленію.	Законъ Божій.
	3	Счисленіе.	Законъ Божій.
Четвергъ.	1	Законъ Божій.	Самостоятельная работа по русскому языку.
	2	Законъ Божій.	Самостоятельная работа по русскому языку.
	3	Законъ Божій.	Русскій языкъ.
Пятница.	1	Самостоятельная работа по счисленію.	Законъ Божій.
	2	Самостоятельная работа по счисленію.	Законъ Божій.
	3	Счисленіе.	Законъ Божій.
Суббота.	1	Счисленіе.	Самостоятельная работа по русскому языку.
	2	Счисленіе.	Самостоятельная работа по русскому языку.
	3	Самостоятельная работа по счисленію.	Русскій языкъ.

3.	4.	5.
Русскій языкъ.	Церковно-славянская грамота.	Пѣніе.
Русскій языкъ.	Церковно-славянская грамота.	Пѣніе.
Самостоятельная работа по русскому языку.	Чистописание.	Пѣніе.
Самостоятельная работа по русскому языку.	Чистописание.	Пѣніе.
Самостоятельная работа по русскому языку.	Церковно-славянская грамота.	Пѣніе.
Русскій языкъ.	Церковно-славянская грамота.	Пѣніе.
Законъ Божій.	Русскій языкъ.	Церковно-славянская грамота.
Законъ Божій.	Русскій языкъ.	Чистописание.
Законъ Божій.	Письменные работы по русскому языку.	Церковно-славянская грамота.
Счисленіе.	Русскій языкъ.	Церковно-славянская грамота.
Счисленіе.	Русскій языкъ.	Церковно-славянская грамота.
Самостоятели. работа по счисленію.	Самостоятельная работа по русскому языку.	Чистописание.
Русскій языкъ.	Чистописание.	Пѣніе.
Русскій языкъ.	Церковно-славянская грамота.	Пѣніе.
Письменные работы по русскому языку.	Церковно-славянская грамота.	Пѣніе.
Законъ Божій.	Церковно-славянская грамота.	Пѣніе.
Законъ Божій.	Чистописание.	Пѣніе.
Законъ Божій.	Объясненіе Еванглія.	Пѣніе.

Означенное росписание уроковъ, какъ соответствующее числу недѣльныхъ учебныхъ часовъ, требуемыхъ учебными программами, утвержденными Святѣйшимъ Синодомъ для одноклассныхъ церковно-приходскихъ школъ, Совѣтомъ принято и разослано по школамъ къ руководству учащихся.

3. Въмѣстѣ съ тѣмъ для руководства учителей при распредѣленіи учебнаго матеріала „Программы для церковно-приходскихъ школъ“ на три года обученія наблюдателемъ было предложено выписать изъ Тобольскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта составленный имъ планъ занятій въ одноклассной церковно-приходской школѣ съ тремя отдѣленіями. Означенный планъ въ соответствующемъ числу школъ количествѣ экземпляровъ Совѣтомъ выписанъ и по школамъ имѣетъ быть разосланъ.

4. Докладъ наблюдателя о томъ, не найдетъ ли Совѣтъ возможнымъ сдѣлать по уѣзднымъ отдѣленіямъ распоряженіе объ открытіи складовъ учебныхъ книгъ и письменныхъ принадлежностей, изъ которыхъ (складовъ) можно было бы пріобрѣтать за счетъ школъ или же учащихся въ нихъ потребныя книги и письменныя принадлежности по дешевымъ сравнительно цѣнамъ. Означенный докладъ мотивированъ личнымъ усмотрѣніемъ наблюдателя, что въ церковныхъ школахъ епархіи, удаленныхъ отъ торговыхъ центровъ, ощущается недостатокъ письменныхъ принадлежностей или же имѣются въ употребленіи таковыя низшаго достоинства и неодинаковой формы.

Такъ какъ это обстоятельство затрудняетъ успѣхи школьнаго дѣла, то Совѣтъ опредѣлилъ рекомендовать уѣзднымъ отдѣленіямъ устройствомъ складовъ учебныхъ книгъ и письменныхъ принадлежностей при отдѣленіяхъ и по возможности при церковно-приходскихъ школахъ, занимающихъ центральное мѣсто въ уѣздѣ, для продажи таковыхъ книгъ и принадлежностей по требованію отъ завѣдующихъ школами, родителей учащихся и другихъ покупателей.

5. Докладъ наблюдателя о производствѣ провѣрочныхъ испытаній выбывшихъ изъ церковныхъ школъ питомцевъ при слѣдующихъ 35 церковныхъ школахъ: при 7 школахъ Ахтырскаго уѣзда, 2—Богодуховскаго, 5—Валковскаго, 3—Волчанскаго, 2—Зміевскаго, 5—Купянскаго, 5—Изюмскаго, 2—Сумскаго, 1—Старобѣльскаго, 2—Харьковскаго и 1—Лебединскаго.

По приглашенію приходскихъ священниковъ на испытанія явились: *Ахтырскаго уѣзда*: г. Ахтырки въ Архангело-Михайловскую церковно-приходскую школу—4 чел., Соборную—12, Краснопольскую Преображенскую—7, Краснопольскую Успенскую—24, Боромлянскую Троицкую—6 и Котелевскую Вознесенскую—11; *Богодуховскаго уѣзда*: въ Больше-Писаревскую—17, Краснокутскую—13; *Валковскаго уѣзда*: Княжанскую—19, Просьянскую—31, Старо-Мерчанскую—7, Валковскую Соборную—22 и Ново-Водолажскую Николаевскую—20 чел.; *Волчанскаго уѣзда*: Нижне-Писаревскую—18, Больше-Бобчанскую—8 и Варваровскую—12; *Зміевскаго уѣзда*: Мосьпановскую—19; *Изюмскаго уѣзда*: Привольскую—23, Голодолинскую—20, Мечебилловскую—25, Богодаровскую—11 и Золото-Колодежскую—8; *Купянскаго уѣзда*: Куземовскую—7, Кременскую—10, Ольшанскую—12, Торскую—9 и Покровскую—22; *Лебединскаго уѣзда*: Мартовскую—9; *Старобѣльскаго уѣзда*: Оспновскую Успенскую—22; *Сумскаго уѣзда*: Искриковскую—17 и Рогознянскую—6 и наконецъ *Харьковскаго уѣзда*: Ольшанскую—20 человекъ. Всѣхъ же явившихся къ испытаніямъ было—471 чел.

Большинство всѣхъ явившихся на экзамень принадлежали къ числу учениковъ церковныхъ школъ, выбывшихъ 3—5—10 и даже 15 лѣтъ тому назадъ.

Цѣлью испытаній было ознакомиться а) на сколько прочно сохранились у бывшихъ учениковъ церковныхъ школъ почерпнутыя въ школѣ знанія, б) какое примѣненіе въ жизни имѣетъ грамота, в) что нужно для послѣ-школьнаго образованія нашего народа и г) какими средствами можно сохранить и упрочить связь нашего народа со школою.

Испытанія производились: въ 7 школахъ—епархіальнымъ наблюдателемъ, въ прочихъ уѣздными наблюдателями и членами уѣздныхъ отдѣленій. Результаты испытаній получились въ общемъ удовлетворительные. Рецидивистовъ безграмотности не было ни по одному изъ предметовъ школьнаго курса.

1. Всѣ испытываемые знали твердо молитвы утреннія и вечернія и, если допускали искаженія ихъ, то питомцы тѣхъ школъ, гдѣ обычай утренней и вечерней молитвы въ школѣ,

не твердо установился. Изъ Священной Исторіи болѣе основательно сохранилось знаніе 12 праздниковъ и событій Ново-Завѣтной Исторіи и менѣе основательно—знаніе Ветхаго Завѣта.

2. По церковно-славянскому языку—большинство читаетъ удовлетворительно, допуская ошибки въ удареніи; вполнѣ правильное чтеніе обнаружили тѣ изъ испытуемыхъ, кои участвуютъ въ Богослуженіи чтеніемъ и пѣніемъ.

3. Наилучшіе отвѣты испытуемые дали по русскому языку: читали правильно и передавали содержаніе прочитаннаго толково и связно.

4. Письмо въ отношеніи каллиграфіи и орфографіи можно призвать удовлетворительнымъ.

5. По счисленію болѣе твердо рѣшались задачи на сложене и вычитаніе, и менѣе твердо на умноженіе и дѣленіе. Умственный счетъ производился въ общемъ слабо; счетами владеютъ не многіе.

Для внѣшкольнаго образованія: 1) необходимо учрежденіе школьныхъ и народныхъ библіотекъ изъ книгъ религіозно-нравственнаго, историческаго и бытоваго содержанія; 2) Полезно было бы завести при школахъ воскресныя чтенія, при чемъ въ качествѣ чтецовъ подъ руководствомъ священника могли бы быть и выбывшіе изъ школы ученики; 3) полезно было бы всѣмъ ученикамъ, оканчивающимъ курсъ выдавать Св. Евангеліе и Псалтирь, какъ самыя любимыя книги народа; 4) необходимо привлекать къ чтенію при богослуженіи всѣхъ учениковъ, а не лучшихъ изъ нихъ.

6. При ревизіи церковныхъ школъ Харьковскаго, Старобѣльскаго и Изюмскаго уѣздовъ наблюдателемъ было найдено, что предмету церковнаго пѣнія, какъ особому предмету, не удѣляется особаго вниманія со стороны преподавателей. Хотя школы, въ конхъ этотъ предметъ совершенно отсутствуетъ, встрѣчаются какъ рѣдкое исключеніе, но за то въ большинствѣ этихъ школъ изученіе церковнаго пѣнія ограничивается усвоеніемъ двухъ-трехъ общезвѣстныхъ пѣснопѣній. Это обстоятельство объясняется не отсутствіемъ въ составѣ причта правоспособнаго лица для занятія школьнымъ церковнымъ пѣніемъ,

а взглядомъ духовенства на этотъ предметъ какъ бы второ-степенный и не важный. Вотъ почему въ тѣхъ школахъ, гдѣ учителями состоятъ бывшіе курсисты, которымъ внушена важность этого предмета, не только удѣляется ему больше времени, но и самые успѣхи значительно лучше.

Въ видахъ поднятiя церковнаго пѣнiя въ школахъ и въ видѣ мѣры, способствующей такому поднятiю наблюдатель просилъ Совѣтъ, не найдетъ ли оный возможнымъ сдѣлать распоряженiе, чтобы въ концѣ каждаго учебнаго года въ школахъ, гдѣ производятся экзамены, въ присутствiи экзаменаціонной комиссiи производить экзаменъ также и по церковному пѣнiю.

Согласно доложенному Совѣтомъ сдѣлано распоряженiе, чтобы экзаменаціонныя комиссiи при церковныхъ школахъ, между прочимъ, провѣряли и степень успѣшности учащихъ по церковному пѣнiю посредствомъ привлеченiя всѣхъ учащихъ къ исполненiю хотя нѣкоторыхъ пѣснопѣнiй, употребляемыхъ на вечерни, утрени и особенно литургiи. вмѣстѣ съ симъ было предложено всѣмъ оо. завѣдующимъ школами, чтобы они заботились объ исполненiи въ церкви всѣми учащимися въ мѣстной церковной школѣ каждый разъ двухъ-трехъ пѣснопѣнiй, такъ чтобы дѣти могли со временемъ прiучиться къ исполненiю по крайней мѣрѣ всѣхъ пѣснопѣнiй, употребляемыхъ на литургiи.

7. Докладъ наблюдателя школъ, коимъ согласно „Временнымъ Правиламъ“ для устройства педагогическихъ курсовъ и церковнаго пѣнiя для учителей одноклассныхъ церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты просилъ Совѣтъ сдѣлать распоряженiе: а) о времени и мѣстѣ устройства курсовъ, б) назначенiи распорядительной комиссiи по устройству курсовъ; в) приглашенiи преподавателей на курсы; г) составленiи сметы расходовъ по содержанiю курсовъ и д) числѣ слушателей.

По сему докладу Совѣтомъ поручено было епархіальному наблюдателю доставить оному предположенiе по всѣмъ пунктамъ, касающимся устройства педагогическихъ курсовъ указаннаго типа для надлежащихъ соображенiй и дальнѣйшаго движенiя дѣла по вопросу объ устройствѣ сихъ курсовъ въ предѣлахъ епархіи.

8. Докладъ того же наблюдателя о ревизіи уѣздныхъ отдѣ-

лений съ указаніемъ, что члены нѣкоторыхъ отдѣленій относятся весьма неисправно къ посѣщенію очередныхъ засѣданій,—какое обстоятельство неблагопріятно отражается на правильномъ теченіи школьнаго дѣла сихъ учрежденій, непосредственно вѣдающихъ церковно-школьное дѣло въ уѣздѣ.

По сему докладу послѣдовало циркулярное распоряженіе Совѣта, чтобы члены отдѣленій болѣе исправно относились къ своимъ обязанностямъ и чтобы въ частности Зміевское отдѣленіе мѣстомъ своихъ засѣданій избрало Зміевъ, какъ уѣздный городъ, назначая въ Чугуевѣ лишь засѣданія школьной комиссіи, причемъ для годичной повѣрки дѣятельности членовъ отдѣленія вмѣнено въ обязанность, чтобы Уѣздныя Отдѣленія къ своему годичному отчету присовокупляли свѣдѣнія о томъ, сколько разъ въ учебномъ году происходили засѣданія и сколько членовъ отдѣленій посѣщало эти засѣданія.

9. Вмѣстѣ съ тѣмъ было докладываемо о результатахъ ревизіи дѣлопроизводства, произведенной по порученію Совѣта, въ Богодуховскомъ уѣздномъ отдѣленіи.

10. Ходатайство наблюдателя о выдачѣ аттестатовъ на званіе учителя школъ грамоты выпускнымъ ученикамъ—второклассныхъ школъ Ворожбянской и Славянской,—въ коихъ были подъ его предсѣдательствомъ произведены испытанія.

Не имѣя надлежащихъ руководственныхъ указаній въ Положеніи объ управленіи школами Вѣдомства Православнаго Исповѣданія, а равно и въ другихъ распоряженіяхъ центральныхъ управленій по дѣламъ церковныхъ школъ, о выдачѣ документовъ выпускнымъ учащимся второклассныхъ школъ, Совѣтъ постановилъ отнестись въ Училищный Совѣтъ при Святѣйшемъ Синодѣ съ просьбою разъяснить, какого наименованія и по какой формѣ надлежитъ выдавать учащимся въ этихъ школахъ документы объ успѣшномъ окончаніи ими учебнаго курса.

Со стороны Училищнаго Совѣта при Св. Синодѣ послѣдовало надлежащее по сему предмету разъясненіе.

11. Докладъ наблюдателя о томъ, что установленный имъ планъ занятій во второклассныхъ школахъ съ цѣлію подготовленія будущихъ учителей, помимо теоретическаго прохожденія дидактики и методики предметовъ одноклассныхъ школъ, основывается на слѣдующихъ практическихъ упражненіяхъ:

а) каждому ученику выпускного отдѣленія второклассной школы вручается для воспитанія и обученія отъ 2 до 3 учениковъ одноклассной церковно-приходской школы при второклассной, съ которыми они занимаются четыре раза въ недѣлю въ вечерніе часы и не расстаются въ продолженіе всего учебнаго года; въ концѣ года о каждомъ изъ нихъ или только объ одномъ они представляютъ характеристики, въ которыхъ обнаруживается ихъ педагогическая наблюдательность и опытность.

б) Практическія занятія въ образцовой школѣ, начиная со второго отдѣленія производятся возможно чаще подъ наблюдениемъ учителя образцовой школы, при чемъ всѣми учениками ведутся педагогическіе дневники.

в) Со второй половины учебнаго года третьимъ отдѣленіемъ ведутся пробныя уроки; при этомъ на заданную тему очередной практикантъ сначала составляетъ и представляетъ для проверки планъ пробнаго урока, а по окончаніи всѣми учащимися производится въ особые часы разборъ этого урока и ведутся записи по сему предмету.

г) Самостоятельнымъ письменнымъ работамъ въ формѣ описанія и пересказа статей отводится главное мѣсто.

д) Дабы будущіе учителя деревни не оторвались отъ условій сельской жизни, учителя тщательно наблюдаютъ за ихъ жизнію во время каникулъ и внушаютъ имъ мысль, что по окончаніи ученя въ школѣ они должны служить тѣмъ людямъ, откуда вышли; по окончаніи каникулярнаго времени питомцы школы представляютъ о. завѣдующему свои дневники о препровожденіи ими каникулярнаго времени.

е) Учебный годъ заканчивается паломническимъ путешествіемъ въ ближайшій монастырь; причемъ каждый паломникъ изъ оканчивающихъ курсъ ученя представляетъ описаніе своего путешествія.

Заслужанный докладъ наблюдателя, принятъ Совѣтомъ къ свѣдѣнію.

12. Докладъ наблюдателя о необходимости дать о.о. завѣдующимъ второклассными школами опредѣленное руководство въ выборѣ кандидатовъ, поступающихъ въ оныя школы для продолженія своего образованія. Въ настоящее время, какъ показало наблюденіе,

въ составѣ питомцевъ второклассныхъ школъ есть не мало, выбывшихъ изъ духовныхъ училищъ, гимназій, городскихъ школъ и другихъ учебныхъ заведеній—по малоуспѣшности, недостатку средствъ и другимъ причинамъ. Въ виду такого же наплыва учащихся въ будущемъ и въ виду поступающихъ отъ оо. завѣдующихъ прошеній о разрѣшеніи принимать этихъ лицъ въ школы, наблюдатель не имѣя опредѣленныхъ правилъ о второклассныхъ школахъ, просилъ Совѣтъ дать надлежащее разъясненіе по сему предмету, присовокупляя: а) во всеподданнѣйшемъ отчетѣ Г. Оберъ-Прокурора Св. Синода за 1894—95 годъ первымъ условіемъ упроченія и распространенія школъ грамоты поставлено „приготовленіе для этихъ школъ учителей *изъ крестьянскихъ юношей*, получившихъ образованіе въ церковно-приходской школѣ, хорошо знакомыхъ съ церковнымъ чтеніемъ и пѣніемъ“ и б) въ представленіи Государственному Совѣту объ открытіи второклассныхъ школъ для подготовленія учителей въ школы грамоты Г. Оберъ-Прокуроръ Св. Синода писалъ: „для развитія этого дѣла предположено имѣть въ каждомъ уѣздѣ по 2 второклассныхъ школы, чтобы въ нихъ поступали, въ возрастѣ отъ 13 лѣтъ, лучшіе ученики изъ оканчивающихъ курсъ окрестныхъ одноклассныхъ школъ... Такіе учителя—пахари *изъ мѣстныхъ крестьянъ* суть лучшіе проводники церковно-православнаго просвѣщенія, какъ это показалъ опытъ“.

Вслѣдствіе сего доклада послѣдовало опредѣленіе Совѣта предложить уѣзднымъ отдѣленіямъ слѣдить за тѣмъ, чтобы во второклассныя церковно-приходскія школы отнюдь не были принимаемы для продолженія образованія ученики, выбывшіе изъ духовныхъ училищъ, гимназій, городскихъ школъ и другихъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній, и чтобы въ составъ учащихся входили по преимуществу крестьянскія дѣти, а также и дѣти родителей другихъ сословій, окончившихъ курсъ въ церковныхъ школахъ и народныхъ училищахъ и затѣмъ въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ не учившихся.

13. Докладъ наблюдателя о томъ, что изъ осмотрѣнныхъ имъ пунктовъ для устройства второклассныхъ школъ по Купянскому уѣзду наиболѣе удобнымъ по его мнѣнію признается

Сватова Лучка, какъ такая слобода, которая, находясь въ благопріятныхъ условіяхъ относительно устройства второклассной школы согласно требованіямъ Училищнаго Совѣта при Св. Синодѣ, сверхъ того по своему мѣстоположенію на границѣ уѣзда можетъ удовлетворять потребностямъ и Старобѣльскаго уѣзда; при семъ представленъ и приговоръ Сватово Лучкаго общества объ отводѣ земли подѣ означенную школу въ размѣрѣ 3 дес. Согласно сему докладу Совѣтомъ было сдѣлано указаніе Купянскому Отдѣленію, чтобы оное, по полученіи изъ Училищнаго Совѣта при Св. Синодѣ увѣдомленія о числѣ имѣющихся быть открытыми второклассныхъ школъ въ епархіи, представило въ Совѣтъ всѣ необходимыя данныя по устройству сихъ школъ.

14. Докладъ наблюдателя школъ, при которомъ представленъ былъ Совѣту, составленный по его порученію, Сводъ заключеній педагогическихъ Совѣтовъ при второклассныхъ школахъ епархіи относительно примѣнимости и выполнимости проекта программъ для этихъ школъ, изданныхъ Училищнымъ Совѣтомъ при Св. Синодѣ въ 1898 г. Согласно распоряженію Училищнаго Совѣта при Св. Синодѣ отъ 30 января н. г. означенный Сводъ заключеній былъ препровожденъ въ оный Совѣтъ.

15. Докладъ наблюдателя о необходимости измѣнить утвержденную Совѣтомъ форму класснаго журнала и замѣнить ее новою—Совѣтомъ принять; причемъ представленная при семъ форма класснаго журнала, какъ наиболѣе отвѣчающая потребностямъ школьнаго обученія, была препровождена въ уѣздныя отдѣленія для распространенія по школамъ.

16. Докладъ наблюдателя о пригодности для чтенія народа книгъ, предположенныхъ къ выпискѣ въ учрежденную попечительствомъ бібліотеку при Константиновской церковно-приходской школѣ Богодуховскаго уѣзда,—принять Совѣтомъ къ свѣдѣнію и зависящему распоряженію.

17. Въ виду особенной важности историко-статистическихъ записей о каждой школѣ въ отдѣльности, какъ матеріально, имѣющихъ не только мѣстный интересъ, но и болѣе широкое значеніе для исторіи народнаго образованія цѣлаго уѣзда и всей епархіи, епархіальнымъ наблюдателемъ при содѣйствіи

уѣздныхъ наблюдателей былъ собранъ въ отчетномъ году обширный историко-статистическій матеріалъ съ тѣмъ, чтобы на основаніи его составить общій историческій очеркъ дѣятельности духовенства на пользу народнаго образованія съ 40 года нынѣшняго столѣтія до настоящаго времени. Въмѣстѣ съ тѣмъ составленныя и представленныя оо. завѣдующими епархіальному наблюдателю историческія записи о школахъ вмѣнено въ обязанность хранить при школахъ въ особыхъ тетрадяхъ и пополнять ихъ новыми фактами, ведя такимъ образомъ школьные дневники. По сему предмету Преосвященнымъ выражено было полное сочувствіе предположенію наблюдателя о составленіи историческаго очерка народнаго образованія въ епархіи; при чемъ со стороны его послѣдовало разрѣшеніе о напечатаніи означеннаго очерка въ листкѣ для Харьковской епархіи.

18. Докладъ наблюдателя о томъ, что Валковская Уѣздная Земская Управа въ отчетѣ своемъ за 1897 годъ высказала несправедливыя и оскорбительныя для духовенства въ его отношеніи къ школьному дѣлу мысли, указавъ на стр. 274—275 онаго отчета, что а) духовенство Валковскаго уѣзда, содѣйствуя всѣми зависящими отъ него способами къ открытію церковно-приходскихъ школъ, враждебно относится къ земскимъ народнымъ школамъ и что б) церковныя школы, какъ неимѣющія прочнаго подъ собой существованія, существуютъ лишь на бумагѣ по отчетамъ священниковъ.

По сему докладу Совѣтъ просилъ Его Высокопреосвященство, не признаетъ ли онъ возможнымъ затребовать отъ Валковскаго уѣзднаго земства отзывъ по нижеслѣдующимъ вопросамъ: а) гдѣ и когда имѣли мѣсто печальные случаи противодействія со стороны духовенства Валковскаго уѣзда открытію новыхъ народныхъ школъ и б) на какихъ фактическихъ данныхъ опирается управа, утверждая, что церковныя школы Валковскаго уѣзда существуютъ „въ большинствѣ случаевъ на бумагѣ—по отчетамъ священниковъ“.

Вслѣдствіе отношенія Его Высокопреосвященства на имя Г-на Начальника губерніи по данному вопросу, Валковская уѣздная земская управа на запросъ Г. Начальника губерніи, не представивъ ни одного фактическаго основанія по данному

вопросу, увѣдомила въ томъ смыслѣ, что оффиціальныя данныя, имѣвшіяся въ управѣ ко времени земскаго собранія, за смертію секретаря управы утрачены и потому не могутъ быть доставлены.

19. Далѣе слѣдуютъ доклады:

а) о поощреніи нѣкоторыхъ оо. законоучителей, учителей и попечителей школъ соотвѣтствующими паградами;

б) о неисправномъ веденіи школьнаго дѣла оо. законоучителями учителями и учительницами;

в) объ увольненіи нѣкоторыхъ учителей отъ занимаемыхъ ими должностей;

г) о назначеніи новыхъ кандидатовъ на вакантныя учительскія мѣста;

д) объ отпускѣ денежныхъ субсидій на сооруженіе зданій нѣкоторыхъ церковныхъ школъ и др.

20. Относительно уѣздныхъ отдѣленій справедливость требуетъ сказать, что ихъ дѣятельность съ каждымъ годомъ расширяется и становится болѣе и болѣе плодотворною. Опираясь въ своей дѣятельности на Высочайше утвержденныя правила объ Уѣздныхъ Отдѣленіяхъ отъ 26 февраля 1896 года и распоряженія Совѣта, они, какъ ближайшіе органы церковно-школьнаго управленія, непосредственно вѣдающіе подвѣдомственныя имъ церковныя школы, всегда были отзывчивы на тѣ или другія нужды школъ. Въ отчетномъ году особенное вниманіе уѣздныхъ отдѣленій было обращено на сооруженіе новыхъ школьныхъ зданій, числомъ свыше 50. Распредѣленіе и выдача денежныхъ суммъ между школами и учителями бѣднѣйшихъ школъ также составляло предметъ непрерывныхъ заботъ отдѣленій въ теченіе всего отчетнаго года. Изысканіе матеріальныхъ средствъ для содержанія церковно-приходскихъ школъ, пріисканіе, назначеніе и увольненіе учителей, снабженіе школъ учебными пособіями и книгами для внѣкласснаго чтенія, составленіе экзаменаціонныхъ коммиссій, производство экзаменовъ и провѣрка экзаменаціонныхъ протоколовъ, ходатайство объ утвержденіи членовъ отдѣленій, попечителей школъ и объ увольненіи ихъ, ходатайство предъ Совѣтомъ о поощреніи денежными и почетными наградами лицъ наиболѣе рев-

ностно относящихся къ школьному дѣлу, постоянное письменное сношеніе по дѣламъ школъ съ отдѣльными лицами и учрежденіями, исполнительная дѣятельность по дѣламъ Совѣта, обсужденіе мѣръ къ поддержанію и развитію народнаго образованія въ духѣ Православной Церкви, — всѣ эти и многія другія стороны школьнаго дѣла составляли предметъ обсужденій и дѣятельности уѣздныхъ отдѣленій въ отчетномъ году. По всѣмъ означеннымъ вопросамъ уѣздныя отдѣленія въ своихъ засѣданіяхъ заслушивали прошенія, заявленія, предложенія и доклады уѣздныхъ наблюдателей, оо. завѣдующихъ, законоучителей или учителей, отдѣльных лицъ и учреждений и составляли журналы, кои были препровождаемы на утвержденіе въ Епархіальный Училищный Совѣтъ.

Но дѣятельность членовъ отдѣленій не ограничивается ихъ участіемъ въ засѣданіяхъ и изложенными въ журналахъ предметами ихъ занятій. Многіе члены отдѣленія и внѣ обычныхъ своихъ засѣданій продолжали принимать дѣятельное участіе въ школьномъ дѣлѣ: они осматривали церковно-приходскія школы и школы грамоты, знакомились на мѣстѣ съ ходомъ школьных построекъ или же исполняли порученія отдѣленія и Совѣта, касающіяся церковно-школьнаго дѣла. Вслѣдствіе этого въ засѣданіяхъ они являлись живыми свидѣтелями состоянія церковно-школьнаго дѣла и въ значительной мѣрѣ способствовали уясненію дѣйствительнаго положенія церковныхъ школъ. Сверхъ того нѣкоторые изъ нихъ въ качествѣ завѣдующихъ школами, жертвователей и благотворителей или же уполномоченныхъ лицъ съ ходатайствомъ предъ земскими, сельскими и волостными обществами оказали большое матеріальное содѣйствіе процвѣтанію церковныхъ школъ, о чемъ изложено будетъ ниже.

Съѣзды Уѣздныхъ Наблюдателей. Мѣры, выработанныя на сихъ съѣздахъ.

Съѣзда наблюдателей въ отчетномъ году не было. Что же касается мѣръ, выработанныхъ на Съѣздѣ предъидущаго года, то онѣ подробно изложены въ статьѣ Епархіальнаго Наблюдателя, напечатанной въ журналѣ „Вѣра и Разумъ“ по распо-

ряженію Высокопреосвященнаго Амвросія Архієпископа Харьковскаго и Ахтырскаго.

Осмотръ школъ уѣздными наблюдателями.—Постановленія и распоряженія уѣздныхъ отдѣленій по поводу представленныхъ уѣздными наблюдателями отчетовъ объ осмотръ школъ.

Въ своей дѣятельности по наблюденію за школами уѣздные наблюдатели руководствовались § 44 „Положенія“ и инструкціей Епархіальнаго Училищнаго Совѣта, утвержденной Его Высокопреосвященствомъ Архієпископомъ Харьковскимъ въ 1887 году 5 ноября за № 4913. Какъ непосредственный органъ епархіальнаго наблюдателя, уѣздные наблюдатели въ точности исполняли всѣ его предписанія. Ихъ дѣятельность заключалась не столько въ управленіи, сколько въ разумномъ и потребномъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ школьной жизни руководствѣ и сила предоставленной имъ власти полагалась не столько въ ихъ правахъ, сколько въ ихъ знаніяхъ, опытности и умѣніи руководить школьнымъ дѣломъ. Будучи примѣрно усердными, они въ отчетномъ году посѣтили всѣ церковно-приходскія школы и школы грамоты за небольшимъ исключеніемъ по причинѣ непогоды и въ виду того, что многія изъ школъ, особенно нуждавшихся въ надзорѣ, были посѣщены ими два и три раза. Сверхъ того, въ силу предоставленнаго имъ права, нѣкоторые изъ нихъ на ряду со школами церковными посѣщали и училища М. Н. Просвѣщенія для наблюденія за религіозно-нравственнымъ развитіемъ учащихся и за постановкою преподаванія Закона Божія въ сихъ школахъ.

Дѣятельность ихъ по наблюденію за школами была разнообразна, что въ значительной мѣрѣ обуславливалось не только ихъ личнымъ усердіемъ, но и живыми потребностями самихъ церковныхъ школъ, постоянно нуждавшихся въ руководствѣ. О.о. наблюдатели обращали вниманіе на личный составъ школъ, ихъ учебную и религіозно-нравственную сторону, учебныя руководства и пособія, состояніе библіотекъ, классныхъ журналовъ, внѣшнее и внутреннее благоустройство этихъ школъ; они входили въ матеріальныя нужды какъ школъ, такъ и самихъ учителей и учительницъ.

Въ отношеніи личнаго состава учащихъ, наблюдатели обращали вниманіе на то, утверждены ли они въ должности Епархіальнымъ Преосвященнымъ, обладаютъ ли надлежащими нравственными качествами, способностями и познаніями,—для чего, присутствуя на урокахъ они испытывали познанія учениковъ и бесѣдовали съ учителями о постановкѣ преподаванія учебныхъ предметовъ. Малоопытнымъ учителямъ давались совѣты и руководственныя указанія, но отнюдь не въ присутствіи учениковъ, дабы не унизить авторитета сихъ учителей. При послѣдующихъ осмотрахъ уѣздные наблюдатели обращали вниманіе на то, насколько учащіе воспользовались данными наставленіями. Въ отношеніи учебной части церковныхъ школъ, о.о. наблюдатели тщательно слѣдили какъ за объемомъ и содержаниемъ преподаваемыхъ предметовъ, согласно программѣ и учебнымъ руководствамъ, рекомендованнымъ Св. Синодомъ, такъ въ особенности за методомъ и характеромъ преподаванія каждаго изъ положенныхъ предметовъ курса церковныхъ школъ. О всякихъ уклоненіяхъ отъ установленнаго порядка школьной жизни, лицахъ, нерадиво относящихся къ школьному дѣлу или же ревностныхъ и усердныхъ, школьныхъ нуждахъ и обо всемъ нормальномъ теченіи школьной жизни уѣздные наблюдатели доносили въ уѣздное отдѣленіе и епархіальному наблюдателю по мѣрѣ обзорѣнія школъ, вслѣдствіе чего епархіальный наблюдатель былъ освѣдомленъ о состояніи школьнаго дѣла въ епархіи во всякое данное время.

Особенно вниманіе уѣздныхъ наблюдателей было обращено на воспитаніе дѣтей въ церковныхъ школахъ въ духѣ вѣры и церкви Православной. Въ этомъ отношеніи они ставили своею цѣлію, чтобы церковныя школы не по имени только, но всѣмъ строемъ преподаванія и воспитанія могли по справедливости именоваться разсадниками христіанскаго просвѣщенія. А для этого они слѣдили за тѣмъ, чтобы учащимся внушалась любовь къ церкви и богослуженію до такой степени, чтобы посѣщеніе и участіе въ богослуженіи сдѣлалось привычкой и потребностью сердца учащихся, чтобы учащіеся неопустительно посѣщали богослуженія и наиболѣе подготовленные изъ нихъ участвовали въ чтеніи и пѣніи. Чтобы положить основаніе и для

дальнѣйшаго развитія и воспитанія учащихъ и выбывшихъ изъ школы учениковъ, оо. наблюдатели въ отчетномъ году имѣли особенное попеченіе о томъ, чтобы при школахъ учреждались учебно-воспитательныя учрежденія: библіотеки, воскресныя чтенія и т. п., причемъ, какъ содержаніе этихъ библіотекъ, такъ и содержаніе воскресныхъ чтеній подвергалось тщательному контролю, чтобы въ составѣ библіотекъ не было книгъ предварительно не одобренныхъ къ употребленію духовнымъ вѣдомствомъ.

Внѣшняя сторона церковныхъ школъ также была предметомъ тщательныхъ заботъ оо. наблюдателей. Они обращали вниманіе на школьное помѣщеніе въ учебномъ и гигиеническомъ отношеніи и, если замѣчали недостатки съ этой стороны, входили въ сужденіе съ оо. завѣдующими, искренно содѣйствуя, чѣмъ могли, улучшенію матеріальнаго состоянія школъ: они сами являлись къ сельскимъ и волостнымъ властямъ, къ земскимъ начальникамъ, предводителямъ дворянства и прочимъ представителямъ мѣстныхъ и уѣздныхъ учреждений, къ церковнымъ старостамъ, къ попечителямъ, мѣстнымъ землевладѣльцамъ, прося у нихъ матеріальной поддержки школамъ и подавая всѣмъ примѣръ, что не стоитъ особеннаго труда просить на дѣло общественное, на учрежденіе школъ.

Изысканіе средствъ къ матеріальному обезпеченію церковныхъ школъ составляло предметъ важнѣйшей заботы оо. наблюдателей совмѣстно съ приходскими священниками.

Въ отношеніи внѣшняго порядка оо. наблюдатели обращали вниманіе на то, съ какого времени начинаются и до какого времени продолжаются занятія въ школахъ, ведутся ли именныя списки учащихъ, а также книги для записи посѣщенія школы учащимися, существуетъ ли правильное росписаніе уроковъ по днямъ и часамъ, ведется ли журналъ для записи уроковъ, есть ли каталогъ книгъ и вообще учебныхъ пособій, опись школьнаго имущества и приходо-расходная книга. О результатахъ своей ревизіи наблюдатели обыкновенно заносили свои замѣчанія въ особую ревизіонную книгу.

Но такая разносторонняя дѣятельность оо. наблюдателей по осмотру церковныхъ школъ отнюдь не была формальной ре-

визіей; наблюдатели живо и искренно, какъ сослуживцы пастырей въ ихъ многотрудномъ дѣлѣ, входили въ ихъ нужды, сердечно раздѣляли съ ними радости и горести и въ этомъ, полагаемъ, заключается ихъ плодотворная дѣятельность. Школьное дѣло ихъ общими усиліями при содѣйствіи нелѣнностнаго духовенства подвигается все больше и больше впередъ, преодолевая всякія затрудненія и матеріальную нужду, и недостатокъ правоспособныхъ учителей, и всякія противодѣйствія.

Предметомъ особаго попеченія Изюмскаго, Богодуховскаго и Лебединскаго уѣздныхъ наблюдателей были школы второклассныя, какъ будущіе рассадники народныхъ учителей. Кроме того Старобѣльскій уѣздный наблюдатель И. А. Рудневъ состоялъ смотрителемъ бывшихъ въ гор. Харьковѣ въ отчетномъ году лѣтнихъ педагогическихъ курсовъ для учителей одноклассныхъ церковно-приходскихъ школъ Харьковской и Таврической епархій.

Въ отношеніи къ уѣзднымъ отдѣленіямъ, уѣздные наблюдатели были ихъ живымъ органомъ и непремѣнными членами, отъ которыхъ они во всякое данное время могли получить должныя свѣдѣнія и надлежащія указанія въ школьномъ дѣлѣ. Ни одно, можно сказать, засѣданіе отдѣленій не проходило безъ участія уѣздныхъ наблюдателей, развѣ только въ исключительныхъ случаяхъ по болѣзни и по отсутствію въ поѣздкахъ. По поводу своихъ поѣздокъ, по мѣрѣ надобности, уѣздные наблюдатели представляли уѣздному отдѣленію свои отчеты, доклады и сообщенія, по которымъ были сдѣланы соотвѣтствующія постановленія, всякій разъ сопровождавшіяся на утвержденіе Епархіальнаго Училищнаго Совѣта. Между ними упоминаемъ:

1. По докладу *Ахтырскаго уѣзднаго наблюдателя*:

а) Отдѣленіе ходатайствовало предъ Епархіальнымъ Училищнымъ Совѣтомъ о переименованіи наиболѣе благоустроенныхъ и обеспеченныхъ Дерновской и Лутищанской школъ грамоты въ одноклассныя церковно-приходскія школы.

б) По докладу того же наблюдателя уѣзднымъ отдѣленіемъ сдѣлано распредѣленіе денежныхъ наградъ между наиболѣе усердными учителями церковныхъ школъ и исходатайствованы денежные средства на устройство школьныхъ здавій въ дерев-

няхъ: Тучномъ, Мащанкѣ, Алексаевоиъ и селахъ—Ивановкѣ, Никитовкѣ и Ницахъ.

в) Заявленіе его же, по осмотрѣ Дерповской школы грамоты, о примѣрной заботливости завѣдующаго школой свящ. Краснокутскаго и объ усердіи попечителя той же школы И. Дудки вызвало ходатайство уѣзднаго отдѣленія о поощреніи означенныхъ лицъ наградами: о. Краснокутскаго—скуфьею, Дудку—серебряною медалью.

г) По заявленію того же наблюдателя о неудовлетворительномъ состояніи въ учебно-воспитательномъ отношеніи Бранцовской церковно-приходской школы уѣздное отдѣленіе постановило: выѣнить въ обязанность свящ. Романову, какъ завѣдующему школой, относиться болѣе рачительно къ своимъ обязанностямъ, а діакону—учителю Виноградскому—неопустительно вести школьныя занятія.

д) При участіи того же уѣзднаго наблюдателя, отдѣленіемъ избраны пункты для устройства при церковныхъ школахъ уѣзда библіотекъ для внѣкласснаго чтенія.

е) По его же непосредственному указанію, въ зависимости отъ матеріальныхъ нуждъ церковныхъ школъ, отдѣленіемъ были распределены казенныя суммы въ жалованье учащимъ.

2. *Богородицкимъ уѣзднымъ наблюдателемъ* были сдѣланы доклады:

а) Словесныя заявленія о результатахъ осмотра церковныхъ школъ въ уѣздѣ.

б) Письменное донесеніе о неисправномъ веденіи школьнаго дѣла въ Мало-Иисаревской и Поличковской церковно-приходскихъ школахъ.

Изъ словесныхъ заявленій о. наблюдателя усмотрѣно, что дѣло обученія и воспитанія въ школахъ идетъ обычнымъ порядкомъ и потому отдѣленіемъ оныя заявленія приняты къ свѣдѣнію. Что касается второго доклада о неудовлетворительномъ состояніи школъ, то по сему предмету сдѣланы были надлежащія распоряженія и приняты были соответствующія мѣры.

3. *По отчету Валковскаго уѣзднаго наблюдателя:*

а) Отдѣленіе нашло необходимымъ поставить на видъ нерадивое отношеніе къ школьному дѣлу завѣдующему Камыше-

ватской церковно-приходской школы, священнику Николаю Могилянскому и учителю Минковской церковно-приходской школы, діакону Михаилу Рудневу.

б) По докладу того же наблюдателя о нѣкоторыхъ школахъ наиболѣе нуждающихся въ письменныхъ принадлежностяхъ, отдѣленіе постановило ходатайствовать предъ Совѣтомъ объ отпускѣ изъ свободныхъ отдѣленскихъ суммъ въ 3 бѣднѣйшія школы по 5 рублей въ каждую на пріобрѣтеніе упомянутыхъ принадлежностей.

в) По его же докладу о лицахъ съ особеннымъ усердіемъ и ревностію потрудившихся на поприщѣ школьнаго дѣла, отдѣленіе входило въ совѣтъ съ ходатайствомъ о поощреніи нѣкоторыхъ лицъ соотвѣтствующими наградами.

4. Теченіе школьнаго дѣла въ Волчанскомъ уѣздѣ шло обычнымъ, установившимся порядкомъ, и хотя *Волчанскій уѣздный наблюдатель* словесно докладывалъ отдѣленію о результатахъ ревизіи церковныхъ школъ уѣзда, но какихъ либо особыхъ распоряженій и мѣръ воздѣйствія со стороны онаго не требовалось.

5. *Зміевскаго уѣзднаго наблюдателя* доклады:

а) О неудовлетворительномъ состояніи учебно-воспитательной части въ школахъ—Берецкой Христо-Рождественской и Водянской. Такъ какъ изъ доклада о. наблюдателя усмотрѣно, что упадокъ школьнаго дѣла въ означенныхъ школахъ находится въ зависимости онъ нерадиваго отношенія къ нему о.о. завѣдующихъ, то отдѣленіе постановило сдѣлать имъ выговоръ, съ предупрежденіемъ на будущее время донести о семъ Епархіальному Училищному Совѣту.

б) Докладъ уѣзднаго наблюдателя о томъ, что учитель Яковенковской церковно-приходской школы Яковъ Васильковскій не соотвѣтствуетъ своему назначенію и нерадиво относится къ своимъ обязанностямъ, вслѣдствіе чего школа въ учебно-воспитательномъ отношеніи оказалась неудовлетворительною. По сему докладу отдѣленіемъ постановлено: псалощика Васильковскаго уволить отъ занимаемой имъ должности, а его мѣсто предоставить лицу болѣе опытному и правоспособному, съ отчисленіемъ изъ казенныхъ суммъ 60 руб. къ мѣстнымъ средствамъ на его содержаніе.

в) Доклады его же объ увольненіи учительницы Звѣдковской церковно-приходской школы Надежды Васильковской и учителя Лозовеньковской школы Валеріана Оеденко, вслѣдствіе основательности представленныхъ къ тому мотивовъ, — отдѣленіе признало законнымъ удовлетворить.

г) Ходатайство уѣзднаго наблюдателя о поощреніи соответствующими наградами лицъ, заявившихъ себя особеннымъ усердіемъ въ дѣлѣ народнаго образованія и благоустройства церковныхъ школъ подлежало удовлетворенію въ отношеніи завѣдующаго и законоучителя Мохначанской церковной школы Максима Рубинскаго, который былъ награжденъ за труды по народному образованію бархатною фіолетовою скуфьею.

д) По докладу того же наблюдателя отдѣленіемъ принято распредѣленіе жалованья изъ казенныхъ суммъ между слѣдующими учителями церковныхъ школъ: Гомольшанской, Водянской, Лебяжской, Осиновской, Соколовской Архангело-Михайловской, Кочетковской, Бунаковской, Булацеловской, Борчавской, Введенской, Дудковской, Мохначанской, Балаклеевской частной, Нижне-Русско-Бишкинской, Орловской, Пришибской, Тетлѣжской, Вербовской, Гіевской, Зміевской Успенской, Ново-Покровской, Таганской, Яковенковской, Чугуевской Скорбященской и Чугуевской Николаевской.

е) По докладу его же нижеслѣдующія школы получили казенное пособіе на устройство школьныхъ зданій: Бригадировская, Яковенковская, Граковская, Орловская, Скрыпаевская, Отрадовская, Бунаковская, Лиманская Кресто-Воздвиженская и Закутнянская. Кромѣ того, на ремонтъ школьнаго зданія ассигновано пособіе на школу Ново-Покровскую.

ж) По докладу того же наблюдателя о необходимости пріобрѣтенія во всѣ школы уѣзда методикъ: по русскому языку, ариметикѣ и Закону Божію, и о выпискѣ въ школьныя бібліотеки журнала „Народное Образованіе“, — отдѣленіе постановило пріобрѣсти на мѣстныя средства указанныя методики и выписать для всѣхъ церковныхъ школъ журналъ „Народное Образованіе“.

з) Докладъ того же наблюдателя о необходимости завести при каждой школѣ бібліотеки съ книгами для внѣкласснаго чтенія, коими бы пользовались не только учащіеся, но и вы-

бывшіе изъ школъ питомцы и всѣ вообще грамотные прихожане. Оный докладъ отдѣленіемъ принять къ свѣдѣнію, причемъ оо. завѣдующимъ предложено озаботиться устройствомъ библіотекъ для внѣкласснаго чтенія на мѣстныя средства.

и) Школы грамоты—Мохначанская, Балаклејская при Покровской церкви, Глазуновская, Дудковская, Бунаковская, Введенская, Волче-Ярская, Яковенковская, Чугуевская Скорбященская и Чугуевская Николаевская,—какъ удовлетворяющія требованіямъ, высказаннымъ на сѣздѣ наблюдателей въ отношеніи церковно-приходскимъ школамъ, переименованы въ школы этого типа.

6. *Изюмскимъ уѣзднымъ наблюдателемъ* на обсужденіе отдѣленія были внесены слѣдующія предположенія:

а) Такъ какъ очень многія школы нуждаются въ устройствѣ удобныхъ помѣщеній, а между тѣмъ въ нѣкоторыхъ селахъ крайне затруднительно отчуждить усадьбы подъ школу, то о. наблюдателемъ признано полезнымъ ходатайствовать предъ Епархіальнымъ Училищнымъ Совѣтомъ, чтобы казенныя субсидіи ассигновывались на приспособленіе церковныхъ сторожекъ (въ коихъ помѣщаются школы) и на устройство новыхъ зданій на церковномъ погостѣ. По сему докладу состоялось постановленіе Епархіальнаго Училищнаго Совѣта—ходатайствовать о казенной субсидіи на переустройство церковныхъ сторожекъ въ тѣхъ крайнихъ случаяхъ, когда не представитъ возможности отчуждить усадьбу подъ школу.

б) При ревизіи школъ о. наблюдателю приходилось встрѣчать преимущественно въ глуши и бѣдныхъ хуторахъ частныя школы грамотности, въ которыхъ обучали дѣтей грамотѣи (крестьяне, солдаты) по вольному найму. Объ этихъ школахъ ни отдѣленію, ни церковно-школьной инспекціи оффиціально ничего не было извѣстно, такъ какъ приходскіе священники о существованіи такихъ школъ не доносили изъ боязни отвѣтственности, въ случаѣ закрытія таковыхъ. Неоффиціальное существованіе этихъ школъ не могло быть терпимо, такъ какъ, съ одной стороны, такое положеніе дѣла не соотвѣтствуетъ существующему законоположенію о школахъ грамоты, съ другой—не соотвѣтствуетъ и пользѣ церковно-школьнаго дѣла,

потому что отдѣленіе, не имѣя яснаго представленія о развитіи грамотности въ той или другой мѣстности, не можетъ цѣлесообразно направлять свою дѣятельность въ дѣлѣ развитія церковно-школьнаго обученія. Въ виду этого о. наблюдателемъ признавалось необходимымъ въ отношеніи такихъ школъ принять слѣдующія мѣры: аа) предложить священникамъ донести о существующихъ въ ихъ приходяхъ школахъ и дать отзывъ о благонадежности учителей, которые имѣютъ быть утверждены отдѣленіемъ въ ихъ должностяхъ; бб) въ годовыхъ отчетахъ такія школы выдѣлять въ особую рубрику съ названіемъ— „школы, существованіе коихъ прочно не обезпечено“, вв) объявить священникамъ, что обязанность ихъ по отношенію къ такимъ школамъ ограничивается наблюденіемъ за обученіемъ и религіозно-нравственнымъ направленіемъ учащихся, но въ случаѣ закрытія такихъ школъ они не отвѣтственны.

Мнѣніе о. наблюдателя отдѣленіемъ принято, вслѣдствіе чего Епархіальный Училищный Совѣтъ и возбудилъ ходатайство предъ училищнымъ совѣтомъ при Святѣйшемъ Синодѣ о выдѣленіи школъ, существованіе коихъ прочно не обезпечено, въ особую рубрику,—но ходатайство это было отклонено.

в) Въ докладахъ, представленныхъ отдѣленію о ревизіи школъ, тѣмъ же наблюдаелемъ были указаны слѣдующіе недостатки въ дѣлѣ обученія: аа) *по Закону Божію*—во многихъ школахъ дѣти не знали молитвъ за живыхъ и усопшихъ; зная молитвы, требуемыя программой, ученики, въ домашней молитвѣ, не пользуются заученными въ школѣ молитвами для выраженія своихъ религіозныхъ чувствъ, что видно изъ слѣдующаго: на вопросъ ревизующаго, молятся ли ученики дома и какія читаютъ молитвы?—одни читали „Богородице, Дѣво, радуйся“, „Отче нашъ“... другіе—„Святый Боже“... „Достойно есть“.. „Отче нашъ“,— т. е. тѣ молитвы, которыя они привыкли читать до поступленія въ школу, а въ школѣ учили молитвы только для того, чтобы сдать урокъ. бб) Во всѣхъ школахъ, гдѣ учителя лица неправопособные, плохо поставлено преподаваніе по счисленію: дѣти плохо рѣшаютъ задачи даже на четыре дѣйствія надъ простыми числами и притомъ механически. вв) Въ большинствѣ школъ грамоты ученики пишутъ плохо (въ каллигра-

фическомъ отношеніи), что объясняется неумѣніемъ учителей— грамотѣевъ вести обученіе по чистописанію. Въ виду устраненія вышепоименованныхъ недостатковъ въ дѣлѣ обученія отдѣленіемъ было постановлено: г) При ревизіи школъ обращать особенное вниманіе на вышеуказанные недостатки обученія по Закону Божію и предлагать оо. законоучителямъ принимать мѣры къ устраненію таковыхъ, памятуя, что Законъ Божій есть основной предметъ религіозно-правственнаго обученія и воспитанія въ школахъ. д) Неправоспособныхъ учителей имѣть въ виду при командировкѣ на учительскіе курсы, если таковые будутъ и въ слѣдующемъ учебномъ году. е) Такъ какъ въ школахъ грамоты занятія начинаются не раньше октября, то предложить учителямъ школъ грамоты (не изъ числа членовъ причта) въ сентябрѣ мѣсяцѣ прослушать уроки первоначальнаго обученія въ Славянской второклассной школѣ.

Послѣднее постановленіе отдѣленія, не смотря на его цѣлесообразность, не могло быть приведено въ исполненіе въ отчетномъ году потому, что учителя школъ грамоты, получая скудное вознагражденіе, не могли по недостатку средствъ прожить долгое время въ г. Славянскѣ для слушанія образцовыхъ уроковъ при второклассной школѣ.

7. *Купянскимъ уѣзднымъ наблюдателемъ* на обсужденіе отдѣленія были внесены доклады:

а) О неудовлетворительномъ состояніи въ учебно-воспитательномъ отношеніи Араповской и Верхне-Дуванской школъ, вслѣдствіе ихъ матеріальной необеспеченности, за скудостью мѣстныхъ средствъ, а также за отсутствіемъ въ составѣ причта правоспособныхъ учителей. По мнѣнію наблюдателя, которое раздѣляетъ и отдѣленіе, необходимо назначить въ означенныя школы опредѣленное учительское жалованье въ размѣрѣ 150—200 руб. въ каждую, для найма правоспособныхъ учителей.

б) Докладъ того же наблюдателя о томъ, что для правильнаго наблюденія за школами уѣзда, а также для точности статистическихъ свѣдѣній о школахъ ему необходимо имѣть своевременно свѣдѣнія о семъ изъ отдѣленія. По сему предмету отдѣленіемъ сдѣлано постановленіе въ смыслѣ доклада.

в) По докладу его же отдѣленіемъ возбуждено ходатайство

предъ Епархіальнымъ Училищнымъ Совѣтомъ о переименованіи школъ грамоты—Кременской и Ново-Александровской, какъ удовлетворяющихъ требованіямъ, предъявленнымъ къ школамъ церковно-приходскимъ,—въ школы церковно-приходскія.

8. *Сумской уѣздный наблюдатель* по поводу своихъ поѣздокъ по школамъ дѣлалъ всякій разъ словесные доклады уѣздному отдѣленію или предсѣдателю онаго, какъ ближе другихъ стоящему къ школьному дѣлу и знающему условія существованія большей части школъ уѣзда, но доклады его не имѣли формальнаго характера и не заносились въ журналы отдѣленія, а имѣли совѣщательное значеніе, какъ помочь той или другой школѣ въ ея матеріальной нуждѣ, какими средствами устранить встрѣтившіяся недоразумѣнія въ школьной жизни или несправности учащихъ лицъ, чѣмъ, наконецъ, поощрить дѣятельность лицъ, наиболѣе ревностно относящихся къ школьному дѣлу.

9. Въ теченіе учебнаго года *Лебединскимъ уѣзднымъ наблюдателемъ* были дѣлаемы Отдѣленію о каждой школѣ въ отдѣльности словесныя сообщенія, которыя въ концѣ отчетнаго года были представлены оному Отдѣленію въ формѣ подробнаго письменнаго отчета о каждой школѣ въ отдѣльности. Но такъ какъ, за исключеніемъ одного ненормальнаго явленія въ Василевской церковно-приходской школѣ, которое вскорѣ разрѣшилось переходомъ учителя діакона въ другой уѣздъ, изъ сообщеній уѣзднаго наблюдателя Отдѣленіе усмотрѣло только то, что школьное дѣло въ уѣздѣ улучшается, а жизнь церковныхъ школъ принимаетъ правильное теченіе, то и по докладамъ наблюдателя не было сдѣлано особыхъ постановленій, но все имъ сообщенное было принято къ свѣдѣнію и въ особенности дѣятельность лицъ, потрудившихся на пользу народнаго образованія въ духѣ Православной Церкви, для представленія въ свое время наиболѣе ревностныхъ изъ нихъ къ почетнымъ и денежнымъ наградамъ.

10. *Старобѣльскимъ уѣзднымъ наблюдателемъ* были представлены въ Отдѣленіе наиболѣе тщательныя и подробныя письменныя данныя о каждой школѣ въ отдѣльности со стороны ихъ матеріальнаго благоустройства и въ учебно-воспитательномъ отно-

шеніи, времени ихъ открытія, въ помѣщеніяхъ, классной обстановкѣ, бібліотекахъ для внѣкласснаго чтенія, усердіи и нерадѣніи учащихъ лицъ и оо. завѣдующихъ и т. п. Такія свѣдѣнія для Отдѣленія и Епархіальнаго Наблюдателя могли служить наилучшимъ руководствомъ для сужденія о состояніи не только вообще всѣхъ школъ въ уѣздѣ, но и каждой изъ нихъ въ отдѣльности.

11. Наконецъ, *Харьковскимъ уѣзднымъ наблюдателемъ* за отчетный годъ, помимо устныхъ сообщеній о состояніи тѣхъ или другихъ школъ въ уѣздѣ, были внесены нижеслѣдующія предположенія по школьному дѣлу:

а) Заявленіе наблюдателя о неудовлетворительномъ состояніи учебнаго дѣла въ церковныхъ школахъ Колупаевской и Циркуновской; причѣмъ Отдѣленіемъ вслѣдствіе сего заявленія предложено было оо. завѣдующимъ принять съ своей стороны мѣры къ поднятію учебнаго дѣла въ означенныхъ школахъ, а о. уѣздному наблюдателю поручить особенный надзоръ за ними, съ предупрежденіемъ, что если положеніе школьнаго дѣла не улучшится, то о послѣдующемъ будетъ сообщено къ свѣдѣнію Епархіальнаго Училищнаго Совѣта.

б) По докладу того же наблюдателя о наиболѣе ревностныхъ и нерадивыхъ оо. законоучителяхъ и учителяхъ церковныхъ школъ Отдѣленіе постановило: аа) объявить оо. законоучителямъ Золочевскихъ церковно-приходскихъ школъ о. Θεодору и Іоанну Ивановымъ, что если они не приложатъ должнаго усердія къ дѣлу преподаванія столь важнаго предмета, то Отдѣленіе вынуждено будетъ принять побудительныя мѣры; бб) имѣть въ виду при ходатайствѣ о награжденіи завѣдующаго и законоучителя Козачковской церковно-приходской школы о. Андреева и учителя Окопской школы грамоты крестьянина Воробьева. Кромѣ официальныхъ докладовъ и сообщеній въ Уѣздное Отдѣленіе оо. наблюдатели состояли въ постоянной перепискѣ по дѣламъ, касающимся школьнаго дѣла, съ Епархіальнымъ Наблюдателемъ; причѣмъ сообщенія Старобѣльскаго уѣзднаго наблюдателя были особенно цѣнны для сужденія о состояніи и постепенномъ развитіи школьнаго дѣла въ уѣздѣ.

2.

Учащіе въ церковныхъ школахъ (законоучители, учителя, учительницы, помощники и помощницы).

Въ церковно-приходскихъ школахъ епархіи въ отчетномъ году числилось 596 отдѣльныхъ законоучителей, въ томъ числѣ: 13 протоіереевъ, 8 діаконѡвъ, 9 свѣтскихъ лицъ и остальные священники.

По уѣздамъ и числу школъ въ каждомъ уѣздѣ они распределяются слѣдующимъ образомъ: въ Ахтырскомъ уѣздѣ (33 цер. пр. шк.)—33 законоучителя, Богодуховскомъ (46 шк.)—47 Волчанскомъ (37 шк.)—38, Валковскомъ (33 шк.)—34, Зміевскомъ (52 шк.)—52, Изюмскомъ (67 шк.)—67, Купянскомъ (61 шк.)—61, Лебединскомъ (40 шк.)—40, Старобѣльскомъ (101 шк.)—101, Сумскомъ (55 шк.)—55 и Харьковскомъ (57 шк.)—58 законоучителей.

Въ школахъ грамоты законоучительскія обязанности также несли по преимуществу приходскіе священники. Изъ 201 школы грамоты только въ 29 преподаваніемъ Закона Божія занимались учителя этихъ школъ подъ личною отвѣтственностью и руководствомъ приходскихъ священниковъ. Причиною того, что въ этихъ школахъ сами священники не могли заниматься преподаваніемъ Закона Божія, была крайняя отдаленность означенныхъ школъ отъ приходскихъ центровъ или же болѣзнь и старость приходскихъ священниковъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, допуская кого либо къ учительству въ эти школы, священники предварительно удостовѣрялись, насколько означенное лицо свѣдуще въ Законѣ Божіемъ, и въ теченіе учебнаго года не оставляли его своимъ руководствомъ и наставленіями.

Всѣхъ учителей въ тѣхъ же церковно-приходскихъ школахъ епархіи въ отчетномъ году было 652, въ томъ числѣ: священниковъ совмѣстно съ законоучительствомъ несущихъ и учительскія обязанности 18, діаконѡвъ 242, псаломщиковъ 132 и лицъ, не принадлежащихъ съ составу причта, 260; изъ Духовной Семинаріи—19, изъ Учительской Семинаріи—4, изъ Епархіальнаго женскаго училища—71, изъ женскихъ гимна-

зій—12, имѣющихъ званіе учителей и учительницъ по свидѣтельству—91 и остальные безъ свидѣтельства на сіе званіе.

Въ 201 школѣ грамоты въ отчетномъ году всѣхъ учителей числилось 205, въ томъ числѣ: учителей священниковъ—14, діаконъ—16, псаломщиковъ—72 и лицъ, не принадлежащихъ къ клиру—103; изъ Епархіальнаго женскаго училища—7, имѣющихъ званіе учителя по свидѣтельству—16 учителей и 20 учительницъ и остальные неимѣющіе учительскаго званія.

Лица, наиболее ревностно или нерадиво относящіяся къ школьному дѣлу.

По донесеніямъ о.о. уѣздныхъ наблюдателей и на основаніи личныхъ наблюденій епархіальнаго наблюдателя почти всѣ законоучители за весьма немногими исключеніями относились къ дѣлу вообще добросовѣстно, съ любовью, искренно. *О нѣкоторыхъ* изъ нихъ можно сказать, что они поистинѣ неутомимые труженники: не опуская ни одного урока, они самымъ обстоятельнымъ образомъ выполняли всю школьную программу, и при этомъ слѣдуетъ сказать, что это выполненіе программы не было формальнымъ исполненіемъ возложенной на нихъ обязанности, а было проникнуто пастырскою любовью къ дѣтямъ. Такіе законоучители всегда помнили, что Законъ Божій есть главный предметъ обученія и воспитанія, занимающій центральное мѣсто во всей системѣ курса церковной школы, что въ зависимости отъ этого предмета должны находиться и всѣ прочіе предметы преподаванія, какъ бы второстепенные и вспомогательные, что преподаваніе Закона Божія не должно быть сухимъ изученіемъ учебника, непонятнымъ для дѣтей и чуждымъ ихъ дѣтской души, сердечной, искренней и вѣрующей, но что оно всегда должно говорить сердцу дѣтей, чтобы истины вѣры и нравственности сдѣлались не только достояніемъ ума дѣтей, но и потребностью сердца. Занимаясь съ дѣтьми въ школѣ, такіе законоучители не переставали наблюдать за жизнію и поведеніемъ дѣтей и по выходѣ изъ школы; они слѣдили, насколько къ нимъ привились добрые христіанскіе навыки и насколько сообщенныя имъ истины Закона Божія проявляются въ самой жизни, и если за-

мѣчали что либо несогласное съ духомъ церкви и христіанства, какъ пастыри, своимъ отеческимъ вліяніемъ старались немедленно исправить, входя въ теченіе самой семейной жизни своихъ пасомыхъ. Главнѣйшею задачею такихъ законоучителей всегда было внушить своимъ питомцамъ чувства вѣры, надежды и христіанской любви, чувство авторитета церковнаго и гражданскаго, чувство любви къ родителямъ и воспитателямъ. Для достиженія этой цѣли они не ограничивались одною школою и одною программою Закона Божія; въ ихъ рукахъ все было направлено къ воспитанію въ дѣтяхъ этихъ чувствъ: и церковное пѣніе, и посѣщеніе церкви въ дни воскресные и праздничные для молитвы, для участія въ Богослуженіи, въ исповѣди, и Причастіе Св. Таинъ, и постоянныя бесѣды съ дѣтьми, и внѣклассныя чтенія. Желаніе объединить жизнь школы и церкви было ближайшею ихъ заботою, дабы сдѣлать своихъ питомцевъ истинными чадами Св. Православной Церкви. Эти законоучители не были преподавателями, они были воспитателями и отцами въ широкомъ смыслѣ слова.

Неся этотъ пастырскій трудъ, оо. законоучители въ большинствѣ были въ то же время и завѣдующими, на отвѣтственности которыхъ лежало попеченіе и о матеріальныхъ вуждахъ школы и о всемъ строѣ и теченіи школьной жизни. Пользуясь своимъ вліяніемъ въ приходѣ, многіе изъ нихъ располагали прихожанъ къ пожертвованіямъ и привели свои школы въ надлежащій видъ. Не щадя своего труда, они не щадили и своихъ средствъ, жертвуя своими деньгами, временемъ, помѣщеніемъ и прислугою.

То же слѣдуетъ сказать и объ учителяхъ церковныхъ школъ. Принимая во вниманіе, что ихъ учительскій трудъ вознаграждается крайне скудно, а большинство принадлежащихъ къ составу клира работаютъ въ школахъ безмездно, нельзя не выразить имъ полнаго одобренія. Будучи усердными и послушными сотрудниками оо. законоучителей, учителя, учительницы, помощники ихъ и помощницы прилагали все усердіе и всю свою любовь къ школьному дѣлу. Только недостатокъ педагогической подготовки и опытности неблагоприятно отражался на успѣхахъ обученія и воспитанія; случаи же лѣности и памфреннаго

уклоненія отъ исполненія своихъ обязанностей встрѣчались, какъ рѣдкое исключеніе. Большою ревностію и аккуратностію отличались учительницы, хотя нужно сказать, что крестьяне и предубѣждены противъ нихъ, по установившемуся традиціонному взгляду на женщину, какъ неравноправную съ мужчиною и стоящую во всѣхъ отношеніяхъ ниже его. Многіе изъ крестьянъ не допускаютъ мысли, чтобы женщина могла справиться съ дѣтьми и имѣть на нихъ вліяніе. Но время врачъ всему: уже и теперь многіе изъ крестьянъ сознали ложность такого взгляда, такъ что въ недалекомъ будущемъ и учительницы въ глазахъ крестьянъ будутъ имѣть не меньшую цѣну, чѣмъ учителя, особенно если присущее имъ усердіе и аккуратность въ школьномъ дѣлѣ не оставятъ ихъ и дальше. Учители и учительницы на своихъ мѣстахъ отличаются постоянствомъ: не было случаевъ, чтобы кто либо изъ нихъ переходилъ въ школы другихъ вѣдомствъ.

Особенную ревность въ школьномъ дѣлѣ обнаружили ниже слѣдующія лица.

Оо. предсѣдатели уѣздныхъ отдѣленій.

Уѣздные наблюдатели церковныхъ школъ.

Дѣлопроизводители уѣздныхъ отдѣленій.

Всѣ означенныя лица съ должнымъ усердіемъ и особенною заботливостію исполняли возложенныя на ихъ обязанности въ предѣлахъ своей службы и полномочій.

Законоучители и учителя церковныхъ школъ:

1. *Ахтырскаго уѣзда:* Ахтырской соборной церковно-приходской школы законоучитель свящ. Николай Сперанскій и учительница Александра Иваницкая; Ахтырской Георгіевской—законоучитель свящ. Федоръ Доброславскій; Боромлянской Христо-Рождественской законоучитель свящ. Стефанъ Виноградскій и учитель діаконъ Афанасій Бѣлоусовъ; Ахтырской Николаевской законоучитель свящ. Парфеній Федоровъ; Краснопольской Успенской—законоучитель свящ. Михаилъ Вербицкій и учитель Захарій Кандыба; Краснопольской Преображенской—законоучитель свящ. Михаилъ Поповъ и учитель діаконъ Алексѣй Мухинъ; Славгородской—законоучитель свящ.

Арсеній Любарскій и учитель діаконъ Василій Ковалевскій; Угрофдской—законоучитель свящ. Илія Ковтунъ и учительница Антонина Ковтунъ; Жигайловской—законоучитель свящ. Григорій Шебатинскій и учитель діаконъ Іаковъ Оранскій; Тучанской школы грамоты учитель Александръ Глушковъ; Котелевской Покровской школы грамоты законоучитель свящ. Георгій Давыдовъ; Бакировской свящ. Василій Сушковъ; Котелевской Вознесенской законоучитель свящ. Стефанъ Артемьевъ и учительница Екатерина Бойко.

Вообще же о всѣхъ законоучителяхъ слѣдуетъ сказать, что они, за рѣдкими исключеніями, вели свое дѣло вполне добросовѣстно, прилагая пастырское стараніе къ тому, чтобы преподаваемые дѣтямъ уроки Закона Божія воспринимались ими не умомъ только, но и всею душою, какъ непререкаемая, путеводная начала для богоугодной, истинно христіанской жизни.

Учители церковныхъ школъ также старались выполнить лежащія на нихъ обязанности, хотя недостатокъ педагогической подготовки и школьнаго образованія нѣкоторыхъ изъ нихъ лишали возможности, даже при вполне добросовѣстномъ трудѣ, достигнуть тѣхъ успѣховъ, какія легко достигаются подготовленными учителями.

Наиболѣе слабые успѣхи, какъ по Закону Божию, такъ и по другимъ предметамъ школьнаго курса оказали ученики Бранцовской церковно-приходской школы, хотя учительствующій въ этой школѣ діаконъ Виноградскій, уволенный изъ 4 класса Семинаріи, имѣетъ учительское званіе и нѣсколько лѣтъ уже состоитъ учителемъ церковныхъ школъ. Причиной этого неуспѣха, помимо неисправнаго посѣщенія учащимся классныхъ занятій, нужно считать, по мнѣнію уѣзднаго наблюдателя, недостаточно внимательное отношеніе къ школѣ какъ законоучителя свящ. о. Романова, такъ и учителя діакона Виноградскаго, который болѣе мѣсяца совсѣмъ не посѣщалъ школы и вообще заявилъ себя крайне неисправнымъ учителемъ.

Къ числу неудовлетворительныхъ въ учебно-воспитательномъ отношеніи за отчетный годъ по тому же уѣзду нужно отнести также нижеслѣдующія школы: а) Никитовскую школу грамоты, руководимую болѣзненнымъ священникомъ Пономаревымъ и

малоопытнымъ псаломщикомъ Левитскимъ; б) Хухрянскую, Николаевского прихода, церковно-приходскую школу, въ которой обязанности законоучителя и учителя, вслѣдствіе неспособности псаломщика, несетъ приходскій свящ. Яковлевъ, часто отвлекаемый отъ школы приходскими требами въ разбросанномъ на десятки верстъ приходѣ; в) Самогоевскую церковно-приходскую школу, которая, за болѣзную старика священника, остается на попеченіи малоинтересующагося школьнымъ дѣломъ діакона—учителя и г) Ницахскую школу грамоты, въ которой какъ завѣдующій, такъ и учитель люди мало подготовленные къ педагогической дѣятельности и мало о школѣ радѣющіе.

Не вполне удовлетворительно нужно признать также и школу грамоты въ хут. Веселомъ; учительница школы, женщина болѣзненная, вялая, и нѣсколько отставшая отъ современныхъ пріемовъ преподаванія, ведетъ дѣло вяло и мало вселяетъ дѣтямъ охоты къ ученію.

Нельзя не пожелать также болѣе удовлетворительныхъ успѣховъ при наличности, вполне подготовленныхъ учителей школѣ грамоты при Котелевской Всѣхсвятской церкви. Неоднократныя посѣщенія школы уѣзднымъ и епархіальнымъ наблюдателями даютъ право увѣрять, что какъ законоучитель, такъ и учитель относятся къ дѣлу вполне добросовѣстно и исполняютъ свои учительскія обязанности съ примѣрнымъ усердіемъ, а между тѣмъ дѣти выглядываютъ какими то безжизненными, мало развитыми и неувѣренно, съ видимой неохотой отвѣчаютъ на предлагаемые имъ вопросы. Намъ думается, что помимо тупости и неразвитости дѣтей это въ значительной степени зависитъ отъ вялости и сухости самихъ преподавателей.

2. *Богодуховскаго уѣзда*: оо. завѣдующіе и законоучители—Богодуховской Покровской церковно-приходской школы свящ. Павелъ Леонтовичъ, первый въ уѣздѣ открывшій школу и 15 лѣтъ безмездно исполняющій обязанности завѣдующаго и законоучителя; Богодуховской соборной свящ. Дмитрій Владыковъ, много потрудившійся по устройству здапія для школы грамоты въ хуторѣ Залужскомъ; Богодуховской Троицкой—свящ. Евгеній Пономаревъ; Больше-Писаревской Успенской—свящ. Але-

ксѣй Доброславскій, завѣдующій и законоучитель второклассной церковно приходской школы; Больше-Писаревской Покровской—свѣщ. Алексѣй Станиславскій много потрудившійся по устройству зданія для ввѣренной его попеченію школы; Яменской—свѣщ. Антонинъ Сапухинъ, попомо трудовъ законоучителя, озаботившійся устройствомъ образцоваго зданія для церковно-приходской школы; Поповской—свѣщ. Стефанъ Бойковъ, изыскавшій средства для устройства удобнаго зданія для школы; Малыжинской—свѣщ. Николай Загоровскій на 480 руб. отъ казны пособія устроившій удобное школьное зданіе на 50 учащихся; Козѣвской—свѣщ. Іоаннъ Владыковъ, при пособіи отъ казны въ 700 рублей устроившій каменное зданіе для школы; Кручанской—Владиміръ Подольскій, на мѣстныхъ средства устроившій удобное помѣщеніе для школы; Рублевской Успенской—свѣщ. Петръ Ѳедоровскій безъ всякаго пособія отъ казны устроившій прекрасное каменное зданіе для школы, стоимостью болѣе 4000 рублей; Полково-Никитовской—свѣщ. Семень Котляровъ; Колонтаевской Успенской—свѣщ. Михаилъ Сильванскій; Мурафскихъ при Архангело-Михайловской церкви свѣщ. Алексѣй Мигулинъ и при Николаевской—свѣщ. Іоаннъ Поповъ; Константиновской—свѣщ. Іоаннъ Колосовскій и Краснокутской Николаевской—свѣщ. Іоаннъ Золотаревъ.

Учители церковныхъ школъ того же уѣзда. Больше-Писаревской второклассной церковно-приходской школы—Яковъ Чебановъ и Павелъ Строновскій.

Діаконы-учители: Богодуховской соборной—Николай Артюховскій, Краснокутской Успенской—Василій Дашкѣвъ, Полково-Никитовской Михаилъ Фальченко, Мурафской Николаевской—Іоаннъ Кипоренко и Лютовской—Ѳеодоръ Стуницкій.

Псаломщики-учители: Богодуховской-Троицкой—Александръ Носовъ, Краснокутской Успенской—Полкарпъ Чернявскій, Больше-Писаревской Успенской—Петръ Сапухинъ.

Учительницы школъ: Богодуховской Покровской—Софья Леонтовичъ, Любовской—Марія Капустянская, Мурафской Архангело-Михайловской—Марія Поморцева,—всѣ окончили курсъ ученія въ Епархіальномъ училищѣ и Рублевской Успенской—Евдокія Ѳедоровская, окончившая курсъ въ женской прогимназіи.

Къ сожалѣнію нельзя не отмѣтить, что о. законоучитель Сѣвнянской Троицкой церковно-приходской школы Василій Сукачевъ недостаточно внимательно относился въ текущемъ году не только къ дѣлу преподаванія Закона Божія, но и къ благоустройству школы въ матеріальномъ отношеніи.

3. *По Валковскому уѣзду*: всѣ законоучители относились къ своимъ обязанностямъ съ надлежащимъ усердіемъ, но особенно ревностно потрудились слѣдующіе: Ново-Водолажской Воскресенской церковно-приходской школы — Протоіерей Николай Ѳедоровскій, Старо-Водолажской — Прот. Григорій Дьяковъ, Одринской — свящ. Николай Сильванскій, Валковской соборной — свящ. Андрей Новскій, Княжанской — свящ. Андрей Закрицкій, Караванской — свящ. Іоаннъ Ястремскій, Минковской — свящ. Левъ Дейнеховскій, Алексѣевской школы грамоты — свящ. Андрей Повомаревъ, Коломакской Успенской — Василій Василевскій, Покровской — свящ. Ксенофонтъ Илларионовъ, Валковской Успенской — свящ. Ілія Слксаревъ, Старо-Мерчанской — свящ. Ѳеодосій Мухинъ, Каленниковской — свящ. Ѳеодоръ Леонтовичъ и Снѣжковской — свящ. Іоаннъ Захарьевъ.

Законоучитель же Камышеватской церковно-приходской школы — свящ. Николай Могиланскій, по своему крайне болѣзненному состоянію, относится къ своей школѣ не надлежащимъ образомъ.

Среди учителей и учительницъ наиболѣе ревностными въ дѣлѣ учительства заявили себя слѣдующія лица: учительницы: Яловенковской двухклассной церк.-прих. школы Екатерина Грекова, Коломакской Успенской — Надежда Грекова и помощница учителя при Валковской Успенской школѣ Анна Люминарская. Учители: Ново-Водолажской двухклассной Николаевской — Ѳеофилъ Ястремскій, Одринской — Михаилъ Сильванскій, Ново-Водолажской Преображенской діаконъ Михаилъ Орловъ, Ново-Водолажской Воскресенской — діаконъ Гавріиль Ѳедоровскій, Старо-Мерчанской — діаконъ Григорій Крыжановскій, Высокопольской — діаконъ Антоній Краснокутскій, Ковеговской — діаконъ Дмитрій Пономаревъ, Коломакской Воскресенской — псаломщикъ Стефанъ Заграфскій и Кантакузовской школы-грамоты — Василій Поярковъ. Учители же: Люботинской

церковно-приходской школы діаконъ Михаилъ Синявинъ и Мивковской—діаконъ Михаилъ Рудневъ нерадиво относятся къ своимъ занятіямъ въ школѣ,—первый по недостатку педагогической опытности и умѣнія вести школьное дѣло съ должнымъ успѣхомъ, а второй—по лѣности.

4. По Волчанскому уѣзду: наибольшую ревность въ дѣлѣ изысканія мѣстныхъ средствъ на жалованье учащимъ, на пріобрѣтеніе книгъ и другихъ учебныхъ принадлежностей, на поддержаніе школьныхъ помѣщеній въ должной чистотѣ и порядкѣ, на наемъ прислуги и отопленіе и, наконецъ, личнымъ трудомъ въ преподаваніи Закона Божія проявили слѣдующіе оо. завѣдующіе и законоучители: Волчанской соборной церк.-прих. школы—Протоіерей Арсеній Павловъ, около 10 лѣтъ дающій изъ своихъ собственныхъ средствъ на содержаніе школы по 120 руб. въ годъ; Волчанской Мирносницкой—Прот. Алексѣй Евѣимовъ, Печенѣжской Петропавловской—Прот. Гавріилъ Буханцевъ, Мартовской—свящ. Іоаннъ Діаконовъ, Печенѣжской Преображенской—свящ. Илья Бондаревъ, Базалѣвской—свящ. Яковъ Поповъ, Больше-Бабчанской—свящ. Василій Ивановъ, Нижне-Писаревской—свящ. Владиміръ Поповъ, Волчанско-Хуторской—свящ. Алексѣй Давидовскій, Заводянской—свящ. Александръ Чернявскій, Шевяковской и Чугуновской—свящ. Сергѣй Дмитріевъ, Рубежанской—свящ. Іоаннъ Яковлевъ, Старо-Салтовской—свящ. Петръ Корнильевъ, Велико-Бурлуцкой—свящ. Петръ Лукашевъ, Ивановской—свящ. Василій Эвнатскій, Гниличанской—свящ. Михаилъ Будянский; священникъ Илья Бондаревъ и свящ. сл. Базалѣвки Яковъ Поповъ будучи примѣрно усердными законоучителями сверхъ того въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ исполняли и учительскія обязанности. Свящ. Будянский, при пособіи изъ казеннаго кредита въ 400 рублей, устроилъ довольно удобное зданіе для школы человѣкъ на 40.

Усердные законоучители: Юрченковской—свящ. Яковъ Поповъ, Шиповатской—свящ. Николай Самойловъ (онъ же платитъ изъ своихъ средствъ 50 руб. учительницѣ и даетъ въ своемъ домѣ квартиру и столъ), Козинской—свящ. Павелъ Булгаковъ (онъ же изъ личныхъ средствъ платитъ 50 руб. учителю),

Артемьевской—свящ. Николай Ястремскій, Мартовской—свящ. Димитрій Шокотовъ и Варваровской—свящ. Іоаннъ Васильевъ.

Усердные учителя и учительницы: діаконы: Василій Корнильевъ, Лаврентій Гаевскій, Кодратъ Мухицъ, Θεодоръ Будянскій, Адрианъ Дашкѣевъ и Сергѣй Хорошковъ; псаломщики: Андрей Рубинскій, Яковъ Кацаревъ и Григорій Васютинскій; свѣтскія лица: Анастасія Пономарева, Валентина Зубарева, Александра Ломаковская и Андрей Зубченко.

Особенно нерадиво относящихся къ школьному дѣлу не замѣчалось ни между учащими, ни между завѣдующими школами. Каждый понималъ свою обязанность и отвѣтственность и старался дѣлать по мѣрѣ своихъ силъ и умѣнья. Если въ нѣкоторыхъ школахъ и замѣчались недостатки въ преподаваніи и сравнительная неуспѣшность, то все это объясняется педагогическою неопытностію учителей, недостаткомъ учебниковъ и другихъ учебныхъ принадлежностей и неаккуратнымъ посѣщеніемъ школъ учениками вслѣдствіе продолжительной ненастной погоды и появленія въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ эпидемическихъ болѣзней.

5. *По Зміевскому уѣзду:* къ наиболѣе ревностнымъ законоучителямъ принадлежатъ: Кочетовской церковно-приходской школы прот. Алексѣй Илларионовъ. До 1884 г. въ с. Кочеткѣ не было никакой школы, но съ поступленіемъ сюда о. Илларионова приходскимъ священникомъ имъ не только открыта здѣсь церковно-приходская школа, но и устроено на личные его средства обширное зданіе для нея стоимостью свыше 5 тысячъ руб. Въ теченіе десяти лѣтъ онъ, какъ ревностный дѣятель по народному образованію, нанималъ на свои средства учителя, платя ему 240 рублей въ годъ; учебники и учебныя пособія для школы прибрѣтаются имъ на свои средства до настоящаго времени. Волохоярской—прот. Іоаннъ Чудновскій, стараніемъ котораго выстроено удобное зданіе для мѣстной церковной школы, и на его средства прибрѣтаются учебныя пособія для школы и книги для внѣкласснаго чтенія; Балаклейской—свящ. Θεодоръ Ковалевскій. Обладая педагогическою опытностію, онъ самъ руководилъ діакономъ-учителемъ мѣстной школы до тѣхъ поръ, пока послѣдній не прибрѣлъ достаточ-

наго навыка и умѣнья въ дѣлѣ обученія дѣтей, благодаря этому ввѣренная ему школа въ учебно-воспитательномъ значеніи стоитъ на надлежащей высотѣ; Бригадировской—всѣц. Василій Збукаревъ содержитъ школу на свои средства и устроилъ собственное школьное зданіе, стоящее 2000 рублей при пособіи изъ казны въ 800 руб.; Мосъпановской—свѣц. Петръ Тимофеевъ, кромѣ того, что весьма толково преподаетъ Законъ Божій, изыскалъ средства для открытія бібліотеки для вѣкъ-класснаго чтенія, Матузовской—свѣц. Яковъ Стахевичъ, ревнуя о благосостояніи ввѣренной ему школы, расположилъ мѣстное общество крестьянъ къ тому, что оно пожертвовало на устройство новаго зданія для нея принадлежащій ему общественный домъ, отвело небольшой участокъ земли и обѣщало помогать при постройкѣ его натурою. На этотъ же предметъ Стахевичемъ испрошено отъ Еперхіального Начальства 800 руб. изъ церковныхъ суммъ; Мѣловской—свѣц. Стефанъ Дахневскій расположилъ мѣстное крестьянское общество къ устройству вполне удобнаго зданія для мѣстной церковной школы, къ полному содержанію ея, ежегодной выдачѣ учителю жалованья въ размѣрѣ 90 руб.; Ефремовской—свѣц. Тихонъ Оедоровскій, Яковенковской—свѣц. Николай Сергѣевъ, Введенской—свѣц. Николай Щепинскій, Шебелинской—свѣц. Варсонофій Антоновскій, Борчанской—свѣц. Николай Гумилевскій, Соколовской—свѣц. Афанасій Дюковъ, Берекской—свѣц. Александръ Мощенко, Мохначанской—свѣц. Максимъ Рубинскій, Оградовской—свѣц. Алексѣй Жадановскій и Граковской—свѣц. Илларионъ Жуковъ. Кромѣ того къ чести означенныхъ священниковъ, нельзя не упомянуть, что, благодаря ихъ усердію и стараніямъ въ прежніе годы, за исключеніемъ о. Гумилевскаго и о. Мощенко, ввѣренные имъ школы имѣютъ удобныя собственные помѣщенія.

Къ лицамъ нерадиво относящимся къ школьному дѣлу принадлежатъ Берекской Христо-Рождественской церковно-приходской школы—свѣц. Іоаниъ Хижняковъ, ввѣренная ему школа въ матеріальномъ и учебно-воспитательномъ отношеніи какъ худшая въ уѣздѣ находится въ весьма неудовлетворительномъ состояніи, Водянской—свѣц. Оедоръ Николаевскій, который,

сознавая слабость подготовки учащихся, уже нѣсколько лѣтъ сряду прекращаетъ занятія въ школѣ къ 25 марта, чтобы не допустить ихъ до экзамена, Масловской—свящ. Автономъ Крыжановскій, Алексѣевской Рождество-Богородичной—діаконъ Стефанъ Протопоповъ, будучи самъ недостаточно знакомъ съ преподаваніемъ Закона Божія, при неаккуратномъ посѣщеніи школы въ учебное время, не можетъ поставить данный предметъ на должную высоту.

Учителя наиболѣе ревностно относящіяся къ школьному дѣлу: Алексѣевской Свято-Троицкой церковно - приходской школы діаконъ Григорій Сулима, съ 1894 года несущій обязанности учителя и законоучителя, Скрипаевской — діаконъ Виталій Рудневъ, Балаклейской Успенской—діаконъ Михаилъ Павловъ, Балаклейской Покровской — псаломщикъ Алексѣй Слѣпцовъ, Борцевской—діаконъ Андрей Лѣсовиковъ, Бригадировской—діаконъ Григорій Бесѣда, Березкой Вознесенской—Наталья Крутьева, Осиновской—Марѳа Криштопенко, Шебелинской—Любовь Оеденко, Бунаковской—Софья Хоришманъ, Мохначевской—псаломщикъ Стефанъ Буковскій, Отрадовской—діаконъ Іоаннъ Вышемирскій и Преображенской — діаконъ Тихонъ Жуковъ.

Къ числу учителей нерадиво относящихся къ школьнымъ обязанностямъ должны быть отнесены: Яковенковской церковной школы учитель-псаломщикъ Яковъ Васильковскій. Означенный учитель очень часто дѣлалъ отлучки, оставляя школу безъ всякаго надзора, занятія начиналъ съ 10 час. утра и между уроками дѣлалъ большіе промежутки въ часъ и болѣе, въ школѣ занимался нерадиво, формально исполняя учительскія обязанности. Вслѣдствіе этого успѣхи учениковъ по предметамъ школьнаго курса получились неудовлетворительные. На воспитаніе учениковъ Васильковскій также не обращалъ никакого вниманія, предоставляя дѣтей самимъ себѣ; Балаклейской частной школы Ипполитъ Ермоловъ вслѣдствіе своего физическаго недуга (глухой, хромой и плохо говоритъ) не могъ правильно и съ успѣхомъ вести школьное дѣло, Алексѣевской—Петръ Еллинскій очень часто оставлялъ школу безъ всякаго наблюденія, занимался съ учениками небрежно и часто позволялъ

себѣ поступки вѣтерпимыя въ обществѣ, а тѣмъ болѣе въ школѣ, производя соблазнъ не только среди учениковъ, но и среди всего насленія прихода.

6. По *Изюмскому уѣзду*: наибольшую ревность въ дѣлѣ обученія обнаружили въ отчетномъ году слѣдующія лица: завѣдующій Мало-Камышевахской церковно-приходской школы прот. Александръ Касьяновъ, 15 лѣтъ съ добрымъ усердіемъ трудящійся и какъ законоучитель, и какъ завѣдующій школой, въ коей обучается ежегодно до 60 учениковъ. Его трудами эта школа возникла, его же заботами она и держится. Никакимъ пособіемъ за исключеніемъ общественнаго помѣщенія, школа никогда не пользовалась; законоучитель второклассной школы священникъ Николай Доброславскій. Исполняя трудныя обязанности законоучителя и завѣдующаго второклассной школы, онъ ревностно и успѣшно законоучительствуетъ въ мужской и женской церковно-приходскихъ школахъ; законоучитель Барвенковской Успенской школы свящ. Алексѣй Навродскій. Неся нелегкій трудъ законоучительства въ школѣ, въ коей ежегодно обучается не менѣе 60 человѣкъ, свящ. Навродскій довелъ свою школу до образцоваго внѣшняго благоустройства. При казенной субсидіи въ 1000 руб. онъ устроилъ на собранныя имъ пожертвованія школьное зданіе стоимостью до 5000 рублей, снабдивъ его приличною классною мебелью и всѣми необходимыми учебными пособіями; законоучитель Пашковской школы Алексѣй Поповъ все дѣло обученія въ продолженіи 4 лѣтъ несетъ самъ, такъ какъ на должность псаломщиковъ, которые исполняютъ учительскія обязанности въ Пашковской школѣ, назначаются малоспособные къ учительству, и священнику Попову приходится и руководить ихъ въ занятіяхъ и заниматься по нѣкоторымъ предметамъ самому; законоучитель Райской школы свящ. Михаилъ Пономаревъ, 9-й годъ съ примѣрнымъ усердіемъ и успѣхомъ исполняющій законоучительскія обязанности.

Нельзя не отмѣтить какъ усердныхъ законоучителей, добросовѣстно посѣщающихъ школу и выполнившихъ надлежащимъ образомъ въ отчетномъ году учебную программу, слѣдующихъ священниковъ: Балянской и Пришибянской церковно-приход-

скихъ школъ свящ. Василя Оедорова, Барвенковской Георгіев-церковно-приходской школы Михаила Юшкова, Балбасовской—Никиту Шебатинскаго, Залиманской—Александра Попова, Мечебиловской—Сергѣя Перцева, Петровской—Петра Попова, Изюмской Крестовоздвижанской—Михаила Энеидова, Славянской Всѣхсвятской—Василя Полтавцева, Сергѣевской—А. Бѣлоусова, Голо-Долинской—Е. Проскурникова, Лозоватской—М. Сельванскаго, Шандриголовской—Т. Ковалева, Савинской Успенской—М. Воскобойникова, Савинской—П. Дьякова, Чистоводской—М. Леонтьева, Славянской Троицкой—Павла Данилова, Рай-Городской—Василя Спѣсивцева, Дробышевской—Александра Лонгинова, Селимовской—Петра Юшкова, Лиманской—Николая Яновскаго, Волобуевской—Александра Попова, Дмитровской—Павла Вышемірскаго.

Изъ учителей школъ особую ревность къ школьному дѣлу обнаружили: Привольской церковно-приходской школы діаконъ-псаломщикъ Александръ Черняевъ, исполняющій должность учителя и законоучителя, Алисовской церковно-приходской школы псаломщикъ Николай Кармановъ. Алисовская школа—бѣднѣйшая въ уѣздѣ, не имѣетъ никакихъ средствъ къ содержанію и, если существуетъ, то благодаря псаломщику, который уступаетъ ей помѣщеніе въ своей квартирѣ и безмездно занимается съ дѣтьми; Маякской церковно-приходской школы—Іоаннъ Поповъ, учительствующій въ церковныхъ школахъ 10-й годъ; ученики Маякской школы держали выпускной экзамень лучше учениковъ всѣхъ другихъ школъ уѣзда.

Какъ усердныхъ и знакомыхъ съ лучшими методами преподаванія можно отмѣтить еще слѣдующихъ учителей: Поповской церковно-приходской школы діакона Іоанна Матвѣева, Рай-Александровской учителя Александра Клыкова, Изюмской Крестовоздвиженской—М. Григоревича, Изюмской Соборной—Д. Костюкова, Святогорской Банянской инока Іоавна, Петровской—Ипполита Трущенко, Богодаровской—учительницу Анну Яковлеву и Нуровской—Н. Булдовскаго.

7. По *Купянскому уѣзду*: въ составѣ учащихъ также есть лица, преданныя церковно-школьному дѣлу, готовые жертвовать посильнымъ трудомъ и досужимъ временемъ на пользу народ-

наго образованія въ церковныхъ школахъ, дабы поставитъ ихъ на надлежащую высоту во всѣхъ отношеніяхъ. Эти лица слѣдующія: завѣдующій школою въ слободѣ Свистуновкѣ, свящ. Іаковъ Макаровскій, устроившій капитальное каменное зданіе для школы въ истекшемъ учебномъ году, много потрудился въ изысканіи средства на уплату школьнаго долга. Съ этою цѣлью онъ устроилъ хлѣбныя запашки и прибѣгалъ къ личной благотворительности прихожанъ. Кромѣ того онъ оказалъ свое вліятельное воздѣйствіе на общественниковъ въ дѣлѣ отвода земли для школьной усадьбы. Въ учебно-воспитательномъ отношеніи школа стоитъ на должной высотѣ, благодаря неусыпнымъ заботамъ о. Макаровскаго, полагающаго весь свой трудъ на это дѣло, не смотря на слабость своего здоровья.

Завѣдующій школою въ слободѣ Ольшаной, свящ. Іоаннъ Макаровскій на школу смотритъ какъ на свое излюбленное дѣтище; замѣтна у него особенная любовь къ церковному пѣнію, каковое онъ самъ ведетъ и притомъ настолько успѣшно, что вся школа можетъ пѣть въ церкви положенныя богослуженія. Завѣтное желаніе о. Макаровскаго довести пѣніе до такого состоянія, чтобы установить обще-народное пѣніе и такимъ образомъ возносить хвалу Богу едиными усты и единымъ сердцемъ; такое доброе его намѣреніе близко къ осуществленію.— Въ учебно-воспитательномъ отношеніи школа находится въ наилучшемъ положеніи и пользуется любовью общества, что всецѣло составляетъ вѣнецъ неусыпныхъ трудовъ священника Макаровскаго. Завѣдующій церковно-приходскою школою при Купяцкомъ соборѣ, прот. Іоаннъ Левандовскій весьма озабоченъ развитіемъ церковно-школьнаго образованія среди своихъ прихожанъ, а потому и дѣятельность его главнымъ образомъ направлена была на увеличеніе школъ въ разныхъ мѣстахъ его прихода. Не ограничиваясь школою при соборѣ, съ 60 учащихъ, изъ-за одного желанія просвѣщать и захоластныхъ прихожанъ, онъ по собственной инициативѣ открылъ двѣ школы въ хуторахъ и пригласилъ для нихъ лучшихъ учителей. Эти школы успѣли уже приобрести сочувствіе жителей, выразившихъ признательность о. протоіерею. Всѣ школы открыты о. протоіереемъ поставлены въ благопріятныя условія для успѣш-

наго веденія дѣла, будучи обеспечены учебными и классными принадлежностями, на что помимо другихъ источниковъ о. протоіерей жертвуетъ и собственными средствами.

Законоучитель церковно-приходской школы въ слободѣ Торской, свящ. Алексѣй Оптовцевъ обладаетъ особенною способностію въ доступной дѣтскому пониманію формѣ передавать преподаваемое ученіе, представляя его живымъ и интереснымъ, а самое объясненіе простымъ и удобопонятнымъ. Законъ Божій въ школѣ поставленъ на должную высоту и воспитательное значеніе его сказывается на дѣтяхъ. Школа, благодаря бдительному надзору о. Оптовцева не терпитъ ни въ чемъ недостатка.

Законоучитель церковно-приходской школы въ слободѣ Кременной, свящ. Феодоръ Горбачевскій искусно пользуется нравственно-бытовыми и религіозно-патріотическими примѣрами для освѣщенія и уразумѣнія нравственно-назидательныхъ истинъ. Самое преподаваніе Закона Божія у него представляется оживленнымъ и увлекательнымъ, возбуждающимъ интересъ въ дѣтяхъ.

Изъ учителей, ревностно потрудившихся, слѣдующіе: діаконъ Веведиктъ Чиркинъ, учитель Кругляковской церковно-приходской школы и діаконъ Андрей Панкратьевъ, учитель Кременецкой церковно-приходской школы. Оба эти учителя, кромѣ спеціальной теоретической подготовки, имѣютъ за собою долгое педагогическій опытъ, давшій имъ возможность образцово вести школьное дѣло. Въ приемахъ первоначальнаго обученія они не придерживаются детальнаго слѣдованія определенной системы, вводя и свои нѣкоторыя особенности, прорѣшенныя на опытѣ; результатъ въ школахъ вполнѣ удовлетворительный.

Діаконъ Георгій Жуковскій, учитель церковно-приходской школы при Троицкой церкви слободы Покровска. Это честный и аккуратный труженникъ, съ достаточнымъ педагогическимъ опытомъ безхитростно исполняющій свои учительскія обязанности, исключительно по любви и преданности дѣлу. Школа ему обязана весьма многимъ.

Псаломщикъ Евфимъ Новомірскій, учитель Пустынской церковно-приходской школы и псаломщикъ Павленко, учитель

школы грамоты въ слободѣ Кременной. Оба они способные, съ педагогическимъ навыкомъ, честно и успѣшно потрудились на поприщѣ церковно-школьнаго дѣла.

Къ лицамъ нерадивымъ относятся:

Свящ. Петръ Любарскій въ слободѣ Преображенной, мало расположенный къ школѣ, вслѣдствіе чего она стоитъ низко во мнѣніи прихожанъ.

Учители школъ: Араповской—Коваленко по неспособности, Коломійчанской—діаконъ Мухинъ: школу посѣщаетъ неисправно, обученіе ведетъ неохотно, небрежно и отчасти неумѣло. Школа не пользуется довѣріемъ прихожанъ; занятія начались съ 15-го ноября; учащихся 8 душъ, тогда какъ прежде число учащихся доходило до 30. Комаровской школы учитель Михаилъ Поповъ—по неспособности; Калиновской—учитель-псаломщикъ Евгеній Никитскій—по недостатку усердія; Нижне-Дуванской, при Федоро-Стратилатовской церкви діаконъ Якубовичъ—по старости; Нижне-Дуванской при Александро-Невской церкви учитель Сергіенко—по неспособности; Гороховатской, діаконъ Макаровскій—по старости; Верхне-Дуванской Литвиновъ—по неспособности.

8. *По Лебединскому уѣзду:* въ отчетномъ году съ успѣхомъ озаботились устройствомъ новыхъ школьныхъ зданій завѣдывающіе школами: Буймерскою—свящ. Онисимъ Семеновъ, Велико-Исторопскою—свящ. Іоаннъ Малиженовскій, Мартыновскою—свящ. Александръ Заграфскій и Лебединскою Троицкаго прихода—свящ. Адрианъ Быковъ, продолжившій начатую предмѣстникомъ постройку, въ которой дѣятельное участіе принималъ съ начала и до конца ея второй приходскій священникъ и законоучитель школы Максимъ Сулима. Стараніями священниковъ с. Рябушекъ Николая Федорова и города Лебедина соборной церкви Стефана Прокоповича расширены мѣстныя школьныя помѣщенія. Заботами священниковъ г. Лебедина Покровской церкви и сл. Бишкина Константина Острогорскаго мѣстныя церковныя сторожки приспособлены для школьныхъ помѣщеній расширеніемъ и новыми къ нимъ пристройками.

Въ дѣлѣ законоучительства, за исключеніемъ очень немногихъ заявившихъ себя менѣе усердными, всѣ священники по-

трудилась въ высшей степени добросовѣстно. То же самое должно сказать и объ учителяхъ и учительницахъ всѣхъ церковныхъ школъ. За весьма рѣдкими исключеніями въ трудѣ каждаго наглядно высказались искренность и любовь къ своему дѣлу. Разность въ успѣхахъ той или другой школы главнымъ образомъ зависѣла отъ разности въ способностяхъ и педагогической подготовкѣ учащихъ, а ни какъ не отъ лѣности или небрежнаго отношенія къ дѣлу менѣе успѣвшихъ.

Между тѣмъ, за указаніемъ на усердно потрудившихся въ устройствѣ школьныхъ помѣщеній, справедливость требуетъ выдѣлить и особыхъ ревнителей внутренняго благосостоянія и преуспѣянія церковно-школьнаго дѣла, каковыми и въ прежніе годы и теперь сказываются: весь персоналъ учащихъ въ Ворожбянской второклассной школѣ и затѣмъ завѣдующіе и законоучители: Бобриковской церковно-приходской школы и Рудянской школы грамоты свящ. Михаилъ Кремповскій, Сергѣевской и Аннинской церк.-приходскихъ школъ свящ. Алексѣй Вербицкій; Кремповскій сверхъ того доставлялъ на свой счетъ въ обѣ свои церковныя школы письменныя принадлежности и весь матеріалъ для рукодѣлія ученицамъ Бобрикской школы; Ольшанской, Сергіе-Анастасіевскаго прихода, церковно-приходской школы прот. Михаилъ Лободовскій, изъ собственныхъ средствъ платившій жалованье учителю церковнаго пѣнія и доставлявшій ученицамъ школы матеріалъ для рукодѣлія; Межеричской Преображенскаго прихода, церковно-приходской школы — свящ. Іоаннъ Кохановскій; Штеповской школы грамоты свящ. Григорій Сапухинъ; Ольшанской Архангело-Михайловскаго прихода, церковно-приходской школы свящ. Алексѣй Грищенко; Гринцевской — свящ. Николай Грызодубовъ; Недригайловской, Покровскаго прихода — свящ. Василій Петрусенко; Нижне-Верхосульской — свящ. Павелъ Луценковъ и Терновской, Покровскаго прихода, церковно-приходской школы свящ. Θεодоръ Сулима; послѣдніе два въ отчетномъ году совмѣстно съ законоучительствомъ несли и обязанности учителя, но Луценковъ отлично успѣлъ только по предмету Закона Божія, а Сулима — весьма хорошо по всѣмъ предметамъ школьнаго курса, въ томъ числѣ и церковному пѣнію.

Изъ учителей съ особенною ревностью потрудились и достигли отличныхъ усилъ въ церковно-приходскихъ школахъ: Ольшанской, Архангело-Михайловскаго прихода, діаконъ Іоаннъ Понировскій, Мартыновской—діаконъ Іоаннъ Гаврашенко; Недригайловской, Покровскаго прихода, псаломщикъ Георгій Столяревскій; Сергѣевской, Аннинскаго прихода, учительница Людмила Веселовская и въ школахъ грамоты: Даценковской, Ворожбянскаго прихода—поч. гражд. Лука Краснокутскій; Рудянской, Бобрикскаго Маріе-Магдалининскаго прихода,—крест. Иванъ Коваль; Александровской, Тучнянскаго прихода, сельскій писарь крестьянинъ Іоаннъ Петренко; Межиричской, Покровскаго прихода, псаломщикъ Іоаннъ Антоновъ; Мельниковской, Бежевскаго прихода, крест. Тихонъ Юрченко и Штеповской—учительница Александра Сапухина.

Какъ на неуспѣвшихъ вполне доказать своею дѣятельностію ревности къ церковно-школьному дѣлу можно указать только на четырехъ лицъ въ уѣздѣ, а именно: завѣдующихъ и законоучителей церковно-приходскихъ школъ: Должанской—свят. Петра Вахнина и Чупаховской—свят. Николая Орлова и учителей: Бѣжевской школы грамоты—псаломщика Іоанна Мухина и Ясеновской церковно-приходской школы—псаломщика Григорія Любарскаго.

9. По Старобѣльскому уѣзду наиболѣе ревностно и съ пользою послужили церковно-школьному дѣлу въ истекшемъ году: законоучители: Алексѣевской 2-го округа церковно-приходской школы прот. Георгій Поповъ, Куракинской, при Тихоновской церкви—свят. Леонидъ Поповъ; Бѣлолуцкой—студентъ семинаріи Феоктистъ Поповъ, Лизинской—свят. Михаилъ Согинъ; Бѣловодской, при Троицкой церкви—свят. Леонидъ Пономаревъ; Тимоновской—свят. Стефанъ Любицкій; Половинкиной—свят. Іаковъ Березовскій; Боровской—свят. Филиппъ Пестряковъ; Кононовской—свят. Василій Поповъ; Осиновой—свят. Василій Капустянскій; Старобѣльской при соборной церкви—свят. Михаилъ Гогинъ; Мостовской—свят. Іоаннъ Котляревскій; Петренковской школы грамоты—свят. Николай Григоровичъ; Ново-Айдарской—свят. Веніаминъ Загурскій и Лиманской—свят. Феодоръ Поповъ. Учители цер-

ковно-приходскихъ школъ: Бѣлокуракинской, при Тихоновской церкви—Григорій Поповъ; Городищанской—свщ. Алексѣй Инноковъ, Морозовской—діаконъ Иванъ Грабовскій; Шульгинской—діаконъ Анатолій Краснокутскій; Волкодавовой—дѣвица Екатерина Насѣдкина; Половинкинской—дѣвица Олимпиада Березовская; Лизиной—дѣвица Екатерина Клементьева; Бѣловодской, при Троицкой церкви—жена діакона Антонина Станкова; Боровской—жена фельдшера Марфа Дротенко; Осиновской, при Успенской церкви—дѣвица Анна Капустянская; Старобѣльской при соборной церкви—діаконъ Иванъ Мухинъ, Старобѣльской при Николаевской церкви—діаконъ Софроній Лонгиновъ; Сычевской—діаконъ Алексѣй Слюсаревъ; Старо-Адарской—дѣвица Любовь Попова; Ново-Павловской—дѣвица Анна Грекова; Колоусовской школы грамоты—мѣщанинъ Тимоѣй Квитка.

Нельзя не отмѣтить и тѣхъ священниковъ, которые по разнымъ причинамъ несли сугубый трудъ учительства и законоучительства; эти священники слѣдующіе: въ Ново-Бѣлянкой школѣ Теодоръ Николаевичъ, въ Просяновской—Іоаннъ Павловъ, въ Тецкой—Леонидъ Федоровскій, въ Даниловской—Григорій Кузнецовъ, въ Можняковской—Николай Поповъ, въ Ново-Россошанской—Стефанъ Косьменко, въ Петренковской—Николай Григоровичъ, въ Роговской—Федоръ Грековъ, въ Шелестовской—Димитрій Шишловъ и завѣдующій Городищанской школой Алексѣй Инноковъ.

Нельзя не отмѣтить и тѣхъ изъ законоучителей и учителей церковныхъ школъ, которые въ истекшемъ году, къ сожалѣнію, относились къ своимъ церковно-школьнымъ обязанностямъ неодобрительно. Это законоучители: Боровеньковской церковно-приходской школы свщ. Митрофанъ Стефановскій; Денижниковской—свщ. Александръ Торацскій; Смольяниновской—свщ. Григорій Александровъ. Школы грамоты: Ганусовской—свщ. Андрей Лядскій; Зеликовской—свщ. Филаретъ Донченковъ; Макартетинской—свщ. Іоаннъ Федоровъ; Семикозовской—свщ. Александръ Ковалевскій. Учители церковно-приходскихъ школъ: Ново-Боровской—діаконъ Θεоктистъ Александровъ; Черниговской—діаконъ Тимоѣй Матвѣевъ; Осиновой при Воз-

несенской церкви—діаконъ Александръ Николаевичъ; Барваровской—діаконъ Ушаковъ и Макартетинской—школы грамоты—псаломщикъ Самойловъ.

10. По Сумскому уѣзду особенную ревность проявили нижеслѣдующія лица: Бѣлопольской Пророко-Ильинской церковно-приходской школы—свящ. Максимъ Подлущій, заботами котораго приобрѣтено школьное зданіе о двухъ комнатахъ на 101 чел. съ квартирою для учителя,—стоимостью въ 2000 рублей и при пособіи отъ казны въ 600 руб.; въ учебно-воспитательномъ отношеніи ввѣренная ему школа одна изъ лучшихъ въ уѣздѣ. Завѣдующій Ворожбянскою школою, свящ. Василій Пономаревъ; по его просьбѣ мѣстное сельское общество пожертвовало для устройства школьнаго зданія домъ, въ настоящее время заново перестроенный при пособіи изъ казенныхъ средствъ въ 600 руб. и отъ церкви—300 руб. на усадьбѣ, также пожертвованной крестьянами. Завѣдующій Сумскою при Петро-Павловской церкви, школою свящ. Николай Мощенко. Несмотря на то, что ввѣренная ему школа находится за городомъ при кладбищѣ, отличная постановка учебнаго дѣла съ каждымъ годомъ привлекаетъ все большее и большее число дѣтей, желающихъ въ ней учиться и о. Мощенко прилагаетъ все усердіе къ удовлетворенію просьбамъ ихъ. Попечитель школы, видя усердіе завѣдующаго школою и отличную постановку дѣла, къ началу отчетнаго года на свои средства заново перестроилъ школьное зданіе, увеличивъ его настолько, что вмѣсто 60 дѣтей обучавшихся раньше, въ отчетномъ году обучалось 126 человѣкъ. Завѣдующій Старосельскою школою грамоты свящ. Петръ Гумилевскій. Старосѣльская школа существуетъ исключительно, благодаря заботамъ о. Гумилевскаго; онъ изыскиваетъ средства отъ постороннихъ лицъ для найма помѣщенія и для содержанія школы, онъ же главнымъ образомъ состоитъ и учителемъ въ ней. Обученіе пѣнію и рукодѣлію поставлено образцово; пѣнію обучаетъ онъ самъ, а рукодѣлію его жена Валентина Гумилевская. Завѣдующій Воробьевскою школою, свящ. Михаилъ Рогальскій; по примѣру прежнихъ лѣтъ школа эта, не имѣя собственнаго помѣщенія и опредѣленныхъ средствъ содержанія, существовала благодаря его заботамъ; учащихся въ ней было болѣе 60 чел.

Законоучители школъ: Бѣлопольской при Преображенской церкви свящ. Митрофанъ Рапкевскій; Николаевской—свящ. Петръ Ставровскій, Рогозянской—свящ. Михаилъ Добрецкій, Стецковской при Дмитріевской церкви—свящ. Іоаннъ Виноградскій, Сумской при Покровской церкви свящ. Дмитрій Виноградскій, Сумской при Пророко-Ильинской церкви—свящ. Филаретъ Григоровичъ и Хотѣнской—свящ. Павелъ Чугаевъ.

Учители и учительницы: г. Бѣлополя при Покровской церкви Антонина Луценкова, Водолажской—діаконъ Григорій Егоровъ, Воробьевской—діаконъ Илларионъ Полтавцевъ, Павловской—цсал. Крушедольскій (временно исполнявшій обязанности и учителя), Сумской соборной—діаконъ Θεодоръ Юрковскій и Евгенийъ Ракшевскій, Сумской Троицкой—учитель Евецкій и учительница Наталія Виноградская, Хотѣнской—Антонина Насѣдкина и Черваневской—учитель Крыжановскій.

Попечители школъ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, прилагали стараніе въ заботахъ о благоустройствѣ школъ и помогали своими средствами въ содержаніи ихъ. Особенное же усердіе и любовь къ школамъ обнаружили: попечитель Сумской, при Петро-Павловской церкви, школы Н. И. Скубенко и Ульяновской—И. Е. Шатанько. Усердіе и любовь къ школъ Н. И. Скубенко проявились не въ томъ только, что онъ на свои средства перестроилъ школьное зданіе, израсходовавъ на это до 3000 руб. и платилъ жалованье учащимъ, но и въ томъ, что онъ принималъ самое живѣйшее участіе во всей жизни и дѣятельности любимой имъ школы. Попеченіе Шатанько о школъ выразилось въ его матеріальномъ пожертвованіи ва обкладку кирпичемъ зданія церковно-приходской школы, окраску половъ, дверей, оконъ и проч.

11. По Харьковскому уѣзду съ особеннымъ усердіемъ и любовію къ школьному дѣлу относились: завѣдующій онъ же и законоучитель Веселовской церковно-приходской школы свящ. Александръ Бородаевъ; Деркачевской при Рождество-Богородичной церкви свящ. Андрей Чаговцевъ; Деркачевской при Николаевской церкви прот. Регішевскій; Казачковской—свящ. Іоаннъ Андреевъ; Комаровской—Петръ Шебатинскій; Мерефянской—свящ.

Василій Любчинскій; Ольшанской при Покровской церкви

свѣщ. Николай Житловъ; Ольшанской при Николаевской церкви свѣщ. Василій Сукачевъ; Основянской—свѣщ. Михаилъ Кляч- ный; Панъ-Ивановской—свѣщ. Дмитрій Сукачевъ; Большо-Рогозянской—свѣщ. Василій Ковалевъ; Харьковской при мѣ- щанской богадѣльнѣ—свѣщ. Николай Жебеневъ, Харьковской Свято-Духовской—свѣщ. Н. Шосте и Черкасско-Лозовской— свѣщ. Петрусенко. Законоучители школъ грамоты: Глубоко-Ярской—діаконъ Стефанъ Семейкинъ; Хорошевскій—свѣщ. Іоаннъ Крыжановскій; учителя Харьковской двухклассной Александро-Невской школы—Арефьевъ и Жуковскій; Харьков-ской Всѣхъ-Святской—діаконъ Θεоктистовъ; Харьковской Преображенской—учительница Александра Найденова; Харь- ковской мѣщанской богадѣльни—діаконъ Невпругинъ; Харьков-ской Свято-Духовской—учительницы: Антонина Коваленко и Наталья Яновская, обѣ бесплатно преподавали рукодѣліе 2 раза въ недѣлю; Бобаевской—діаконъ Петръ Тимофѣевъ, преподаю- щій церковное пѣніе съ особеннымъ успѣхомъ; Веселовской— учительница Марія Бородаева; Казачковской—учитель псал. Фіалковскій; Куряжской—учитель Григорій Роменскій; Ольшан-ской, при Покровской церкви,—діаконъ Николай Сѣдиковъ, Основянской—Ждановичъ и учитель церковнаго пѣнія при 2-хъ классной Александро-Невской школъ діаконъ Θεодоръ Ни- кольскій.

Законоучители церковно-приходскихъ школъ: Золочевской при Николаевской церкви свѣщ. Θεодоръ Ивановъ и Вертѣев-ской—свѣщ. Григорій Дикаревъ—трудоу по преподаванію Закона Божія не несутъ.

Мѣры, принимаемыя къ повышенію педагогической подготовки учащихся. Курсы. Занятія на нихъ. Насколько замѣтно вліяніе курсовъ на улучшеніе школьнаго дѣла въ епархіи.

Кромѣ мѣропріятій, принятыхъ наблюдателями къ повышенію педагогической подготовки учителей и изложенныхъ въ ихъ до-кладахъ и заявленіяхъ Отдѣленіямъ и Совѣту, и въ отчетномъ году они прилагали всѣ старанія къ тому, чтобы обновить пе-дагогическій составъ учащихся другими болѣе опытными учи-телями, возбудить въ нихъ духъ большей энергіи и любви къ

школьнымъ занятіямъ, помочь неопытнымъ къ ихъ занятіяхъ, однимъ словомъ, повысить образовательный уровень учительскаго персонала; съ этою цѣлью приняты были мѣры:

а) При посѣщеніи школъ, усматривая явные недостатки въ приѣмахъ преподаванія учителей, наблюдатели съ своей стороны предлагали примѣрные уроки первоначальнаго обученія.

б) Оо. Завѣдующіе, какъ ближайшіе руководители школъ, отвѣтственные за ходъ школьнаго дѣла въ учебно-воспитательномъ отношеніи, по просьбѣ учителей и сами весьма нерѣдко руководили неопытныхъ изъ нихъ въ дѣлѣ обученія. Усердію нѣкоторыхъ изъ нихъ неопытные учителя обязаны своимъ умѣньемъ и опытностію.

в) Въ затруднительныхъ случаяхъ неопытные учителя съ вѣдома и разрѣшенія оо. завѣдующихъ обращались за указаніемъ къ опытнымъ въ педагогическомъ дѣлѣ своимъ товарищамъ, оставаясь для занятій въ ихъ школахъ по нѣскольکو дней.

г) Послѣ ревизіи школъ наблюдатели, производя общую оцѣнку учебно-воспитательной стороны въ школѣ, вели сверхъ того бесѣды по вопросамъ о постановкѣ преподаванія того или другого предмета, на вопросы и недоумѣнія учителей давали соотвѣтствующія разъясненія и рекомендовали къ приобрѣтенію методическія руководства по предметамъ школьнаго курса.

д) Зміевскій уѣздный наблюдатель въ отчетномъ году снабдилъ всѣ школы подвѣдомственнаго ему уѣзда методическими руководствами по предметамъ: Закону Божію, русскому и церковнославянскому языку.

е) Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ послѣ ревизіи школъ наблюдателями устраивались совѣщанія оо. законоучителей и учителей нѣсколькихъ школъ многолюдныхъ или смежныхъ селеній, предметомъ которыхъ были разные вопросы, касающіеся благоустройства школъ въ учебно-воспитательномъ и матеріальномъ отношеніи.

ж) При назначеніи учителей на мѣста болѣе обеспеченныя въ матеріальномъ отношеніи или при переводѣ ихъ изъ одной школы въ другую, предпочтеніе всегда отдавалось лучшимъ по образованію и педагогической опытности учителямъ,—что по-

буждало и неопытныхъ учителей усовершенствоваться въ методахъ и приѣмахъ преподаванія и заставило ихъ быть болѣе усердными.

з) Для нагляднаго и практическаго ознакомленія учителей, начинающихъ свою педагогическую службу, о.о. завѣдующіе съ вѣдома епархіальнаго наблюдателя допускали ихъ къ занятіямъ въ качествѣ практикантовъ въ школы двухклассныя и лучшія одноклассныя. Въ отчетномъ году такихъ практикантовъ было 63 человекъ.

и) Вмѣстѣ съ тѣмъ въ отчетномъ году Изюмскимъ, Купянскимъ и Сумскимъ уѣздными наблюдателями были высказаны предположенія озаботиться въ наступающемъ учебномъ году устройствомъ помѣстныхъ кратковременныхъ курсовъ для неопытныхъ учителей школъ церковно-приходскихъ и грамоты при школахъ второклассныхъ или тѣхъ церковно-приходскихъ школахъ, учителя которыхъ могутъ преподавать образцовые практическіе уроки.

Но принимая подобнаго рода мѣры, наблюдатели въ то же время сознаютъ, что значеніе ихъ условно и находится въ зависимости и отъ энергіи отдѣльныхъ лицъ и отъ случайныхъ обстоятельствъ, и отъ характера того или другого руководства, совѣта и наставленія, что, однимъ словомъ, эти мѣры не могутъ существенно восполнить тотъ педагогическій пробѣлъ, который существуетъ въ составѣ нашихъ учителей по причинѣ многихъ и весьма важныхъ обстоятельствъ. Въ этомъ случаѣ необходима рѣшительная мѣра, а такую мѣрою являются курсы педагогическіе и церковнаго пѣнія.

Какъ показываетъ опытъ, учительскіе курсы есть самое вѣрное средство и самая лучшая мѣра къ повышенію педагогической подготовки учащихъ лицъ. Курсы первыхъ трехъ лѣтъ дали для церковныхъ школъ не мало подготовленныхъ учителей, такъ что въ настоящее время по общему заявленію наблюдателей и нашему личному убѣжденію, вліяніе этихъ курсовъ довольно замѣтно сказалось на улучшеніи школьнаго дѣла въ епархіи.

Занятія на курсахъ, утверждаетъ Ахтырскій уѣздный наблюдатель, охватываютъ весь кругъ знаній, необходимыхъ учителю

народной церковно-приходской школы и несомненно значительно освѣжаютъ и интеллектуальную, и практическую правоспособность учителя развивая его умственный кругозоръ и внушая ему болѣе увѣренности въ веденіи школьныхъ занятій. Изъ личныхъ наблюденій Купянскаго уѣзднаго наблюдателя усматривается, что учителя, побывавъ на курсахъ при желаніи, съ увѣренностію и смѣло приступаютъ къ дѣлу и уже не испытываютъ того томленія, какое раньше испытывали отъ неумѣнья взяться за школьное обученіе и управиться съ различными затрудненіями въ школьной жизни. Признавая столь же громадное значеніе за курсами, Изюмскій уѣздный наблюдатель говоритъ, что правильная и выдержанная группировка учащихся, примѣненіе лучшихъ методовъ преподаванія и особенно хорошая постановка церковнаго пѣнія—отличительныя особенности тѣхъ школъ, въ коихъ учительствуютъ лица, побывавшія на педагогическихъ курсахъ... Школы такихъ учителей, продолжаетъ Зміевскій уѣздный наблюдатель, отличаются правильною постановкою учебнаго дѣла и разумнымъ преподаваніемъ предметовъ школьнаго курса. Такъ какъ на курсахъ усиленно преподается церковное пѣніе, то и курсисты, являсь въ школу, преподаютъ въ ней пѣніе и стараются организовать у себя неболшіе хоры, съ которыми они поютъ и въ церкви и доставляютъ большое утѣшеніе нашему народу.

Такіе же отзывы о бывшихъ учителяхъ курсистахъ, за самими единичными исключеніями, идутъ и отъ лица завѣдующихъ школами, которыя, какъ лица, близко стояція къ школѣ утверждаютъ, что значеніе курсовъ несомненно и польза ихъ для учителей велика.

Въ виду столь важнаго значенія курсовъ для поднятія педагогическаго образованія учителей и въ отчетномъ году по примѣру прежнихъ лѣтъ были открыты въ гор. Харьковѣ учительскіе курсы для учителей одноклассныхъ церковно-приходскихъ школъ Харьковской и Таврической епархій.

Подробныя данныя относительно устройства и веденія сихъ курсовъ были изложены въ статьѣ епархіальнаго наблюдателя, напечатанной по распоряженію Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія, въ журналѣ „Вѣра и разумъ“ (Августъ, кн. 1) и въ

отчетъ Инспектора курсовъ того же наблюдателя, которыя въ видѣ особыхъ приложений по №№ 3 и 4 при семъ прилагаются.

3.

Успѣхи обученія по предметамъ школьнаго курса въ школахъ второклассныхъ, двухклассныхъ, одноклассныхъ и школахъ грамоты.

Наблюдая за развитіемъ церковно-школьнаго дѣла въ епархіи, присматриваясь къ его прогрессивному росту на основаніи личныхъ наблюденій, постоянныхъ сообщеній уѣздныхъ наблюдателей и дѣлопроизводства церковно-школьныхъ учреждений, съ несомнѣвностью можно утверждать, что хотя всѣ вообще церковныя школы въ наличномъ своемъ состояніи въ учебно-воспитательномъ отношеніи и далеки еще отъ желанной нормы, но уже и въ настоящее время есть достаточное количество такихъ школъ которыя могли бы служить истиннымъ образцомъ церковной школы во всѣхъ отношеніяхъ и утѣпительнымъ примѣромъ подражанія для остальныхъ труженниковъ на нивѣ церковно-народнаго образованія. Духовенство видимо проникается общей идеей любви къ народному образованію и, сознавъ пастырскій долгъ учительства, дружно выступаетъ на встрѣчу давно уже назрѣвшему желанію въ народѣ получить религіозно-нравственное образованіе въ церковной школѣ, повсюду и всѣми принимаются усилія, заботы, мѣры и средства для болѣе правильной постановки учебнаго дѣла въ школахъ.

Но судя по всѣмъ мѣропріятіямъ, предпринятымъ до настоящаго времени на пользу учебнаго дѣла въ школахъ, и той энергіи, которую обнаруживаетъ духовенство, можно было бы ожидать гораздо большихъ успѣховъ обученія, если бы оно не встрѣчало въ школьномъ дѣлѣ множества препятствій для правильной постановки учебнаго дѣла. Такими препятствіями служатъ: а) позднее начало и раннее окончаніе школьныхъ занятій въ нѣкоторыхъ церковныхъ школахъ, сокращающее продолжительность учебнаго года; б) разновременное поступленіе дѣтей въ школу, порождающее группы учащихся съ различными познаніями и препятствующее правильному и быстрому ходу

обученія; в) неисправное хожденіе дѣтей въ школу, дающее школь отстающихъ учениковъ, съ которыми учитель долженъ заниматься отдѣльно и ради которыхъ онъ долженъ останавливаться на одномъ и томъ же предметѣ обученія по нѣскольکو дней; г) недостатокъ правоспособныхъ учителей или же отсутствіе ихъ, вслѣдствіе чего сами священники должны вести дѣло обученія совмѣстно по всѣмъ предметамъ школьнаго курса на ряду со всѣми приходскими обязанностями; д) краткій срокъ учительской службы учителей педагогически правоспособныхъ, вслѣдствіе ограниченности средствъ переходящихъ на службу приходскими священниками или же въ школы М. Н. Просвѣщенія, какъ наиболѣе обеспеченныя; е) недостатокъ письменныхъ принадлежностей или же крайнее разнообразіе ихъ, тормозящее успѣшный ходъ обученія письму и счисленію; ж) недостатокъ или полное отсутствіе педагогическихъ руководствъ для учителей, необходимыхъ въ цѣлесообразной постановкѣ и правильнаго веденія учебнаго дѣла въ школахъ, з) неудобства въ школьныхъ помѣщеніяхъ, вслѣдствіе тѣсноты, недостатка свѣта и воздуха, удобныхъ классныхъ столовъ и, наконецъ, и) ограниченность средствъ мѣстныхъ и правительственныхъ какъ условіе, затрудняющее устраненіе послѣднихъ пяти недостатковъ школьнаго дѣла.

Не смотря однако на всѣ вышеизложенныя препятствія, духовенство, церковно-школьная инспекція, уѣздныя отдѣленія, епархіальный училищный Совѣтъ и оо. завѣдующіе съ своей стороны принимали всѣ зависящія мѣры къ устраненію означенныхъ препятствій и нужно съ удовольствіемъ отмѣтить, что въ отчетномъ году многія изъ этихъ препятствій, затрудняющихъ успѣшный ходъ обученія, значительно ослаблены и устранены: а) число правоспособныхъ учителей значительно увеличилось, не только выдержавшими экзаменъ на званіе учителей, но и значительнымъ количествомъ лицъ, слушавшихъ педагогическіе курсы; б) 8 учителей Зміевского уѣзда и 100 учителей прочихъ десяти уѣздовъ снабжены были методическими руководствами по обученію грамотѣ (Н. Страхова и С. Бобровскаго), ариѳметикѣ (И. Вишневскаго), церковному пѣнію (А. Рязскаго); в) устроено и расширено свыше 50 школьныхъ зданій; г) церковно-

школьная инспекція тщательно слѣдила, чтобы учебныя занятія въ школахъ начинались одновременно и возможно раньше, причемъ продолжительность учебнаго года, въ школахъ сельскихъ, за немногими исключеніями, равнялись 6 и 7 мѣсяцамъ, а въ школахъ городскихъ и школахъ большихъ деревень, торговыхъ и фабричныхъ пунктовъ учебный годъ начинался съ 1-го сентября и оканчивался между 1 и 15 мая. Съ своей стороны и духовенство продолжаетъ пользоваться всѣмъ, что можетъ служить въ его рукахъ къ улучшенію учебной постановки въ церковныхъ школахъ: и опытомъ прежнихъ лѣтъ, какъ лучшимъ учителемъ, исправляющимъ недостатки и пробѣлы въ обученіи прежняго времени, и указаніями уѣздныхъ наблюдателей, переносящихъ изъ школы въ школу путемъ частныхъ бесѣдъ и личныхъ указаній свои педагогическія руководственныя указанія, и лучшими педагогическими руководствами, и журналами, кои даютъ желающимъ возможность стоять на уровнѣ современной педагогическія, и учительскими курсами, давшими этому духовенству не мало подготовленныхъ въ педагогическомъ дѣлѣ учителей и, наконецъ, всѣмъ, что доселѣ было предпринято къ улучшенію учебнаго дѣла въ церковныхъ школахъ мѣстными и центральными церковно-школьными учрежденіями.

Въ виду обширности учебной программы для одноклассныхъ церковно-приходскихъ школъ почти во всѣхъ церковныхъ школахъ епархіи установился трехгодичный курсъ обученія, узаконенный Высочайшимъ Повелѣніемъ, согласно опредѣленію Св. Синода отъ 28 октября—4 ноября 1898 года за № 4221. Трехгодичный курсъ ученія въ церковныхъ школахъ весьма благопріятно отражается на успѣхахъ школьнаго обученія, давая возможность тщательно выполнять учебную программу.

Въ одноклассныхъ церковныхъ школахъ обученіе производилось по программѣ для церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты, утвержденной Училищнымъ Совѣтомъ при Св. Синодѣ и согласно объяснительнымъ къ ней запискамъ. Въ школахъ грамоты обученіе велось также по сей программѣ, хотя выполненіе ея и не считалось для этихъ школъ обязательнымъ.

Что касается школъ второклассныхъ, то преподаваніе въ нихъ велось по „Примѣрной программѣ“, изданной Училищнымъ Совѣтомъ при Св. Синодѣ къ руководству учащихся въ видѣ проекта. Введеніе этой программы въ курсъ обученія не представило особыхъ затрудненій въ виду того, что всѣ учителя второклассныхъ школъ Харьковской епархіи были ознакомлены съ ея содержаніемъ на бывшихъ педагогическихъ курсахъ для учителей второклассныхъ школъ. Но такъ какъ означенною программю не предусматривается, а лишь намѣчается содержаніе и объемъ учебнаго матеріала, то при распредѣленіи этого матеріала по годамъ обученія были допущены во многомъ сокращенія съ вѣдома епархіальнаго наблюдателя.

Учебниками и учебными пособиями въ школахъ грамоты одноклассныхъ и двухклассныхъ церковно-приходскихъ школахъ епархіи служили слѣдующія книги, одобренныя училищнымъ совѣтомъ при Св. Синодѣ: а) *по Закону Божию*: Библия, Краткій молитвословъ, стѣнныя таблицы Молитвы Господней, Символа вѣры и заповѣдей; Наставленіе въ Законъ Божіемъ—прот. Смирнова, Наставленіе въ Законъ Божіемъ—Еп. Агаеодора, Начатки православнаго христіанскаго ученія, Пространный Христіанскій Катихизисъ, Картины по Священной Исторіи,—Сидоровскаго, Ученіе о Богослуженіи—Никольскаго, Историческія чтенія изъ книгъ Ветхаго Завѣта, Краткая Исторія жизни Господа Нашега Иисуса Христа въ вопросахъ и отвѣтахъ; б) *по церковно-славянскому языку*: Таблица буквъ и молитвословій, Подвижная азбука и буквари—Изд. Св. Синода; Церковно-славянская азбука—Н. Ильминскаго; Обученіе церковно-славянской азбукѣ—его же; Книга для чтенія по славянскому языку—Грушевскаго; Евангелія на славянскомъ языкѣ, Учебный часословъ, Псалтырь и Октоихъ, Славянорусскій словарь—Михайловскаго, Славянская грамматика—К. Козьмина; в) *по Русскому языку*: Подвижная азбука, Азбука для обученія отроковъ церковно-славянскому и гражданскому чтенію, Букварь Лубенца, Книга для чтенія и письменныхъ работъ Радонежскаго, Родина—Радонежскаго, Солнышко его же, Приходская школа—Ермина и Волотовскаго, Азбука правописанія Д. Тихомирова, Начатки грамматики его же, Грам-

матика въ диктовкахъ—Матвѣевой, Курсъ систематическаго диктанта—Смирновскаго, Практическій курсъ правописанія—Некрасова; г) *по счисленію*: Счеты простые и шведскіе, методики ариметики—Тихомирова, Гольденберга, Шохоръ—Троцкаго, Сборники ариметическихъ задачъ Гольденберга, Евтушевскаго, Шохора—Троцкаго и кн Тенишева; д) *по церковному пѣнію*: Руководство къ первоначальному изученію церковнаго пѣнія—Соловьева, Стихири и Тропари воскресныя—его же, Обиходъ церковнаго нотнаго пѣнія. Учебный обиходъ, Октоихъ нотнаго пѣнія, Ирмологій нотнаго пѣнія, Руководство къ нотному пѣнію—Смоленскаго. Учебникъ церковнаго пѣнія—А. Рязскаго; е) *по чистописанію*: прописи Гербача, Уроки чистописанія—его же, Методическое руководство къ обученію письму—его же; ж) *по географіи*: Элементарная географія—Пуцковича, Учебный, географическій атласъ для церковно-приходскихъ школъ—Поддубнаго; з) *по Русской исторіи*: Отечественная исторія для народныхъ школъ—С. Рождественскаго; Историческій атласъ; и) *по Церковной исторіи*: Начальныя свѣдѣнія изъ исторіи церкви—прот. Смирнова.

Въ школахъ второклассныхъ практиковались слѣдующіе учебники и учебныя пособія: Священная исторія Ветхаго и Новаго Завѣта—прот. А. Рудакова, краткая Священная Исторія, послѣдовательно изложенная для двухклассныхъ церковныхъ школъ—прот. Смирнова, Краткая исторія церковная—Еп. Гермогена, Исторія Православной церкви до раздѣленія церквей—изд. К. П. Побѣдонесцева, Краткое обзорѣніе богослужебныхъ книгъ—прот. К. Никольскаго, Пространный Христіанскій Катихизисъ, Краткая грамматика церковно-славянскаго языка—Миропольскаго, Сокращенная грамматика церковно-славянскаго языка—М. Григоревскаго, Этимологія русскаго языка—Кирпичникова и Гилярова, Краткій учебникъ географіи—Раевского, Смирнова и пособія: По русской землѣ—А. Соколова, Географическіе очерки и картины—Мечъ, Географическій сборникъ—его же; пособія по русской исторіи: Исторія Государства Россійскаго Карамзина, Бесѣды по русской исторіи—изд. Уч. Сов. при Св. Синодѣ и физическіе приборы.

По успѣхамъ обученія предметамъ школьнаго курса одно-

классныя церковно-приходскія школы принадлежать къ школамъ, въ которыхъ учебное дѣло поставлено отлично-хорошо, весьма хорошо и удовлетворительно, за рѣдкими исключеніями школъ неудовлетворительныхъ, по причинамъ изложеннымъ выше, и притомъ уважительнымъ или же устранимымъ.

Законъ Божій. При преподаваніи Закона Божія оо. законоучители церковныхъ школъ неуклонно держались требованій учебной программы и объяснительной записки къ ней. Сначала изучались первоначальныя молитвы и молитвенныя знаменія, затѣмъ событія св. Исторіи Ветхаго Завѣта въ послѣдовательномъ порядкѣ до конца и потомъ приступали къ изученію событій изъ св. Исторіи Новаго Завѣта. Впрочемъ въ нѣкоторыхъ школахъ дѣлались и отступленія отъ такого требованія вслѣдствіе привычки преподавать Законъ Божій по учебнику прот. Д. Соколова, которымъ рекомендуется, послѣ статьи о грѣхопадении прародителей, наказаніи за грѣхъ и обѣтованіи о Спасителѣ, непосредственно переходить къ изученію событій новозавѣтныхъ: „Рожденіе Пресв. Дѣвы Маріи, Введеніе во храмъ“ и т. д. Какъ на основаніи для такого порядка прохожденія программы указывается между прочимъ на то, что многіе изъ учащихся оставляютъ школу на второмъ году обученія и что потому нужно спѣшить ознакомить этихъ дѣтей со всѣми главнѣйшими событіями Священной Исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта. Кромѣ изученія молитвъ съ объясненіемъ и событій Свящ. Исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта по указаннымъ выше учебникамъ, ученики старшаго отдѣленія къ концу третьяго года достаточно ознакомились съ ученіемъ о Богослуженіи Православной Церкви, о Храмѣ, внѣшнемъ видѣ и внутреннемъ его устройствѣ, священныхъ изображеніяхъ, Священныхъ сосудахъ, лицахъ совершающихъ богослуженіе и проч. Съ особенною отчетливостью и разумѣніемъ усвоено ими было все, что относится къ литургіи: понятіе о литургіи, раздѣленіе ея, значеніе каждаго дѣйствія при совершеніи литургіи. О праздникахъ, постахъ и таинствахъ Православной церкви,—усвоено также твердо. Изъ катихизиса обстоятельно изучено подробное объясненіе Символа Вѣры, Молитвы Господней и 10 заповѣдей Закона Божія.

Планъ занятій и распредѣленіе учебнаго матеріала по Закону Божію между тремя группами былъ въ общемъ слѣдующій. Въ первые три мѣсяца учащимся *младшей группы* было преподавано: понятіе о Богѣ и Его свойствахъ, о необходимости молитвы, внѣшніе знаки молитвы; краткіе рассказы о дванадцятихъ праздникахъ, краткіе молитвы; молитва Св. Духу, молитва Пресвятой Троицѣ, молитва Господня, молитва послѣ обѣда и ужина, Пресвятой Богородицѣ, „Достойно“ и молитва за Царя. Со второго полугодія младшіе ученики, слушая вмѣстѣ съ учениками средней группы священную исторію, изучаютъ въ то же время заповѣди и Символь Вѣры. При изученіи Священной Исторіи отъ нихъ не требовалось умѣнья связно передавать рассказъ, а требовалась только передача его по вопросамъ. Повтореніемъ молитвъ, заповѣдей и Символа Вѣры заканчивался учебный курсъ для младшей группы. Въ первое полугодіе ученики *средней группы*, слушая со старшими Священную Исторію Новаго Завѣта и Православный катихизисъ, изучали вмѣстѣ съ тѣмъ молитвы: Ангелу хранителю, утреннюю и вечернюю, Святому тезоименитому, за живыхъ и умершихъ, молитву предъ причащеніемъ и Св. Ефрема Сирина; во вторую половину учебнаго года была изучаема остальная часть Священной Исторіи Ветхаго Завѣта. Повтореніемъ Свящ. Исторіи Ветхаго Завѣта и изученныхъ молитвъ заканчивался второй годъ обученія. Въ *старшей группѣ* изучалась Священная Исторія Новаго Завѣта и краткій катихизисъ по „Начаткамъ“. Повтореніемъ всего изученнаго за три года обученія заканчивался курсъ Закона Божія для одноклассныхъ церковно-приходскихъ школъ.

При изученіи Закона Божія со. законоучители по возможности старались избѣгать механическаго заучиванія молитвъ и событій изъ Священной Исторіи, заботясь о томъ, чтобы видна была сознательность и твердость въ усвоеніи преподаваемаго и чтобы все преподаваемое дѣтямъ усвоилось не умомъ только, но и сердцемъ, дѣлаясь потребностью ихъ религіозной души и основой всей дальнѣйшей жизни. Наряду съ этимъ преслѣдовалась также и та цѣль, чтобы изученіе событій изъ священной исторіи было тѣсно и неразрывно связано со всею жизнью

Церкви. Въ виду этого наканунѣ праздничныхъ и воскресныхъ дней оо. законоучители, не дожидаясь, пока въ порядкѣ учебной программы слѣдуетъ сообщать дѣтямъ о тѣхъ или другихъ церковныхъ праздникахъ, знакомили ихъ съ этими событіями въ порядкѣ церковнаго календаря; вмѣстѣ съ тѣмъ оо. законоучители знакомили дѣтей также и съ содержаніемъ очередныхъ евангельскихъ и апостольскихъ чтеній. Не довольствуясь учебной программой, оо. законоучители многихъ школъ сообщали дѣтямъ свѣдѣнія о праздникахъ, особо чтимыхъ народомъ: праздникъ Покрова Пресвятыя Богородицы, праздникъ Николая Мирликійскаго чудотворца и другихъ.

Вообще нужно сказать, что дѣло преподаванія Закона Божія въ церковныхъ школахъ епархіи было поставлено надлежащимъ образомъ.

Какъ главному предмету обученія, Закону Божію во всѣхъ церковныхъ школахъ епархіи было посвящено и главное вниманіе и должный трудъ духовенства.

Въ отчетномъ году въ церковныхъ школахъ сектанскихъ селеній епархіи съ разрѣшенія Св. Синода была ведена особая программа по предмету Закона Божія, представляющая собою расширеніе учебной Синодальной программы апологетическимъ элементомъ.

Къ наиболѣе существеннымъ недостаткамъ преподаванія Закона Божія относятся: а) требованіе отъ учащихся, чтобы они заучивали задаваемый урокъ по учебнику безъ предварительнаго объясненія, вслѣдствіе чего содержаніе урока часто заучивается до-словно, безъ пониманія и пользы; б) неправильное распредѣленіе учебнаго матеріала и учебнаго времени между тремя группами учащихся, вслѣдствіе чего второе отдѣленіе учениковъ остается нерѣдко безъ надлежащаго вниманія и достаточныхъ знаній, а все вниманіе посвящается занятіямъ въ старшей группѣ, готовящейся къ выпуску; в) чрезмѣрная поспѣшность въ прохожденіи курса, вслѣдствіе которой ученики, не освоившись основательно съ учебнымъ матеріаломъ, пріобрѣтаютъ знанія сбивчивыя, случайныя и неясныя; г) излишняя словоохотливость, при которой напрасно затрачивается время и затрудняется усвоеніе учащимися преподаваемаго предмета.

Церковно-славянскій языкъ по тѣсной связи съ церковными богослуженіями и священной исторіей составлялъ предметъ внимательнаго изученія на ряду съ Закономъ Божіимъ. Во всѣхъ церковныхъ школахъ къ изученію его дѣти приступали тотчасъ послѣ ознакомленія съ русскимъ алфавитомъ и пріобрѣтенія навыка къ чтенію гражданской печати. Переходъ отъ русскаго чтенія къ славянскому не представлялъ трудностей; сравнивъ буквы гражданской и славянской печати и ознакомившись съ титлами и надсрочными знаками, дѣти свободно начинали читать сначала отдѣльныя слова и небольшія изреченія, а затѣмъ и цѣлыя статьи. Обученіе церковно-славянской грамотѣ Ильминскаго было первою книгою для чтенія по славянски. Послѣ нея переходили къ чтенію Евангелія и преимущественно тѣхъ мѣстъ изъ него, какія соотвѣтствовали учебной программѣ по Священной Исторіи. При такой постановкѣ изученія церковно-славянскаго языка онъ служилъ въ то же время прямымъ пособіемъ къ изученію Священной Исторіи по первоисточнику. Чтеніе Часослова и Псалтыри начиналось послѣ Евангелія и одновременно съ нимъ въ старшей группѣ.

При изученіи славянскаго языка преслѣдовалось главнымъ образомъ двѣ цѣли: научить дѣтей правильно читать и понимать читаемое. Въ первомъ случаѣ учителя заботились о томъ, чтобы чтеніе было не только правильнымъ, свободнымъ отчетливымъ, съ соблюденіемъ удареній и знаковъ препинанія, но чтобы при этомъ чтеніе было въ строгомъ смыслѣ церковнымъ—не разговорнымъ и выразительнымъ, а истовымъ, монотоннымъ и спокойнымъ, родственнымъ по духу съ чтеніемъ, освященнымъ традиціей церкви. Чтобы произвѣсти на дѣтей впечатлѣніе содержаніемъ и формою священной рѣчи, сами учителя въ образецъ дѣтямъ прочитывали истово и съ благоговѣніемъ то или другое мѣсто изъ Св. Евангелія или Псалтыри, и затѣмъ уже по этому образцу заставляли читать дѣтей. А для того, чтобы внушить дѣтямъ благоговѣйное отношеніе къ чтенію церковно-славянскихъ книгъ, время отъ времени лучшихъ изъ нихъ они готовили къ чтенію въ церкви и при этомъ внушали имъ мысль, что читающій въ церкви становится яко бы церковнослужите-

лемъ, чрезъ коего возносятся молитвы къ Богу за всѣхъ предстоящихъ. Въ церковныхъ школахъ Старобѣльскаго уѣзда ставилось цѣлю достигнуть въ изученіи церковно-славянскаго языка такой степени бѣглости и внятности чтенія, чтобы каждый ученикъ церковной школы могъ читать въ церкви при Богослуженіи. Въ церковныхъ школахъ Сумскаго, Зміевскаго, Купянскаго и Изюмскаго уѣздовъ во всѣхъ церквахъ, при которыхъ существуютъ церковныя школы, шестопсалміе, каѳизмы и другія церковно-богослужебныя чтенія исполняли ученики этихъ школъ. Чтеніе дѣтми въ церкви было заведено въ школахъ и всѣхъ остальныхъ уѣздовъ. вмѣстѣ съ тѣмъ и на урокахъ славянскаго языка дѣтямъ постоянно внушалась мысль, что чтеніе церковно-славянскихъ книгъ всегда должно быть благоговѣйное и молитвенное, что при чтеніи этихъ книгъ, гдѣ бы и когда бы ни было, дѣти должны помнить, что Евангеліе и Псалтырь суть книги, употребляемыя въ церкви при Богослуженіи и написаны святыми людьми по вдохновенію отъ Святаго Духа, что устами людей, написавшихъ сіи книги, говорилъ Самъ Богъ. Въ нѣкоторыхъ школахъ Харьковскаго, Купянскаго и другихъ уѣздовъ введенъ былъ святой обычай при чтеніи Евангелія полагать крестное знаменіе.

При объясненіи церковно-славянскаго текста священныхъ книгъ и пѣснопѣній преслѣдовалась главнымъ образомъ та цѣль, чтобы помочь ученику пріобрѣсти навыкъ читать церковно-славянскую книгу съ разумѣніемъ. Для достиженія этой цѣли учителя, всегда помня, что въ священныхъ книгахъ есть много непостижимаго для человѣческаго разума, избирали для объясненія лишь тѣ мѣста Священныхъ, книгъ, какія доступны для дѣтскаго разума. И въ этомъ послѣднемъ случаѣ они не требовали отъ дѣтей филологически точнаго перевода и подробныхъ толкованій, а стремились лишь къ тому, чтобы они уразумѣли общую мысль и духъ читаемаго. Средствами для этого были: объясненіе непонятныхъ словъ церковно-славянскаго текста, переводъ и заучиваніе наизусть наиболѣе употребительныхъ церковно-славянскихъ словъ и выраженій, практическое ознакомленіе учениковъ съ нѣкоторыми грамматическими особенностями славянскаго языка сравнительно и параллельно съ русскимъ.

При такой постановкѣ изученія церковно-славянскаго языка и успѣхи обученія этому предмету въ церковныхъ школахъ епархіи были очень хорошими. Можно сказать при этомъ, что по предмету церковно-славянскаго языка были достигнуты результаты не только желательныя, но и сравнительно съ прочими предметами учебнаго курса лучшіе.

Главнѣйшими недостатками въ преподаваніи церковно-славянской грамоты являються: а) ошибки противъ удареній, б) фонетическія неправильности, в) неправильное распредѣленіе учебнаго матеріала и неумѣнье надлежащимъ образомъ пользоваться въ цѣляхъ обученія, г) механизмъ въ чтеніи въ ущербъ сознательности и д) стремленіе учителей къ точному и дословному переводу текста, при чемъ для учащагося остается непонятнымъ общій смыслъ прочитаннаго.

Русскій языкъ. При обученіи русскому языку въ одноклассныхъ церковно-приходскихъ школахъ преслѣдовалась та цѣль, чтобы а) научить дѣтей правильно, бѣгло и толково читать, б) писать безъ звуковыхъ и грубыхъ этимологическихъ ошибокъ, в) передавать содержаніе прочитаннаго. Судя на основаніи личныхъ наблюденій уѣздныхъ и епархіальнаго наблюдателей и результатовъ экзаменаціонныхъ испытаній, поставленная цѣль была достигнута въ достаточной степени. Средствами для наученія русскому языку были: ежедневное классное и внѣклассное чтеніе, объясненіе непонятныхъ словъ, разборъ прочитаннаго по отдѣльнымъ предложеніямъ, пересказъ прочитанныхъ статей, заучиваніе наизусть образцовъ въ стихотворной и прозаической формѣ и разнаго рода письменныя упражненія: списываніе съ книги, звуковая диктовка, диктовка съ предвареніемъ ошибокъ, провѣрочная диктовка, писаніе выученнаго наизусть и самостоятельныя письменныя упражненія въ формѣ пересказовъ своими словами прочитаннаго и легкихъ описаній. При изученіи русской грамоты во всѣхъ школахъ употреблялся современный и для всѣхъ понятный звуковой методъ, хотя и нельзя сказать, чтобы этотъ способъ преподаванія всеми примѣнялся правильно, послѣдовательно, рационально. Существеннымъ недостаткомъ въ этомъ отношеніи было недостаточное вниманіе къ первоначальнымъ звуковымъ упражненіямъ и

слишкомъ быстрый и непослѣдовательный переходъ отъ изученія буквъ къ чтенію статей, что отражалось какъ на чтеніи съ постоянными перерывами отдѣльныхъ словъ, такъ и на письмѣ съ звуковыми и грубыми этимологическими ошибками. Въ тѣхъ же школахъ, гдѣ было обращено должное вниманіе на изученіе букваря, чтеніе было бѣглое, внятное и выразительное. Сознательности чтенія особенно способствовали упражненія въ грамматическомъ разборѣ предложеній по вопросамъ; въ этомъ случаѣ учителя не усиливались изучать опредѣлевій частей рѣчи и частей предложенія, а заботились о томъ, чтобы на предлагаемые ученикамъ вопросы получались отвѣты въ различной формѣ и чтобы эти отвѣты заставляли учениковъ думать и уразумѣвать соотношеніе между частями предложенія. Всякая прочитанная статья, кромѣ ея разбора и объясненія непонятныхъ словъ и отдѣльныхъ выраженій, подвергалась передачѣ ея содержанія.

Письменные упражненія направлялись къ тому, чтобы научить дѣтей: а) писать согласно съ требованіями орфографіи, б) писать правильно, безъ звуковыхъ ошибокъ и в) по возможности излагать свои мысли на бумагѣ. Эта послѣдняя цѣль долженствующая составлять конечную цѣль обученія письму, практикуется только въ 39 одноклассныхъ церковно приходскихъ школахъ и по краткости учебнаго курса не можетъ быть поставлена здѣсь основательно. Что касается перваго требованія, то ему вполнѣ удовлетворяютъ письменныя экзаменаціонныя работы; во многихъ школахъ въ этомъ отношеніи достигнуты результаты отлично хорошія.

При обученіи *чистописанію* преслѣдовалась та цѣль, чтобы усовершенствовать механизмъ письма и приучить дѣтей писать красиво, четко и скоро. Этой цѣли въ разныхъ школахъ достигали различными способами: въ однихъ школахъ эта цѣль достигалась обыкновенно путемъ копированія и подражанія готовымъ образцамъ письма, предлагаемымъ дѣтямъ или въ видѣ прописей или же даваемымъ самимъ учителемъ. Чаще всего эти образцы предлагались учителемъ въ тетрадяхъ самихъ учениковъ или же на доскѣ. При этомъ не соблюдалась строгая постепенность въ переходѣ отъ одной буквы къ другой, а

изучали ихъ послѣдовательно въ алфавитномъ порядкѣ. Въ другихъ же школахъ чистописаніе было поставлено на болѣе рациональныхъ началахъ. Обученіе письму начиналось упражненіями на грифельныхъ доскахъ, въ начертаніяхъ прямыхъ, кривыхъ и ломанныхъ линій, горизонтальныхъ и вертикальныхъ, концентрическихъ круговъ и т. п., во время письма преслѣдовалось развитіе кисти руки и вмѣстѣ съ тѣмъ желаніе приучить дѣтей обращаться съ письменными принадлежностями. Послѣ этихъ упражненій учитель переходилъ къ систематическимъ упражненіямъ въ письмѣ буквъ и соединеніи ихъ въ слова. Въ самомъ изученіи буквъ наблюдалась строгая послѣдовательность: первоначально писались элементы буквъ, затѣмъ буквы въ порядкѣ ихъ трудности и генетической послѣдовательности такъ, что каждая предыдущая буква являлась элементомъ для слѣдующей. Отъ упражненія начертаній буквъ строчныхъ переходили къ начертанію буквъ прописныхъ и т. д. Для упражненія въ чистописаніи употреблялась особая графическая сѣтка подъ угломъ 50, причемъ въ размѣрѣ и формѣ этой сѣтки также соблюдалась строгая послѣдовательность; письмо крупное, письмо средней величины, письмо средней величины безъ наклонныхъ линій и, наконецъ, скоропись. Во многихъ школахъ учителя на урокахъ чистописанія употребляли тактъ. Судя по письменнымъ работамъ, успѣхи чистописанія въ церковныхъ школахъ вполне удовлетворительны, во многихъ же—отлично хорошіе.

Письмо полууставомъ практиковалось въ немногихъ школахъ епархіи, но выдающійся успѣхъ обученія полууставному письму принадлежитъ школамъ Сумскаго уѣзда.

Счисленіе. Въ постановкѣ преподаванія ариѳметическаго счисленія въ церковныхъ школахъ епархіи наблюдается наибольшее однообразіе сравнительно со всѣми другими предметами. Придерживаясь учебной программы, учителя начинали свои занятія по данному предмету устными и затѣмъ письменными упражненіями въ предѣлахъ перваго десятка. Далѣе переходили къ счету до ста, устнымъ и письменнымъ упражненіямъ въ производствѣ четырехъ дѣйствій въ предѣлахъ этого числа и упражненіямъ въ рѣшеніи задачъ. Ознакомленіемъ съ табли-

цами сложенія, вычитанія, умноженія и дѣленія, усвоеніемъ таблицы умноженія на память и ознакомленіемъ съ обще-принятыми названіями чиселъ каждаго изъ четырехъ дѣйствій полагалось основаніе для письменныхъ упражненій въ четырехъ ариѳметическихъ дѣйствіяхъ надъ числами отвлеченными и именованными и рѣшенія ариѳметическихъ задачъ; въ преподаваніи этого предмета можно указать на недостаточное упражненіе въ умственныхъ вычисленіяхъ, между тѣмъ самая цѣль въ изученіи счисленія имѣетъ чисто практической характеръ, чтобы дѣти по выходѣ изъ школы, не прибѣгая къ перу и карандашу, могли безъ затрудненія рѣшать всякую предъявляемую жизнію задачу. Можно указать еще на отсутствіе во многихъ школахъ торговыхъ, а иногда и классныхъ счетовъ. Вообще въ отчетномъ году успѣхи обученія счисленію были вполнѣ удовлетворительны. Изъ экзаменаціонныхъ отчетовъ видно, что дѣти легко и быстро рѣшали задачи въ предѣлахъ любой величины съ числами отвлеченными и именованными.

Церковное пѣніе не во всѣхъ уѣздахъ и не во всѣхъ школахъ этихъ уѣздовъ находится на должной высотѣ: оно нуждается и въ болѣе правильной и въ болѣе широкой постановкѣ преподаванія. Причина этого заключается въ недостаткѣ опытныхъ и правоспособныхъ учителей, знакомыхъ не только съ теоріей пѣнія, но даже съ обиходнымъ церковнымъ пѣніемъ. Нерѣдки случаи, когда попечители школъ, желая пригласить учителя-регента, опредѣляютъ особое за это вознагражденіе и, несмотря на это, желающій не находится. Но съ другой стороны нельзя не замѣтить и того, что съ каждымъ годомъ преподаваніе церковнаго пѣнія принимаетъ болѣе широкіе размѣры: педагогическіе курсы прошлаго и предпрошлаго года дали свыше 150 болѣе или менѣе подготовленныхъ учителей церковнаго пѣнія; низшіе члены причта, псаломщики, мало-по-малу привлекаются къ обязательному для нихъ преподаванію этого предмета; средства школъ также растутъ и трудъ учителей, занимающихся церковнымъ пѣніемъ, поощряется. Кромѣ того въ отчетномъ году въ виду важности сего предмета вмѣнено въ обязанность въ концѣ учебнаго года въ школахъ, при которыхъ производятся выпуски, производить всѣмъ учащимся школы такъ же и экзаменъ по церковному пѣнію.

Хотя церковное пѣніе въ значительной части школъ епархіи не имѣетъ правильной систематической подготовки съ изученіемъ квадратныхъ нотъ, начертаніемъ и названіемъ ихъ въ цефаутномъ ключѣ и пѣніемъ церковныхъ пѣснопѣній по нотамъ, тѣмъ не менѣе пѣніе съ голоса или по наслышкѣ простѣйшихъ церковныхъ пѣснопѣній Божественной литургіи и всенощнаго бдѣнія, за единичными исключеніями, существовало въ отчетномъ году во всѣхъ церковныхъ школахъ. Въ остальныхъ же школахъ поютъ и по обиходу простѣйшія пѣснопѣнія всенощнаго бдѣнія, какъ то: Благослови душе моя Господа, Блаженъ мужъ, Свѣте тихій, Хвалите имя Господне, Воскресеніе Христово видѣвше, Великое славословіе, Днесь Спасенія, Взбранной Воеводѣ, Стихири на „Господи возвахъ“, тропари воскресные всѣхъ гласовъ; ирмосы пасхальные, прокимны литургіи воскресные, тропари дванадесятихъ прадвиковъ и др. Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что во многихъ школахъ при обученіи дѣтей пѣнію чаще всего знакомятъ дѣтей съ итальянской нотой и меньше обращаютъ вниманія на изученіе ноты квадратной. Особенное вниманіе учащихся на постановку церковнаго пѣнія было обращено въ школахъ Сумскаго, Изюмскаго и Купянскаго уѣздовъ; учащіеся многихъ школъ этихъ уѣздовъ въ храмѣ во время литургіи въ полномъ составѣ, всею школой, пѣли избранныя церковныя пѣснопѣнія: „Придите поклонимся“, „Святый Боже“, „Вѣрую“, „Отче нашъ“ и „Достойно“.

Вообще нужно сказать, что въ отчетномъ году, благодаря настойчивымъ предложеніямъ со стороны — церковно-школьной инспекціи и Епархіальнаго Училищнаго Совѣта, на постановку церковнаго пѣнія было обращено сравнительно большее вниманіе. Важность правильной постановки преподаванія церковнаго пѣнія, сообщаетъ Старобѣльскій уѣздный наблюдатель, теперь почти во всѣхъ школахъ, понимается какъ слѣдуетъ. Пѣніе имѣетъ громадное воспитательное значеніе въ религіозно-нравственномъ смыслѣ. Внося духъ церковности въ школу, оно служитъ звеномъ, тѣсно связующимъ школу съ церковію. Это сознаютъ дѣти, сознаютъ и отцы, съ любовію посылающіе своихъ дѣтей въ ту школу, которая научаетъ ихъ принимать

дѣйствительное участіе въ жизни церкви и сливается ихъ съ нею, такимъ образомъ, въ одинъ живой организмъ. Отраднѣе отмѣтить тотъ фактъ, что въ нѣкоторыхъ школахъ и довольно многолюдныхъ, всѣ дѣти школы поютъ въ церкви вечерню, утреню и литургію—пріятно, стройно, мелодично, подъ руководствомъ своихъ достойныхъ учителей. Церковное пѣніе, по сообщенію Валковскаго уѣзднаго наблюдателя, преподавалось почти во всѣхъ школахъ болѣе или менѣе удовлетворительно и главнымъ образомъ по слуху, но въ школахъ, въ коихъ учительствуютъ бывшіе курсисты, пѣніе поставлено настолько удовлетворительно, что дѣти пѣли многія церковныя пѣснопѣнія по нотамъ. Въ Богодуховскомъ уѣздѣ учащими также было обращено особенно вниманіе на обученіе церковному пѣнію и при многихъ школахъ организованы самостоятельныя новыя пѣвческія хоры; причемъ ученики нѣкоторыхъ церковныхъ школъ участвовали въ общихъ хорахъ съ учащимися министерскихъ и земскихъ училищъ. Церковное пѣніе въ школахъ Волчанскаго уѣзда какъ отдѣльный предметъ не вездѣ преподается одинаково по неподготовленности къ тому и неспособности учащихся. Какъ на исключеніе въ этомъ отношеніи можно указать на школы Старо-Салтовскую, въ которой пѣніе стоитъ на должной высотѣ, благодаря тому, что учащіе знаютъ ноту, играютъ на скрипкѣ, поютъ и другихъ могутъ учить пѣнію, Волчанскую Соборную, куда стараніемъ о. завѣдующаго приглашенъ опытный учитель церковнаго пѣнія діаконъ Олейниковъ, Волчанскую, при Мирносицкой церкви, гдѣ обучаетъ пѣнію учительница Орленкова, Велико-Бурлуцкую—въ которой обучаетъ пѣнію регентъ церковнаго хора, обращая впрочемъ главное вниманіе на дѣтей, участвующихъ въ церковномъ хорѣ; Чугуновскую, Нижне-Писаревскую, Хотомлянскія, Печенѣжскія, Второ-Николаевскую, Ивановскую, Гнилинчанскую, Рубежанскую. Въ остальныхъ школахъ учащіеся поютъ изученныя съ голоса молитвы „Царю Небесный“, „Отче нашъ“, „Достойно есть“ и „Спаси, Господи, люди твоя“. Есть, къ сожалѣнію, школы въ которыхъ церковное пѣніе вовсе не преподается по причинѣ полной неспособности къ тому учащихся. Церковное пѣніе вовсе не было преподаваемо въ двухъ шко-

дахъ церковно приходскихъ и шести школахъ грамоты Лебединскаго уѣзда; въ школахъ Купянскаго уѣзда: Араповской, Владиміровской, Гороховатской, Дружелюбовской, Калиновской, Колодежанской, Ново-Никольской, Преображенской, Стельмаховской и Тарасовской. Особенно хорошо поставлено было обученіе церковному пѣнію въ слѣдующихъ школахъ Зміевскаго уѣзда: Алексѣевской Свято Троицкой, Асѣевской, Андреевской, Воскресенской, Бригадировской, Богодаровской, Борщевской, Гинеевской, Зміевской, Соборной, Кочетовской, Коробчанской, Каменно-Яругской, Лозовеньковской, Лебяжской, Скрыпаевской, Чугуевской Покровской, Шебелинской, Бунаковской, Борчанской, Волче-Ярской, Введенской, Ефремовской, Зміевской Усневской, Мѣловской, Мохвачавской и Отрадовской.

Правильно же организованные хоры существовали при 407 церковно-приходскихъ школахъ и школахъ грамоты. Общее число учащихъ принимавшихъ участіе въ хорахъ, было 4217 человекъ.

Успѣхи обученія въ школахъ грамоты за отчетный годъ могутъ быть названы удовлетворительными. Предметами курса школъ грамоты были: Законъ Божій (Краткая Священная Исторія Вѣтхаго и Новаго Завета и Краткій Катихизисъ), церковное пѣніе; съ голоса, чтеніе церковно-славянское и русское, письмо и начальное счисленіе. Преподаваніе производилось по указаннымъ выше учебникамъ и учебнымъ пособіямъ, указаннымъ Святѣйшимъ Синодомъ и Уч. Сов. при Св. Синодѣ. Ближайшее завѣдываніе хоромъ, направленіемъ и успѣхами обученія въ школахъ грамоты принадлежало приходскимъ священникамъ. Въ тѣхъ школахъ, которыя находились при церквяхъ, сами священники преподавали Законъ Божій; въ школахъ же, удаленныхъ отъ церквей и мѣстожительства приходскихъ священниковъ, они руководили пеонитныхъ учителей, не оставляя ихъ безъ надзора на продолжительное время. Составъ учителей со стороны образовательнаго ценза, по сравненію съ школами церковно-приходскими, въ школахъ грамоты значительно ниже. Но не смотря на всѣ эти неудобства, на скудость матеріальныхъ средствъ въ школахъ грамоты и удаленность ихъ отъ центральныхъ людныхъ поселеній, не смотря далѣе на не-

достатокъ письменныхъ принадлежностей, а иногда и учебныхъ пособій, за два года обученія въ школахъ грамоты дѣти начинаютъ довольно бойко и раздѣльно читать по русски, правильно и увѣренно по славянски, пріобрѣтаютъ начальныя свѣдѣнія по счисленію въ устномъ счетѣ и письменныхъ упражненіяхъ на всѣ четыре дѣйствія въ предѣлахъ 1000 и болѣе; выучиваютъ наизусть молитвы, заповѣди, Символь вѣры—съ надлежащимъ пониманіемъ, знакомятся съ важнѣйшими событіями Ветхаго и Новаго Завѣта,—однимъ словомъ, обнаруживаютъ успѣхи удовлетворительныя.

Что касается школъ грамоты, находящихся при церквахъ, въ коихъ отсутствуютъ неблагопріятныя условія, то программа учебныхъ занятій въ нихъ и успѣхи въ выполненіи этой программы нисколько не отличаются отъ таковыхъ же въ школахъ церковно-приходскихъ. Изъ числа такихъ школъ въ отчетномъ году на ряду съ учениками церковно-приходскихъ школъ были произведены экзамены на льготу 4 разряда по отбыванію воинской повинности при 18 школахъ грамоты, при чемъ всѣ, подвергавшіеся экзамену, по надлежащемъ испытаніи, удостоены Епархіальнымъ Училищнымъ Совѣтомъ полученія свидѣтельствъ. Школы грамоты, находящіяся въ благопріятныхъ условіяхъ со стороны обученія, имѣютъ быть постепенно преобразованы въ школы церковно-приходскія. Въ отчетномъ году изъ числа школъ грамоты, обнаружившихъ успѣхи обученія на равнѣ съ церковно-приходскими, въ школы церковно-приходскія было преобразовано 12.

Успѣхи обученія во второклассныхъ церковно-приходскихъ школахъ были въ общемъ отлично-хорошіе. Этому способствовали не только составъ ущащихъ въ нихъ лицъ, педагогически образованныхъ и опытныхъ, но и отсутствіе всѣхъ неблагопріятныхъ условій, могущихъ препятствовать успѣшному ходу обученія, а, главное, общежитіе, дающее возможность подъ непосредственнымъ наблюденіемъ учителей все время съ пользою употреблять на учебныя занятія, не отвлекаясь посторонними дѣлами.

Въ составъ педагогическаго персонала второклассныхъ школъ въ отчетномъ году вошли: а) Славянской второклассной школы—

завѣдующій и законоучитель свящ. Николай Доброславскій, окончившій курсъ въ Харьковской Духовной Семинаріи; старшій учитель—Григорій Навродскій, окончившій курсъ въ Харьковской Духовной Семинаріи, младшій учитель Владиміръ Войтенко, окончившій курсъ Ахтырской Прогимназіи и имѣющій права городского учителя и учитель одноклассной церковно-приходской школы при второклассной—діаконъ Іоаннъ Сукачевъ, имѣющій учительское званіе. б) Ворожбянской: завѣдующій и законоучитель—свящ. Петръ Рубинскій, окончившій курсъ въ Полтавской Духовной Семинаріи; старшій учитель Матвѣй Карташевъ, окончившій курсъ въ Рязанской учительской семинаріи, младшій учитель Иванъ Кушниренко, окончившій курсъ въ Харьковской Духовной Семинаріи и учитель образцовой школы при второклассной—Андрей Созонтьевъ, окончившій курсъ въ той же Семинаріи. в) Больше-Писаревской: завѣдующій и законоучитель свящ. Алексѣй Доброславскій, студентъ Харьковской Духовной Семинаріи; старшій учитель Яковъ Чебановъ, студентъ той же Семинаріи; младшій учитель Павелъ Строновскій, окончившій курсъ учительской Семинаріи и учитель образцовой школы при второклассной—Николай Рудинскій, окончившій курсъ въ Харьковской Духовной Семинаріи.

Въ отчетномъ году второклассныя школы вступили въ третій годъ своего существованія; причѣмъ въ Славянской и Ворожбянской школъ образовалось три отдѣленія, въ Больше-Писаревской же—2.

Во вторыхъ и третьихъ отдѣленіяхъ второклассныхъ школъ успѣхи обученія были отлично-хорошіе, въ первыхъ гораздо слабѣе, что объясняется слабой подготовкой учащихся при поступленіи въ школу. Чтобы впредь устранить этотъ недостатокъ, оо. завѣдующимъ вмѣнено въ обязанность готовить способныхъ кандидатовъ для второклассныхъ школъ. Въ общемъ же успѣхи обученія въ школахъ второклассныхъ можно назвать отлично-хорошими.

Въ отчетномъ году во второклассныхъ школахъ были преподаваемы нижеслѣдующіе предметы: Законъ Божій, церковное пѣніе, церковно-славянскій языкъ, русскій языкъ и чистописаніе, ариѳметика, церковная и гражданская исторія, географія,

диактика, геометрическое черченіе и физика въ связи съ школьной гигиеной. При изученіи всѣхъ сихъ предметовъ преподаватели второклассныхъ школъ держались поименованныхъ выше учебниковъ, проекта программы для второклассныхъ школъ и росписаній, составленныхъ педагогическими совѣтами оныхъ.

По предметамъ школьнаго курса успѣхи обученія во второклассныхъ школахъ были слѣдующіе:

а) При преподаваніи *Закона Божія* законоучители держались тѣхъ же методическихъ приѣмовъ и такого же направленія и цѣли, какая намѣчена въ объяснительной запискѣ къ преподаванію онаго, приложенной къ программамъ, утвержденнымъ Св. Синодомъ для одноклассныхъ церковно-приходскихъ школъ. Изученіе предмета было ведено въ систематическомъ порядкѣ: въ первый годъ была изучена Священная Исторія Ветхаго и Новаго Завѣта, во второй—Исторія Церкви, какъ продолженіе Священной Исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта, и ученіе о православномъ богослуженіи, и въ третій—Пространный Христіанскій Катихизисъ, какъ объединяющій всѣ познанія учениковъ по Закону Божию и дающій имъ большую отчетливость и ясность. Въ Славянской и Воровжанской второклассныхъ школахъ была выполнена вся программа курса, въ Больше-Писаревской же, существующей въ составѣ двухъ отдѣленій, эта программа выполнена въ объемѣ первыхъ двухъ лѣтъ обученія.

Занятія по *Церковно-славянскому* языку состояли въ чтеніи церковно-славянскихъ книгъ, заучиваніи наизусть избранныхъ мѣстъ изъ тѣхъ же книгъ, толковомъ переводѣ церковно-славянскаго текста на русскій языкъ и ознакомленій учащихъ съ главнѣйшими формами церковно-славянскаго языка, съ особенностями его словорасположенія сравнительно съ формами языка русскаго. Успѣхи обученія во всѣхъ школахъ со стороны объема и содержанія пройденнаго одинаковы: чтеніе часослова, псалтири и Евангелія отъ Матвѣя, Марка, Луки и Іоанна, заучиваніе наизусть; особенное вниманіе на заучиваніе наизусть обращено въ Больше-Писаревской школѣ, ученики которой усвоили кромѣ намѣченнаго „Примѣрной программой“ матеріала

еще догматики и многія церковныя пѣснопѣнія. Далѣе, практическое ознакомленіе учащихъ съ церковно-славянскими формами склоненій именъ существительныхъ, прилагательныхъ, числительныхъ, мѣстоимѣній и съ спряженіями глаголовъ при чтеніи, разборѣ и переводѣ церковно-славянскаго языка. Сверхъ того весь изложенный матеріалъ былъ повторенъ въ систематическомъ порядкѣ по учебнику этимологій.

По русскому языку въ школахъ Славянской и Ворожбянской примѣнительно къ „Примѣрной программѣ“ была обстоятельно изучена этимологія по курсу Кирпичникова и Гилярова, синтаксисъ въ краткой системѣ и теорія словесности. Кромѣ того занятія по русскому языку состояли въ чтеніи и въ разборѣ ихъ со стороны этимологической и синтаксической и со стороны плана, въ заучиваніи наизусть положенныхъ стихотвореній, въ письменныхъ упражненіяхъ—диктовкѣ, письменномъ пересказѣ статей, въ самостоятельномъ—составленіи плановъ статей и легкихъ описаній. Въ Больше-Писаревской второклассной школѣ занятія по русскому языку состояли въ изученіи этимологій и синтаксиса и практическихъ упражненіяхъ: устномъ грамматическомъ разборѣ, устномъ и письменномъ склоненіи и спряженіи словъ, объяснительномъ чтеніи, заучиваніи стихотвореній, провѣрочной диктовкѣ и писаніи выученнаго наизусть

Дидактика. Цѣлью преподаванія дидактики во всѣхъ второклассныхъ школахъ была подготовка питомцевъ къ учительской дѣятельности посредствомъ изученія приѣмовъ преподаванія и примѣненія ихъ на дѣлѣ. Занятія были теоретическія и практическія. Тѣ и другія занятія были начаты со вторыхъ отдѣленій второклассныхъ школъ; при чемъ въ школахъ Славянской и Ворожбянской закончившихъ полный свой курсъ общая часть дидактики была выполнена по учебнику дидактики С. Миропольскаго, а методика начальнаго обученія по Программѣ учебныхъ предметовъ для одноклассныхъ церковно-приходскихъ школъ и объяснительнымъ къ ней запискамъ. Учащимся были преподаны понятія: о значеніи должности учителя, о воспитаніи дѣтей въ до-школьный періодъ, о религіозно-нравственномъ воспитаніи дѣтей въ школѣ, чему учить въ школѣ, какъ учить въ школѣ, о физическомъ воспитаніи дѣтей,

о школъ и внѣшнемъ ея благоустройствѣ и о внутренней организаціи школы. Изъ методики начальнаго обученія учащимися были тщательно усвоены смыслъ и содержаніе объяснительныхъ записокъ къ учебной программѣ по Закону Божию, русскому языку, церковно-славянскому языку, церковному пѣнію, чистописанію, счисленію, географіи и исторіи.

Самое серьезное вниманіе было обращено на практическія занятія по дидактикѣ. Виды практическихъ занятій по этому предмету, имѣвшихъ мѣсто въ этихъ второклассныхъ школахъ, слѣдующіе:

а) Съ перваго полугодія питомцы второго отдѣленія второклассныхъ школъ проводили учебный день въ образцовой школѣ поочередно, или цѣлымъ классомъ, дабы присматриваться къ школьной жизни и помогать учителю въ наблюденіи за внѣшнимъ порядкомъ. По поводу этихъ посѣщеній они вели педагогическіе дневники, въ которыхъ излагали свои наблюденія за ходомъ преподаванія по всѣмъ предметамъ дневныхъ занятій для представленія епархіальному наблюдателю.

б) Ученики выпускнаго отдѣленія, кромѣ очередныхъ посѣщеній школы, давали пробные уроки, тему для которыхъ предлагалъ учитель, а пробный планъ ихъ составлялся самими практикантами.

в) На особыхъ урокахъ дидактики производился подробный разборъ данныхъ практикантами пробныхъ занятій; при чемъ результаты обсужденія ихъ также заносились учениками въ тетради.

г) Каждому воспитаннику 3 отдѣленія въ началѣ года вручено было по два ученика начальной школы, съ которыми онъ и занимался въ вечерніе часы, провѣряя ихъ знанія и помогая имъ въ приготовленіи уроковъ. Въ концѣ года о сихъ ученикахъ вмѣстѣ съ другими письменными работами были представляемы епархіальному наблюдателю характеристики. Вотъ образецъ такой характеристики, принадлежащей воспитаннику Славянской второклассной школы Николаю Безруку: „восьмого февраля мнѣ поручили ученика Сеню Дробота, чтобы я слѣдилъ за его поведеніемъ, искоренялъ дурныя наклонности и способствовалъ развитію его добрыхъ качествъ. Сенѣ девять

лѣтъ; мальчикъ онъ болѣзненный; лобъ у него косою, лѣвый глазъ запалъ и гораздо меньше праваго; по своимъ лѣтамъ онъ маленькаго роста, съ бѣловатыми волосами; ходилъ онъ въ бѣдномъ сѣренькомъ, но довольно чистенькомъ костюмѣ. Ходитъ онъ всегда сгорбившись, какъ старичекъ, и въ шалостяхъ рѣдко участвовалъ. Съ перваго раза онъ произвелъ на меня не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе.

Занимаясь съ Сенею, я убѣдился, что онъ очень способный мальчикъ. Одинъ разъ я ему задалъ самостоятельную работу описать провозженіе имъ учебнаго дня, и онъ чрезъ часъ къ моей радости написалъ эту работу, хотя и не складно, но занимательно.

Сеня мальчикъ старательный; это я заключилъ изъ слѣдующаго: одинъ разъ я ему задалъ стихотвореніе и при томъ сказалъ, что если онъ его выучитъ, то я задамъ ему другое. На другой день онъ приходитъ ко мнѣ и заявляетъ, что онъ выучилъ оба стихотворенія. Я выслушалъ его и очень обрадовался, что мой ученикъ старается учиться. При томъ же Сеня мальчикъ разсѣянный; однажды отпуская его домой я назначилъ ему уроки и тотчасъ же спросилъ что ему задано по ариѳметикѣ; онъ отвѣтилъ, что я ему еще не задавалъ по ариѳметикѣ никакого урока. Изъ этого ясно видно, что онъ не слушалъ, а потому и не зналъ что задано.

Иногда Сеня любитъ похвастаться своими занятіями, но ему есть чѣмъ похвастаться: онъ мальчикъ трудолюбивый. Каждый день онъ утромъ приходитъ ко мнѣ и учить здѣсь уроки, рѣшаетъ задачи, даетъ провѣрять мнѣ, а потомъ идетъ въ классъ и тамъ, какъ я узналъ занимается прилежно.

Сеня мальчикъ религіозный; онъ никогда не пропускалъ церковныхъ службъ, въ церкви стоялъ всегда чинно, крестится набожно; входя въ классъ онъ также постоянно крестится. Вообще я вижу въ немъ вполне религіознаго мальчика.

Сеня любитъ правду: онъ не скрываетъ отъ меня ничего, если онъ сдѣлаетъ что либо плохое, то прійдетъ и проситъ прощенія у отца діакона. При томъ Сеня любитъ еще товарищество. Если онъ, на примѣръ, рѣшитъ заданную ученикамъ на домъ задачу, то непременно всѣ будутъ знать ея рѣшеніе

такъ какъ онъ сейчасъ же объяснить товарищамъ Сеня мальчикъ скромный и вѣжливый, онъ какъ будто старичекъ, ходитъ постоянно шагомъ, не бѣгая; со всѣми здороваётся и всегда говоритъ, когда просить; „позвольте“ „пожалуйте“ и т. д.

Сеня очень любознательный. Онъ постоянно спрашиваетъ у меня, если чего не знаетъ или не понимаетъ.

Въ послѣдніе дни учебнаго года Сеня при моемъ участіи сталъ хорошимъ мальчикомъ, за что я благодарю Бога, что онъ въ послѣдующей жизни будетъ хорошимъ и религіознымъ человекомъ“.

По русской исторіи, церковной и гражданской, въ порядкѣ „Примѣрной программы“ въ Больше-Писаревской второклассной школѣ съ нѣкоторыми сокращеніями былъ изученъ весь курсъ исторіи по программѣ, въ Славянской же и Ворожбянской курсъ исторіи былъ выполненъ и повторенъ болѣе обстоятельно безъ сокращеній.

По географіи курсъ науки былъ усвоенъ по „Примѣрной программѣ“—въ школахъ Славянской и Ворожбянской послѣдовательно за 3 года обученія; въ школѣ же Больше-Писаревской за 2 года обученія. Кромѣ того во всѣхъ школахъ практиковалось черченіе картъ.

По ариметикѣ обученіе въ школахъ Славянской и Ворожбянской было ведено по руководству Малинина и примѣнительно къ „Примѣрной программѣ“ былъ усвоенъ учащимися весь курсъ по „Примѣрной программѣ“. Въ Больше-Писаревской школѣ были изучены слѣдующіе отдѣлы ариметики: четыре дѣйствія надъ цѣлыми числами, составныя именованныя числа, квадратныя мѣры, кубическія мѣры, призываки дѣлимости чиселъ, разложеніе чиселъ на множителей и отысканіе краткаго числа, дроби простыя и десятичныя и дѣйствія надъ ними, простое и сложное тройное правило, правило процентовъ, цѣпное правило, правило товарищества и правило смѣшенія.

По предмету физики въ Больше-Писаревской школѣ весьма обстоятельно былъ изученъ курсъ системы за 2 года обученія, при чемъ всѣ машинныя и физическія приборы были исполнены учениками на рисункахъ въ особыхъ тетрадяхъ. Программа по

геометрическому черченію была съ сокращеніями выполнена въ школахъ Славянской и Ворожбянской.

Постановка преподаванія *церковнаго пѣнія* во второклассныхъ школахъ отличалась больше систематичностью и правильностью, чѣмъ въ школахъ одноклассныхъ. Какъ на особенностъ преподаванія церковнаго пѣнія во второклассныхъ школахъ можно указать на то, что при обученіи дѣтей пѣнію здѣсь преслѣдуется между прочимъ та цѣль, чтобы будущихъ учителей школъ грамоты ознакомить съ учебными приемами передачи пѣвческихъ занятій своимъ будущимъ питомцамъ. Изъ курса теоріи пѣнія въ означенныхъ школахъ преподаны въ отчетномъ году свѣдѣнія: о длительности звуковъ, объ ударѣ или тактѣ, объ обозначеніи звуковъ различной длительности нотами, знакомство съ нотою итальянскою и квадратною, о тетра хордахъ, объ альтовомъ ключѣ, о гаммѣ и интервалахъ. Изъ курса практическаго довольно основательно усвоены пѣснопѣнія всеобщаго бдѣнія и пѣснопѣнія Божественной литургіи. При всѣхъ второклассныхъ школахъ существуютъ хоры, въ исполненіи общеизвѣстныхъ пѣснопѣній принимаютъ участіе всѣ учащіеся.

Изъ трехъ существующихъ въ епархіи двухклассныхъ церковно-приходскихъ школъ, въ Ново-Водолажской Валковскаго уѣзда и Андреевской Зміевскаго уѣзда успѣхи обученія были вполне удовлетворительны. Для повышенія успѣховъ преподаванія въ отчетномъ году объ эти школы, по предположенію епархіальнаго наблюдателя, были реорганизованы, хотя и не вполне примѣнительно къ слѣдующимъ требованіямъ, утвержденнымъ Совѣтомъ: а) продолжительность учебнаго курса должна быть не болѣе двухъ лѣтъ—по два года въ первомъ и по 2 во второмъ классахъ; б) приемъ учащихся въ школахъ производить черезъ годъ полностью въ соотвѣтствіе класснымъ помѣщеніямъ; учительство въ первыхъ классахъ возложить на штатныхъ діаконовъ и во вторыхъ классахъ—на наемныхъ лицъ съ полнымъ семинарскимъ образованіемъ или же получившихъ надлежащую педагогическую подготовку, а завѣдываніе школами и преподаваніе Закона Божія отнести къ обязанностямъ мѣстныхъ приходскихъ священниковъ. Основаніемъ для этого было:

аа) при одной группѣ учащихся на каждаго учителя успѣхъ могутъ быть гораздо больше, а трудъ учителя—меньше; бб) при раздѣленіи учащихся на 4 или 5 группъ необходимо открывать вакансію третьяго учителя, на содержаніе котораго ни въ уѣздныхъ отдѣленіяхъ, ни въ Совѣтѣ средствъ не имѣется; вв) при распредѣленіи учениковъ на двѣ группы, вмѣсто четырехъ, нарушеній утвержденныхъ Св. Синодомъ программъ и правилъ о двухклассныхъ школахъ не будетъ.

Опытъ отчетнаго года показалъ, что при такомъ распредѣленіи учащихся, только по двумъ группамъ успѣхи обученія были больше. Всѣми учащимися была основательно выполнена Учебная программа для двухклассныхъ церковно-приходскихъ школъ, издаваемая Училищнымъ Совѣтомъ при Св. Синодѣ.

Что касается Александро-Невской двухклассной церковно-приходской школы въ г. Харьковѣ, то успѣхи обученія въ ней были отлично-хорошими. Отлично-хорошими успѣхами Александро-Невская школа обязана о. завѣдующему свящ. Николаю Сокольскому, изыскивающему средства на содержаніе учителей съ полнымъ семинарскимъ образованіемъ. При 380 учащихся, въ этой школѣ 5 учителей общеобразовательныхъ предметовъ, особый учитель церковнаго пѣнія, учитель приготовительнаго отдѣленія и 2 законоучителя. Для болѣе успѣшнаго и правильнаго хода учебныхъ занятій въ Александро-Невской школѣ введена попредметная система преподаванія вмѣсто классной. При этой системѣ преподаванія оставленіе школы учителемъ или же его отсутствіе по болѣзни и разнымъ другимъ причинамъ не такъ вредно можетъ отражаться на ходѣ учебнаго дѣла. Кромѣ того при попредметной системѣ преподаванія учителя скорѣе могутъ освоиться съ постановкою и преподаваніемъ своего предмета, а ученики, занимаясь въ продолженіи дня съ нѣсколькими учителями, значительно выигрываютъ въ своемъ развитіи, не говоря уже о томъ, что постоянная перемѣна учителей дѣйствуетъ на нихъ оживляющимъ образомъ. Въ отчетномъ году Александро-Невская школа дала 45 учениковъ, окончившихъ курсъ на льготу 3-го разряда, причемъ по заявленію экзаменаціонной комиссіи успѣхи, обнаруженные на испытаніяхъ были весьма отрадные.

Для установленія опредѣленнаго порядка въ занятіяхъ еще въ 1891 году Епархіальнымъ Училищнымъ Совѣтомъ, согласно требованію программы, было составлено распisanіе уроковъ для школъ одноклассныхъ и двухклассныхъ, и къ руководству оо. законоучителей и учителей было разослано по школамъ и выставлено во всѣхъ школахъ епархіи; его старались первоначально придерживать въ распредѣленіи учебныхъ часовъ и уроковъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда законоучитель или учитель, по болѣзни или неотложнымъ требамъ, отлучался въ приходъ или вовсе не являлся въ школу, перенося свои уроки съ однихъ часовъ на другіе, или когда законоучительство и учительство совмѣшалось въ лицѣ священника. Но въ настоящее время, когда почти во всѣхъ церковно-приходскихъ школахъ Харьковской епархіи установленъ трехгодичный курсъ ученія съ тремя отдѣленіями, утвержденный опредѣленіемъ Св. Синода и Высочайшимъ на то соизволеніемъ, означенное распisanіе уроковъ примѣнительно къ двумъ отдѣленіямъ оказывается негоднымъ. Въ виду этого въ настоящемъ учебномъ году по представленію епархіальнаго наблюдателя Совѣтомъ было принято новое распisanіе, которое, не выходя изъ числа намѣченныхъ Учебною программою уроковъ, вполнѣ примѣнимо къ тремъ отдѣленіямъ школы. Что касается школъ грамоты, то для нихъ имѣется распisanіе уроковъ, составленное самими завѣдующими, примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ. Въ образцовой двухклассной церковно-приходской школѣ при Духовной Семинаріи имѣется распisanіе уроковъ, составленное примѣнительно къ учебной программѣ для двухклассной церковно-приходской школы. Такимъ же распisanіемъ руководились и всѣ другія двухклассныя школы до настоящаго учебнаго года, когда оно было измѣнено, согласно реорганизаціи Ново-Водолажской и Андреевской двухклассныхъ школъ въ смыслѣ предположеній епархіальнаго наблюдателя. Точно такъ же было измѣнено распisanіе уроковъ и для Александро-Невской двухклассной школы въ г. Харьковѣ, сообразно съ характеромъ попредметной системы преподаванія въ означенной школѣ, приготовительнымъ пятымъ классомъ и дополнительнымъ курсомъ черченія. Для школъ

второклассныхъ имѣлось росписаніе выработанное школьными педагогическими совѣтами сихъ школъ въ примѣненіе къ проекту программы для оныхъ школъ.

Классные журналы для записи посѣщенія школы учащимися и содержанія уроковъ, отпечатанные и разосланные по образцу, утвержденному Харьковскимъ Епархіальнымъ Училищнымъ Совѣтомъ, были разосланы по всѣмъ школамъ Ахтырскаго, Богодуховскаго, Зміевскаго, Изюмскаго, Лебединскаго, Сумскаго, Старобѣльскаго, Харьковскаго уѣздовъ и нѣкоторымъ школамъ Купянскаго уѣзда; въ школахъ же уѣздовъ Валковскаго, Волчанскаго и остальныхъ школахъ Купянскаго уѣзда таковыя журналы велись въ тетрадяхъ, приспособленныхъ для записи самими учащими. По замѣчанію нѣкоторыхъ уѣздныхъ наблюдателей, значеніе класснаго журнала для записи содержанія уроковъ несомнѣнно. Будучи показателемъ педагогической правоспособности и усердія учащихся и имѣя значеніе въ смыслѣ контроля, классный журналъ и для самого учителя служитъ постояннымъ напоминаніемъ о томъ, что пройдено съ учениками и что слѣдуетъ еще выполнить по учебной программѣ. Разумѣется, что ихъ содержаніе въ этомъ случаѣ должно быть болѣе или менѣе подробнымъ. Кромѣ этихъ поименованныхъ классныхъ книгъ всюду при школахъ были также заведены именная книга, приходо-расходная книга, книга для записи школьнаго имущества и школьный архивъ.

Въ концѣ учебнаго года въ церковныхъ школахъ епархіи были произведены годичные экзамены: во второклассныхъ церковно-приходскихъ школахъ переводные и выпускные, въ двухклассныхъ—на полученіе льготныхъ свидѣтельствъ 3 разряда по отбыванію воинской повинности, въ одноклассныхъ школахъ и школахъ грамоты—на льготу 4 разряда и, наконецъ, въ женскихъ—на полученіе свидѣтельствъ объ окончаніи полнаго курса одноклассныхъ школъ. Кромѣ того помимо выпускныхъ экзаменовъ, во всѣхъ церковныхъ школахъ епархіи оо. завѣдывающими и наставниками, а во многихъ случаяхъ и уѣздными наблюдателями были произведены провѣрочные экзамены, съ цѣлью опредѣлить степень подготовленности дѣтей къ переходу изъ одного отдѣленія въ другое.

На основаніи существующихъ правилъ объ экзаменахъ въ церковно-приходскихъ школахъ, Епархіальнымъ Училищнымъ Совѣтомъ, съ утвержденія Его Высокопреосвященства, удостоены полученія свидѣтельствъ на льготу 4 разряда по отбыванію воинской повинности 2405 человекъ, каковое число по уѣздамъ распредѣляется слѣдующимъ образомъ: въ Ахтырскомъ—136, въ Богодуховскомъ—230, въ Валковскомъ—157, въ Волчанскомъ—147, въ Зміевскомъ—264, въ Изюмскомъ—277, Купянскомъ—189, въ Лебединскомъ—140, въ Старобѣльскомъ—245, въ Сумскомъ—273 и Харьковскомъ—347—по сравненію съ прошлымъ годомъ на 133 болѣе. Кромѣ означеннаго числа удостоенныхъ льготныхъ свидѣтельствъ, 128 чел. окончили курсъ ученія въ церковно-приходскихъ школахъ, но не получили льготныхъ свидѣтельствъ по неявкѣ на экзаменъ, по малолѣтству, вслѣдствіе болѣзни или же потому, что не дождались конца учебнаго года по причинѣ ранняго наступленія полевыхъ работъ. Свидѣтельствъ на льготу 3 разряда удостоено 66 чел., въ томъ числѣ: Славянской второклассной церковно-приходской школы—14, Ворожбянской второклассной—9, Александро-Невской двухклассной въ г. Харьковѣ—40, Андреевской двухклассной—3.

На ряду съ учениками были подвергнуты экзаменаціоннымъ испытаніямъ и ученицы церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты; всѣ экзаменовавшіяся въ количествѣ 287 дѣвочекъ обнаружили въ общемъ вполне удовлетворительные успѣхи въ знаніи курса одноклассныхъ церковно-приходскихъ школъ и удостоены полученія свидѣтельствъ по формѣ, установленной Святѣйшимъ Синодомъ. По уѣздамъ они распредѣляются такъ: въ Ахтырскомъ уѣздѣ—18 д., Богодуховскомъ—21, Валковскомъ—21, Волчанскомъ—35, Зміевскомъ—62, Изюмскомъ—39, Купянскомъ—18, Лебединскомъ—22, Старобѣльскомъ—27, Сумскомъ—32 и Харьковскомъ—42.

Выпускные экзамены были произведены утвержденными Епархіальнымъ Училищнымъ Совѣтомъ экзаменаціонными комиссіями, въ составъ коихъ входило 3 лица: а) священникъ-наблюдатель или одинъ изъ завѣдующихъ церковною школою, б) одинъ изъ наставниковъ церковно-приходской школы, имѣющій свидѣтельство на званіе начальнаго учителя, в) одно изъ

лицъ: членъ Епархіального Училищнаго Совѣта, почетный попечитель церковныхъ школъ, учитель, начальнаго училища Вѣдомства М. Н. Просвѣщенія, имѣющій свидѣтельство на званіе начальнаго учителя, или членъ отдѣленія Епархіального Училищнаго Совѣта. По окончаніи экзамена, экзаменаціонные документы, какъ то: списки подвергнувшихся испытанію учениковъ, надлежащія о нихъ удостовѣренія и письменныя ихъ работы, а также журпалы испытательныхъ комиссій, предварительно представленія ихъ въ Епархіальный Училищный Совѣтъ, были рассмотрѣны въ уѣздныхъ отдѣленіяхъ; причемъ были заслушаны словесныя заявленія уѣздныхъ наблюдателей и нѣкоторыхъ предсѣдателей экзаменаціонныхъ комиссій о ходѣ школьнаго дѣла въ уѣздѣ, къ свѣдѣнію отдѣленій и въ смыслѣ докладовъ въ Епархіальномъ Училищномъ Совѣтѣ объ усмотрѣнныхъ недостаткахъ въ постановкѣ школьнаго дѣла въ уѣздахъ. Изъ доставленныхъ въ Совѣтъ журналовъ экзаменаціонныхъ комиссій и приложенныхъ къ симъ журналамъ письменныхъ работъ усматривается, что въ большинствѣ школъ, въ коихъ были произведены испытанія, успѣхи обученія можно признать вполне удовлетворительными и отлично-хорошими. Если же и встрѣчаются единичныя школы, въ коихъ учебное дѣло стоитъ не на должной высотѣ, то по смыслу письменныхъ заявленій экзаменаціонныхъ комиссій причина этого заключается въ слабой педагогической подготовкѣ учителей означенныхъ школъ, въ неудобствѣ школьныхъ помѣщеній и скудости матеріальныхъ средствъ, въ старости и болѣзненности нѣкоторыхъ оо. завѣдующихъ и невозможности для псаломщиковъ совмѣстить церковныя и школьныя обязанности и, наконецъ, въ недостаткѣ усердія нѣкоторыхъ учителей. По поводу докладовъ нѣкоторыхъ уѣздныхъ отдѣленій объ усмотрѣнныхъ экзаменаціонными комиссіями недостаткахъ Епархіальнымъ Училищнымъ Совѣтомъ сдѣланы соотвѣтствующія распоряженія.

4.

Сельско-хозяйственныя, ремесленныя и руководѣльныя занятія при церковныхъ школахъ. Отношеніе къ нимъ населенія.

1. Сельско-хозяйственныхъ занятій въ смыслѣ научныхъ курсовъ и строго-последовательныхъ практическихъ работъ при

церковныхъ школахъ Харьковской епархіи, въ виду отсутствія благопріятныхъ для этого условій, ни раньше ни въ отчетномъ году не существовало. Если же и были ведены при нѣкоторыхъ школахъ занятія по садоводству, огородничеству и пчеловодству, то они сводились къ усвоенію самыхъ элементарныхъ свѣдѣній по указаннымъ отраслямъ сельскаго хозяйства путемъ практическихъ работъ въ саду, огородѣ и на пасикѣ, когда этого требовало самое дѣло и позволяло время. Такія занятія существовали при слѣдующихъ церковныхъ школахъ: при Ворожбянской второклассной школѣ Лебединскаго уѣзда—садоводство и огородничество, при Больше-Писаревской второклассной Богодуховскаго уѣзда—садоводство и пчеловодство, Залужской школѣ грамоты того же уѣзда и при школахъ Харьковскаго уѣзда: Казачковской, Глубокоярской и Безлюдовской—садоводство и огородничество и Мало-Даниловской—садоводство и пчеловодство.

Занятія садоводствомъ при Ворожбянской второклассной школѣ состояли въ уходѣ за старымъ фруктовымъ садомъ величиною въ 3 дес.—чисткѣ, поливкѣ, пересадкѣ и посадкѣ деревьевъ, уборкѣ фруктовъ, расчисткѣ дорожекъ, заведеніи и уходѣ за питомниками и ознакомленіи учащихся съ окулировкой деревьевъ.

Занятія по огородничеству дали въ зиму питомцамъ, живущимъ въ общежитіи, достаточный запасъ картофеля, капусты, морквы и другихъ овощей. Всѣ работы были ведены подъ руководствомъ о. завѣдующаго и младшаго учителя школы Кушниренко. Въ томъ же видѣ были ведены занятія по садоводству, и при Больше-Писаревской второклассной школѣ, гдѣ сверхъ того о. завѣдующимъ Доброславскимъ было ведено ознакомленіе учащихся съ пчеловодствомъ. Изъ остальныхъ школъ обращаетъ на себя вниманіе Залужская школа грамоты, при которой завѣдующимъ о. Владыковымъ на 1 дес. испрошенной имъ у города песчанной земли съ полнымъ знаніемъ дѣла посаждается сосна, береза, широколиственный тополь, ива, тала и другія нефруктовыя деревья, всѣ довольно нелегкія работы производятся самими учениками по указаніямъ опытнаго садовода и подъ непосредственнымъ наблюденіемъ завѣдующаго. Но на

самую практическую почву поставлено обученіе дѣтей садоводству и пчеловодству въ Мало-Даниловской церковно-приходской школѣ, которая въ теченіе десятилѣтняго своего существованія служитъ разсадникомъ знаній по садоводству и пчеловодству въ Мало-Даниловскомъ приходѣ. Будучи любителемъ сельскаго хозяйства, завѣдующій школою о. Толмачевъ на собственной землѣ завелъ питомники, въ которыхъ школьники подъ его руководствомъ круглое лѣто изучаютъ садовое дѣло и откуда они получаютъ бесплатно деревья для обязательной посадки у себя дома. При окончаніи курса лучшіе изъ учениковъ получаютъ въ подарокъ по одному улью, а одна изъ дѣвочекъ корову, выращенную на средства ученической кассы. Этимъ въ общемъ и исчерпываются сельско-хозяйственныя занятія при церковныхъ школахъ епархіи, если не упоминать о чтеніяхъ по сельскому хозяйству, которыя наиболѣе послѣдовательно ведутся при большинствѣ церковныхъ школъ Харьковскаго уѣзда по руководству Пономарева.

Хотя въ отчетномъ году и сдѣланъ небольшой шагъ въ смыслѣ пробужденія среди духовенства интереса къ сельско-хозяйственнымъ занятіямъ при школахъ, однако слѣдуетъ къ сожалѣнію сказать, что эта наиболѣе полезная для нашего крестьянина отрасль занятія не встрѣчаетъ благопріятныхъ условій какъ по отсутствію земли подъ садъ и огородъ, такъ по недостатку матеріальныхъ для этого средствъ и лицъ, подготовленныхъ къ такому дѣлу. Кромѣ означенныхъ школъ, при которыхъ имѣются достаточныя земельныя участки отъ 1 до 4 дес., только при 15 церковныхъ школахъ есть небольшія усадьбы отъ четверти до 1 дес. которыя представляютъ собою дворовыя мѣста или же засажены декоративными деревьями и служатъ нуждамъ школы, а не учебнымъ цѣлямъ. Поэтому ожидать развитія сельско-хозяйственныхъ занятій чрезъ посредство школы можно было бы только по устраненіи указанныхъ выше неблагопріятныхъ условій, когда, въ силу Высочайшаго опредѣленія отъ 12 мая 1897 года объ отводѣ начальнымъ училищамъ земельныхъ участковъ отъ казны, церковныя школы въ должномъ количествѣ снабжены были бы землею, а предполагаемая въ текущемъ году спеціальныя сельско-хозяйственныя

курсы дали бы опытныхъ учителей-садоводовъ съ надлежащимъ за это вознагражденіемъ. Впрочемъ заботы уѣздныхъ отдѣленій и Епархіальнаго Училищнаго совѣта объ отмежеваніи земельныхъ казенныхъ участковъ и о замѣнѣ ихъ общественною землею въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они находились вдали отъ школы, пока привели къ самымъ незначительнымъ результатамъ, какъ по неимѣнію таковыхъ участковъ, такъ и по несочувствію самихъ обществъ.

2. Правильно организованные ремесленные классы въ отчетномъ году существовали при второклассныхъ школахъ—Славянской, Борожбянской и Больше-Писаревской (столярное, токарное и переплетное), при Свято-Духовской одноклассной церковно-приходской школѣ въ г. Харьковѣ, Старо-Салтовской и Петропавловской Волчанскаго уѣзда (переплетное). Благодаря субсидіи изъ средствъ казны въ размѣрѣ 180 руб. въ жалованье мастерамъ, ремесленные занятія при второклассныхъ школахъ съ настоящаго года поставлены на болѣе твердую почву. Наиболѣе благоустроенною мастерскою является мастерская при Славянской второклассной школѣ, благодаря ея попечителю А. В. Шнуркову, который на свои средства приобрѣлъ для нея полный наборъ всѣхъ необходимыхъ инструментовъ, верстаки, шкафы и т. п. Хотя ремесленные занятія открыты здѣсь съ половины настоящаго года, но есть уже не мало сработанныхъ учениками школы разнаго рода вещей столярной и токарной работы. Особенно же процвѣтаетъ здѣсь переплетное ремесло, преподаваемое бывшимъ на курсахъ младшимъ учителемъ Войтенко. Почти всѣ книги довольно обширной бібліотеки при этой школѣ были переплетены ея питомцами, причемъ самая работа отличается прочностью, чистотою и изяществомъ.

Гораздо ранѣе были организованы ремесленные занятія при Больше-Писаревской второклассной школѣ. Обученіе ремесламъ ведется здѣсь подъ наблюденіемъ младшаго учителя Строновскаго двумя спеціальными мастерами съ платою каждому по 7 руб. 50 коп.

Занятія въ мастерской производятся четыре раза въ недѣлю по два часа въ день отъ 3 до 5 по полудни. Для удобства

занятій ученики распредѣляются на группы, причемъ каждая группа въ теченіе недѣли должна быть занята однимъ какимъ либо ремесломъ. На обязанности мастера-учителя лежить представлять отчетъ объ ученическихъ работахъ въ продолженіи каждой недѣли. Переплетное ремесло другой годъ преподаетъ безмездно старшій учитель Я. Чебановъ, изучившій его на курсахъ.

Въ теченіи отчетнаго года учениками школы были исполнены слѣдующія работы: по столярно-токарному отдѣлу приготовлены станки для мелкихъ инструментовъ, приборы для переплетнаго мастерства, приборы для физическаго кабинета и гимнастики; по частному заказу сдѣланъ библиотечный шкафъ для Яменской церковной школы и переплетныя станки для Яменскаго министерскаго училища. Наконецъ, переплетены всѣ книги изъ библіотеки второклассной и одноклассной церковно-приходскихъ школъ и кромѣ того до 500 книгъ по частному заказу.

Въ томъ же направленіи развивается дѣло обученія мастерствамъ и при Ворожбянской второклассной школѣ, хотя, при тѣснотѣ помѣщенія и за позднимъ временемъ открытія мастерской, оно еще не поставлено здѣсь надлежащимъ образомъ.

Что касается цѣли преподаванія ученикамъ всѣхъ означенныхъ ремеслъ при второклассныхъ школахъ, то она полагается не въ томъ, чтобы приготовить изъ нихъ специальныхъ мастеровъ, но чтобы ознакомить ихъ съ изготовленіемъ самыхъ необходимыхъ въ крестьянскомъ обиходѣ предметовъ, отъ чего въ будущемъ можетъ зависѣть и самое благосостояніе крестьянина. Поэтому и самые изготовленные здѣсь предметы отличаются простотою и ихъ удобопримѣнимостью въ крестьянскомъ быту.

3. Руководѣльныя занятія въ отчетномъ году велись при слѣдующихъ церковныхъ школахъ: 1) въ *Ахтырскомъ уездѣ*—при 3 женскихъ церковно-приходскихъ школахъ—учительницами тѣхъ же школъ; 2) *Валковскомъ уездѣ*—при четырехъ школахъ: Одринской церковно-приходской школѣ—дочерью о. завѣдующаго Марією Чаговцовою, Коломакской Успенской—учительницей Евдокіей Федоровской, Валковской Георгіевской—

учительницей Марією Крыжановской и Караванской—дочерью учителя—діакона Анною Чумаковою; 3) *Волчанскомъ*—при двухъ школахъ: Рубежанской—супругою священника Еленою Яковлевой и Варваровской—учительницею той же школы Ломаковскою; 4) *Зміевскомъ*—при 6 школахъ: Лебяжской, Основовской, Гинеевской, Каменно-Яружской, Чугуевской Николаевской и Телѣжской,—учительницами тѣхъ же школъ; 5) *Изюмскомъ*—при 3 школахъ: Воскресенской церковно-приходской, Богодаровской и Бѣлянской школахъ грамоты,—учительницами сихъ школъ; 6) *Купянскомъ*—при 4 школахъ: Покровской, Никольской, Ново-Георгиевской и Двурѣчанской,—учительницами сихъ школъ; 7) *Лебединскомъ*—при Бобринской Маріе-Магдалининской, Ольшанской Сергіе-Анастасіевской и Марковской; 8) *Старобѣльскомъ*—при всѣхъ женскихъ школахъ; 9) *Сумскомъ*—при всѣхъ женскихъ и смѣшанныхъ церковно-приходскихъ школахъ и школахъ грамоты и, наконецъ, 10) *Харьковскомъ*—при 6 школахъ: г. Харькова при Свято-Духовской церковно-приходской, Паптелеймоновской и Воскресенской, при Больше-Даниловской, Основанской и Стрѣлочаской, при Николаевскомъ женскомъ монастырѣ.

Такимъ образомъ обученіе рукодѣліямъ производится при 61 церковныхъ школахъ, сравнительно съ прошлымъ годомъ на 7 школъ болѣе. Такое развитіе классовъ рукодѣлія естественно объясняется тѣмъ, что эти занятія, какъ не требующія особыхъ затратъ на ихъ веденіе и прямо отвѣчающія потребности населенія, легче прививаются нежели, напр., занятія сельскохозяйственныя и ремесленныя, требующія матеріальныхъ средствъ и опытныхъ учителей съ спеціальнымъ вознагражденіемъ.

Наибольшее вниманіе на развитіе рукодѣльныхъ занятій обращено въ Сумскомъ уѣздѣ, гдѣ во всѣхъ женскихъ и смѣшанныхъ школахъ они введены какъ обязательныя. Это отвѣчаетъ не только предположеніямъ прошлогодняго Съѣзда наблюдателей церковныхъ школъ Харьковской епархіи, признавшаго рукодѣлія неотъемлемою принадлежностью образованія дѣвочекъ, но и циркулярному распоряженію Училищнаго Совѣта при Св. Синодѣ отъ 30 іюня н. г. за № 3740, въ силу котораго сдѣлано обязательнымъ обученіе въ женскихъ церковно-приходскихъ школахъ рукодѣ-

лію по программѣ, выработанной мѣстнымъ Епархіальнымъ Училищнымъ Совѣтомъ, примѣнительно къ нуждамъ населенія. Такою программю преподаванія рукодѣлій могла бы послужить программа, выполнявшаяся доселѣ при Чугуевской Николаевской школѣ грамоты въ три года обученія. *Въ первый годъ:* вязанье полоски на двухъ иглахъ—на лицо и изнанку; вязанье резинки; вязанье пятки; тамбурное вязанье; изученіе швовъ; стачиваніе кусковъ; французскій шовъ, рубецъ, фланелевый шовъ. *Во второй годъ обученія:* вязанье всего чулка; штопанье чулка и бѣлья; выдѣлка цвѣтовъ изъ бумаги; повтореніе предыдущихъ швовъ и изученіе новыхъ: запошивка прямая, шитье черезъ край, запошивка косая, строчка; выметываніе петель; вышиваніе накрестъ. *Въ третій годъ обученія:* кройка и шитье бѣлья; шитье покроеннаго платья; кройка и шитье платья.

При Покровской церковно-приходской школѣ въ постановкѣ рукодѣлія замѣчается та желательная особенность, что изготовленные дѣтьми предметы рукодѣлій о. завѣдующимъ продаются по доступной и сходной цѣнѣ крестьянамъ и на вырученныя отъ продажи деньги пріобрѣтается матеріалъ для новыхъ работъ. Въ этомъ случаѣ не только сами дѣти побуждаются къ усиленной работѣ, но и ихъ родители имѣютъ возможность видѣть практическое примѣненіе рукодѣлій и значеніе самой школы.

Въ приходскихъ школахъ какъ напр. Свято-Духовской обученіе рукодѣлію производится съ помощію швейныхъ машинъ; при чемъ въ настоящемъ году достигнуты весьма желательныя результаты: ученицы старшаго отдѣленія не только сами могли пошить бѣлье но и сшить его на машинѣ.

Сознавая важное практическое значеніе обученія дѣвочекъ рукодѣлію, на пользу этого дѣла приносятъ свой трудъ и жены священниковъ; но съ отмѣннымъ усердіемъ трудятся на этомъ поприщѣ въ Старосельской церковно-приходской школѣ Валентина Гумилевская и въ Рубежанской—Елена Яковлева.

4. Въ виду практическаго значенія сельско-хозяйственныхъ, ремесленныхъ и рукодѣльныхъ занятій населеніе вообще относится къ нимъ сочувственно. Нашъ народъ всякое ремесло

и занятіе цѣнитъ съ точки зрѣнія его пригодности для жизни и тамъ, гдѣ онъ видитъ практическую пользу этихъ занятій живо интересуется имъ, подражаетъ, содѣйствуетъ. Въ этомъ отношеніи только хорошая постановка ремесленныхъ занятій возбуждаетъ въ народѣ довѣріе къ школѣ и уваженіе; въ противномъ случаѣ, если эти ремесла изучаются между прочимъ, въ свободное отъ другихъ болѣе важныхъ занятій время, и изучаются при этомъ поверхностно, такъ что самый лучший ученикъ школы слабѣе худаго деревенскаго мастера,—то народъ не можетъ еще цѣнить подобныхъ занятій, привыкнувъ всегда ожидать отъ школы лучшихъ образчиковъ ремесленной работы и не желая понимать того, что этими занятіями даются лишь самыя необходимыя въ жизни крестьянъ практическія умѣнья. Вотъ почему въ отношеніи къ руководѣльнымъ занятіямъ гдѣ въ короткій срокъ сказываются добрыя плоды обученія и гдѣ населеніе живо и наглядно убѣждается въ ихъ необходимости и полезности, замѣчается самое сочувственное отношеніе всего населенія. Въ особенности это пужно сказать о матеряхъ-крестьянкахъ, которыя, по словамъ учительницъ, приходятъ благодарить ихъ за ученіе дѣтей рукодѣлію. Въ самой семьѣ дѣвочкамъ - мастерицамъ отдается предпочтеніе предъ остальными членами семьи, какъ полезнымъ работницамъ, благодаря которымъ сберегается лишняя копѣйка, затрачиваемая на швей и мастерицъ. Сочувствіе населенія къ руководѣльнымъ занятіямъ выражается не только въ томъ, что они охотно посылаютъ своихъ дѣтей въ такія школы, но иногда и въ матеріальной помощи на наемъ учительницъ и пріобрѣтеніе матеріала для руководѣльныхъ работъ. Вслѣдствіе этого во многихъ школахъ, гдѣ заведены были руководѣльныя занятія, приливъ учащихся, усилился, а въ деревняхъ, гдѣ вообще потребность грамоты для дѣвочекъ еще мало сознана, обученіе рукодѣліямъ является единственнымъ условіемъ, при которомъ крестьяне посылаютъ своихъ дѣтей въ школу.

5.

Воспитательная сторона церковной школы.—Порядокъ совершенія утреннихъ и вечернихъ молитвъ.—Посѣщеніе учащимися храма Божія.—Участіе въ совершеніи церковнаго Богослуженія.—Исполненіе хри-

стіанскаго долга исповѣди и Св. Причастія.—Школьная дисциплина и мѣры къ ея поддержанію.—Установившійся строй жизни въ обществѣхъ.—Вліяніе церковной школы на учащихся.—Факты.

Религіозно-правственное воспитаніе дѣтей во всѣхъ церковныхъ школахъ составляло первую и главнѣйшую заботу оо. завѣдующихъ и учащихся въ нихъ лицъ. Вся система школьнаго обученія и весь строй церковно-школьной жизни направлялись къ тому, чтобы внушить дѣтямъ страхъ Божій и развить въ нихъ чувства глубочайшей любви и благоговѣнія къ Богу, чтобы вселить въ учащихся послушаніе Св. Церкви и ея уставамъ, уваженіе къ святынямъ, любовь къ Храму и богослуженію, навыкъ къ молитвѣ церковно-общественной и домашней, пробудить и укоренить въ нихъ сознаніе и любовь къ надлежащему исполненію христіанскихъ обязанностей, воспитать въ нихъ чувства вѣрноподданической преданности и любви къ Государю и отечеству, почтеніе и послушаніе родителямъ и всѣмъ старшимъ по возрасту и общественному положенію, а особенно пастырямъ церкви, искоренить въ нихъ дурныя склонности и привычки, пріобрѣтаемыя ими въ дошкольномъ возрастѣ, привить имъ правила благоповеденія, благоприличія и скромности и, наконецъ, пріучить ихъ къ самостоятельному труду, исполнительности, внимательности, бережливости, аккуратности и опрятности.

Воспитаніе религіознаго чувства въ учащихъ составляло предметъ наиболѣе серьезнаго вниманія и попеченія со стороны завѣдующихъ и учащихся въ церковныхъ школахъ.

I. Уже въ самой внѣшней обстановкѣ церковно-школьныхъ помѣщеній была видна печать религіозности и христіанскаго богопочтенія. Во всѣхъ церковныхъ школахъ въ красныхъ углахъ, передъ главами учащихся были разставлены св. иконы по возможности лучшей художественной работы и въ возможно лучшей отдѣлкѣ. Наряду съ иконами Спасителя и Божіей Матери въ большинствѣ церковныхъ школъ имѣлись иконы св. князя Владиміра и св. братьевъ Кирилла и Меодія, положившихъ начало славянорусскому православному просвѣщенію; при этомъ оо. законоучители и учителя постоянно разъясняли

и напоминали дѣтямъ, что эти святые постоянно внемлютъ ихъ молитвамъ и постоянно надзираютъ за ихъ ученіемъ. Святые иконы были предметомъ религіознаго почитанія для учащихся; они содержали ихъ въ возможной чистотѣ, заботились о поддержаніи огня въ лампадахъ и украшали ихъ, когда слѣдуетъ, по обычаю Церкви и русскаго народа, зеленью и цвѣтами. Рядомъ съ изображеніями св. иконъ во всѣхъ церковныхъ школахъ были развѣшаны картины священно-историческихъ событій Ветхаго и Новаго Завѣта, которыя, будучи необходимымъ пособіемъ при изученіи Закона Вожія, въ то же время служили приличнымъ мѣсту украшеніемъ и нагляднымъ средствомъ возбужденія въ дѣтяхъ историческихъ воспоминаній о Богѣ-Творцѣ и Спасителѣ міра, о Богоматери и всѣхъ Святыхъ.

Принимая дѣтей въ школу, о. законоучитель убѣждался, имѣетъ ли учащійся св. крестъ или икону на шеѣ, какъ видимый знакъ его принадлежности къ христіанской церкви, данный ему при крещеніи, знаетъ ли онъ день своего рожденія, имя Святого. въ честь котораго онъ получилъ имя, а также и день, когда Церковь ему празднуетъ. Всякій разъ, когда учащійся не былъ о томъ освѣдомленъ, законоучитель предлагалъ ему для прочтенія житіе извѣстнаго Святого и внушалъ ему на будущее время, чтобы онъ всегда памятовалъ день своего ангела.

Предъ началомъ учебнаго года во всѣхъ церковныхъ школахъ, въ присутствіи учащихся, родителей и ихъ родственниковъ были совершаемы молебны „предъ началомъ ученія отроковъ“, а по окончаніи годичныхъ занятій,—благодарственное Господу Богу молебствіе, при этомъ наиболѣе рачительные священники-законоучители, пользуясь даннымъ случаемъ, старались разъяснить присутствовавшимъ пользу грамоты и значеніе школьнаго образованія.

Учебный день въ школахъ начинался и оканчивался молитвою; при чемъ утреннія молитвы совершались предъ началомъ учебныхъ занятій, а вечернія послѣ ихъ окончанія. Обычный порядокъ совершенія молитвъ былъ такой. За полчаса до начала занятій собравшіяся въ школу дѣти чинно становятся предъ образомъ съ возженной лампадой и подъ руководствомъ настав-

ника начинали молитву пѣніемъ „Царю Небесный“; однимъ изъ лучшихъ чтецовъ по назначенію истово и съ благоговѣніемъ читалась молитва. Молитвы „Отче нашъ“, „Спаси... Господи“ и „Достойно есть“, а въ школахъ Сумскаго уѣзда и тропарь храмоваго праздника,—были пѣты общимъ хоромъ учащихся. Если присутствовалъ при этомъ,—что случалось нерѣдко, а въ нѣкоторыхъ школахъ и во весь учебный годъ, священникъ, то онъ самъ полагалъ начало молитвы и оканчивалъ ее обычнымъ отпускомъ по церковному чиноположенію.

Въ тѣхъ школахъ, гдѣ послѣ учебныхъ занятій вечернихъ молитвъ не было совершаемо, учащимся внушалось совершить таковыя у себя на дому подъ наблюденіемъ старшихъ членовъ семьи и при ихъ участіи; при этомъ оо. законоучители въ такихъ школахъ научали дѣтей чинопослѣдованію вечерней молитвы и постоянно напоминали имъ о христіанскомъ долгѣ совершенія ея.

Въ школахъ второклассныхъ, при которыхъ учреждены общезанятія, вечернія молитвы выслушивались питомцами передъ отходомъ ко сну.

Дабы школьная молитва имѣла живую и болѣе тѣсную связь съ церковью, съ церковными праздниками и тѣми событіями, какія ею въ то или другое время воспоминаются, оо. законоучители нѣкоторыхъ церковныхъ школъ въ дни, слѣдующіе за великими праздниками, въ кругъ повседневныхъ молитвъ и пѣснопѣній вводили тропари этихъ праздниковъ во весь періодъ до отданія, тропари мѣстныхъ храмовыхъ праздниковъ и тропари святыхъ, особо чтимыхъ въ данной мѣстности. Въ дни послѣ Пасхи молитва начиналась пѣніемъ „Христось Воскресе“ и оканчивалась „Свѣтися, Свѣтися“. Послѣ Вознесенія Господня въ началѣ урока „Вознесся еси во славу“ и проч. Точно также въ кругъ повседневныхъ молитвъ въ нѣкоторыхъ школахъ вводимы были тропари мѣстныхъ храмовыхъ праздниковъ, а равно и тропари святыхъ особо чтимыхъ въ данной мѣстности.

Въ нѣкоторыхъ школахъ Купянскаго уѣзда чтеніе утреннихъ и вечернихъ молитвъ было хоровое, чѣмъ преслѣдовалась та цѣль, чтобы христіанскій долгъ ежедневной молитвы былъ исполненъ каждымъ и чтобы чтеніе молитвы вслѣдствіе навыка сдѣлалось потребностью всѣхъ учащихся.

Предъ началомъ каждаго урока и по окончаніи его также читались положенныя молитвы: „Царю небесный“ и „Достойно есть“.

Въ тѣхъ школахъ, при которыхъ были заведены общіе завтраки для дѣтей, чтеніе молитвъ предъ принятіемъ пищи и послѣ принятія пищи признавалось обязательнымъ. При отправленіи самыхъ молитвъ особенное вниманіе учителя всегда было обращено на то, чтобы дѣти отнюдь не допускали искаженія текстовъ, неправильныхъ удареній въ словахъ, правильно слагали кресты и правильно крестились, чтобы во время самой молитвы они не были разсѣянны, а внимательно вслушивались въ слова молитвы, съ умиленіемъ и благоговѣніемъ совершали бы внѣшнія знаки молитвы. Въ случаѣ нарушенія всѣхъ этихъ требованій учитель или законоучитель, когда онъ присутствуетъ на молитвѣ, по окончаніи молитвы всякій разъ разъяснялъ и смыслъ неповятныхъ выраженій молитвы и значеніе внѣшнихъ знаковъ, повторяя нѣсколько разъ по каждому поводу въ отдѣльности.

Въ видѣ исключенія надлежитъ отмѣтить, что въ школахъ Купянскаго уѣзда: Араповской, Гусинской, Волосско-Балаклеиской, Коломійчанской, Комаровской, Калиновской, Колодежанской и Ново-Осиновской утреннія и вечернія молитвы вовсе не читались въ школѣ. Въ церковныхъ школахъ Ахтырскаго, Зміевскаго и Харьковскаго уѣздовъ и въ трехъ школахъ Купянскаго уѣзда: Соборной, Торской и Покровской по окончаніи утреннихъ молитвъ прочитывалось житіе святого дня или рядовое Евангеліе съ краткимъ объясненіемъ.

Церковныя школы, будучи по самой идеѣ своей тѣсно связаны съ церковью, жили и развивались подъ ея сѣнію и покровомъ. Учащіеся въ церковныхъ школахъ во всѣ праздничные, воскресные и высокаторжественные дни, а также постомъ, во время говѣнья и совершеніи литургіи Преждеосвященныхъ даровъ, неопуститетью посѣщали всѣ церковныя службы. Исключеніе въ этомъ случаѣ составляли школы, удаленныя отъ приходскихъ церквей на значительное разстояніе (отъ 3 до 6 верстъ). Всматриваясь въ причины, препятствующія дѣтямъ отдаленныхъ отъ церкви хуторовъ и поселковъ посѣщать хра-

мы, Сумской и Лебединскій уѣздные наблюдатели не находятъ ихъ уважительными, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда по пеимѣнію теплой одежды и обуви, по случаю болѣзни, или осенней и весенней распутицы, дѣти не посѣщаютъ и школы въ учебное время. Вся вина въ данномъ случаѣ падаетъ на родителей, которые, не имѣя навыка къ неопустительному посѣщенію Храма Божія и, ссылаясь на недосугъ и дальность разстоянія, по лѣности подаютъ и дѣтямъ дурной примѣръ къ нарушенію христіанскаго долга. Подавая добрый примѣръ въ этомъ отношеніи, школа, какъ показываетъ опытъ, не только самихъ дѣтей можетъ приучать къ нелѣстному посѣщенію храмовъ Божіихъ, но оказать вліяніе и на самихъ родителей. Для примѣра можно указать на д. Марьевку Сумскаго уѣзда, отстоящую отъ приходской церкви на 4 в. До послѣдняго времени жители этой деревни, кромѣ праздниковъ Рождества Христова, Пасхи и дней говѣнья въ Великомъ посту, не знали дороги въ Храмъ. Учитель школы грамоты, открытой въ означенной деревнѣ въ сентябрѣ прошлаго года, въ первые же воскресные и праздничные дни, разъясняя имъ необходимость посѣщенія храма Божія, сталъ предлагать имъ идти съ нимъ въ церковь къ обѣднѣ, и дѣти не только не уклонялись отъ этого предложенія, но съ радостію шли за нимъ, нисколько не отягощаясь дальностію разстоянія. Съ умиленіемъ учитель говоритъ о своихъ питомцахъ, какъ они въ зимнее время еще до разсвѣта сходились къ школьному домику и, постукивая въ окно, торопили его идти въ храмъ, чтобы не опоздать къ литургіи. Настоятельное требованіе оо. завѣдующихъ и учителей отъ учениковъ хуторскихъ и деревенскихъ школъ нелѣстнаго посѣщенія церковныхъ службъ, пишетъ Лебединскій уѣздный наблюдатель, очевидно отразилось и на взрослыхъ: сравнительно съ прежнимъ временемъ хуторяне чаще стали являться къ богослуженію и число молящихся приходскихъ храмовъ значительно увеличилось. Изъ записей бывшихъ и не бывшихъ у Богослуженія учениковъ, заведенныхъ при нѣкоторыхъ церковныхъ школахъ, усматривается, что болѣе исправно посѣщается обѣдня и вечерня, менѣе исправно—утреня. Въ лѣтнее время, когда крестьяне отвлекаются пзъ дому полевыми работами и отхо-

жими промыслами, посѣщеніе храма какъ взрослыми, такъ и учащимися бываетъ всего менѣе исправнымъ.

Въ церковь дѣти всегда шли скромно въ опредѣленномъ порядкѣ и становились рядами, занимая по большей части пространство между алтаремъ и клиросами у самаго амвона, что давало имъ возможность слѣдить за порядкомъ церковныхъ Богослуженій и оставаться всегда доступными наблюденію какъ учителя такъ и священника. Учителя тщательно слѣдили, чтобы дѣти держали себя чинно, были внимательны къ чтенію и пѣнію и усердно молились, полагая крестное знаменіе и дѣлая колѣнопреклоненія тамъ и тогда, когда этого требовала важность молитвословій и пѣснопѣній. Чтобы дать возможность самимъ учащимся принять активное участіе въ церковныхъ службахъ, лучшіе изъ учениковъ были назначаемы къ участію въ клировомъ чтеніи шестопсалмія, часовъ, канонъ и др. Къ церковному чтенію учащіеся предварительно готовились въ школѣ и дома, а наканунѣ совершенія службъ были провѣряемы священникомъ. Въ нѣкоторыхъ школахъ Купянскаго уѣзда учащіеся допускаемы были къ чтенію амостола. Ученики и ученицы, обладающіе лучшими голосами и хоронимъ слухомъ, пѣли на клиросѣ въ хорѣ, общезвѣстныя же пѣснопѣнія какковы: „Прійдите поклонимся“, и „Отче нашъ“,—были исполняемы всею школою, въ полномъ составѣ ея учащихся. Было не мало случаевъ, когда въ нѣкоторыхъ школахъ въ полномъ составѣ учащихся пѣлась и вся Божественная литургія. Почти во всѣхъ школахъ ученики старшаго отдѣленія въ качествѣ церковно-служителей помогали священнику во время Богослуженія въ алтарѣ, вынося во время малаго и великаго входовъ свѣтильники и подавая кадило; многіе изъ нихъ съ благословенія епископа или настоятеля возлагали на себя стихири.

Чтобы приготовить учениковъ къ сознательному присутствованію при совершеніи церковныхъ Богослуженій, оо. законоучители наканунѣ праздничныхъ, воскресныхъ и табельныхъ дней, равно какъ въ дни поста и четырехдесятницы выясняли дѣтямъ значеніе дней, лицъ и событій празднуемыхъ Св. Церковью, заботясь о томъ, чтобы дѣти сознательно воспитывались подъ кровомъ Матери вашей—Церкви. Они передавали имъ исто-

рію празднуемыхъ событій, читали имъ соотвѣтствующія житія святыхъ и знакомили съ содержаніемъ евангельскихъ чтеній. Благодаря этому дѣти, присутствуя въ церкви, не только сознательно молились, но и пріобрѣтали твердыя познанія въ истинахъ вѣры, Священной Исторіи и Богослуженія. Въ дни высокаторжественныя забота законоучителей и учителей была направлена къ тому, чтобы воспитать въ дѣтяхъ безграничную любовь и преданность Царю и Отечеству и чувство авторитета гражданской власти. Къ достиженію-этой цѣли вели слѣдующія средства. Всѣмъ ученикамъ вмѣнялось въ обязанность знать титуль и имя Государя Императора, Государыни Императрицы и Наслѣдника, годъ, мѣсяцъ и число ихъ рожденій и тезоименитствъ и день восшествія на престолъ Государя Императора. Наканунѣ означенныхъ дней законоучители знакомили учащихся съ содержаніемъ очереднаго апостола и евангелія и при этомъ разяснялось, чего Св. Церковь и мы просимъ у Господа въ эти дни для Государя нашего. Въ дни самыхъ праздниковъ законоучители весьма перѣдко созывали учащихся въ школы и предлагали имъ рассказы изъ Отечественной исторіи, въ которыхъ особенно ярко выступаетъ дѣятельность нашихъ государей во благо русскаго народа. Особенно поучительными въ данномъ случаѣ являлись рассказы изъ исторіи Св. Владиміра о принятіи христіанской вѣры, о Св. Александрѣ Невскомъ, о Куликовской битвѣ, объ отечественной войнѣ, о заботахъ Александра III по прокормленію голодающихъ въ 1891—1892 голодные годы. Въ день 17 октября законоучители обыкновенно рассказывали о чудесномъ спасеніи царской семьи при крушеніи желѣзно-дорожнаго поѣзда; наканунѣ 19 февраля разясняли иногда дѣтямъ, что въ этотъ день было уничтожено крѣпостное право и что въ настоящее время крестьяне обязаны своею свободою Царю-Освободителю. Во всѣ же эти дни оо. законоучители старались возбуждать въ дѣтяхъ не только чувство благодарности къ Богу Спасителю нашего отечества, но и благодарныя воспоминанія о нашихъ предкахъ, потрудившихся во благо отечества и не щадившихъ ради него своей жизни; въ особенности же указывалось на то, что благодаря любви и преданности нашихъ предковъ Государю, и

отечество наше дѣлалось крѣпкимъ, обширнымъ и могучимъ, что и намъ остается подражать имъ и воспитывать въ себѣ тѣ же чувства патриотизма.

Во всѣхъ школахъ на лицевыхъ стѣнахъ были выставлены портреты Государя Императора, Государыни Императрицы и картины изъ русской исторіи.

Воспитаніе въ дѣтяхъ любви къ родителямъ, какъ основы добрыхъ семейныхъ отношеній, также было предметомъ попеченія наставниковъ церковныхъ школъ. Священники-законучители, имѣя много случаевъ наблюдать семейныя отношенія своихъ паствъ, тщательно слѣдили, чтобы дѣти всегда были почтительны и послушны своимъ родителямъ, чтобы утромъ и вечеромъ молились о нихъ Богу, желали имъ добраго утра и спокойной ночи, всякій разъ послѣ обѣда въ благодарность цѣловали имъ руку и благодарили ихъ за ихъ родительскія попеченія. Питомцы второклассныхъ школъ, живя въ общежитіи постоянно поддерживали связь съ своимъ домомъ посредствомъ писемъ и въ этихъ письмахъ со всею откровенностью дѣлились съ родителями всѣми своими радостями и горестями. Дѣтей непочтительныхъ къ родителямъ наставники старались поучать не только случаями изъ обыденной жизни, когда обнаруживалась или наказанная сыновняя гордость или награждалась добродѣтель любви дѣтей къ родителямъ, но и чтеніемъ книгъ и статей, въ которыхъ описывались идеальныя семейныя отношенія, и добрые обычаи русскаго народа, гдѣ представляется случай дѣтямъ обнаружить свою покорность и зависимость отъ родителей: обычай просить прощенія наканунѣ Великаго поста, обычай носить ужинъ крестному отцу и матери и т. п.

Для развитія въ дѣтяхъ тѣхъ же чувствъ почтенія и уваженія ко всѣмъ вообще старшимъ въ школахъ также были заведены похвальные порядки. Такъ, при входѣ въ школу постороннихъ лицъ особенно старшихъ возрастомъ, дѣти встаютъ съ мѣста и почтительно привѣтствуютъ ихъ поклономъ. Во время отвѣтовъ въ классѣ ученики держатъ себя вѣжливо и почтительно, опустивъ руки къ бедрамъ. При встрѣчѣ съ священникомъ, они снимаютъ шапку и подходятъ подъ благосло-

веніе, ту же почитательность обнаруживаютъ они и при встрѣчѣ съ старшими себя по возрасту и общественному положенію, старшиною, старостою, становымъ приставомъ и т. п.

Всѣ учащіеся, кромѣ иповѣрцевъ, исполняли христіанскій долгъ исповѣди и Св. Причастія на первой недѣлѣ Великаго поста или же на Страстной седмицѣ; въ нѣкоторыхъ школахъ учащіеся говѣли дважды. При этомъ священники-законоучители всячески заботились о томъ, чтобы приготовить своихъ питомцевъ къ достойному принятію Св. Таинъ. Съ этою цѣлію въ свободные отъ служенія часы въ школѣ или въ церкви они вели съ ними бесѣды, о значеніи поста и говѣнья, о благодатныхъ дѣйствіяхъ на душу вѣрующаго человѣка таинствъ Покаянія и Причащенія, разучивали и разъясняли дѣтямъ смыслъ и значеніе наиболѣе важнѣйшихъ постовыхъ молитвъ, каковы: „Господи, Владыко живота моего“, „Вѣрую, Господи, и исповѣдую“ и др. Говѣющіе неопустительно посѣщали храмъ Божій во время всѣхъ церковныхъ службъ и къ причастію Св. Таинъ приступали съ должнымъ настроеніемъ.

По окончаніи экзаменовъ Славянской второклассной школы совместно съ ея попечителемъ Авксентіемъ Васильевичемъ Шпурковымъ, уѣзднымъ наблюдателемъ, о. завѣдующимъ и учителями школы было совершено паломническое путешествіе въ Свято-Горскій Успенскій монастырь, отстоящій въ 12 верстахъ отъ гор. Славянска. Подобное же путешествіе было совершено и учениками Ворожбянской второклассной школы въ Свято-Троицкій Ахтырскій монастырь, находящійся въ 60 вер. отъ Ворожбы.

Видъ обители, благолѣпіе храмовъ и церковной службы, благочестіе иноковъ и особенно ихъ отечески-ласковое отношеніе къ дѣтямъ произвели на учениковъ сильное впечатлѣніе, возбудило ихъ религіозное чувство и любовь къ святой обители.

При всѣхъ второклассныхъ школахъ епархіи устроены общежитія какъ необходимое условіе правильнаго воспитанія учащихся въ нихъ дѣтей. Для общежитія при всѣхъ школахъ отведены особыя помѣщенія для столовой, спальни, комнаты для занятій во вѣкъ классное время, кухни и кладовой. Что касается порядка жизни въ общежитіяхъ, то она не имѣетъ

опредѣленнаго характера, но въ разныхъ школахъ имѣеть свои особенности. Въ Ворожбянской второклассной школѣ она основана на началахъ, указанныхъ въ руководящей статьѣ В. И., помѣщенной въ Народномъ Образованіи за февраль 1896 г. Родители или родственники воспитанниковъ своевременно доставляютъ необходимые продовольственные продукты и приблизительно въ слѣдующемъ количествѣ на одного въ мѣсяцъ: полтора пуда муки, пудъ съ четвертью картофеля, 10 ф. пшена, 2 ф. соли, 2 ф. сала, 2 ф. луку и проч. На покупку мяса, а въ постные дни рыбы, а также на жалованье кухаркѣ, покупку мыла и другіе мелочные расходы взимается не свыше 1 рубля въ мѣсяцъ съ воспитанника. Чай и сахаръ покупаются на средства мѣстной церкви, за участіе воспитанниковъ въ церковномъ хорѣ. Заботы по заготовкѣ на зиму снимаемыхъ съ школьнаго огорода огурцовъ, капусты, бураковъ и проч., а также по сохраненію доставляемыхъ воспитанниками продуктовъ, ежедневному ихъ распредѣленію и по присмотру за дѣйствіями кухарки приняла на себя жена завѣдующаго — Марья Васильевна Рубинская. Уборка столовой и спальной комнатъ, топка въ нихъ печей и приготовленіе куба для чая, а равно уходъ за чистотою и опрятностію во всемъ школьномъ помѣщеніи, въ дворѣ и въ саду возлагается на воспитанниковъ по дежурству.

Нѣсколько иной характеръ имѣеть общежитіе въ Славянской второклассной школѣ. Содержаніе большей половины учащихся въ ней принимаетъ на свой счетъ попечитель школы А. В. Шнурковъ, всѣ остальные вносятъ плату за свое содержаніе отъ 15 до 40 р. въ годъ. Поэтому въ столѣ, снальномъ бѣльѣ и одеждѣ воспитанниковъ замѣчается нѣкоторое однообразіе. Въ Больше-Писаревской второклассной школѣ въ отчетномъ году общежитіе существовало на слѣдующихъ основаніяхъ: а) всѣ ученики обязательно должны были находиться на дневныхъ и вечернихъ занятіяхъ, а также имѣли ночлегъ въ школьномъ зданіи. Жить въ домѣ родителей разрѣшалось въ исключительныхъ случаяхъ, по семейнымъ обстоятельствамъ, и только тѣмъ ученикамъ, гдѣ семейная обстановка, по мнѣнію завѣдующаго школою и учителей, не могла препятствовать заня-

тіямъ ученика и оказывать дурное вліяніе на его нравственность; б) всѣ ученики должны были имѣть свой столъ: обѣдъ на дому, а завтракъ и ужинъ для удобства при школѣ; при чемъ, чай, сахаръ, хлѣбъ и другіе съѣстные продукты покупались на счетъ учащихся или приносились изъ дому, а посудой—чайною и кухонною пользовались отъ школы; в) постель (одѣяла и подушки) каждый ученикъ имѣлъ свою, кроватью же и проч. обстановкою общежитія ученики пользовались бесплатно отъ школы.

Ежедневный порядокъ въ общежитіяхъ установленъ слѣдующій: въ 6 часовъ утра воспитанники пробуждаются отъ сна, убираютъ (каждый свою) постель, умываются, одѣваются и къ 7 часамъ собираются въ занятную комнату, гдѣ читаются утреннія молитвы, всегда въ присутствіи учителей, а иногда и законоучителя; послѣ молитвы воспитанники пьютъ чай и завтракаютъ въ столовой. Съ 8 час. утра до 2-хъ пополудни идутъ, по недѣльному распisanію, классныя уроки, по окончаніи которыхъ дѣти мѣстныхъ жителей отправляются обѣдать по домамъ, откуда возвращаются къ 3-мъ часамъ, съ запасомъ для ужина и завтрака на слѣдующій день, а остальные собираются для обѣда въ общую школьную столовую. Послѣ обѣда воспитанники гуляютъ подъ присмотромъ учителей и иногда рубятъ дрова (зимой), или работаютъ въ огородѣ и саду (лѣтомъ). Съ 4-хъ до 5 часовъ—уроки по пѣнію и музыкѣ. Сверхъ того въ Больше-Писаревской второклассной школѣ въ послѣобѣденное время отъ 3 до 5 час. четыре раза въ недѣлю бываютъ занятія въ мастерскихъ. Въ 5 часовъ пьютъ вечерній чай, послѣ котораго занимаются приготовленіемъ уроковъ къ слѣдующему дню до 9 часовъ, съ небольшими промежутками для отдыха; приготовленіе уроковъ идетъ въ занятой комнатѣ подъ руководствомъ учителей. Въ 9 часовъ воспитанники ужинаютъ, а послѣ ужина общая вечерняя молитва, послѣ которой отправляются въ спальную для ночного покоя. По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ воспитанники неопустительно посѣщали церковныя богослуженія и принимали участіе въ совершеніи церковнаго богослуженія.

Особенное вниманіе педагогическимъ Совѣтомъ школы, подъ

руководствомъ уѣзднаго наблюдателя, было обращено на то, чтобы свободное время отъ занятій ученики проводили съ пользой, а не предавались въ это время лѣни, шалостямъ, которыя бы могли развить въ нихъ худыя наклонности и пороки.

Свободное время отъ занятій посвящалось: а) полезнымъ играмъ, гимнастическимъ упражненіямъ, б) разучиванію пѣснопѣній церковныхъ и пѣсенъ, а также декламациі стихотвореній лучшихъ русскихъ писателей (преимущественно въ воскресные и праздничные дни до обѣда), в) знакомству съ физическими приборами и физическими опытами, бесѣдамъ по гигиенѣ, сельскому хозяйству (въ воскресные и праздничные дни послѣ обѣда).

Школьная дисциплина основывалась не столько на страхѣ и мѣрахъ взысканія и наказанія, сколько на любви и чувствѣ уваженія учащихъ къ своимъ наставникамъ. Учащіе заботились о томъ, чтобы въ ихъ отношеніяхъ къ учащимся установились отеческія отношенія, и полная довѣрчивость. При такихъ отношеніяхъ дѣтскія шалости и проступки покрывались любовью и кроткимъ ласковымъ замѣчаніемъ и внушеніемъ учителя въ присутствіи всѣхъ учащихъ и по окончаніи уроковъ. Какихъ либо особенныхъ пороковъ среди дѣтей не замѣчалось и карательныя мѣры въ церковныхъ школахъ не практиковались. Поведеніе учащихъ въ общемъ было весьма хорошее. Чаще всего между дѣтьми замѣчались слѣдующіе пороки: лѣнность, выражающаяся въ самовольномъ опущеніи уроковъ или невлучиваніи ихъ, преднамѣренная порча классной мебели, насмѣшки надъ товарищами, ссора, шаловливость въ классѣ, заpirationство и другія. Въ большинствѣ случаевъ всѣ означенныя поступки дѣтьми не признаны и серьезнаго значенія въ нарушеніи школьной дисциплины не имѣли. Что касается упорно лѣнивыхъ и неоднократно замѣченныхъ въ нетерпимыхъ поступкахъ, то о таковыхъ доводили до свѣдѣнія ихъ родителей или же въ рѣдкихъ случаяхъ удаляли изъ класса.

Церковная школа, какъ школа народная полагающая христіанское воспитаніе дѣтей въ основу всего школьнаго обученія и располагающая самыми дѣйствительными средствами для воспитанія дѣтей въ духѣ церковности, оказываетъ самое бла-

готовное влияние на учащихся. Доказательством этого служить, что въ церковно-приходскія школы приводятъ своихъ дѣтей даже раскольники, дорожа ученіемъ въ духѣ старины, ей поручаютъ на воспитаніе своихъ дѣтей и сектанты и иновѣрцы. Въ отчетномъ году въ церковныхъ школахъ епархіи было 42 раскольника, 8 сектантовъ и 13 католиковъ. Отраднѣйшій фактъ, что всѣ эти дѣти на ряду съ православными изучаютъ Законъ Божій, а родители ихъ не только не возбраняютъ имъ этого, но даже позволяютъ имъ (раскольникамъ и сектантамъ) по ихъ доброй волѣ исполнять внѣшніе знаки молитвы, посѣщать храмъ Божій и участвовать въ церковномъ пѣніи. Несомнѣнно, что дѣти въ свою очередь окажутъ доброе влияние и на взрослыхъ. По крайней мѣрѣ повсюду въ школахъ, гдѣ дѣти принимаютъ участіе въ совершеніи Богослуженія и гдѣ организовано стройное пѣніе, наблюдается болѣе усердное посѣщеніе храма взрослыми. Что касается самихъ питомцевъ церковной школы, выбывшихъ изъ нея, то, по наблюденіямъ оо. завѣдующихъ, общая ихъ черта—любовь къ храму, желаніе участвовать въ богослуженіи чтеніемъ и пѣніемъ, почтительность къ родителямъ и старшимъ и довѣріе къ священнику. Между ними меньше грубыхъ поступковъ свойственныхъ крестьянскимъ дѣтямъ. Завѣдующіе Райской церковной школой и Славянской второклассной свидѣтельствуютъ, что ихъ бывшіе питомцы по выходѣ изъ школы постоянно обращаются къ нимъ за совѣтами и наставленіями въ своей жизни; являясь въ село съ отхожихъ промысловъ, почитаютъ долгомъ приходить къ нимъ за благословеніемъ, и пишутъ письма, прося молитвъ и практическихъ совѣтовъ.

6.

Устройство при школахъ религіозно-нравственныхъ чтеній; программы чтеній; число обычныхъ посѣтителей.

1. Правильно организованная религіозно-нравственная чтенія были заведены при слѣдующихъ церковныхъ школахъ: 1) *Ахтырскаго уѣзда*—при Краснопольской Преображенскаго прихода, церковно-приходской школѣ, Бакировской, Котелевской, Покровской, Кириковской; 2) *Богодуховскаго уѣзда*—при За-

лужской школѣ грамоты; 3) *Изюмскаго уѣзда*—при Знаменской церковно-приходской; 4) *Зміевскаго уѣзда*—при школахъ: Андреевской двухклассной, Гинеевской, Водянской, Лебязской, Нижне Орельской Успенской, Плесовской, Соколовской Архангело-Михайловской, Скрыцаевской, Балаклеяской, Покровской, Пришибской и Чугуевской Николаевской; 5) *Сумскаго уѣзда*—при школахъ: Николаевской (Ульяновской волости), Рѣчанской, Покровской и Водолажской; 6) *Старобѣльскаго уѣзда*—при школахъ: Бѣловодской Троицкой, Мостовской, Ново-Астраханской Покровской, Марковской Преображенской, Трехизбянской, Черниговской, Бѣлолуцкой и другихъ; *Харьковскаго уѣзда*—при 12 церковно-приходскихъ школахъ.

Кромѣ этихъ правильно организованныхъ религіозно-нравственныхъ чтеній для учащихъ дѣтей и народа при церковныхъ школахъ Харьковскаго и Зміевскаго уѣздовъ наканунѣ праздничныхъ и воскресныхъ дней или въ самые эти дни между утренней и литургіей со. завѣдующими или съ ихъ вѣдома другими членами причта было ведено чтеніе съ объясненіемъ воскресныхъ и праздничныхъ евангелій, исторіи праздниковъ или другихъ священно-историческихъ событій, имѣющихъ важное значеніе для воспитанія дѣтей въ духѣ христіанской вѣры и любви къ отечеству; а при всѣхъ школахъ Ахтырскаго уѣзда ежедневно предъ началомъ уроковъ послѣ обычной молитвы прочитывалось ученикамъ житіе святыхъ дня по книгѣ Булгакова „Мѣсяцесловъ и Тріодіонъ“ Православной церкви.

Большаго распространенія религіозно-нравственныя чтенія при церковныхъ школахъ не имѣли здѣсь въ виду того, что въ силу распоряженія Высокопреосвященнаго Амвросія при всѣхъ церквахъ епархіи съ 1888 года должны быть ведены внѣбогослужебныя бесѣды, каковыя бесѣды и ведутся въ храмахъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ предъ началомъ вечерни или же послѣ нея. Перенесеніе этихъ религіозно-нравственныхъ чтеній изъ храмовъ въ школы возможно лишь тамъ, гдѣ школа обладаетъ достаточно просторнымъ помещеніемъ на случай большого стеченія народа, средствами для освѣщенія комнаты зимою при чтеніяхъ и соотвѣтствующую

библіотекою. Но такъ какъ особенной нужды въ этомъ не встрѣчается, то чтенія устраиваются при школахъ лишь тогда, когда программа ихъ расширяется свѣтскимъ элементомъ или же самыя чтенія сопровождаются иллюстраціями чрезъ посредство волшебнаго фонаря.

2. Что касается программы религіозно-нравственныхъ чтеній для народа, то она не была одинаковою для всѣхъ означенныхъ школъ, но вырабатывалась всякій разъ оо. завѣдующими, которые съ разрѣшенія Епархіальнаго Начальства въ большинствѣ случаевъ сами были и чтецами.

Религіозно-нравственныя чтенія при Краснопольской Преображенской церковно-приходской школѣ начинались, сопровождалась и оканчивались пѣніемъ тропарей, стихиръ и другихъ священныхъ пѣснопѣній, исполняемыхъ мѣстнымъ церковнымъ хоромъ; при чемъ наиболѣе важныя моменты этихъ чтеній были иллюстрированы туманными картинами при помощи волшебнаго фонаря. Всѣхъ чтеній за учебный годъ было 20. Прочитаны были брошюры: 1) „Богомольцы у святынь Кіева“, 2) „О трудахъ Св. Апостоловъ въ распространеніи вѣры Христовой“, 3) „Гоненіе на христіанъ и Св. мученики“, 4) „Милосердныя звѣри“, 5) „Св. Великомученикъ Іоаннъ Воинъ“, 6) „Крушеніе Императорскаго поѣзда 17 октября 1888 г.“, 7) „О Екатеринѣ Второй“, 8) „Царствованіе Императора Александра 1-го“, 9) „Крымъ и крымскіе татары“ и 10) „Нижній Новгородъ“.

Нѣсколько другая программа религіозно-нравственныхъ чтеній была въ школахъ Рѣчанской и Николаевской. Здѣсь были прочитаны: „Слава Господа нашего Іисуса Христа“—Опатовича, „Великій постъ“—Соколова, „Жизнь и чудеса Св. Николая“—его же; „Двѣнадцатый годъ“—Шалфеева, „Какого вида земля и какъ она велика“—Мердера, „Ломоносовъ“—Филонова. Содержаніе чтеній здѣсь кромѣ элемента религіозно-нравственнаго и историческаго пополняется элементомъ географическимъ и литературнымъ. Чтенія также сопровождалась пѣніемъ священныхъ пѣснопѣній, исполняемыхъ школьными хорами и демонстрировались туманными картинами. Картины для волшебнаго фонаря были получаемы школами изъ склада оныхъ,

находящагося въ распоряженіи Комиссіи по устройству народныхъ чтеній Сумскаго Отдѣленія Харьковскаго Комитета грамотности. По предложенію Комиссіи каждая школа, земская или церковно-приходская, желающая пользоваться картинами изъ склада, обязывается ежегодно покупать на свои средства серію картинъ для одного чтенія и сдавать Комиссіи для общаго пользованія, за это школа получаетъ право бесплатно пользоваться всѣми картинами, имѣющимися въ складѣ Комиссіи. Въ то же время на представленныя въ складъ картины школа не теряетъ права собственности и по желанію можетъ получить обратно. На такихъ основаніяхъ пользуются картинами изъ склада Комиссіи всѣ церковныя школы, при конхъ открыты религіозно-нравственныя чтенія.

Еще болѣе расширяется программа чтеній при школахъ Старобѣльскаго уѣзда, гдѣ содержаніемъ чтеній являются нерѣдко статьи по сельскому хозяйству: садоводству, огородничеству, скотоводству и пчеловодству. Самая программа чтеній здѣсь имѣетъ болѣе опредѣленный и одинаковый характеръ.

Что касается содержанія религіозно-нравственныхъ чтеній при остальныхъ церковныхъ школахъ и источниковъ, откуда оно заимствуется, то оно при всемъ своемъ разнообразіи всегда берется изъ однихъ и тѣхъ же книгъ, брошюръ, листовъ и журналовъ религіозно-нравственнаго и историко-патріотическаго содержанія, каковы: одобренныя изданія „Житія святыхъ“, доступныя народному пониманію статьи изъ „Паломника“, „Кормчаго“, „Троицкихъ листовъ“, „Душеполезнаго чтенія“, „Церковно-приходской школы“, „Училище благочестія“, „Пастырское назиданіе“ и другихъ одобренныхъ Св. Синодомъ и Училищнымъ при ономъ Совѣтомъ изданій.

3. Воспитательное значеніе религіозно-нравственныхъ чтеній безспорно велико и вліяніе ихъ на народъ неотразимо. Гдѣ такія чтенія ведутся надлежащимъ образомъ, тамъ и школа въ глазахъ народа стоитъ высоко, какъ общее для всѣхъ училище благочестія. Отвлекая дѣтей и взрослыхъ, въ воскресные и праздничные дни, отъ грубыхъ удовольствій, пьянства и нескромныхъ игръ, они воспитываютъ въ нихъ христіанское настроеніе, утверждаютъ въ вѣрѣ и научаютъ жить по-христіански.

Вотъ почему повсюду, гдѣ открыты были такія чтенія, наблюдалось большое стеченіе народа. Въ нѣкоторыхъ школахъ, гдѣ помѣщеніе не позволяло принять всѣхъ желающихъ присутствовать на чтеніяхъ приходилось назначать очереди. Число обычныхъ посѣтителей почти всегда зависѣло отъ помѣщенія и колебалось между 70—300 слушателями. Число же чтеній при каждой школѣ было отъ 7 до 20, такъ что общая цифра чтеній при всѣхъ школахъ, не считая чтеній, которыя состояли въ объясненіи апостольскихъ и евангельскихъ чтеній исключительно для дѣтей, было 425.

7.

Какія общества существуютъ въ уѣздахъ (епархіи) съ цѣлью распространенія народнаго образованія, какъ по Духовному Вѣдомству, такъ и по Министерству Народнаго Просвѣщенія.

По Духовному Вѣдомству въ отчетномъ году въ епархіи существовали слѣдующія общества распространенія народнаго образованія: 1) Старобѣльское Покровское Братство ревнителей духовнаго образованія въ духѣ вѣры и церкви православной. Дѣятельность его по отношенію къ церковнымъ школамъ Старобѣльскаго уѣзда выражалась въ снабженіи послѣднихъ письменными принадлежностями, учебниками, книгами для внѣкласснаго чтенія и разсылкою свѣтовыхъ картинъ во всѣ школы, гдѣ приобрѣтены волшебные фонари. 2) Бѣлопольское Братство Пресвятыя Богородицы, одна изъ задачъ котораго состоитъ въ томъ, чтобы содѣйствовать Уѣздному Отдѣленію Харьковскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта въ дѣлѣ развитія церковно-народнаго образованія. Съ цѣлію распространенія въ народѣ религіозныхъ и нравственныхъ понятій путемъ чтенія книгъ, Братство имѣетъ свою иконно-книжную лавку, въ которой имѣются въ продажѣ учебники для церковно-приходскихъ школъ, лучшія произведенія духовной литературы и живописи. Братство принимаетъ на себя также и устройство религіозно-нравственныхъ чтеній.

3) Миссіонерскій Совѣтъ, направляя дѣятельность обоихъ выше указанныхъ духовныхъ учрежденій къ прямой цѣли религіозно-нравственнаго просвѣщенія народа, и непосредствен-

но оказываетъ содѣйствіе дѣлу народнаго образованія. Въ отчетномъ году имъ выработана особая программа по Закону Божію, каковая программа и утверждена Св. Синодомъ въ руководство законоучителей при преподаваніи Закона Божія въ сектанскихъ селеніяхъ.

4. Комитетъ книжной лавки при Харьковскомъ Каѳедральномъ Соборѣ для продажи учебниковъ въ церковно-приходскія школы, распространенія въ народѣ книгъ религіознаго содержанія по доступнымъ для народа цѣнамъ. За послѣднія два года Харьковскимъ Уѣзднымъ Отдѣленіемъ приобрѣтено отсюда книгъ на сумму 700 рублей.

5. Харьковскій Архіерейскій домъ, имѣющій при себѣ иконо-книжную лавку съ тою же цѣлію распространяетъ въ народѣ изображенія лучшей художественной работы и книгъ религіозно-нравственнаго содержанія.

6. Церковно-приходскія Попечительства: а) при Воскресенской церкви въ г. Харьковѣ, содержащее на свои средства церковно-приходскую школу; б) Ново-Водолажское, ассигновавшее изъ своихъ средствъ въ отчетномъ году въ жалованье учителю 200 р. и средства на содержаніе школы: отопленіе, сторожу и проч. хозяйственныя нужды школы; в) Харьковское при Свято-Духовской церкви, попечительство, выдававшее въ отчетномъ году 200 руб. въ пособіе церковно-приходской школѣ.

О всѣхъ другихъ церковно-приходскихъ попечительствахъ слѣдуетъ сказать, что всѣ они по мѣрѣ средствъ своихъ содѣйствуютъ процвѣтанію школъ, ставя просвѣщеніе народа въ духѣ православной церкви одною изъ главнѣйшихъ своихъ задачъ.

По Министерству Народнаго Просвѣщенія въ Харьковской епархіи существуютъ слѣдующія общества распространенія народнаго образованія: 1) Харьковское общество распространенія въ народѣ грамотности. Общество имѣетъ свой уставъ, утвержденный Г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ 24 марта 1869 года. По этому уставу цѣль общества—посильное распространеніе грамотности и первоначальныхъ полезныхъ знаній въ предѣлахъ, указанныхъ Высочайше утвержденнымъ положеніемъ о начальныхъ народныхъ школахъ и другими существую-

щими и имѣющими быть на сей предметъ указаніями. Съ вышеизложенною цѣлію общество намѣревается по мѣрѣ силъ своихъ: а) оказывать матеріальное пособіе существующимъ народнымъ школамъ, а также и лицамъ, которыя своею частною дѣятельностью споспѣшествуютъ предпринятому обществомъ дѣлу; б) открывать новыя школы; в) распространять въ народѣ полезныя одобренныя Правительствомъ книги и г) вообще принимать всѣ дозволенныя закономъ мѣры, могущія содѣйствовать достиженію цѣли общества. Въ настоящемъ году въ составѣ общества числилось свыше 900 членовъ въ г. Харьковѣ и недвижимаго имущества въ г. Харьковѣ болѣе чѣмъ на 80,000 рублей; сверхъ того неприкосновеннаго капитала свыше 10,000 руб.

Дѣятельность общества въ отчетномъ году выражалась—въ обсужденіи различныхъ вопросовъ по народному образованію, устройствѣ народныхъ учебно-воспитательныхъ учрежденій и сборахъ нужныхъ для этого матеріальныхъ средствъ, привлеченіи новыхъ силъ къ своей работѣ въ виду расширяющейся программы ея требованій и рѣшеніи другихъ, намѣчаемыхъ въ согласіи съ своимъ уставомъ задачъ.

Общество имѣло въ истекшемъ году пять уѣздныхъ отдѣленій (Богодуховское, Волчанское, Сумское, Старобѣльское и въ г. Славянскѣ) и девять филиальныхъ въ г. Харьковѣ.

Просвѣтительныя учрежденія которыя находятся въ вѣдѣніи общества суть слѣдующія: а) Комитетъ 1-й ежедневной школы; б) Комитетъ 2-й ежедневной школы; в) Комитетъ женской ремесленной школы и женской воскресной школы; г) Комитетъ хуторской школы Дергачевской волости; д) Комитетъ мужской воскресной школы; е) Комиссія народныхъ чтеній; ж) Комитетъ 1-й и 3-й бесплатныхъ библіотекъ-читалень; з) Комитетъ 2-й бесплатной библіотеки-читальни; и) Комитетъ 4-й бесплатной библіотеки-читальни; і) Комитетъ сельскихъ библіотекъ; к) Издательскій комитетъ; л) Комитетъ Славянскаго отдѣленія общества грамотности; м) Комитетъ Богодуховскаго отдѣленія; н) Комитетъ Сумскаго отдѣленія; о) Комитетъ Волчанскаго отдѣленія; п) Комитетъ Старобѣльскаго отдѣленія Харьковскаго Общества грамотности.

2) Харьковское Общество вспоможенія учительницъ и воспитательницъ, основанное 26 сентября 1890 года. По уставу общества, утвержденному Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія 2 сентября 1893 года Харьковское Общество взаимнаго вспоможенія учительницъ и воспитательницъ имѣеть цѣлю: а) выдачу нуждающимся дѣйствительнымъ членамъ общества денежныхъ ссудъ и безвозвратныхъ пособій; б) содѣйствіе къ принсканію членами общества мѣстъ, уроковъ и т. п. занятій и в) доставленіе, за возможно дешевую плату, временныхъ и постоянныхъ квартиръ. Въ 1896 году состояло членами общества 512 чел. выдано ссудъ свыше 500 руб.; записалось для получения мѣстъ 256 чел., было предложено мѣстъ 582.

3) Общество попеченія о бѣдныхъ учащихся въ г. Славянскѣ въ городскихъ училищахъ; въ 1898 году духовенствомъ гор. Славянска внесено въ Общество предложеніе о расширеніи благотворительной дѣятельности общества и на церковно-приходскія школы. Предложеніе, встрѣченное сначала сочувственно, по неизвѣстнымъ причинамъ до сей поры не рѣшено въ благопріятномъ для церковныхъ школъ смыслѣ.

4) Общество попеченія о бѣдныхъ ученикахъ и ученицахъ городскихъ училищъ въ г. Валкахъ.

Епархіальный Наблюдатель церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты

Харьковской епархіи *Василій Давыденко.*

Особое приложеніе къ № 18 журнала „Вѣра и Разумъ“ за 1900 г.

Дозволено цензурою. Харьковъ, 29 Августа 1900 года.

Цензоръ Протоіерей *Павелъ Солнцевъ.*

Харьковъ. Типографія Губернскаго Правленія.

Журналъ „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за первые десять лѣтъ въ журналѣ помѣщены были, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Произведенія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сектантствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“; кромѣ того пастырскія воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то: „Какъ всего проще и удобнѣе научиться вѣровать“? Собесѣдованія прот. А. Хойнацкаго.—„Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. И. Корсунскаго.—„Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“. Профес. В. Надлера.—„Архіепископъ Иннокентій Борисовъ“. Библиографическій очеркъ. Свящ. Т. Буткевича.—„Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Стоянова.—Многія статьи о. Владимира Гетте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ воиныхъ помѣщено „Изложеніе ученія католической православной Церкви, съ указаніемъ равенствъ, которыя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ“.—„Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ проф. М. Остроумова.—„Образованные евреи въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова.—„Церковно-религіозное состояніе Западна и вселенская Церковь“. Свящ. Т. Буткевича.—„Западная средневѣковая мистика и отношеніе ея къ католичеству“. Историческое изслѣдованіе А. Вертеловскаго.—„Язычество и іудейство ко времени земной жизни Господа нашего Иисуса Христа.“ Свящ. Т. Буткевича.—Статьи „о штундистахъ“. А. Шугаевскаго.—„Имѣютъ ли каноническія или общеправовыя основанія притязанія мирянъ на управленіе церковными имуществомъ“? В. Ковалевскаго.—„Основныя задачи нашей народной школы“. К. Истомина.—„Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Современная апологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова.—„О славянскомъ языкѣ въ церковномъ богослуженіи“. А. Струнникова.—„Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковскаго.—„Очеркъ современной умственной жизни“. А. Бѣляева.—„Очеркъ русской церковной и общественной жизни“. А. Рождествина.—„О церковныхъ плодотвореніяхъ“. Н. Протопопова.—„Вторая книга „Исходъ“ въ переводѣ и съ объясненіями“. Проф. П. Горскаго—Платонова.—„Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова.—„О покоѣ воскреснаго дня“. Доцента А. Бѣляева.—„Мысли о воспитаніи въ духѣ православія и народности“. Шестакова.—„Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича.—„О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина.—„Ученіе Стефана Яворскаго и Теофана Прокоповича о свящ. Преданіи“ М. Савкевича.—„О православной и протестантской проповѣднической импровизаціи“. К. Истомина.—„Отношеніе раскола въ государству“. С. Г. С.—„Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) включительно“. Свящ. І. Арсеньева.—„Замѣтки о церковной жизни за-границей“. А. К.—„Сущность христіанской нравственности въ отачіи ея отъ моральной философіи графа Л. Н. Толстого“. Свящ. І. Филевскаго.—„Историческій очеркъ еднотвѣрія“. П. Смирнова.—„Ученіе Канта о Церкви“. А. Кириллова.—„Православенъ-ли intercom-union, предлагаемый намъ старокатоликами“. Прот. Е. К. Смирнова.—„Разборъ протестантскаго ученія о крещеніи дѣтей—съ догматической точки зрѣнія“. Прот. А. Мартынова и проч.

Въ философскомъ отдѣлѣ журнала помѣщены статьи профессоровъ Академіи и Университета: А. Введенскаго, А. Зеленогорскаго, В. Кудравцева, П. Диницкаго, М. Остроумова, В. Снегирева, П. Соколова и другихъ. А также въ журналѣ помѣщаются были переводы философскихъ произведеній Сенеки, Лейбница, Канта, Каро, Жане и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на не полученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на не полученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи не позже, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылен, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особые заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 к.

Редакторъ: { Рectorъ Семинаріи, Протоіерей Іоаннъ ЗНАМЕНСКІЙ
и Инспекторъ Семинаріи, Константинъ ИСТОМИНЪ.